Министерство
образования и науки России

Российский Союз ректоров

Совет ректоров вузов
Дальневосточного федерального округа

Министерство
транспорта России

ФГБОУ ВПО
«Дальневосточный
государственный университет
путей сообщения»

СОЦИАЛЬНЫЕ
И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Научно-теоретический журнал
издается с января 2004 года
выходит один раз в три месяца

№ 4 (36) 2012

Хабаровск, 2012

Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

The Russian Rectors' Union

Council of Rectors of Higher Educational
Institutions in the Far Eastern
Federal District

Ministry of Transportation
of the Russian Federation

Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher
Professional Education
«Far Eastern State
Transportation University»

THE HUMANITIES
AND SOCIAL STUDIES
IN THE FAR EAST

Scientific research journal
published since January 2004
issued quarterly

№ 4 (36) 2012

Khabarovsk, 2012

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ю.М. Сердюков

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

К.И. Воробьева, М.А. Ковальчук, Л.П. Лазарева, Р.Л. Лившиц,
О.А. Рудецкий (ответственный секретарь), Н.Е. Мерецкий, С.В. Пишун, З.Г. Прошина,
В.В. Романова, Е.Н. Спасский (заместитель главного редактора), А.М. Шкуркин

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ларри Смит (США), Нобуюки Хонна (Япония), Чжан Байчун (Китай),
Кальво-Мартинез Тома́с Мариано (Испания), Кэрол Джой Макрае (Австралия)

РЕДАКТОР ВЫПУСКА

Н.Е. Мерецкий

СОТРУДНИКИ РЕДАКЦИИ

А.С. Волков (web-мастер), Е.В. Листопадова (технический секретарь),
Е.Ю. Мальнева (переводчик)

*Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий, в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты диссертации
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук»
Высшей аттестационной комиссии
Министерства образования и науки РФ*

*Печатается по решению Совета ректоров вузов
Дальневосточного Федерального округа № СР/ДФО-54а
от 9 октября 2002 г.*

УЧРЕДИТЕЛЬ

ФГБОУ ВПО «Дальневосточный государственный
университет путей сообщения»
(680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № 77-16283 от 29 августа 2003 г.
Адрес редакции: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47, оф. 262,
тел./факс: (4212) 40-71-93, E-mail: journal@festu.khv.ru

Web-site: www.eastjournal.ru

EDITOR-IN-CHIEF

Y.M. Serdyukov

EDITORIAL BOARD

C.I. Vorobyova, M.A. Kovalchook, L.P. Lazareva, R.L. Livshits,
O.A. Rudetsky (executive secretary), N.E. Meretsky, S.V. Pishun, Z.G. Proshina,
V.V. Romanova, E.N. Spassky (deputy editor), A.M. Shkurkin

INTERNATIONAL EDITORS

Larry E. Smith (USA), Nobuyuki Honna (Japan), Zhang Baichun (China)
Calvo-Martinez Tomás Mariano (Spain), C. Joy McRae (Australia)

MANAGING EDITOR

N.E. Meretsky

EDITORIAL STAFF

A.S. Volkov (web-design), E.V. Listopadova (technical secretary),
E.Y. Malneva (translators)

Research-theoretical journal is published on the decision
of the Council of Rectors of Higher Educational Institutions
in the Far Eastern Federal District № CR/FEFD-54a of October 9, 2002

FOUNDER

State Educational Institution of Higher Professional Education
«Far Eastern State Transportation University»
Office 262, 47 Seryshev Str., Khabarovsk, 680021
Media Registration Certificate PE № 77-16283 issued August 29, 2003
Editorial office address: Office 262, 47 Seryshev Str., Khabarovsk, 680021
Phone/fax: (4212) 40-71-93
E-mail: journal@festu.khv.ru

Web-site: www.eastjournal.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Мерецкий Н.Е., Туркулец С.Е. Предисловие 10

ПРОБЛЕМЫ ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ
СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Бахта А.С. Обеспечение потерпевшему доступа к правосудию 11
Волчецкая Т.С. Теоретические проблемы использования метода моделирования в криминалистической науке 16
Егоров Н.Н. Криминалистические аспекты собирания доказательств 20
Ищенко Е.П., Морозов А.А. К вопросу о судебной биологии 24
Корма В.Д. О криминалистической методике расследования преступлений, связанных с техногенными источниками повышенной опасности 32
Мерецкий Н.Е. Первоначальный этап расследования хищений, совершаемых при капитальном строительстве железных дорог 36
Пархоменко С.В., Радченко Е.В. О необходимости законодательной регламентации в Уголовном кодексе России причинения вреда при выполнении специального задания 42
Романова Л.И. Проблемы уголовно-правовой политики борьбы с преступностью в России 45
Туркулец А.В., Туркулец С.Е. Философско-правовые основания уголовной политики России и Японии (сравнительный очерк) 50
Турчин Д.А. Следствие и следователь 56
Шурухнов Н.Г. Содержание отдельных данных, составляющих краткую криминалистическую характеристику подделки денег (фальшивомонетничества) 61
Яровенко В.В., Турчин Д.А. Комплексное исследование – форма использования специальных знаний эксперта 66
Алехин Д.В. Особенности возбуждения уголовных дел в отношении судей, присяжных и арбитражных заседателей в период отправления ими правосудия 70
Васильева О.Н. К вопросу о криминологической характеристике преступлений в сфере оборота валютных ценностей 76
Калюжный А.Н. Классификация следов преступной деятельности, посягающей на свободу личности 82
Лазарева И.В. Проблемы развития электронного судопроизводства в России 86
Мамошин А.А. Уголовная политика как направление государственной деятельности в сфере противодействия преступности 95
Мерецкая Н.А. Налоговое правонарушение. Вопросы доказывания в процессе правоприменения (налоговое администрирование) 100
Милованова М.М. Отдельные аспекты противодействия расследованию преступлений 105
Синенко С.А. К вопросу о вовлечении потерпевшего в уголовно-процессуальное производство 113
Филянина И.М. О реформе избирательных систем: конституциональный диалог 118
Флоря Д.Ф. Особенности средств и методов преодоления противодействия расследованию преступлений, связанных с похищением людей 127
Худина Т.Ф. Проблемы применения уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за злоупотребление полномочиями 131

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Ежеля У.В. Женский труд на Дальневосточной железной дороге во второй половине XX – начале XXI вв.: история социальных перемен 135
Кормочи Е.А. Отношение к природе как философская проблема: Запад и Китай 142
Крижановская И.А. Английский язык как средство опосредованного исследования и выражения китайской вежливости 147

Потайчук Ю.В. Социально-профессиональная адаптация студентов дальневосточных ссузов в условиях модернизации институтов образования 155
Смирнова Е.А. Современное состояние профессионального престижа социальных работников в оценке населения Хабаровского края 161
Серкова Н.И. Языковая политика в сфере обучения иностранным языкам на Дальнем Востоке России и в странах Азиатско-Тихоокеанского региона 166
Соколова Д.А. Опыт университетов Республики Корея по привлечению и адаптации иностранных студентов 173
Титова О.К. Вьетнамизмы в английском языке: культурно-языковая характеристика 177
Ю С.О. Ценностный потенциал молодёжи: теоретико-методологические подходы 184

ПОЛЕМИКА

Герасименко А.П. Философско-правовой реализм и историко-правовой пессимизм 190

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ 200

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ 201

Указатель статей, помещенных в журнале «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» за 2012 год 218

CONTENTS

THE PROBLEM OF DECRIMINALIZATION OF CONTEMPORARY RUSSIA

Bakhta A.S. Providing the Victim with Access to Justice....202
*Volchetskaya T.S.*Theoretical Issues in Using Modeling Method in Criminology....202
Yegorov N.N. Criminological Aspects of Evidence Gathering....203
Ischenko E.P., Morozov A.A. Some Aspects of Forensic Biology....203
Korma V.D. Criminological Research Methods of Investigating Crimes Related to Technogenic Sources of Increased Danger....203
Meretskiy N.E. Initial Stage of Investigating Theft Committed During Capital Railroad Construction....204
Parkhomenko S.V., Radchenko E.V. The Need for Legislative Regulation and Reform of the Criminal Code of the Russian Federation As Regards Injuries Inflicted When Performing a Special Mission....204
Romanova L.I. The Problems of Criminal Law Policy of Crime Prevention in Russia....205
Turkulets A.V., Turkulets S.E. Philosophical and Legal Basis of Criminal Policy in Russia and Japan (A Comparative Study)....205
Turchin D.A. Criminal Investigation and Investigator....206
Shuroukhnov N.G. Specific Data Contents Pertaining to Brief Criminological Characteristics of Money Forgery (Counterfeiting of Money)....206
Yarovenko V.V., Turchin D.A. Comprehensive Study as a Form of Expert's Expertise Utilization....207
Alyokhin D.V. Salient Features of Criminal Cases against Judges, Jurors and Arbitration Court Accessors Reported During Administration of Justice....207
Vassilieva O.N. Aspects of Criminological Characteristics of Crimes in the Sphere of Currency Turnover....208
Kalyuzhny A.N. Classification of Evidence of Criminal Activities Infringing upon Freedom of Personality....208
Lazareva I.V. Problems Related to Development of Online Court Proceedings in Russia....209
Mamoshin A.A. Criminal Policy as a Component of State Policy As Regards Crime Prevention....209
Meretskaya N.A. Tax Violation: Issues of Evidence in Law Enforcement (Tax Administration)....210
Milovanova M.M. Some Aspects of Counteraction to Investigation of Crimes....210
Sinenko S.A. The Issue of Victim's Involvement in the Administration of Criminal Justice....211
Filyanina I.M. Reform of Electoral Systems: Constitutional Dialogu....211
Florya D.F. Specific Means and Methods of Overcoming Violations in the Sphere of Investigation of Kidnapping Related Crimes....212
Khoudina T.F. The Problem of Criminal Law Liability for the Abuse of Authority....212

PROBLEMS OF THE FAR EAST

Ezhelya U.V. Women's Share of Labour Force on the Far Eastern Railway in the Second Half of the XXth and the Beginning of the XXIst Centuries: History of Social Changes....213
Kormochi E.A. China and West: Attitude Towards Nature as a Philosophical Problem....213
Krizhanovskaya I.A. The English Language as a Means of Indirect Research and Expression of Chinese Politeness....214
Potaichouk Yu.V. Social and Professional Adaptation of Students of Far Eastern Secondary Special Educational Institutions in the Conditions of Modernization of Educational Institutions....214
Smirnova E.A. Current State of Professional Prestige of Social Workers as Assessed by Khabarovsk Krai Population....214
Serkova N.I. Language Policy and Foreign Language Education in the Russian Far East and Pacific Rim Countries....215
Sokolova D.A. Enrolment and Adaptation of Foreign Students at Universities in Republic of Korea....215

Titova O.K. Vietnamese Loan-Words in English: Lingua-Cultural Characteristics 216
Yu S.O. Youth Value Potential: Theoretical and Methodological Approaches 216

AUTHORS GUIDELINES 217

Article Index «The Humanities and Social Studies in the Far East», 2012 221

ПРЕДИСЛОВИЕ

Жизнь человека регламентирована множеством правил. Следование одним выступает естественной необходимостью, обусловленной элементарными требованиями гигиены, этикета, личной безопасности. Следование же другим нередко сопряжено с отказом от стремления удовлетворить свои желания здесь и сейчас, с преодолением различных соблазнов.

Нормы права, являющиеся общеобязательными правилами поведения, санкционированными государством, накладывают определенные ограничения на жизнь человека в обществе. Вместе с тем, именно они выступают мерой человеческой свободы.

Социально-экономические и политические процессы, происходящие в современной России, во многом способствуют развитию потребительского отношения к другим людям, окружающей среде, духовным ценностям, инициируют формирование личности, лишенной «архаических» качеств: сострадания, добропорядочности, принципиальности, честности. Все это не может не оказывать существенного влияния на криминализацию общества в целом и создание организованных преступных объединений в частности.

Наряду с внутригосударственными факторами, способствующими развитию преступности, немаловажную роль в данном процессе играет общемировая глобализация. Интеграция коснулась не только экономики и политики, но и сфер действия преступных сообществ. «Размывание» границ весьма способствовало укреплению позиций международных криминальных объединений.

В силу определенной популярности у граждан Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) Восточной Сибири и Дальнего Востока, обусловленной их удобным географическим положением, с каждым годом возрастает активность этнических преступных формирований и их сращивание с российскими организованными преступными группами, прежде всего, в области незаконного оборота наркотиков, валютных ценностей, похищения и торговли людьми, фальшивомонетничества и т.п.

Широкое распространение преступности оказывает прямое влияние на ухудшение нравственно-психологической атмосферы общества, становится своеобразным тормозом прогресса. В силу этого целям противодействия криминализации российского общества не могут служить только практические действия работников правоохранительных структур. Даже при условии беззаветного отношения к своему служебному долгу они не в состоянии противостоять огромной волне социальной аномии, «затопившей берега» российского правопорядка. Ученые-теоретики посредством своих теоретических изысканий могут не только содействовать формированию правосознания и правовой культуры граждан, привлечь внимание общественности к острым социальным проблемам, но и предложить конкретные меры по их решению.

В связи с этим глубокое исследование всех граней и проявлений криминализации российского общества возможно только на основе комплексного научного подхода к преодолению обозначенных проблем.

Настоящий выпуск журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» посвящен проблемам декриминализации России, вопросам методики расследования и раскрытия преступлений, профилактики преступности и многим другим актуальным темам правовых научных исследований. Широкий спектр научных интересов авторов работ позволяет судить, с одной стороны, о многогранности юридической науки, с другой – о потребностях правовой практики. Известно, что теоретические правовые конструкции представляют собой закономерный результат обобщения социального опыта и направлены на совершенствование жизни человека в обществе.

В журнале представлены работы авторитетных отечественных ученых в области криминалистики, уголовного права и криминологии, уголовного процесса, конституционного, налогового права, философии и социологии права. Отрадно видеть на страницах журнала работы ведущих специалистов вузов России в области юриспруденции: Московской государственной юридической академии, Дальневосточного федерального университета, Балтийского федерального университета им. И. Канта и др. Обмен творческими идеями, интересной информацией, научно-методическим опытом способствует приращению знания, развитию науки и практики.

Н.Е. Мерецкий,
доктор юридических наук,
профессор, заслуженный юрист России

С.Е. Туркулец,
кандидат социологических наук, доцент

СТАТЬИ

ПРОБЛЕМЫ ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПОТЕРПЕВШЕМУ ДОСТУПА К ПРАВОСУДИЮ

А.С. Бахта

Бахта Андрей Сергеевич – доктор юридических наук, профессор, начальник Дальневосточного юридического института МВД России.

Контактный адрес: redactor80@gmail.com

В статье автор обращается к проблеме совершенствования института судебного контроля, который создан в целях обеспечения потерпевшему от преступления доступа к правосудию. Предлагается обязать органы предварительного следствия, прокурора, в случае признания судом решения об отказе в возбуждении уголовного дела или постановления о прекращении уголовного дела незаконным или необоснованным, отменять их и выносить постановление о возбуждении уголовного дела. Кроме того, в целях обеспечения доступа к правосудию необходимо предоставить суду совокупность процессуальных средств, позволяющих ему реально влиять на законность и обоснованность действий органов предварительного расследования и прокуратуры.

Ключевые слова: судебная защита, потерпевший, правосудие, жалоба, судебный контроль, досудебные стадии, отказ от возбуждения уголовного дела, процессуальные средства, законность.

Провозглашая права и свободы человека и гражданина, Конституция Российской Федерации устанавливает, что они, во-первых, являются непосредственно действующими и обеспечиваются правосудием; во-вторых, гарантирует каждому их судебную защиту, и, в-третьих, права потерпевших от преступлений охраняются законом, и доступ к правосудию им обеспечивается государством.

Уголовно-процессуальное законодательство обязывает прокурора, следователя, орган дознания и дознавателя осуществлять уголовное преследование и в каждом случае обнаружения признаков преступления принимать необходимые меры по установлению события преступления, изобличению лиц, виновных в их совершении. Кроме того, УПК РФ детально регламентирует основания и условия принятия процессуальных решений и порядок прохождения дел через стадии уголовного процесса.

Исключение из общего правила составляют дела частного обвинения. Уголовные дела о преступлениях, указанных в ч. 2 ст. 20 УПК РФ, возбуждаются в отношении конкретного лица путем подачи потерпевшим или его представителем заявления в суд.

Известно, что на стадии возбуждения уголовного дела по результатам проверки заявлений и сообщений о преступлениях может быть принято решение как о возбуждении уголовного дела, так и об отказе в возбуждении уголовного дела. В ходе предварительного расследования могут быть выяснены обстоятельства, свидетельствующие о наличии оснований прекращения уголовного дела. Кроме того, по окончании проверки или расследования новых или вновь открывшихся обстоятельств при отсутствии оснований возобновления производства по уголовному делу прокурор прекращает возбужденное им производство.

Все перечисленные ситуации свидетельствуют о том, что на пути к правосудию перед потерпевшим возникает целый ряд препятствий. В случае несогласия с решениями об отказе в возбуждении или о прекращении уголовного дела, потерпевший вправе эти решения обжаловать. Вне зависимости от жалобы нарушения, допущенные в ходе проверки заявлений и сообщений о преступлениях и при расследовании уголовных дел, могут выявляться средствами ведомственного процессуального контроля и прокурорского надзора. Следует заметить, что это происходит на практике довольно часто, однако, до принятия итогового решения. Всякое итоговое процессуальное решение на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования в обязательном порядке согласовывается с руководителями, осуществляющими ведомственный процессуальный контроль и прокурорский надзор.

В целях обеспечения потерпевшим доступа к правосудию создан институт судебного контроля. За последние десять лет в теории уголовного процесса уделялось большое внимание изучению проблемных вопросов, связанных с осуществлением судебного контроля.

Так, Н.Н. Ковтун предпринял попытку исследовать институт судебного контроля с позиций его теоретической и методической основы и механизма правового регулирования. Рассматривая соотношение правосудия и судебного контроля, он приходит к выводу, что последний является самостоятельной формой осуществления правосудия[1]. Свое суждение он обосновывает совпадением целей судебного контроля в досудебных стадиях уголовного процесса и правосудия, связью разрешения спора в праве с защитой, восстановлением или компенсацией права одной из сторон[2].

Как самостоятельную уголовно-процессуальную функцию, осуществляемую наряду с правосудием, рассматривали судебный контроль В.А. Азаров и И.Ю. Таричко. В основу такого вывода ими положено три обстоятельства. Первое: при реализации судебного контроля отсутствует смешение уголовно-процессуальных функций. Второе: пределы осуществления функций определяются процессуальным статусом субъекта. Третье: внутренняя гармония уголовного процесса[3].

Вопросам судебного контроля в досудебных стадиях уголовного процесса за последние годы посвящено более десяти диссертационных исследований. Практически все они преследовали цель уяснения: 1) сущности судебного обжалования; 2) значения института судебного обжалования в восстановлении нарушенных прав и законных интересов потерпевших от преступлений; 3) предмета, оснований, пределов и сроков судебного обжалования; 4) круга участников производства по жалобам; 5) содержания полномочий суда; 6) процессуального порядка рассмотрения судом жалоб и т. д.[4].

На II Международной научно-практической конференции, проходившей в Российской академии правосудия и посвященной профессору Н.В. Радутной, целый ряд выступлений был посвящен совершенствованию судебного контроля в досудебных стадиях[5].

Большое количество проблемных вопросов, возникающих в практике осуществления судебного контроля в досудебных стадиях, были разрешены в Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»[6].

Пленум впервые официально заявил, что рассмотрение судом жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ происходит в форме осуществления правосудия.[7] К затрудняющим доступ граждан к правосудию отнесены отказ в признании лица потерпевшим, отказ в приеме заявления о преступлении либо бездействие при проверке этих заявлений, постановление о приостановлении предварительного следствия и другие. Расширен перечень должностных лиц, чьи решения могут быть обжалованы в порядке ст. 125 УПК РФ. Определено место рассмотрения судом жалоб на решения и действия (бездействие) дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора. Установлено право заявителя на обжалование бездействия органов следствия по исполнению судебного решения, вынесенного в порядке ст. 125 УПК РФ.

Наряду с этим, Пленум обязал судей проверять законность решений и действий дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, не предрешая вопросы, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства по существу уголовного дела. На основании этого тезиса в Постановлении дается перечень того, что не может судья:

– делать выводы о фактических обстоятельствах дела, об оценке доказательств и квалификации деяния;

– делать вывод о доказанности или недоказанности вины, о допустимости или недопустимости доказательств;

---

[1] Ковтун Н.Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: монография. Н. Новгород: Нижегор. правовая академия, 2002. С. 24–44.

[2] Там же. С. 41.

[3] Азаров В.А., Таричко И.Ю. Функция судебного контроля в истории, теории и практике уголовного процесса России: монография. Омск: Омск. гос. ун-т, 2004. С. 203–204.

[4] Артамонов А.Н. Обжалование действий и решений органов расследования в досудебных стадиях российского уголовного процесса: дис…. канд. юрид. наук. Омск, 2003; Коомбаев А.А. Право потерпевших на обжалование процессуальных действий и решений в досудебных стадиях уголовного судопроизводства по материалам Кыргызской Республики и Российской Федерации: дис…. канд. юрид. наук. М., 2008; Антонович Е.К. Институт обжалования на досудебных стадиях уголовного процесса: дис. … канд. юрид. наук. М., 2009; Лалиев А.И. Проблемы судебного обжалования действий (бездействия) и решений органов предварительного расследования: дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2011.

[5] Перспективы развития уголовно-процессуального права и криминалистики (посвящается Н.В. Радутной): мат. II Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 11–12 апреля 2012 г.). М.: Юриспруденция, 2012.

[6] Российская газета. 2009. 18 февраля.

[7] Николюк В.В. Производство суда в порядке ст. 125 и гл. 47 УПК РФ как новые формы уголовного правосудия // Актуальные проблемы обеспечения прав и свобод личности в деятельности правоохранительных органов: сб. мат. межвуз. науч.-практ. конф., 12 июля 2012 г.; под общ. ред. С.А. Синенко. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2012. С. 3.

– давать правовую оценку действиям подозреваемого, а также собранным материалам относительно их полноты и содержания сведений, имеющих значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию;

– предопределять действия должностного лица, осуществляющего расследование, отменять либо обязывать его отменить решение, признанное им незаконным или необоснованным.

Таким образом, суды оценивают доводы жалобщика, законность и обоснованность постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела и о прекращении уголовного дела лишь по формальным признакам.

Нами были исследованы постановления судей Центрального районного суда г. Хабаровска об удовлетворении жалоб на постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. Признавая их незаконными или необоснованными, судьи чаще всего в обоснование своего решения выдвигали тезис о неполной проверке заявлений и сообщений о преступлении. Лишь в одном случае жалоба удовлетворена ввиду неизвещения заявителя о принятом процессуальном решении. Отсутствие у лица, подавшего заявление о преступлении, сведений о решении, принятом по результатам рассмотрения его заявления, по мнению суда, затрудняет ему доступ к правосудию. Во всех остальных случаях судьи основывались на следующих доводах: не предпринималось никаких мер к опросу лиц, указанных заявителем; не истребованы документы; не дана оценка противоречиям в объяснениях; не проводилось судебно-медицинское освидетельствование и др.

Основной целью нашего исследования был анализ материалов, по которым постановления об отказе в возбуждении уголовного дела судом признаны незаконными и необоснованными. Результаты оказались поразительными. Ни в одном случае не было вынесено решения о возбуждении уголовного дела, предварительном расследовании и направлении дела в суд для разрешения по существу. При этом, не взирая на требования ст. 144 УПК РФ, устанавливающей максимальный срок проверки заявлений и сообщений о преступлениях в 30 суток, органы дознания и предварительного следствия устраняли нарушения, выявленные судом, в течение 2–3 месяцев. В итоге выносилось решение об отказе в возбуждении уголовного дела.

Мы не допускаем мысли о том, что новые постановления также незаконны и необоснованны. Нас лишь интересует вопрос: доступно ли гражданам, заявившим жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ, правосудие? Ответ на него, по нашему мнению, отрицательный, поскольку вопрос о разрешении материалов проверки или уголовных дел по существу решался органами дознания, следствия и прокуратуры, а не в суде.

Исследуя практику рассмотрения судом жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ, В.В. Николюк среди прочих недостатков выделяет реальное исполнение судебных решений, признающих незаконными и необоснованными акты органов расследования и прокурора. При этом они в основном касаются несвоевременного принятия мер по устранению нарушений закона; вынесения такого же решения, которое признано судом незаконным или необоснованным, без выяснения новых фактических обстоятельств; частичного устранения нарушений[8].

В целях повышения эффективности практики рассмотрения судом жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ он предлагает внести изменения в УПК РФ и каждый факт признания судом незаконным или необоснованным решение органа предварительного расследования, прокурора рассматривать с позиции утраты юридической силы такого решения[9]. Соглашаясь с этим предложением, считаем, что, однако, одной этой меры недостаточно. Известно, что предварительная проверка заявлений и сообщений о преступлениях существенно отличается от предварительного расследования. Прежде всего мы имеем в виду сроки и процессуальные средства. При расследовании уголовного дела у дознавателя и у следователя гораздо больше возможностей для установления события преступления и изобличения виновных в его совершении. Поэтому предлагаем в каждом случае признания судом решения об отказе в возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным обязать органы предварительного расследования, прокурора их отменять и выносить постановление о возбуждении уголовного дела. С одной стороны, это будет способствовать более качественному установлению обстоятельств произошедшего, с другой – предотвратит нарушения сроков предварительной проверки заявлений и сообщений о преступлениях. Аналогично следует поступать в случае признания постановления о прекращении уголовного дела незаконным или необоснованным.

Если обратиться к истории реализации института обжалования в досудебных стадиях уголовного процесса в начале 80-х гг. прошлого столетия, то мы увидим следующую картину. Жалобы на решения об отказе в возбуждении уголовного дела рассматривались прокурором. Со стороны пострадавших их было немного, и практически в каждом случае прокурорами давались указания о возбуждении уголовного дела и проведении расследования. Это, по мнению прокуроров, позволяло более тщательно разобраться в жалобе[10].

---

[8] Николюк Н.Н. Указ.соч. С. 4.

[9] Там же.

[10] Бахта А.С., Летучих В.И. Эффективность обжалования в досудебных стадиях советского уголовного процесса // Борьба с преступностью в районах Сибири с интенсивным экономическим развитием: межвуз. сб. науч. трудов. Омск: Высш. шк. милиции МВД СССР, 1982. С. 97–105.

У наших оппонентов может возникнуть вопрос об основаниях возбуждения уголовного дела. Всякое уголовно-процессуальное решение, в том числе и решение о возбуждении уголовного дела, должно основываться на фактических данных и соответствовать закону.

Изученные нами материалы производства по жалобам в порядке ст. 125 УПК РФ свидетельствуют о наличии оснований для возбуждения уголовного дела в 90 % случаев. При этом речь идет о возбуждении уголовного дела по факту, дабы исключить ситуации, при которых лицо будет признаваться подозреваемым по уголовному делу незаконно.

В связи с этим уместно вспомнить о полномочиях суда при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ. В рамках действующего законодательства судьи лишь по формальным признакам могут оценивать доводы жалобы, материалы об отказе в возбуждении уголовного дела и прекращенные производством уголовные дела. Судья не может делать выводы о фактических обстоятельствах дела, поскольку они подлежат разрешению в ходе судебного разбирательства. Но если исходить из посылки, что деятельность суда по проверке жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ является формой правосудия, то почему законодатель запретил судьям в рамках этой деятельности давать оценку действиям участвующим в деле лицам и делать выводы об оценке доказательств и о квалификации деяния. На наш взгляд, предоставление судье права оценивать собранные материалы с точки зрения их полноты и содержания сведений, имеющих значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, даст ему возможность принимать более взвешенные и обоснованные решения в порядке ст. 125 УПК РФ.

Анализ ст. 37 и 39 УПК РФ позволяет сделать следующий вывод. У прокурора, осуществляющего надзор, и у руководителя следственного органа, осуществляющего ведомственный контроль за проверкой заявлений и сообщений о преступлениях и расследованием уголовных дел, гораздо больший арсенал средств для выявления недостатков в работе дознавателей и следователей.

В дополнение к этому следует сказать, что применительно к уголовному судопроизводству правосудие заключается в разрешении уголовных дел по существу. По мнению И.Л. Трунова, правосудие представляет собой оптимальный способ осуществления судебной защиты конституционных прав и свобод граждан и должно отвечать требованиям законности, обоснованности, объективности, полноты и справедливости[11]. При этом под обоснованностью он понимает подтверждение принятых решений законно полученными, убедительными и достаточными доказательствами[12].

С этой точкой зрения следует согласиться, поскольку во главу угла поставлены конституционные права и свободы граждан. Для пострадавшего от преступления гражданина, не согласного с мнением дознавателя, следователя и прокурора, важно, чтобы его дело было рассмотрено и разрешено в суде. Именно такой подход, по мнению большинства граждан, не обремененных серьезными познаниями в области юриспруденции, позволит обеспечить им свободный доступ к правосудию.

Определяя уголовно-процессуальные гарантии как совокупность предусмотренных законом и адекватных друг другу процессуальных условий и средств в органическом единстве с процессуальной деятельностью, мы приходим к следующему выводу. Гарантируя в Основном Законе государства каждому гражданину право на судебную защиту, следует в отраслевом законодательстве установить адекватные друг другу условия и средства для реализации этой защиты. Праву граждан обжаловать решения государственных органов в порядке ст. 125 УПК РФ должна соответствовать не только обязанность суда принять жалобу и рассмотреть ее в установленный законом срок, но и совокупность процессуальных средств, позволяющих суду реально влиять на законность и обоснованность действий органов предварительного расследования и прокуратуры, что в конечном итоге будет способствовать доступу граждан к правосудию.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Азаров, В.А.* Функция судебного контроля в истории, теории и практике уголовного процесса России: монография / В.А. Азаров, И.Ю. Таричко. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2004.

2. *Антонович, Е.К.* Институт обжалования на досудебных стадиях уголовного процесса: дис. … канд. юрид. наук / Е.К. Антонович. – М., 2009.

3. *Артамонов, А.Н.* Обжалование действий и решений органов расследования в досудебных стадиях российского уголовного процесса: дис. … канд. юрид. наук / А.Н. Артамонов. – Омск, 2003.

4. *Бахта, А.С.* Эффективность обжалования в досудебных стадиях советского уголовного процесса // Борьба с преступностью в районах Сибири с интенсивным экономическим развитием: межвуз. сб. науч. трудов / А.С. Бахта, В.И. Летучих. – Омск: Высшая школа милиции МВД СССР, 1982.

5. *Ковтун, Н.Н.* Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: монография / Н.Н. Ковтун. – Н. Новгород: Нижегор. правовая академия, 2002.

6. *Коомбаев, А.А.* Право потерпевших на обжалование процессуальных действий и решений в досудебных стадиях уголовного судопроизводства по материалам Кыргызской

[11] Трунов И.Л. Защита прав личности в уголовном процессе. М.: Юриспруденция, 2005. С. 20.

[12] Там же.

Республики и Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук / А.А. Коомбаев. – М., 2008.

7. *Лалиев, А.И.* Проблемы судебного обжалования действий (бездействия) и решений органов предварительного расследования: дис. … канд. юрид. наук / А.И. Лалиев. – Краснодар, 2011.

8. *Николюк, В.В.* Производство суда в порядке ст. 125 и гл. 47 УПК РФ как новые формы уголовного правосудия / В.В. Николюк // Актуальные проблемы обеспечения прав и свобод личности в деятельности правоохранительных органов: сб. мат. межвуз. науч.-практ. конф. Владивосток, 12 июля 2012 г.; под общ. ред. С.А. Синенко. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2012.

9. Перспективы развития уголовно-процессуального права и криминалистики (посвящается Н.В. Радутной): мат. II Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 11–12 апреля 2012 г.). – М.: Юриспруденция, 2012.

10. *Трунов, И.Л.* Защита прав личности в уголовном процессе / И.Л. Трунов. – М.: Юриспруденция, 2005.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТОДА МОДЕЛИРОВАНИЯ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Т.С. Волчецкая

Волчецкая Татьяна Станиславовна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник Высшей школы РФ, заведующий кафедрой уголовного процесса, криминалистики и правовой информатики юридического факультета Балтийского федерального университета им. И.Канта.

Контактный адрес: larty777@gmail.com

В статье рассматриваются теоретические проблемы, связанные с использованием метода моделирования в криминалистике: анализируется терминологический аппарат, исследуется соотношение моделирования и смежных понятий, таких как версия, план, прогноз и другие. Указывается, что при построении модели конкретного расследуемого события следователь, как правило, опирается на информацию типового характера, содержащуюся в криминалистической характеристике соответствующего вида преступлений.

На основе обобщения репрезентативного количества уголовных дел, с учетом выявленных индивидуальных криминалистических характеристик, автор предлагает строить типовую модель раскрытия и расследования преступлений определенного вида. Нет сомнений, что типовая криминалистическая характеристика должна рассматриваться как результат исследования, проводимого на типовой модели преступлений определенного вида. Автором обосновывается положение, что конечный результат и продукт модельного исследования имеет практическое значение и используется следователем при расследовании конкретного преступления.

Ключевые слова: криминалистическая методология, методы судопроизводства, моделирование, криминалистическое моделирование, расследование преступлений, следователь, версия, планирование, криминалистическая характеристика преступления.

Метод моделирования уже не один десяток лет весьма успешно находит свое применение в процессе расследования преступлений, поскольку в условиях дефицита информации он является весьма эффективным средством получения нового знания. Информационная модель расследуемого события позволяет следователю шаг за шагом мысленно ретроспективно воссоздавать картину преступления, либо перспективно моделировать всевозможные ситуации предстоящего допроса или следственного эксперимента. И это еще далеко не все возможности этого многогранного метода.

Истоки рекомендаций по использованию моделирования в следственной практике содержатся в работах основателя криминалистики Г. Гросса [4]. О применении этого метода упоминается также и в трудах основоположников российской криминалистики В. Громова и И. Якимова [3; 12], которые, хотя и не использовали непосредственно термины «модель», «моделирование», тем не менее, рекомендовали следователям при расследовании конкретного преступления воссоздавать мысленную картину произошедшего события и использовать ее для поисков виновного.

Однако несмотря на то, что вопросы использования моделирования в сфере уголовного судопроизводства стали все чаще выступать в качестве предмета обсуждения на страницах криминалистической печати, многие теоретические проблемы моделирования требуют еще своего осмысления.

Так, еще в свое время один из пионеров в разработке этого метода И.М. Лузгин отметил, что даже и само понятие «криминалистическое моделирование» не завоевало еще всеобщего признания [8]. Анализ диссертаций последних лет свидетельствует о том, что многие авторы используемое в криминалистике моделирование называют криминалистическим [5; 7; 9; 10]. В связи с чем возникает вопрос, верно ли это? С одной стороны, деятельность по расследованию преступлений осуществляется в особой процессуальной форме в соответствии с уголовно-процессуальным законом, моделирование в криминалистике имеет свои задачи, строго определенный круг субъектов и объектов, что в какой-то степени обусловливает специфику использования этого метода. Тем не менее указанные особенности не модернизируют метод моделирования и не изменяют основных его характеристик, и это не дает оснований для выделения так называемого криминалистического моделирования в качестве одной из разновидностей этого общенаучного метода. Скорее всего, следует остановиться на том, что моделирование – это общенаучный метод познания, а при использовании его в криминалистике он просто адаптируется к особенностям криминалистических объектов и особым целям исследований, отнюдь не становясь от этого криминалистическим.

Кроме того, по мере усиления интереса ученых к проблемам моделирования в науке стала складываться парадоксальная ситуация: понятия модели и моделирования в криминалистике оказались расплывчатыми, а критерии применения этого метода неопре-

деленными. Метод моделирования при таком его активном использовании стал настолько универсальным, что его стали широко и не всегда корректно применять в качестве синонима для обозначения уже общепринятых и устоявшихся понятий.

Так, в криминалистической литературе встречаются предложения рассматривать уголовное дело в качестве модели преступления [2], что, по нашему мнению, методологически неверно. Содержащиеся в уголовном деле такие документы, как опись материалов дела, справка о судимости подозреваемого, характеристики проходящих по делу лиц, полученные с их места работы, отдельные поручения следователя и т. д., без сомнения, к преступлению никакого отношения не имеют, они характеризуют процесс его расследования. То есть в уголовном деле отражается информация как о преступлении, так и о его расследовании. Но целесообразно ли рассматривать уголовное дело как модель преступления и его расследования? Вряд ли, поскольку модель должна иметь какое-то структурное соответствие с оригиналом, а в данном случае его нет.

Продолжая мысль о неоправданном использовании терминов в криминалистике, считаем необходимым остановиться также и на вопросе о соотношении понятий «информационная модель расследуемого события» и «криминалистическая характеристика преступления», поскольку некоторыми авторами указанные понятия отождествляются [1].

Мы полагаем, что «информационная модель расследуемого события» и «криминалистическая характеристика преступления», хотя и взаимосвязанные, но, тем не менее, различные понятия, необходимость использования в криминалистике каждого из которых очевидна. Оба из них специфичны, имеют в криминалистической науке и следственной практике свое непосредственное назначение и выполняют строго отведенную ему роль. В процессе расследования уголовного дела следователь, выясняя сущность произошедшего криминального события, строит в своем сознании его мысленную модель – информационную модель расследуемого события. Таким образом, информационная модель расследуемого события выступает в качестве результата практического абстрагирования. На первоначальном этапе расследования информационная модель преступного события вследствие неполноты информационного насыщения является вероятной, и лишь по мере расследования наполняется достоверной информацией. По мере получения следователем информации о преступлении и лице, его совершившем, эта модель становится более полной и менее схематичной.

При построении модели конкретного расследуемого события следователь, как правило, опирается на информацию типового характера, содержащуюся в криминалистической характеристике соответствующего вида преступлений. С целью решения вопроса о соотношении «информационной модели расследуемого события» и «криминалистической характеристики преступления» проследим генезис последней. Для создания криминалистической характеристики преступлений определенного вида (что, заметим, является прерогативой ученых криминалистов, а никак не практиков-следователей) есть необходимость в обобщении значительного массива уголовных дел соответствующей категории, уже расследованных следователями и рассмотренных судами. Проанализировав конкретное уголовное дело с позиций криминалистики, выделив в нем информацию о субъекте, объекте, месте, времени совершения преступления, его обстановке и механизме, исследователь (но не следователь!) тем самым составляет индивидуальную криминалистическую характеристику конкретного преступления. Заметим, что эта индивидуальная характеристика самостоятельного значения не имеет, а является своего рода промежуточным звеном в научном исследовании.

На основе обобщения репрезентативного количества уголовных дел, с учетом выявленных индивидуальных криминалистических характеристик, исследователь строит обобщенную типовую модель преступлений определенного вида. Подчеркнем, что именно модель, а не типовую криминалистическую характеристику, поскольку для выработки достоверной, однозначно расцениваемой криминалистической характеристики с полученной информацией, необходимо провести ряд экспериментов (что с криминалистической характеристикой не производится), таких как выявление закономерностей и случайностей, определение корреляционных связей и вычисление корреляционных зависимостей и т. д. Здесь и обнаруживает себя принципиальная разница между типовой информационной моделью и криминалистической характеристикой преступления, несмотря на имеющуюся общность их структуры, в основу которой положена структура преступной деятельности.

Так, криминалистическая характеристика преступления – замкнутая информационная система, содержащая в себе знание достоверного характера и представленная, как правило, вербально. Информационная модель (типовая) – система, содержащая в себе как достоверное, так и вероятностное знание. Как правило, в сравнении с криминалистической характеристикой преступления модель характеризуется более высоким уровнем формализации, что существенно упрощает проводимые с ней эксперименты (с криминалистической характеристикой преступления – какие-либо эксперименты нецелесообразны). То есть постепенно из знания вероятностного характера (типовая модель) проявляется знание достоверного характера (криминали-

стическая характеристика определенного вида преступлений). Таким образом, типовую криминалистическую характеристику мы представляем как результат исследования, проводимого на типовой модели преступлений определенного вида, конечный результат и продукт этого модельного исследования, который в процессе конкретного практического расследования и используется следователем для построения индивидуальной информационной модели криминального события и работы с нею.

Вопрос о соотношении мысленной модели и следственной версии в настоящее время также является дискуссионным. Некоторыми учеными эти понятия отождествляются [6: с. 89], хотя версия и модель должны рассматриваться как различные формы мышления следователя. Так, версия строится на основе имеющейся в распоряжении следователя информации о преступлении и лице, его совершившем, и является одним из средств познания. После своей проверки версия либо подтверждается, либо опровергается, и в этом случае она как версия уже больше не существует. Модель также строится с учетом имеющейся в распоряжении следователя информации, является средством познания, однако, после ее проверки, после модельных экспериментов и исследований не исчезает, а, наоборот, дополняется новым знанием.

Вместе с тем, дифференцируя эти понятия, не следует отрицать определенной взаимосвязи между ними. Следователь выдвигает версию после исследования первоначально поступившей к нему информации, ее качественного отбора, выделения в ней взаимосвязанных элементов. В ходе проверки версии на основе выявленной информации и выстраивается мысленная модель расследуемого события. Модель и версия могут и работать одновременно: проверяется версия, осуществляется развитие модели, дополняются и проверяются отдельные ее элементы, модель как бы «отшлифовывается», с нее словно счищается все лишнее, искаженно отражающее действительность. По мнению М.Н. Хлынцова, следственная версия представляет собой своего рода «эмбрион» вероятной модели. Модели же выступают в качестве «конденсатора» криминалистически значимой информации, выявленной в ходе проверки версии [11]. В свою очередь, версия проверяется посредством оперирования имеющейся в модели информацией.

Смешение таких понятий, как «программа», «план», «прогноз» и «модель» происходит, скорее всего, от того, что все названные методы в философской методологии рассматриваются как формы предвидения или предсказания будущего. Однако и между ними существуют и определенные различия. Так, в криминалистической литературе имеется тенденция отождествления понятий «планирование» и «перспективное моделирование». Хотя методологически правильнее было бы рассматривать эти методы как самостоятельные виды мыслительной деятельности следователя. Ведь план представляет заранее намеченный порядок осуществления целей, задач, либо какой-то программы. В плане определяется последовательность действий, пути, цели и средства их достижения. Заметим, что планировать можно различными способами. Вполне возможно, в частности, подключить к нему и моделирование. Так, например, при подготовке какого-либо следственного действия, допустим, допроса, следователь может построить перспективную ситуационную модель допроса. Ее исследование поможет следователю «рассчитать» все реально возможные в ходе допроса ситуации, определить для каждой из них свои решения и действия, а при помощи рефлексивного управления смоделировать и возможные позиции допрашиваемого. С учетом полученной из модели информации следователем может быть разработан детальный план допроса, рассчитанный на несколько возможных ситуаций, и в силу этого более эффективный. Получается, что оптимальные зависимости, полученные из модели, реализуются на объекте, определяют его будущую работу и могут быть оформлены в виде плана. В этом ракурсе перспективное моделирование можно рассматривать как средство планирования.

Исходя из вышесказанного, есть смысл определить, что следует понимать под моделью, когда и для чего возникают необходимости в применении этого метода в практике борьбы с преступностью.

Мы полагаем, что при определении сущности моделирования следует исходить из следующих посылок.

1. Не следует переоценивать роли моделирования и сводить его к познанию, поскольку это лишь один из общенаучных методов познания.

2. Любое мысленное представление следователя (как, впрочем, и иного любого субъекта моделирования) далеко не всегда является мысленной моделью. В моделировании главное – процесс исследования, а точнее – процесс опосредованного получения нового знания.

3. Этот метод весьма эффективно может быть использован в следственной практике для решения целого ряда самых разнообразных криминалистических задач. Однако заметим, что его применение целесообразно лишь в строго определенных случаях, когда у следователя возникает необходимость в получении информации опосредованным путем, а именно:

а) когда объект познания существовал в прошлом, и его нет на момент исследования (например, преступное событие, криминальные ситуации);

б) когда объект познания возможен в будущем (следственная ситуация в ходе предстоящего допроса, моделируемая в процессе подготовки к нему);

в) когда объект существует реально на момент исследования, однако, он либо чрезмерно сложен, либо вовсе недоступен для познания (структура организованной преступной группы и взаимоотношения ее членов);

г) когда познаваемый процесс протекает или слишком быстро или же, наоборот, слишком медленно (отдельные виды следственных экспериментов).

Описанное выше расширительное толкование понятия «модель» в криминалистике как раз и имеет место в силу неучета отдельными авторами одной из главных характеристик моделирования – его опосредованности. Модель в процессе познания выступает в качестве «среднего звена» между объектом познания, существующим в реальности, и субъектом, его познающим. Модель – всего лишь инструмент исследования, а не сама реальность, одно из возможных средств познания.

С учетом особенностей использования этого метода в практике расследования преступлений, моделирование, используемое в криминалистике, мы определим как метод, заключающийся в создании мысленной или материальной модели и последующем ее исследовании в качестве средства получения криминалистически значимой информации, необходимой для раскрытия, расследования и предупреждения преступления.

В свою очередь, под используемой в криминалистике моделью мы понимаем искусственно созданную материальную или идеальную систему, воспроизводящую и заменяющую исследуемое криминальное событие или отдельные ситуации и обстоятельства его совершения, а также ситуации и обстоятельства его расследования так, что ее изучение позволит получить об оригинале информацию, необходимую для успешного решения практических, научных и дидактических криминалистических задач.

Следует помнить о том, что моделирование не является главным познавательным средством в следственной практике, одновременно с моделированием следователь должен активно использовать и другие методы познания, оперировать различными формами отражения и изучения действительности. Поэтому нет смысла без особой необходимости использовать моделирование для объяснения процессов и явлений, уже имеющих традиционные теоретические интерпретации и практическое тому подтверждение.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Антонов, О.Ю.* К вопросу о понятиях механизма и криминалистической характеристики (модели) преступления и преступной деятельности / О.Ю. Антонов // Вестник Удмуртского университета. – 2011. – № 2. (Серия «Экономика и право»).

2. *Гавло, В.К.* Методика расследования как особая теоретико-методическая модель – информационный аналог расследования криминальных событий / В.К. Гавло // Проблемы теории и практики борьбы с преступностью. – Томск, 1983. – 169 с.

3. *Громов, В.И.* Дознание и предварительное следствие. Методика расследования преступлений. Осмотр места преступления / В.И. Громов. – М., 2003. (Серия «Антология криминалистики»).

4. *Гросс, Г.* Руководство для судебных следователей как система криминалистики / Г. Гросс. – М., 2002. (Серия «Антология криминалистики»).

5. *Дяблова, Ю.Л.* Информационные технологии моделирования личности неустановленного преступника при расследовании неочевидных преступлений: дис. ... канд. юрид. наук / Ю.Л. Дяблова. – Тула, 2007.

6. *Князьков, А.С.* Следственная версия как элемент информационной модели расследования преступления / А.С. Князьков // Вестник Томского государственного университет. – 2011. – № 348.

7. *Курганова, И.В.* Криминалистическое моделирование при расследовании преступлений в сфере экономики: дис. … канд. юрид. наук / И.В. Курганова. – 2008.

8. *Лузгин, И.М.* Моделирование в расследовании преступлений / И.М. Лузгин. – М., 1980.

9. *Путивка, С.Н.* Криминалистическое моделирование для реконструкции неочевидных обстоятельств при расследовании дорожно-транспортных происшествий: дис. … канд. юрид. наук / С.Н. Путивка. – Волгоград, 2002; *Мальханов, В.В.* Предметное макетное моделирование в деятельности по выявлению и расследованию преступлений: дис. ... канд. юрид. наук / В.В. Мальханов. – Чита, 2007.

10. *Тимофеева, А.В.* Криминалистическое моделирование неизвестного преступника по признакам и свойствам, отображаемым в следах преступления / А.В. Тимофеева. – Челябинск, 2010.

11. *Хлынцов, М.Н.* Криминалистическая информация и моделирование при расследовании преступлений / М.Н. Хлынцов; под ред. В.Г. Власенко. – М., 1982. – 159 с.

12. *Якимов, И.Н.* Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике / И.Н. Якимов. – М., 2003. (Серия «Антология криминалистики»).

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОБИРАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Н.Н. Егоров

Егоров Николай Николаевич – доктор юридических наук, профессор Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина.

Контактный адрес: egorovnn@yandex.ru

В статье рассматриваются и анализируются элементы собирания доказательств, такие как поиск, обнаружение, фиксация и сохранение. Предлагаются направления повышения эффективности собирания доказательств: оптимизация процесса собирания доказательств в ходе производства следственных действий; совершенствование криминалистического обеспечения процесса собирания доказательств; совершенствование процессуальной регламентации введения в доказывание доказательств, полученных от субъектов уголовного судопроизводства; законодательное разрешение собирания доказательств экспертом в ходе производства экспертизы; совершенствование получения доказательств от органов зарубежной уголовной юстиции в порядке оказания правовой помощи по уголовным делам.

Ключевые слова: собирание доказательств; поиск, обнаружение, фиксация и сохранение доказательств; способы собирания доказательств; собирание доказательств следователем, дознавателем и другими участниками уголовного судопроизводства.

Собирание доказательств – первый этап работы с доказательствами, содержащийся в законе, и поэтому наиболее важный, что соберем, то и в дальнейшем будем исследовать, оценивать и использовать. Поскольку элементы собирания доказательств законом не определены, то различные авторы вкладывают в это понятие разное содержание.

По мнению О.В. Волынской, собирание доказательств представляет собой единство обнаружения и фиксации фактических данных [5: с. 128]. Ю.К. Орлов выделяет в этом процессе несколько этапов: поиск, получение, процессуальное оформление доказательств (фиксацию) [13: с. 75], а Л.Т. Ульянова – обнаружение, истребование, получение и фиксацию [19: с. 133]. По мнению С.А. Шейфера, структура собирания доказательств охватывает выполнение уполномоченным лицом поисковых, познавательных, удостоверительных и правообеспечительных операций [20: с. 70]. В.М. Тертышник считает, что собирание доказательств заключается в поиске и обнаружении (выявлении) источников и носителей доказательственной информации, получении и закреплении фактических данных, которые содержатся в выявленных источниках и носителях [18: с. 10]. По мнению Р.С. Белкина, собирание доказательств – это понятие комплексное, включающее действия по обнаружению, фиксации, изъятию и сохранению доказательств [1: с. 29].

Л.И. Слепнева включает в собирание доказательств: поиск и обнаружение доказательств; фиксацию доказательственной информации (документирование, удостоверение, изготовление различных копий и др.); изъятие и сохранение (консервация, упаковка); изучение доказательств (предварительное исследование в ходе следственных действий на месте их производства, а также в лабораторных условиях; экспертное исследование вещественных доказательств); использование доказательств для получения новой криминалистически значимой информации (составление розыскных таблиц, создание информационно-поисковых систем, ведение криминалистических учетов и справочно-информационных коллекций, а также выдвижение версий и т. п.) [7: с. 24].

Как видно из вышеприведенных точек зрения, все зависит от того, кто рассматривает собирание доказательств – процессуалисты или криминалисты. Первые сужают содержательную часть собирания, сводя ее к формализованным операциям; вторые – расширяют, включая в нее и действия, которые, как правило, предшествуют формализованным операциям или сопровождают их.

И процессуалисты, и криминалисты сходятся в том, что собирание доказательств начинается с выполнения поисковых операций. Более удачным названием для этого этапа будет поиск и обнаружение доказательств, что подчеркивает поисковый характер действий. Тем более, что выполнению поисковых операций предшествует сложная мыслительная деятельность – моделирование события преступления с целью выделения мест вероятного нахождения доказательств. Затем для их выявления применяются технико-криминалистические и другие средства, методы и приемы. Они достаточно многообразны, но их условно можно свести к трем группам: органолептическим, физическим и химическим. Да и применение этих, в некоторых случаях достаточно сложных средств, методов и приемов, может завершаться, а может и не завершаться обнаружением доказательств.

После обнаружения доказательств приступают к выполнению удостоверительных операций. Этот элемент традиционно называют фиксаций доказательств, их запечатлением в установленной законом форме.

Н.Н. Лысовым была разработана развернутая классификация методов фиксации доказательственной информации, которая включает шесть групп оснований деления:

1. По степени общности и сфере использования: всеобщий метод (материалистическая диалектика); общие методы (наблюдение, сравнение, описание, измерение, эксперимент, моделирование); частнонаучные методы и специальные.

2. По процессуальной природе: обязательные и дополнительные методы.

3. По характеру получаемых в результате фиксации отображений: методы, обеспечивающие возможность получения первичных отображений; методы, с помощью которых получают вторичные отображения.

4. По форме преобразования информационного сигнала: методы, с помощью которых получают знаковые модели вещественных доказательств (описание, измерение, составление планов, схем и чертежей); методы, обеспечивающие получение предметных, вещественных моделей (фото, кино- и видеосъемка, технические методы копирования).

5. В зависимости от времени получения результатов: обычные, скоростные и экспрессные методы.

6. В зависимости от применяемых при фиксировании технических средств: оптико-фотографические и электромагнитные методы; физико-химические методы; методы консервирования; механические методы; вербально-семантические и графические методы [11: с. 180–185].

Как правильно было отмечено, процесс фиксации доказательств является достаточно сложным и имеет две стороны: процессуальную и криминалистическую. Причем на первый план в процессуальном понимании фиксации доказательств выступает процессуальная форма их удостоверения и запечатления. В отличие от процессуального, криминалистический аспект фиксации носит содержательный характер, так как упор делается на действия по фиксации доказательств и на средства, с помощью которых они выполняются [11: с. 100–102]. К криминалистической фиксации в более широком смысле многие криминалисты относят также консервирование и непосредственное изъятие вещественных доказательств [10: с. 459–460], что соответствует этимологическому значению слова «фиксация» – закрепление чего-либо в определенном положении или состоянии [2: с. 676]. Консервированию подвергаются вещественные доказательства, которые быстро портятся или изменяют свойства под действием каких-либо факторов. Изъятие вещественных доказательств также направлено на сохранение их свойств в естественном виде. В классификации Н.Н. Лысова этот метод фиксации отсутствует. И если только невозможно изъять объекты в натуре, изготавливаются их копии.

Процессуальный и криминалистический аспекты фиксации находятся в тесной взаимосвязи, что не исключает их раздельного рассмотрения в ходе научного анализа.

В целях выполнения процессуальных требований, изложенных в законе, в протоколе описываются все действия следователя, а равно все обнаруженное при осмотре в той последовательности, как производился осмотр, и в том виде, в каком обнаруженное наблюдалось в момент осмотра. Если применялись фотографирование, киносъемка, звукозапись либо были изготовлены слепки и оттиски следов, то в протоколе должны быть также указаны технические средства, условия и порядок их использования, объекты, к которым эти средства были применены, и полученные результаты. Перед применением технических средств об этом должны быть уведомлены все участники осмотра. В протоколе перечисляется и описывается все изъятое.

Криминалистические рекомендации направлены на развитие процессуальных требований. В соответствии с ними в протоколе указывается:

- название и место расположения объекта, на котором обнаружено вещественное доказательство; форма, размеры, индивидуальные признаки и состояние поверхности объекта [15: с. 66];
- при описании различных объектов и их частей используется общепринятая в специальной и криминалистической литературе терминология. Все описываемые объекты могут быть пронумерованы в соответствии с их обозначениями на плане места происшествия [17: с. 51–70, 106];
- при описании действий следователя и обнаруженных на месте происшествия предметов и следов следует избегать употребления длинных фраз, неопределенных выражений типа «недалеко», «вблизи» и т. п.; местных выражений и большого количества специальных терминов; использования синонимов при описании одного объекта; последовательно и четко излагать свои мысли; подробно описывать предметы и видимые следы, относящиеся к преступлению; при описании этих объектов индивидуализировать предметы и следы, чтобы в дальнейшем исключить возможность их фальсификации, а в случае их утраты – чтобы основные параметры и признаки объектов остались зафиксированными в протоколе осмотра; отразить наступившие в ходе осмотра различные обстоятельства (например, изменения погодных условий) [14: с. 35];
- способ обнаружения (выявления) латентных следов, их вид и взаиморасположение, общие и частные признаки; применявшиеся при этом технические средства; способ фиксации и изъятия следов; вид упаковки [15: с. 66];
- процессуальное и техническое оформление фотоснимков, которые слагаются из двух этапов:

1) оформление факта применения фотографии в процессе проведения того или иного следственного действия, т. е. отражение в протоколе средств, методов, приемов и условий фотосъемки, кто и в чьем присутствии произвел фотографирование; 2) оформление результатов фотографирования, т. е. самих фотоснимков (составление фототаблиц с соответствующими пояснениями). Прилагаемые к протоколу снимки снабжаются пояснительными текстами. В тексте должно быть указано: к протоколу какого следственного действия они относятся; какие средства использовались при съемке, в каких условиях она производилась и какое количество кадров было использовано; кто производил фотографирование; кем составлена фототаблица. Если при съемке были допущены ошибки, в результате которых изготовить снимки невозможно, то в подобном случае об этом должна быть составлена справка, которая заверяется подписью следователя или лица, ведущего дознание, и приобщена к уголовному делу [3: с. 11–12];

- технические характеристики аудио-, видеоаппаратуры и носителей, на которые записывается информация, факт их прослушивания и просмотра. Видеозапись при осмотре вещественных доказательств рекомендуется применять, когда приходится осматривать большое количество объектов или использовать специальную терминологию для их иллюстрации [12: с. 87–93].

Если применение обычной фотографии, аудио-, видеозаписи на магнитных носителях достаточно отработано и больших проблем не вызывает, то применение их цифровых аналогов достаточно проблематично, поскольку в настоящее время технически невозможно установить факт фальсификации информации или привязать запись к конкретному техническому средству.

С целью устранения этих недостатков предлагается производить распечатку фотоизображений сразу же на месте производства следственного действия с использованием портативных комплектов, с немедленным заверением этих изображений подписями следователя и понятых [9: с. 14]. Или применять лазерную цифровую запись аудио-, фото- или видеоинформации на дисках одноразовой регистрации, которая в этом случае не поддается изменению [4: с. 38–40].

Сохранение доказательств в качестве одного из этапов их собирания рассматривают только криминалисты, поскольку в некоторых случаях условия хранения могут сказаться на результатах исследования. Процессуалисты в основном говорят о хранении вещественных доказательств, сводя его к организационным и техническим операциям, исключающим их утрату.

Таким образом, процесс собирания доказательств складывается из следующих элементов: поиск, обнаружение, фиксация и сохранение.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ предусматривает следующие способы собирания доказательств: 1) собирание доказательств дознавателем и следователем путем производства процессуальных действий; 2) собирание и представление письменных документов и предметов подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком и их представителями; 3) собирание доказательств защитником.

И если способы собирания доказательств дознавателем, следователем и защитником регламентированы уголовно-процессуальным законодательством, то способы собирания доказательств остальными участниками ограничены только общим принципом права – разрешено все, что не запрещено, что в такой сфере, как уголовно-процессуальная деятельность, недопустимо. Поэтому для повышения эффективности собирания доказательств выделяются следующие направления:

1. Оптимизация процесса собирания доказательств в ходе производства следственных действий, особенно на первоначальном этапе расследования [6: с. 30].

Оптимизация процесса собирания доказательств в ходе производства следственных действий, являющихся для органов предварительного исследования основным способом собирания доказательств, включает:

а) определение начала и окончания расследования как одного из важнейших условий допустимости производства следственных действий, направленных на собирание доказательств;

б) определение надлежащего субъекта производства следственных действий по собиранию доказательств;

в) определение надлежащих процедур производства следственных действий по собиранию доказательств;

г) определение оптимальных способов фиксации хода и результатов следственных действий по собиранию доказательств.

2. Совершенствование криминалистического обеспечения процесса собирания доказательств.

В совершенствовании криминалистического обеспечения процесса собирания доказательств можно выделить следующие аспекты: а) улучшение криминалистической подготовки лиц, осуществляющих расследование [8: с. 20–21]; б) обеспечение надлежащей технической оснащенности подразделений, осуществляющих расследование [16: с. 272]; в) совершенствование тактических основ процесса собирания доказательств.

3. Совершенствование процессуальной регламентации введения в доказывание доказательств, полученных:

а) от органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность;

б) органов, осуществляющих административно-юрисдикционную деятельность;

в) подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей;

г) защитника;

д) лица, осуществляющего частную детективную деятельность.

4. Законодательное разрешение собирания доказательств экспертом в ходе производства экспертизы и предоставление их в распоряжение лица, осуществляющего расследование.

5. Получение доказательств от органов зарубежной уголовной юстиции в порядке оказания правовой помощи по уголовным делам.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белкин, Р.С.* Собирание, исследование и оценка доказательств / Р.С. Белкин. – М.: Наука, 1966.

2. Большой словарь иностранных слов в русском языке. – М.: ЮНВЕС, 1999.

3. *Вагурина, М.В.* Основы криминалистической техники: учеб. пособие / М.В. Вагурина, Н.Н. Егоров, Ю.К. Панжинский. – Хабаровск: ДВЮИ МВД РФ, 2000.

4. *Вандер, М.* Цифровая фиксация аудио- и видеоинформации / М. Вандер, А. Холопов // Законность. – 2003. – № 8.

5. *Волынская, О.В.* Доказывание истины в уголовном процессе / О.В. Волынская // Вестник МВД РФ. – 1999. – № 3–4.

6. *Григорьев, В.Н.* Предварительное расследование (понятие, задачи и формы): лекция / В.Н. Григорьев. – М.: ЮИ МВД РФ, 1998. – 30 с.

7. Деятельность экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел по применению экспертно-криминалистических методов и средств в раскрытии и расследовании преступлений: учеб. пособие / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В.А. Снеткова. – М.: ЭКЦ МВД России, 1996.

8. Доказывание в уголовном процессе: традиции и современность / под ред. В.А. Власихина. – М.: Юристъ, 2000.

9. *Исаева, Л.* Новые виды фотосъемки при осмотре места происшествия / Л. Исаева // Законность. – 2003. – № 8.

10. Криминалистика социалистических стран / под ред. В.Я. Колдина. – М.: Юрид. лит., 1986.

11. *Лысов, Н.Н.* Криминалистическое учение о фиксации доказательственной информации в деятельности по выявлению и раскрытию преступлений: дис. … д-ра юрид. наук / Н.Н. Лысов. – М., 1995.

12. Методические рекомендации по применению видеозаписи при производстве следственных действий // Бюллетень ГСУ МВД СССР. – 1987. – № 1 (50). – С. 87–93.

13. *Орлов, Ю.К.* Основы теории доказательств в уголовном процессе: науч.-практ. пособие / Ю.К. Орлов. – М.: Проспект, 2001.

14. Осмотр места происшествия: практ. пособие / под ред. А.И. Дворкина. – М.: Юристъ, 2000.

15. Осмотр места происшествия: учеб. пособие / под ред. канд. юрид. наук В. Ф. Статкуса. – М.: ЭКЦ МВД России, 1995.

16. Скорченко, П.Т. Криминалистика. Технико-криминалистическое обеспечение расследования преступлений: учеб. пособие для вузов / П.Т. Скорченко. – М.: Былина, 1999. – 272 с.

17. Справочная книга криминалиста / рук. авт. кол. и отв. ред. д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки Российской Федерации Н.А. Селиванов. – М.: НОРМА, 2000.

18. *Тертышник, В.М.* Нетрадиционные способы и формы собирания и исследования доказательств при расследовании преступлений: учеб. пособие / В.М. Тертышник. – Харьков: ХИВД, 1994.

19. *Ульянова, Л.Т.* Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России: учеб. пособие / Л.Т. Ульянова. – М.: Городец, 2008.

20. *Шейфер, С.А.* Методологические и правовые проблемы собирания доказательств в советском уголовном процессе: дис. … д-ра юрид. наук / С.А. Шейфер. – Куйбышев, 1981.

К ВОПРОСУ О СУДЕБНОЙ БИОЛОГИИ

Е.П. Ищенко
А.А. Морозов

Ищенко Евгений Петрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина.

Морозов Александр Александрович – ведущий эксперт экспертно-криминалистического отдела регионального управления ФСКН России по Магаданской области.

Контактный адрес: kriminalistmsal@list.ru

В статье рассматриваются некоторые проблемы, связанные с исследованием криминалистически значимых биологических объектов. Авторы на основе обзора литературы и судебной практики по уголовным делам делают вывод, что под следами биологического происхождения обычно подразумеваются не только традиционные следы человека, а иные объекты биологической природы, использование которых в практике судебного доказывания достаточно широк. Проведенными исследованиями обосновывается предложение по решению вопроса о целесообразности создания частной криминалистической теории – криминалистической биоскопии как интегративной системы научного знания, соединяющего в одно целостное образование знания из области учения о человеке в совокупности. Структуру криминалистической биоскопии предлагается представить в виде двух основных разделов – общего и особенного. Общая часть включает в себя определение основных понятий, данные о видах, информационном потенциале биологических объектов, их классификацию, принципы, методы, средства обнаружения, фиксации, изъятия, исследования указанных объектов. Особенная же часть определяется как система теорий более низкого уровня, более узкая, специально направленная на обобщение знаний об отдельных классах, родах, видах и разновидностях биологических объектов.

Ключевые слова: судебная биология, биологические объекты, криминалистическая биоскопия, исследование, информация, доказательства, следы.

Криминалистика, будучи юридической наукой прикладного характера, постоянно осуществляет поиск наиболее эффективных технико-криминалистических средств и тактических приемов раскрытия и расследования преступлений. Задача максимально полного удовлетворения этих потребностей практики, решение которых возможно лишь на базе широкого использования достижений естественных и технических наук, их творческого приспособления для целей уголовного судопроизводства, стала одной из основных тенденций развития отечественной криминалистики[1].

Возросший за последние годы интерес криминалистов к следам биологического происхождения вызван действием ряда причин, обусловленных прогрессом биологии и интеграцией ее знаний во многие другие науки. Биологические следы несут в себе ценную информацию как о свойствах и признаках субъекта, совершившего преступление, так и о механизме его совершения. Особенно велика роль биологических следов на первоначальном этапе расследования, когда крайне ограничены либо вообще отсутствуют иные источники информации об обстоятельствах содеянного[2].

Однако на практике использование следов биологического происхождения далеко не всегда отвечает решению задач борьбы с преступностью. Сложившееся положение, полагаем, связано с отсутствием у следователей, специалистов и экспертов достаточных знаний в области криминалистики, биологии и судебной медицины. Вследствие этого они не учитывают специфику объектов биологической природы: малые размеры, незаметность, неустойчивая структура, сочетание со следами иного происхождения, а также достаточно быстрое разрушение под влиянием перепадов влажности и температуры. И, как следствие, имеет место отсутствие навыков обнаружения, изъятия и фиксации этих следов даже по делам о насильственных преступлениях, для которых они наиболее характерны.

---

[1] Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 1. Общая теория криминалистики. М.: Юристъ, 1997. С. 245.

[2] Федосюткин Б.А. Получение идентификационной и розыскной информации о личности погибшего (умершего). М., 1988. С. 58–66; Протасевич А.А., Степаненко Д.А., Шиканов В.И. Кровь как структурный элемент следовой обстановки на месте происшествия. Иркутск: Изд-во ИГЭА, 1998; Аистов И.А. Использование следов биологического происхождения при расследовании преступлений: автореф. дис. … канд. Саратов, 2000; Надоненко О.Н. Криминалистическое значение следов биологического происхождения: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002; Барышева М.В., Лащ-Завада А.Ю., Саламатин А.В. Исследование ядерной ДНК, групповых антигенов и клеточных структур после извлечения из биологических объектов запаховых следов человека // Теоретические и прикладные аспекты использования новейших научных достижений в сфере борьбы с преступностью: сб. материалов конф. Тула, 2006. С. 43–51; Комиссаров В.И., Левченко Е.В. Биологические следы человека как объект криминалистического исследования. М., 2009; Перепечина И.О. Идентификация личности при исследовании объектов биологического происхождения и проблема достоверности данных // Современное состояние и развитие криминалистики: сб. науч. трудов. Харьков: Апостиль, 2012. С. 82–98.

Обзор литературы и судебной практики по уголовным делам позволяет сделать вывод, что под следами биологического происхождения обычно подразумеваются лишь традиционные следы человека,хотя понятие «биологические следы» имеет значительно более высокую степень обобщения. Тем самым неоправданно сужается круг объектов биологической природы, использование которых в практике судебного доказывания настоятельно необходимо в связи с реалиями современной организационной преступности.

Биологические следы человека составляют лишь незначительную часть следов биологического происхождения, встречающихся на местах происшествий. Круг криминалистически значимых биологических объектов весьма широкий, разветвленный, разноплановый. В одних случаях исследуются объекты из области биологии человека, в других – биологии экосистем, животного, растительного мира, иных разделов и направлений биологической науки, в третьих – комплексы объектов различной родовой и видовой принадлежности[3].

Указанные обстоятельства создали предпосылку для постановки и решения вопроса о целесообразности создания частной криминалистической теории – криминалистической биоскопии как интегративной системы научного знания, соединяющего в одно целостное образование знания из области учения о человеке, как биологической системе, и учения о других видах биологических объектов животного, растительного и иного естественного происхождения[4].

Биоскопия является одной из новых частных криминалистических теорий, научные и методические основы которой были разработаны сравнительно недавно. Ее положения позволяют создать более целостное представление о следах биологического происхождения во всем их разнообразии.

Криминалистическая биоскопия была определена как система научного знания о функционирующих в уголовном судопроизводстве объектах биологического характера, а также о средствах, методах, приемах, методиках обнаружения, осмотра, фиксации, изъятия, исследования данных объектов и использования полученной информации для решения частных криминалистических задач при выявлении, раскрытии, расследовании преступлений и судебном разбирательстве по уголовным делам.

Структуру криминалистической биоскопии предлагалось представить в виде двух основных разделов – общего и особенного. Общая часть включает в себя определение основных понятий, данные о видах, информационном потенциале биологических объектов, их классификацию, принципы, методы, средства обнаружения, фиксации, изъятия, исследования указанных объектов, а также иные положения различных видов научного и практического познания, а также соответствующих биоскопических исследований. Особенная же часть определялась как система теорий более низкого уровня, более узкая, специально направленная на обобщение знаний об отдельных классах, родах, видах и разновидностях биологических объектов, специфике их обнаружения, фиксации, изъятия и исследования, характерных лишь для данного конкретного класса, рода, вида или разновидности этих объектов.

Все криминалистически значимые биологические объекты предлагалось разделить на две большие группы: 1) человек и происходящие от него биологические объекты (трупы людей, части трупа, следы и образцы крови, мочи, слюны, спермы, грудного молока и т. д.); 2) иные биологические объекты (дикие и сельскохозяйственные животные, птицы, растения и т. д.). При этом особо подчеркивалось, что наиболее важным разделом данной криминалистической теории является криминалистическая гомобиоскопия как система более низкого уровня по отношению к криминалистической биоскопии[5].

Это утверждение представляется обоснованным. Однако приводимые в криминалистической гомобиоскопии объекты и методы исследования в большинстве своем фактически дублируют таковые из судебной медицины и медицинской криминалистики, поскольку речь идет о стандартных исследованиях тканей и органов человека[6]. В связи с этим возникает вопрос о целесообразности выделения еще одной частной криминалистической теории.

В настоящий момент времени едва ли вызовет возражения тот факт, что между криминалистической биоскопией, судебной медициной и медицинской криминалистикой существует тесная взаимосвязь, диктуемая самой природой объектов, круг которых органично входит в систему знаний указанных научных дисциплин, общее определение которых может быть дано через определение понятия «биология».

Биология (греч. bios-жизнь, logos-понятие, учение) – совокупность наук о живой природе. Предметом исследования биологии являются *всепроявления жизни*: строение и функции живых существ и их природных сообществ, происхождение и развитие, связи друг с другом и с неживой природой. К настоящему времени развились многочисленные биологические дисциплины, специализирующиеся на изучении структурно-функциональных особенностей, как отдельных живых организмов, так и их сообществ.

Основная задача биологии как науки состоит в том, чтобы истолковать все явления живой природы, исходя из научных законов, но, не забывая при этом, что целому организму всегда присущи свойства, в корне отличающиеся от свойств частей, его состав-

[3] Образцов В.А. Криминалистика: модели средств и технологий раскрытия преступлений: курс лекций. М.: Издательский дом «Камерон», 2006. С. 135.

[4] Мамурков В.А. Основы криминалистического учения о биологических объектах: монография. Екатеринбург, 2002. С. 4, 13.

[5] Ищенко Е.П., Мамурков В.А., Образцов В.А. Указ. раб.

[6] В настоящее время занимаются судебные медики.

ляющих[7]. Именно данное обстоятельство зачастую игнорируется при попытках криминалистов провести удачную систематизацию биологических объектов и происходящих от них следов. Это обусловлено тем, что с чисто криминалистической точки зрения данные объекты должны быть исследованы в рамках экспертизы веществ и материалов, поскольку подавляющее их большинство относится к объектам абиотической природы, а внутренние связи между их элементами существенно отличаются от таковых в биологических объектах.

Связь, которая объединяет части, составляющие целое, сообщает предмету свойство целостности, т. е. те интегративные свойства и закономерности, присущие целому, но отсутствующие у составляющих его частей в их разобщенности. Целое не может быть сведено к простой сумме составляющих его частей, а свойства частей так же не выводимы из целого, как специфика целого не выводима из составляющих его частей[8]. Это качество в максимальной степени характерно для объектов биологического происхождения.

Однако синтез криминалистики и биологии затруднен не только вследствие различного генезиса этих наук. Трудности создает различное толкование в них многих основополагающих терминов, таких как род, вид, идентификация, признак и т. д. А в итоге юристы и судебные медики, имеющие биологическое или медицинское образование, редко достигают взаимопонимания.

В качестве наглядного примера двойственного толкования такого базового понятия, как идентификационный комплекс признаков, можно привести тот факт, что биологические организмы являются результатом рекомбинации генов, формирующих особые системы свойств (идентификационные признаки). Организм же, ставший объектом судебно-экспертного исследования, включает в себя не только характеристики, детерминированные генетически, но и варьирующие особенности, обусловленные обстоятельствами конкретного уголовного дела.

Указанным специалистам зачастую бывает сложно соотнести сугубо криминалистическую классификацию, по которой могут быть определены те или иные биологические объекты, с классификацией, строящейся на биологических критериях (в отличие, например, от традиционных видов криминалистических исследований – трасологии, баллистики, почерковедения и др., подготовка по которым проводится в специализированных высших учебных заведениях правоохранительных органов). Данные обстоятельства в конечном итоге негативно отражаются на качестве следственной работы.

Содержание любой области научного знания нуждается в определенном упорядочении, распределении по тем или иным разделам, отраслям, т. е. систематизации. Это является необходимым условием понимания объективно существующих закономерных связей между элементами предмета научного познания. Такая систематизация основывается на другой логической операции – на процедуре классификации, то есть на разделении множества предметов, явлений, отношений, свойств, признаков и т.п. на отдельные группы по тем или иным основаниям[9].

Систематика всегда предполагает, что окружающее нас разнообразие живых организмов имеет определенную внутреннюю структуру. Эта структура организована иерархически и познаваема до конца, а значит, возможно построение полной и всеобъемлющей системы органического мира[10].

Потребность в систематизации биологических объектов диктуется насущными потребностями практики, такими как необходимость систематизации этих объектов, получаемых в ходе производства следственных и оперативно-розыскных действий.

Наиболее удачную из всех приведенных в литературе классификаций объектов экспертных исследований, на наш взгляд, предложил Б.А. Федосюткин. Все объекты материального мира по происхождению и составу он предлагает условно разделить на три основных группы:

1) неорганического происхождения (минерального состава);

2) органического происхождения, к которым относятся объекты растительного и животного мира (флора и фауна), а также человек и его выделения;

3) искусственные и синтетические (все, что сделано трудом человека из металлов, пластмасс, композитных материалов и т. д.).

Тем не менее предлагаемая классификация имеет в определенной степени условный характер, ибо объекты из каждой группы в «чистом виде» можно встретить достаточно редко. Ведь для определенной категории предметов, в том числе для всех биологических объектов, непременными свойствами являются их естественные изменения во времени по форме, содержанию, структуре и проч. Иначе говоря, процессы их существования и жизнедеятельности сопровождаются различными химическими, физическими, биохимическими и другими изменениями в определенных интервалах при так называемой «норме» и в значительно больших интервалах – при различных измененных, патологических состояниях. Отсюда вытекает необходимость обязательного учета такого свойства этих объектов, как изменчивость.

Б.А. Федосюткин предлагает все объекты материального мира по признаку «изменчивость» разделить на три основные группы (классы):

---

[7] Грин Н., Стаут У., Тейлор Д. Биология: пер. с англ. В 3 т. Т. 1. М.: Мир, 1990. С. 11.

[8] Бучило Н.Ф., Исаев И.А. История и философия науки: учеб. пособие. М.: Проспект, 2011. С. 104.

[9] Белкин Р.С. Курс криминалистики: В 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. М.: Юристъ, 1997. С. 390.

[10] Павлинов И.Я. Современная систематика: методологические аспекты // Труды Зоологического музея МГУ. Т. 34. М.: Изд-во МГУ, 1996; Шипунов А.Б. Основы теории систематики: учеб. пособие. М.: Диалог-МГУ, 1999.

1) стабильные, т. е. не изменяющиеся без приложения дополнительной силы или специальных воздействий, например, изделия из золота и др.;

2) изменяющиеся ограниченно, т. е. в определенном диапазоне (например, изделия из железа окисляются и т. д.);

3) неустойчивые, т. е. существующие в определенном виде ограниченное время, переходящие из одного состояния в другое вследствие процессов роста, гниения, химических или физических реакций и т. д.[11].

Основная идея такого искусственного деления признаков объектов заключается в необходимости учета и оценки возможности изменения каждого признака за определенный промежуток времени, разделяющий исследования идентифицируемого и идентифицирующего объектов. Такая оценка воздействия временного фактора эмпирически выполняется в некоторых случаях и в настоящее время (например, при отождествлении личности по фотоснимкам, по черепу и фотографиям, при исследовании органических продуктов и т. д.), однако, она не предусматривает возможности экспертного исследования объектов, находящихся в различных состояниях (фазах).

Закономерности временной изменчивости применительно к конкретному объекту в определенной степени можно прогнозировать на основании сведений из специальных дисциплин (по совокупности специфических признаков) и, следовательно, использовать их в судебно-экспертной работе.

В процессе исследования любых объектов важнейшее место принадлежит методологическим принципам, строгое соблюдение которых гарантирует «сопоставимость» результатов изучения различных объективных характеристик. Отсюда понятна важность целенаправленного, полноценного планирования и учета возможных уровней исследования по каждому классу объектов. Приведенное деление объектов биологического происхождения для целей судебно-медицинских исследований позволяет более четко представить все объекты в едином, целостном, взаимосвязанном и взаимообусловленном формате, что необходимо при исследовании объектов именно органической природы.

Далее Б.А. Федосюткин отмечает, что предложенная система, состоящая из классификации объектов и методологии исследований с учетом временного фактора (изменчивости), позволяет обоснованно «программировать» результаты изучения практически любых предметов материального мира, которые могут выступать в криминалистической практике в качестве вещественных доказательств. Кроме того, она в определенной степени свидетельствует о том, что каких-либо различий в процессе анализа признаков конкретного объекта, который, в зависимости от обстоятельств, может выступать как идентифицируемый, так и как идентифицирующий не усматривается.

Основой базовой классификации объектов биологического происхождения с учетом тактических и методических проблем расследования преступлений, а также с точки зрения теории и практики судебно-биологических и судебно-медицинских экспертиз, может являться их разделение на основе:

- многообразия органического мира;
- уровня организации живой материи.

Исходя из классификации, основанной на многообразии органического мира, все его объекты можно разделить на следующие три большие группы:

Биологические объекты естественного происхождения:

1) человек (люди), во-первых, как один из биологических видов живых организмов (материальная составляющая) и, во-вторых, как высшая психофизиологическая структурная единица (при этом на долю криминалистики приходится: исследование соматических и психофизиологических свойств личности, данные о которых используются в целях розыска и идентификации; соматических и психофизиологических свойств личности, определяющих и проявляющихся в способе совершения преступления; методики изучения личности участников процесса следователем и судом, т. е. методов и правил изучения личности в практических целях уголовного судопроизводства), а также происходящие от них биологические объекты, включая следы биологической природы;

2) иные биологические объекты, которые можно классифицировать следующим образом:

а) вирусы (неклеточные формы жизни);

б) протисты (бактерии и сине-зеленые водоросли – монеры; другие одноклеточные и колониальные водоросли; простейшие, слизевики; одноклеточные грибы);

в) грибы;

г) лишайники;

д) растения (низшие, высшие);

г) животные (исключая человека),

либо более упрощенно:

а) вирусы;

б) прокариоты (бактерии и сине-зеленые водоросли);

г) эукариоты (слизевики; грибы; растения; животные (исключая человека).

Органические объекты полусинтетического происхождения (созданные из объектов естественного происхождения деятельностью человека (разрешенной или запрещенной):

1) пищевые продукты;

2) наркотические средства и психотропные вещества (на основе природных компонентов);

3) лекарственные препараты (на основе природных компонентов, например растительных алкалоидов).

Органические объекты синтетического происхождения, к которым могут быть отнесены различные пищевые продукты, наркотические средства, лекарственные препараты, состоящие из органических соединений, созданных человеком и полностью либо частично повторяющих химическую структуру природных объектов.

[11] Федосюткин Б.А. Справочник следователя по медицинской криминалистике. Ростов-на-Дону: Приазовский край, 2010. С. 277.

Исходя из классификации, основанной на уровне организации живой материи, все биологические объекты можно разделить: на химические элементы (качественный и количественный состав), группы атомов, молекулы (аминокислоты, углеводы и т. д.) и высокомолекулярные соединения (белки, нуклеиновые кислоты (яДНК, мтДНК, РНК и т. д.), органоиды клетки, клетка, ткань, орган, система органов, организм, популяция, биоценоз, биогеоценоз и агроценоз.

При этом следует учитывать, что на практике, зачастую, биологические объекты, отнесенные к различным группам, находятся в непосредственной взаимосвязи как друг с другом, органическими объектами неживой природы, так и с объектами неорганической природы. Они образуют так называемое органическое целое, в котором имеет место не только координация частей, но и их субординация. Природу органической единицы необходимо определять не только через механическое познание составляющих ее единиц, но и через познание характера связей между ее частями.

Приведенная базовая классификация всего многообразия биологических объектов, встречающихся в уголовном судопроизводстве, является, на наш взгляд, наиболее информативной и удобной для применения на практике сотрудниками правоохранительных органов. В то же время она не вступает в противоречие с академической наукой биологического профиля, что способствует единообразному пониманию того или иного биологического объекта всеми лицами, как непосредственно задействованными в раскрытии и расследовании преступлений, так и судами при отправлении правосудия. Более того, с точки зрения философии познания, данная классификация наиболее точно отражает часть системной организации всего универсума в качестве органического типа материальных систем[12].

И все же приведенная классификация в полной мере не отражает упорядоченное содержание применительно к предметам и объектам исследования трех упомянутых разделов научных знаний, чьи данные используются в доказывании по уголовным делам посредством исследования биологических объектов – судебной медицины, медицинской криминалистики и биоскопии. Представляется необходимым систематизировать области исследований этих трех разделов знаний в целях отражения их структур, различий и переходов, а также внутренних взаимосвязей между их составными частями.

Достижение данной цели не может быть реализовано без введения нового термина – «судебная биология», включающая в себя несколько научных дисциплин. Указанный термин, как правило, встречается в работах судебных медиков в качестве вида судебно-медицинской экспертизы по исследованию объектов биологического характера, происходящих от человека. При этом подчеркивается, что научно-методическая база судебной биологии исторически складывалась из суммы специальных знаний по судебно-медицинской экспертизе вещественных доказательств, получаемых экспертами и учеными в процессе практической деятельности, экспериментальных и теоретических исследований, фиксируемых в систематизированном, обобщенном виде в руководствах, монографиях, правилах, инструкциях, учебных пособиях, информационных и методических письмах, указаниях, рекомендациях, диссертациях, научных статьях и прочих научно-методических материалах[13].

В других же работах под термином «судебная биология» понимается один из классов судебных экспертиз, в рамках которых исследуются объекты растительного и животного происхождения, исключая человека. И в первом, и во втором случаях круг объектов, исследуемых в рамках судебной биологии, значительно сужен и не отражает широкий круг объектов биологического происхождения, вытекающих из самого определения понятия «биология».

По мнению Р.С. Белкина, введение в криминалистику нового термина, заимствованного из другой области знаний, для обозначения существующих в криминалистике понятий допустимо лишь в ряде случаев, одним из которых является ситуация, когда этот термин обозначает новый аспект рассмотрения старого понятия, его вновь обозначаемое качество, т. е. по существу появляется новое определение (в ином аспекте, под другим углом зрения) объекта, а также когда новый термин правильнее и полнее обозначает употребляемые в криминалистической науке определения понятий. В этом случае новый термин заменяет старый[14].

Как мы полагаем, именно такая ситуация сложилась с понятием «судебная биология», в связи с чем предлагаем под судебной биологией понимать целостную систему научных знаний, объектом которой является значимая для уголовно-процессуальной деятельности биологическая информация, ее носители и источники, а также обстоятельства и условия вовлечения их в механизм совершения и отражения преступления.

В.С. Митричев в 70-х годах прошлого века отмечал, что специфическая черта судебной биологии базируется на биологических закономерностях, не изучаемых и не могущих быть изученными в рамках криминалистики, физики, химии и других наук. По его мнению, дифференциацию задач криминалистических и судебно-биологических экспертиз при исследовании биологических субстанций следует проводить по признаку методологии, лежащей в основе решения конкретных задач экспертизы. Он характеризовал судебную биологию как развивающуюся и формирующуюся судебную науку, раскрывающую на

[12] Лешкевич Т.Г. Философия. Вводный курс. 2-е изд., доп. М.: Контур, 1998. С. 223.

[13] Гусаров А.А. Из истории судебной медицины // Судебно-медицинская экспертиза. 2010. № 1. С. 44.

[14] Белкин Р.С. Курс криминалистикив: В 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. М.: Юристъ, 1997. С. 276.

основе общих биологических закономерностей пути решения специальных вопросов судебной практики относительно живых организмов, их остатков, продуктов жизнедеятельности[15].

Р.С. Белкин считал, что создание судебной биологии будет возможно лишь в том случае, когда ее положения смогут быть использованы в уголовном судопроизводстве прямо, непосредственно, помимо криминалистики, как, например, положения судебной медицины, судебной психиатрии, судебной психологии и некоторых других областей знания, которые используются следователем и судом напрямую, а не в преобразованном криминалистикой виде. «…Задача криминалистики здесь, – считал он, – не активное приспособление положений этих наук для целей борьбы с преступностью (они для этой цели и разрабатывались), а их учет при разработке специфически криминалистических рекомендаций следственной практике».

Следует согласиться с мнением В.С. Митричева и Р.С. Белкина, что процесс становления судебной биологии еще нельзя считать завершенным. Однако подчеркнем, что время, прошедшее с момента высказанных ими соображений, охватывает значительный период в 20–30 лет, прогресс биологии за который значительно возрос. С появлением новых методов, накоплением и дифференциацией научных знаний в области биологии резко возросли не только количество изучаемых ею биологических объектов, но и усилилась интеграция методов данной отрасли знания в другие науки, в том числе в криминалистику и судебную экспертизу. Отметим, что в настоящее время современные биологические методы исследования в криминалистике и судебной экспертизе применяются как самостоятельно, так опосредованно, путем интеграции этих областей знаний.

Любая область научных знаний должна иметь четкую систематизацию объектов, входящих в круг ее изучения. Необходимость иметь систематизированные сведения в любой области науки является залогом точной и эффективной деятельности людей в данной сфере. Наука как целостное развивающееся образование, включает в себя ряд частных учений, которые подразделяются, в свою очередь, на множество научных дисциплин. Выявление структуры науки в этом ее аспекте ставит проблему классификации наук – раскрытие их взаимосвязей на основании определенных принципов, критериев, выражение их связи в виде логически обоснованного расположения в определенный ряд («структурный срез»)[16].

На сегодняшний день сложилась ситуация, при которой отсутствует четкая систематизация объектов, несущих значимую для уголовного судопроизводства информацию, источником которой служат биологические объекты. В связи с этим предлагаем отнести все объекты живой природы (биологические объекты) к ведению единой частной науки – судебной биологии. Последнюю предлагаем разделить на два органично связанных между собой больших блока – антропоскопию, которая охватывала бы все необходимые как в уголовном, так и гражданском судопроизводстве аспекты изучения человека как высшей психофизиологической единицы, и биоскопию, включающую в себя необходимые сведения о животном и растительном мире.

Антропоскопию и биоскопию можно поделить на ряд частных теорий (более низкого порядка). Так, в антропоскопию органично вошли бы судебная медицина, медицинская криминалистика и судебная гомология, как субординационно равные элементы, поскольку для них характерен один объект – значимая для уголовного судопроизводства информация, носителем и источником которой является человек. Биоскопию же можно представить как совокупность двух разделов – судебной биологии животных и судебной биологии растений.

В наиболее обобщенном виде систематизацию всех объектов биологического происхождения, фигурирующих в уголовном процессе, можно представить рисунком.

Необходимо подчеркнуть, что *судебная медицина и медицинская криминалистика* не теряют своей самостоятельности как отдельные научные дисциплины. Судебная медицина исследует сугубо биологические свойства человека во всем их разнообразии (вскрытие трупа, освидетельствование живых лиц, выявление и сбор идентификационной информации и прочее)[17]. *Медицинской криминалистике* принадлежит функция «связующего звена» между возможностями инструментальной криминалистики и судебной медицины в использовании приборов и технических средств при производстве различных комплексных экспертиз и предварительных исследований (медико-автотехнических, медико-трасологических, медико-баллистических и др.). *Медицинская криминалистика* – это система знаний о человеке вообще, о его функциональных, морфологических (анатомических), социальных взаимоотношениях с окружающей средой, используемая для раскрытия преступлений путем применения научно разработанных методов и средств[18].

---

[15] Митричев В.С. Пограничные вопросы криминалистического, судебно-биологического исследования вещественных доказательств (к материалам Ученого совета ВНИИСЭ). М., 1974. С. 2.

[16] Кохановский В.П. [и др.] Философия науки в вопросах и ответах: учеб. пособие для аспирантов. 6-е изд. Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. С. 39, 40.

[17] Мерецкий Н.Е., Прутовых В.В. Методология обнаружения и фиксации объектов криминалистического и судебно-медицинского характера: науч.-практ. пособие. М.: Юрлитинформ, 2009; Шамонова Т.Н. Следы человека биологической природы при расследовании преступлений, их сущность // Развитие наук криминального цикла в Республике Башкортостан: матер. конф. Ч. 2. Уфа, 2012. С. 100–105.

[18] Федосюткин Б.А. Справочник следователя по медицинской криминалистике. Ростов-на-Дону: Приазовский край, 2010. С. 12, 13, 21.

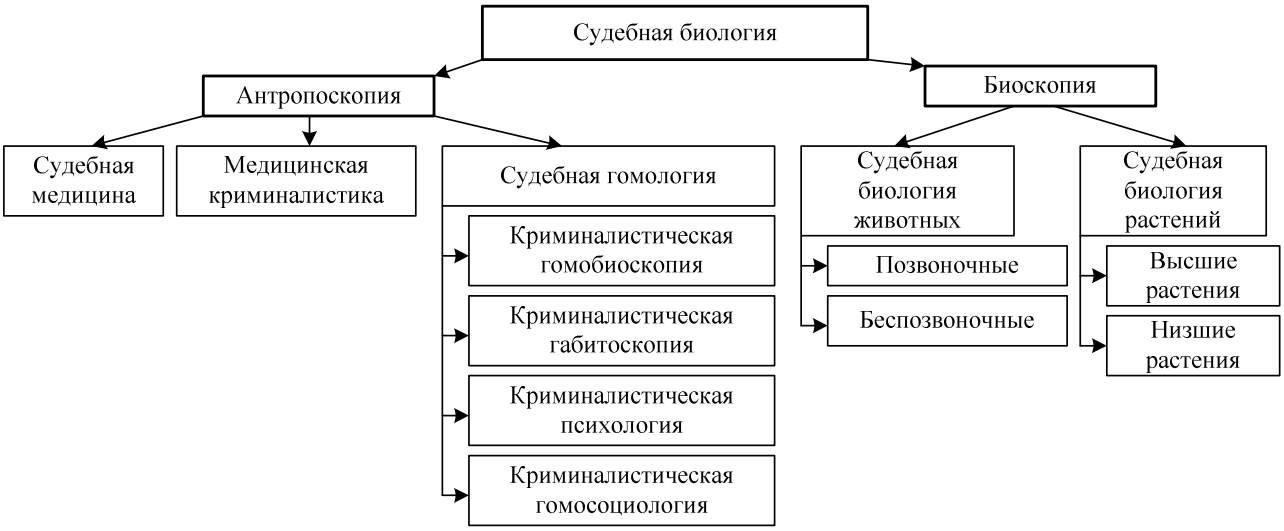

Рисунок. Объекты биологического происхождения, фигурирующие в уголовном процессе

Судебная гомология, в свою очередь, представляет собой совокупность систем более низшего порядка – криминалистическая (судебная) гомобиоскопия, габитоскопия, криминалистическая психология и гомосоциология.

Необходимость такого интегрального подхода обусловлена, прежде всего, количеством биологически значимой информации, использующейся в уголовном судопроизводстве, что явилось в свое время побудительной причиной для введения в криминалистические подразделения органов внутренних дел специалистов с судебно-медицинской и биологической подготовкой (приказ МВД РФ № 349 от 21 июля 1993 г. «Об организации медико-криминалистического обеспечения установления личности неопознанных трупов»). На практике, как правило, из-за ведомственной разобщенности, ограниченного профессионального понимания задач правоохранительных органов и слабого технического оснащения происходит путаница в компетенциях различных ведомств, связанных с конкретным решением тех или иных вопросов, касающихся биологической информации.

В настоящее время отдельные темы, касающиеся использования биологических объектов в практике раскрытия и расследования преступлений, рассредоточены по различным дисциплинам, изучение которых в юридических вузах растянуто на несколько лет, что затрудняет целостное восприятие конечной задачи. В этой связи целесообразно было бы ввести *судебную биологию* как самостоятельный предмет изучения не только в юридические, но и медицинские вузы страны.

В большинстве государств мира в разрешении данной проблемы преобладает прагматический подход, направленный на решение конкретной задачи на основе комплексного использования всех отраслей знаний, соответствующих методов исследования и современных методик. Ярким примером этого служит подготовка юристов в США в области уголовного законодательства, учебники по криминалистике которой являются там квинтэссенцией всех существующих методов различных наук, объединенных под эгидой достижения конкретной цели – например, идентификации человека и т. д. Организационное единство позволяет более эффективно решать поставленные задачи.

При этом важно отметить, что отечественные научные работы в рассматриваемых областях выглядят даже предпочтительнее, нежели зарубежные, но разбросанность упомянутых научных положений по различным отраслям знаний, усугубляемая ведомственной и структурной разобщенностью правоохранительных органов, значительно снижает эффективность их использования на практике.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аистов, И.А.* Использование следов биологического происхождения при расследовании преступлений: автореф. канд. дис. … ….. наук / И.А. Аистов. – Саратов, 2000.

2. *Барышева, М.В.* Исследование ядерной ДНК, групповых антигенов и клеточных структур после извлечения из биологических объектов запаховых следов человека / М.В. Барышева, Ю.А. Лащ-Завада, А.В. Саламатин // Теоретические и прикладные аспекты использования новейших научных достижений в сфере борьбы с преступностью: сб. материалов конф. – Тула, 2006. – С. 43–51.

3. *Белкин, Р.С.* Курс криминалистики: В 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики / Р.С. Белкин. – М.: Юристъ, 1997.

4. *Бучило, Н.Ф.* История и философия науки : учеб. пособие / Н.Ф. Бучило, И.А. Исаев. – М.: Проспект, 2011.

5. *Грин, Н.* Биология: пер. с англ. В 3 т. Т. 1 / Н. Грин, У. Стаут, Д. Тейлор. – М.: Мир, 1990.

6. *Гусаров, А.А.* Из истории судебной медицины / А.А. Гусаров // Судебно-медицинская экспертиза. – 2010. – № 1. – С. 44.

7. *Комиссаров, В.И.* Биологические следы человека как объект криминалистического исследования / В.И. Комиссаров, Е.В. Левченко. – М., 2009.

8. *Кохановский В.П.* Философия науки в вопросах и ответах: учеб. пособие для аспирантов / В.П. Кохановский [и др.]. – 6-е изд. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2010.

9. *Лешкевич, Т.Г.* Философия. Вводный курс / Т.Г. Лешкевич. – 2-е изд., доп. – М.: Контур, 1998.

10. *Мамурков, В.А.* Основы криминалистического учения о биологических объектах: монография / В.А. Мамурков. – Екатеринбург, 2002.

11. *Мерецкий, Н.Е.* Методология обнаружения и фиксации объектов криминалистического и судебно-медицинского характера: науч.-практ. пособие / Н.Е. Мерецкий, В.В. Прутовых. – М.: Юрлитинформ, 2009.

12. *Митричев, В.С.* Пограничные вопросы криминалистического, судебно-биологического исследования вещественных доказательств (к материалам Ученого совета ВНИИСЭ) / В.С. Митричев. – М., 1974.

13. *Надоненко, О.Н.* Криминалистическое значение следов биологического происхождения: автореф. дис. … канд. / О.Н. Надоненко. – Екатеринбург, 2002.

14. *Образцов, В.А.* Криминалистика: модели средств и технологий раскрытия преступлений: курс лекций / В.А. Образцов. – М.: Камерон, 2006.

15. *Павлинов, И.Я.* Современная систематика: методологические аспекты / И.Я. Павлинов // Труды Зоологического музея МГУ. Т. 34. – М.: Изд-во МГУ, 1996.

16. *Перепечина, И.О.* Идентификация личности при исследовании объектов биологического происхождения и проблема достоверности данных / И.О. Перепечина // Современное состояние и развитие криминалистики: сб. науч. трудов. – Харьков: Апостиль, 2012. – С. 82–98.

17. *Протасевич, А.А.* Кровь как структурный элемент следовой обстановки на месте происшествия / А.А. Протасевич, Д.А. Степаненко, В.И. Шиканов. – Иркутск: Изд-во ИГЭА, 1998.

18. *Федосюткин, Б.А.* Получение идентификационной и розыскной информации о личности погибшего (умершего) / Б.А. Федосюткин. – М., 1988.

19. *Федосюткин, Б.А.* Справочник следователя по медицинской криминалистике / Б.А. Федосюткин. – Ростов-на-Дону: Приазовский край, 2010.

20. *Шамонова, Т.Н.* Следы человека биологической природы при расследовании преступлений, их сущность / Т.Н. Шамонова // Развитие наук криминального цикла в Республике Башкортостан: матер. конф. Ч. 2. – Уфа, 2012. – С. 100–105.

21. *Шипунов, А.Б.* Основы теории систематики: учеб. пособие / А.Б. Шипунов. – М.: Диалог-МГУ, 1999.

О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ТЕХНОГЕННЫМИ ИСТОЧНИКАМИ ПОВЫШЕННОЙ ОПАСНОСТИ

В.Д. Корма

Корма Василий Дмитриевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина.

Контактный адрес: v.d.korma@gmail.com

В данной статье ставится вопрос о необходимости разработки методики расследования преступлений, связанных с техногенными источниками повышенной опасности, как целостной группы криминалистически сходных видов преступлений. Это особенно значимо для повышения качества разработок частных методик расследования отдельных подгрупп и видов рассматриваемых преступлений. Обоснована необходимость и реальная возможность объединения в объеме существующих частных методик в единый блок, который назван как криминалистическое учение о техногенных источниках повышенной опасности. Это позволило автору сконцентрировать внимание в одном поле, объединяющем многочисленные предметы и вещества, характеризующиеся потенциально высокой степенью риска наступления поражающих воздействий на здоровье и жизнь человека, окружающую материальную среду, а также морально-психологическим потрясением общества, исходящим от этих объектов при совершении преступлений как умышленных, так и неосторожных. В целях выявления особенностей криминалистической характеристики преступлений, связанных с техногенными источниками повышенной опасности, выделяются определенные группы криминалистически сходных видов и уголовно-правовые роды преступлений рассматриваемой категории. В статье указывается, что при всем различии уголовно-правовых характеристик и квалификации преступления, связанные с техногенными объектами, образуют относительно самостоятельный, родственный в криминалистическом отношении класс преступлений.

Ключевые слова: понятие и классификация техногенных источников повышенной опасности; особенности криминалистической характеристики преступлений, связанных с техногенными объектами; основные типичные ситуации расследования преступлений техногенного характера.

Несмотря на то, что в последние годы в России наблюдается тенденция к сокращению числа регистрируемых преступлений, уровень преступности остается относительно высоким. Большую озабоченность вызывают как преступные деяния корыстного, насильственного и корыстно-насильственного характера (убийства, террористические акты, хищения и др.), так и общественно опасные происшествия (техногенные взрывы, обрушения крыш строительных комплексов, дорожно-транспортные происшествия, авиакатастрофы, массовые отравления людей и др.), являющиеся следствием постоянного, повсеместного преступного нарушения хозяйствующими субъектами в области строительства, производства и распределения товаров и услуг, на транспорте и в других сферах профессиональной деятельности строительных, санитарно-эпидемиологических и иных видов правил нормативно-правового характера. Предметом, орудием или средством вышеуказанных виновно совершенных общественно опасных деяний зачастую выступают техногенные источники повышенной опасности[1]. Качество расследования значительной части данных преступлений оставляет желать лучшего.

Повышение эффективности работы следственного аппарата во многом определяется качеством методик расследования преступлений, поскольку изучение теоретических основ – это необходимая база решения важных для практики задач. Современное состояние изучения методики расследования преступлений характеризуется разнообразием подходов к раскрытию закономерностей расследования преступлений, в частности, систематизации типовых методик в зависимости от источников криминалистически значимой информации.

Методико-криминалистические особенности расследования отдельных видов преступлений, связанных с техногенными источниками повышенной опасности, нашли свое отражение в специальной литературе (например, преступления, связанные с транспортными средствами) [1; 4; 5], однако, в них не усматривается единого подхода, позволяющего повысить эффективность расследования преступлений данной категории.

[1] Техногенные источники повышенной опасности, на наш взгляд, это наиболее крупная часть источников повышенной опасности, служащих объектом правовых и криминалистических исследований. Главное отличие техногенных от других источников повышенной опасности заключается в том, что они являются продуктом целенаправленной человеческой деятельности, т. е. имеют искусственное происхождение.

В настоящее время обоснована необходимость и реальная возможность объединения существующих частных методик в единый блок, который назван как криминалистическое учение о техногенных источниках повышенной опасности [2; 3]. Это позволяет, по нашему мнению, сконцентрировать внимание в одном поле, объединяющем многочисленные предметы и вещества, характеризующиеся потенциально высокой степенью риска наступления поражающих воздействий на здоровье и жизнь человека, окружающую материальную среду, а также морально-психологическим потрясением общества, исходящим от этих объектов при совершении преступлений (умышленных и неосторожных). Отсюда вытекает специальный правовой режим обеспечения безопасности производства, хранения, видоизменения, перемещения в пространстве, эксплуатации, использования техногенных источников повышенной опасности в общественно полезных целях. Благодаря этому отпадает необходимость в дублировании составляющих основ отдельных методик расследования, поскольку между ними существует некоторая общность, а также могут быть обозначены те методики, которые плохо изучены, что придаст научным исследованиям целенаправленность. Опираясь на типовую методику, следователь в реальной ситуации может оценить возможное развитие расследования конкретного преступления и осмыслить возможность применения типового комплекса следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий к решению задач по конкретному уголовному делу.

Сегодня назрела необходимость разработки общей методики расследования преступлений техногенного характера. Системообразующим фактором, объединяющим различные виды указанных преступлений, являются техногенные источники повышенной опасности как важнейший элемент взаимодействия и отражения процессов подготовки, совершения и сокрытия этих преступных деяний. В свою очередь, эти обстоятельства предопределяют сходство ключевых задач, средств и методов выявления и расследования преступлений данного класса.

Методика расследования преступлений, связанных с техногенными источниками повышенной опасности, должна отражать закономерности поисково-познавательных процессов, определяемых особенностями механизма совершения преступлений данной категории через отношение исходных ситуаций расследования с предметом доказывания, которое определяет тактические задачи, а также средства и методы их решения, направленные на формирование системы доказательств в целях установления промежуточных и (или) правовых целей расследования.

В качестве составной части структуры типовой криминалистической методики расследования обычно выступает криминалистическая характеристика преступлений, назначение которой состоит в том, чтобы, отражая обобщенные данные о преступном деянии, объективировать процесс осмысления следственных версий. Однако эти взаимосвязанные данные можно проецировать на расследование конкретного преступления при условии установления их высокого коэффициента корреляции. Только при указанном условии эти обобщенные данные можно использовать при выдвижении типичных версий по конкретному уголовному делу.

Одним из базовых принципов научной разработки любой криминалистической характеристики преступлений является положение, согласно которому «всякая характеристика должна отражать существенные свойства, особенности, природу исследуемого объекта в целом или какие-то определенные, присущие ему закономерности, которыми он отличается от других объектов окружающей среды» [6: с. 97].

В целях выявления особенностей криминалистической характеристики преступлений, связанных с техногенными источниками повышенной опасности, можно выделить определенные группы криминалистически сходных видов и уголовно-правовые роды преступлений рассматриваемой категории. При всем различии уголовно-правовых характеристик и квалификации преступления, связанные с техногенными объектами, образуют относительно самостоятельный, родственный в криминалистическом отношении класс преступлений. На его специфику существенный отпечаток накладывает, в первую очередь, то, что к данной системе можно отнести любые преступные деяния, так или иначе связанные с техногенными источниками повышенной опасности. Целям определения специфики частей данного целого служит его классификация.

В зависимости от видов техногенных источников повышенной опасности исследуемые преступления можно разделить на следующие группы: 1) преступления, связанные с транспортными средствами; 2) преступления, связанные с машинами, механизмами и аппаратами; 3) преступления, связанные с оружием; 4) преступления, связанные с наркотическими средствами, а также с ядовитыми, взрывчатыми, радиоактивными и иными веществами.

В свою очередь, каждая из образующихся таким образом подсистем может быть дифференцирована далее на элементы, т. е. более низкого уровня, в зависимости от их связи с отдельными разновидностями техногенных источников повышенной опасности.

Различные варианты классификации рассматриваемого объекта создают базу для разработки проблем, задач, средств и методов расследования отдельных групп и видов исследуемой категории преступлений.

Проведенный нами сравнительный анализ результатов изучения отдельных групп и видов преступлений, связанных с происшествиями техногенного характера, показывает, что их сходство проявляется в комплексе признаков.

1. Преступления рассматриваемого класса в большинстве случаев совершаются специальным субъектом, имеющим служебный, должностной или иной профессиональный статус, либо иным лицом, имеющим специальные знания, опыт и навыки в изготовлении, ремонте, видоизменении, использовании техногенных источников повышенной опасности, а также в управлении ими.

2. Эти преступления в своей значительной части совершаются путем нарушения установленных правил нормативного характера, определяющих порядок, условия оборота (обращения) и безопасного функционирования техногенных источников повышенной опасности. Наряду с этим, они могут быть связаны с незаконным приобретением, хранением, перевозкой, передачей, изготовлением или сбытом данных объектов.

3. Для преступлений, связанных с техногенными источниками повышенной опасности, характерна потенциально высокая степень риска наступления поражающих воздействий на здоровье и жизнь человека, окружающую материальную среду. Высокая опасность наступления последствий при совершении преступлений анализируемого класса преступлений условно подразделяется на реальную, потенциальную и виртуальную (например, так называемый телефонный терроризм, связанный с виртуальными взрывами).

Взаимодействуя между собой и техногенными источниками повышенной опасности, действия (бездействие) субъектов криминальной активности, а также поведенческие акты иных лиц, втянутых в преступное событие, порождают сложные комбинации механических, физических, химических, биологических и иных процессов деструктивного характера, причиняющих вред охраняемым законом отношениям. Следы при этом взаимодействии образуются в виде деформационных изменений объектов, термических, электромагнитных, химических или иных воздействий и их результатов, происходящих в материальных телах на молекулярном либо атомном уровнях. Эти следы могут возникать как при кратковременном, так и при длительном воздействии на техногенный объект либо его воздействии на иные объекты. Криминалистическую значимость имеют также и идеальные отображения преступления – следы памяти участников упомянутого взаимодействия между собой и с техногенными источниками повышенной опасности.

В то же время наличие приведенных сходных признаков преступлений, связанных с техногенными источниками повышенной опасности, предполагают известную неоднородность отдельных подсистем рассматриваемого класса преступлений. В первую очередь, она определяется спецификой целей и мотивации действий субъектов криминальной деятельности. Обращает на себя внимание тот факт, что одна часть рассматриваемых преступлений характеризуется корыстной либо корыстно-насильственной направленности, а другая – мотивами иного плана. Последняя группа деяний представляет собой яркий пример уголовно наказуемого, небрежного, безответственного, недобросовестного исполнения определенных профессиональных обязанностей специальным субъектом либо иным лицом, правомерно или вопреки установленным уголовно-правовым запретом так или иначе взаимодействующим с техногенным источником повышенной опасности.

Различия внутри рассматриваемого единства обусловлено также неоднородностью самих техногенных объектов, характером нарушенных правил, спецификой вызываемых ими общественно опасных последствий, обстановкой содеянного и другими факторами. Однако это не препятствует распознаванию анализируемого класса преступлений и решению вопроса об ограничении их от деяний, не связанных с техногенными источниками повышенной опасности.

Рассмотренные обстоятельства позволили охарактеризовать исследуемый класс преступлений как уголовно-наказуемые деяния, необходимым элементом механизма подготовки, совершения и сокрытия, а также отражения которого является тот или иной техногенный источник повышенной опасности, выступающий в роли предмета, орудия или средства преступления.

Изучение и обобщение следственной практики показывает, что уголовные дела о преступлениях, связанных с техногенными объектами, возбуждаются зачастую в условиях двух типичных следственных ситуациях: 1) в связи с обнаружением общественно опасных происшествий как возможных материальных последствий преступного деяния; 2) в связи с обнаружением преступных действий (бездействия), связанных с техногенными источниками повышенной опасности. В первой ситуации процесс доказывания осуществляется на основе принципа обратного причинного следования (от фактов-следствий к фактам-причинам). Реализация данного принципа предполагает последовательное установление обстоятельств, относящихся к характеристике происшествия, его непосредственной (ближайшей), а затем основной причины содеянного, т. е. действий либо бездействия виновных.

Во второй типичной ситуации основная задача расследования первоначального этапа расследования сводится зачастую к проверке процессуального доказывания достоверности исходной информации о совершении деяния и личности правонарушителя, включая производство предварительных криминалистических исследований; взаимодействия следователя с работниками органов дознания, наделенными полномочиями по осуществлению оперативно-розыск-

ной деятельности, а также использование следователем оперативно-розыскной информации и его участие в анализе, оценке и проверке результатов проведения оперативно-розыскных мероприятий.

В заключение следует отметить, что общая методика расследования преступлений, связанных с техногенными источниками повышенной опасности, имеет, на наш взгляд, как теоретическое, так и практическое значение, потому что, во-первых, позволит определить место любой вновь разрабатываемой методики в классификационном ряду, во-вторых, исключить дублирование, которое сегодня стало типичным явлением. Отдельно следует подчеркнуть большое значение данной методики в совершенствовании учебно-педагогической деятельности в системе юридического образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Захаров, С.Н.* Водно-транспортные преступления. Расследование и предупреждение / С.Н. Захаров. – М., 1977.
2. *Корма, В.Д.* Основы криминалистического учения о техногенных источниках повышенной опасности: дис. … д-ра юрид. наук / В.Д. Корма. – М., 2006.
3. *Корма, В.Д.* Основы расследования происшествий, связанных с техногенными источниками повышенной опасности / В.Д. Корма. – М.: Юрлитинформ, 2007.
4. Методика расследования происшествий на железнодорожном и авиатранспорте / под общ. ред. В.А. Морозова. – М., 2001.
5. *Онучин, А.П.* Методика расследования дорожно-транспортных происшествий / А.П. Онучин. – Свердловск, 1986.
6. *Танасевич, В.Г.* О криминалистической характеристике преступлений / В.Г. Танасевич, В.А. Образцов // Вопросы борьбы с преступностью. – М., 1976. – Вып. 25. – С. 97.

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП РАССЛЕДОВАНИЯ ХИЩЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ПРИ КАПИТАЛЬНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ

Н.Е. Мерецкий

Мерецкий Николай Евгеньевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

Контактный адрес: kaf_ugpd@festu.khv.ru

В статье исследуются некоторые проблемы раскрытия и расследования хищений, совершаемых при капитальном строительстве железных дорог. Данные преступления, как правило, растянуты во времени, носят разветвленный характер и совершаются группами преступников с большими профессиональными знаниями. Такие группы характеризуются организованностью, устойчивостью и сплоченностью. Руководитель группы вырабатывает надежные способы подготовки, совершения и сокрытия хищений, совершаемых при капитальном строительстве железных дорог.

Последовательность преступных действий, как правило, различна, способ подготовки одновременно может быть способом сокрытия и совершения данного преступления. Расхитители вначале создают резервы фонда заработной платы, а затем составляют подложные документы, на основании которых начисляют и присваивают материальные ценности и деньги. Возможен и обратный вариант: изъятие материальных ценностей и денег с последующим сокрытием недостачи путем составления подложных документов.

С целью накопления денежных средств применяется завышение фактических объемов и стоимость строительных работ в проектно-сметной документации. Оно может быть прямым, т. е. завышается объем скрытных видов работ (земляные, вспомогательные и т. п.) или более завуалированными, например, за счет искусственного усложнения условий и увеличения трудоемкости работ (предусматривается большая доля ручного труда, неправильно указывается категория грунта: вместо песчаного – глина с гравием и т. д. Также неправомерно увеличиваются нормы накладных расходов, в сметах применяются различные удорожающие коэффициенты, например, в проектах указываются более дорогостоящие материалы.

При доказывании названных обстоятельств используются различные криминалистические возможности. Однако следует иметь в виду, что по любому уголовному делу, в том числе и по хищениям, совершаемым при капитальном строительстве железных дорог, подлежат доказыванию обстоятельства, перечисленные в ст. 73 УПК РФ.

Ключевые слова: хищения, железные дороги, строительство, проектно-сметная документация, латентность, ситуация, сокрытие, соучастник, недостача, преступный замысел, мотив, расследование.

Железные дороги с начала их строительства (и по сей день) играют важную роль в развитии страны, надолго определяя ее технический прогресс. Капитальное строительство железных дорог как в XIX, XX, так и в XXI в. базируется на определенном плане, который в настоящее время разрабатывается и утверждается руководством ОАО «Российские железные дороги». Этот план постепенно, хотя и незначительными темпами, но реализуется в строительстве. Однако планирование строительства железных дорог является проектом, направленным на социально-экономическое развитие регионов и России в целом. Так, 26 апреля 2012 г. на Рижском вокзале Москвы Председатель правительства В.В. Путин провел совещание по вопросу создания в России сети высокоскоростных магистралей и перспективам развития отечественной железнодорожной инфраструктуры. В частности, он сказал, что «…в качестве первоочередных проектов, по которым требуются безотлагательные решения это строительство высокоскоростной магистрали Москва – Санкт-Петербург, модернизацию Байкало-Амурской магистрали в интересах роста экономики Восточной Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока» [3].

Производство капитального строительства железной дороги без всяких проектов и смет технически невозможно. Проектно-сметная документация разрабатывается на основании государственной необходимости прокладки железной дороги в тот или иной регион страны. Кроме того, в настоящее время капитальное строительство железных дорог в большинстве случаев осуществляется вахтовым методом, что в какой-то степени удешевляет и ускоряет сдачу объекта в эксплуатацию.

Высокий уровень латентности хищений при капитальном строительстве железных дорог обусловливает необходимость поиска оптимальных методов их выявления. Одним из направлений в этой деятельности является получение на основе специального криминалистического анализа данных, которые могут быть применены в практике правоохранительных органов. Результативность и эффективность раскрытия и расследования обозначенных преступлений зависит от множества факторов. В криминалистической литературе отмечается, что под выявлением преступления понимается деятельность, позволяющая установить в каждом конкретном случае

совокупность признаков преступления, содержащую достаточные основания для возбуждения уголовного дела [1: с. 20]. Рассматривая проблему латентности преступлений, связанных с хищениями при капитальном строительстве железных дорог, необходимо отметить, что «скрытая» преступность в этой сфере существует в таких основных видах, как:

1) естественная латентность (преступления, о факте совершения которых ни правоохранительным органам, ни представителям строительных компаний, ни отдельным гражданам – мастерам, рабочим, ничего неизвестно; о преступном событии знают только виновное лицо и его сообщники, не заинтересованные в разглашении сведений об этом; такие общественно опасные деяния, как правило, заранее обдуманы, детально спланированы, хорошо замаскированы);

2) искусственная латентность (составляет большое количество преступлений, которые хотя и известны представителям строительных компаний и отдельным субъектам, но ни те, ни другие не заявляют о них в соответствующие органы; среди мотивов подобного поведения – стремление скрыть преступление, так как его выявление может нанести вред престижу компании; безразличие к гражданскому долгу принимать участие в борьбе с преступностью и др.).

Содержание деятельности, связанной с выявлением хищений при капитальном строительстве железных дорог, имеет определенную специфику, что связано со значительным отличием данного вида противоправных деяний от «традиционных».

Изучение практики показывает, что характер преступных нарушений в области капитального строительства железных дорог крайне разнообразен. Отсюда и доказывание события совершения обозначенных преступлений требует установления следующих основных обстоятельств: 1) имелся ли факт хищения и на каком этапе; 2) каким способом реализован преступный замысел; 3) что представляет собой место хищения; 4) время совершения (длительность преступления); 5) кому и в каком размере причинен материальный ущерб.

Полагаем, что в этих условиях различными являются и мотивы их совершения, так же как и последствия, наступившие в результате действия (бездействия) субъектов. В связи с этим специфика первоначального этапа раскрытия и расследования хищений, совершаемых при капитальном строительстве железной дорог, обусловлена комплексом обстоятельств, которые необходимо установить на этапе проведения предварительной проверки, предшествующей возбуждению уголовного дела. В теории возбуждение уголовного дела определяется по-разному, а именно: 1) соответствующее решение компетентных органов, закрепленное в постановлении о возбуждении уголовного дела, иными словами процессуальный акт (ст. 146 УПК РФ); 2) уголовно-процессуальный институт (т. е. совокупность норм права, регулирующих группу однородных общественных отношений, в том числе отношений, возникающих в ходе деятельности по рассмотрению и разрешению сообщений о преступлениях); 3) стадия уголовного судопроизводства, т. е. самостоятельный этап, характеризующийся конкретными задачами, целями, субъектами, средствами, сроками и итоговым процессуальным решением [2: с. 309–310; 5: с. 7–9; 7: с. 7–9].

Следователь постоянно изучает сложившуюся ситуацию, поэтому к числу важнейших задач при возбуждении уголовного дела по факту хищения, совершаемого при капитальном строительстве железной дорог, относится получение ответа на вопрос: имело ли место событие преступления, т. е. предусмотренное Уголовным кодексом РФ общественно опасное деяние. Данный элемент предмета доказывания составляет главный факт, который необходимо выяснить в начальный период расследования. Кроме того, «разрешая ситуации первоначального этапа, следователь проводит документальные проверки, ревизии (ст. 144 УПК РФ), делает запросы (ст. 21 УПК РФ) о предоставлении документов, предметов, которые исследует, в том числе с привлечением для этого специалистов (ст. 144 УПК РФ)» [6: с. 207].

Круг доказательств, устанавливающих событие преступления, сравнительно широк, и далеко не все они могут одновременно свидетельствовать о событии преступления, и о совершении его конкретным субъектом (начальником строительства, мастером, прорабом или иным должностным лицом). Необходимая для этого совокупность доказательств должна быть получена путем всестороннего, полного и объективного исследования определенных обстоятельств хищения. Устанавливая их, необходимо выяснить, на какой стадии совершено хищение. Оно может быть при: 1) строительстве; 2) недоброкачественных изыскательских работах; 3) недоброкачественном проектировании; 4) самовольном изменении утвержденных проектов и смет; 5) приуменьшении (преувеличении) проектной сметной стоимости строительства; 6) срыве сроков проектирования; 7) недоброкачественном (например, уменьшение высоты или ширины железнодорожной насыпи, слабая балластировка, отсутствие водоотводов и т. п.) строительстве; 8) бесхозяйственной организации (например, затяжка и срыв сроков начала или окончания) строительных работ; 9) незаконном финансировании строительства и т. д. В рамках данного исследования не представляется возможным проанализировать все перечисленные фазы от принятия решения до сдачи объекта в эксплуатацию, однако, во всех случаях схема хищений примерно одна. Позволим остановиться лишь на некоторых из них.

Следует обратить внимание на то, что осуществление строительства железных дорог сопряжено

с прохождением следующих основных этапов: разработки государственной программы (обоснования) строительства, в которую включено проектирование, утверждение проектов и смет, строительство и монтаж оборудования. Все эти этапы теснейшим образом связаны между собой. Поэтому дефекты, вскрытые на более позднем этапе строительства, могут быть следствием преступных действий, совершенных в более раннем периоде. В силу этого представляется целесообразным рассмотреть в рамках статьи основные проблемы расследования хищений, совершаемых при капитальном строительстве железных дорог.

Итак, на этапе проектирования железных дорог решаются технические проблемы строительства, сроки начала и окончания его, качество и эффективность в результате эксплуатации. Проектирование разделяется на три стадии.

На *первой* происходит составление проектного задания, которое обязательно сопровождается производством изысканий, а иногда научно-исследовательскими работами.

На *второй стадии* осуществляется составление технического проекта и смет к нему на основе проектного задания и только после утверждения последнего соответствующей инстанцией. Технический проект должен быть комплексным и содержать основные технические решения по производственной, строительной и энергетической части дороги. Наряду с техническим проектом, должны быть составлены сметы и сметно-финансовые расчеты, состоящие: а) из генеральной (сводной) сметы всего строительства в целом; б) сметы и сметно-финансовых расчетов по отдельным объектам строительства (например, трансформаторным подстанциям, оборотным ДЭПО, железнодорожным переездам, водоотводам и т. д.), без которых эксплуатация невозможна; в) сметы и сметно-финансовых расчетов на отдельные работы и затраты по каждому объекту (или статье затрат) строительства; г) составляются (предусматриваются) сметы нелимитированные и специальные расходы по работам, которые не могут быть уточнены в техническом проекте. В этом случае делается детальный расчет, который затем общей суммой по каждому объекту или отдельным видам затрат переносится в генеральную смету.

На *третьей стадии* составляются рабочие чертежи, по которым осуществляются строительные и монтажные работы. При составлении рабочих чертежей происходит уточнение смет и сметно-финансовых расчетов в соответствии с определенными по рабочим чертежам объемами, спецификациями оборудования железной дороги (подстанции, симафоры и т. п.), с данными гидрогеологических геотехнических исследований, а также детальную разработку вопросов охраны труда и техники безопасности (надзор за техническим состоянием электроустановок, электрических станций, трансформаторных и тяговых подстанций, электрических сетей, внутренних электропроводок и отдельных токоприемников у потребителей. Следует иметь в виду, что необходимо предусмотреть (разработать) техническую документацию по обеспечению безопасного обслуживания электрических (технических, автомобильных, железнодорожных и т. д.) установок и устройств, используемых в период капитального строительства железных дорог, которые осуществляются специально назначенными работниками ведомственного надзора хозяйства, в том числе электрификации и энергоснабжения.

Результаты проведенного нами исследования показывают, что характер обстановки, в которой осуществляются хищения при строительстве железных дорог, как правило, несколько отличается от обстановки других видов преступной деятельности. Безусловно, вещественные, пространственные, временные и поведенческо-психологические факторы здесь также играют немаловажную роль. Однако следует иметь в виду, что необходимым условием доказывания по обозначенным преступлениям является способ его совершения, который складывается, во-первых, из последовательности действий преступной группы; во-вторых, из взаимосвязанной системы действий, включающей в себя три стадии: подготовку, совершение, сокрытие; в-третьих, из системы действий направленных на единый конечный результат.

При расследовании хищений, совершаемых при капитальном строительстве железной дороги необходимо также иметь в виду, что в актах приемки учитывается не только стоимость физических объектов, но и вся стоимость выполненных (на момент проверки или расследования) работ, в том числе материалов, эксплуатации строительных машин, накладные расходы, плановые накопления. Именно поэтому прибегают к различным способам завышения количества и качества выполненных работ. К ним относится: составление наряда на выполненные работы, которые вообще не выполнялись; неправильное увеличение физических объемов; указание работ, ранее оплаченных по другим нарядам; включение в наряды (отдельно от других) работ, входящих в состав комплекса, имеющего единую расценку и уже указанного в этом или другом документе; указание механизированных работ как выполненных вручную; применение в нарядах более высоких расценок; применение удорожающих коэффициентов, например, предусмотренные при малом объеме работ, вредных или зимних условиях и т. д.; включение в наряды работ, выполненных посторонней рабочей силой.

Приходится, в частности, отметить, что с самого начала важно правильно определить рамки расследования хищений, совершаемых при капитальном строительстве железной дороги, ограничив их только действительно необходимым кругом фактов. Следователь не должен распылять своего внимания

по многочисленным элементам строительства, в которых можно иногда найти немало неполадок, неурядиц, требующих административного, дисциплинарного, но не уголовного вмешательства.

Практика показывает, что в большинстве случаев строительство начинается в тот момент, когда, во-первых, проект и сметы, хотя и готовы, но еще не утверждены, во-вторых, приступают к строительству, не имея еще полностью разработанных проектов и смет, в-третьих, строительные и монтажные работы проводятся с отступлением (нарушением) от разработанных проектов и смет. Вопрос о полноте технической документации может быть решен только путем назначения судебно-строительной экспертизы в силу того, что для разрешения этого вопроса необходимы специальные познания. Выбор способа хищений зависит от многих факторов. Прежде всего, используются недостатки в организации внутриведомственного и банковского контроля.

Поэтому к общим методам предварительной проверки первичных материалов о хищениях, совершаемых при капитальном строительстве железной дорог, необходимо отнести:

– получение объяснений от заявителя (должностного лица заподозренного в совершении преступления);

– подготовку вопросов возможным свидетелям (очевидцам, бухгалтерам) события;

– проверку имеющихся в распоряжении органа дознания, дознавателя или следователя документов на действительность, полноту и содержание, подтверждающих факт противоправного деяния;

– подготовку запросов об истребовании иных документов и материалов, свидетельствующих о хищении;

– предварительное исследование материальных объектов (технических и программных устройств, документов), используемых при строительстве;

– проведение оперативно-розыскных мероприятий;

– консультации со специалистами;

– ознакомление с предметом посягательства и деятельностью руководителя строительной организации.

Изучение практики показывает, что конкретная программа проверочных мероприятий зависит от сложившейся исходной ситуации, имеющейся на момент поступления материалов о совершении хищения, совершенного при капитальном строительстве железной дороги на определенном участке или в целом на всем протяжении строящегося пути.

На начальном этапе расследования хищений, совершаемых при капитальном строительстве железной дороги, следователь обязан, независимо от назначения экспертизы проверить, во-первых, имелась ли к началу строительства требуемая законом техническая документация; во-вторых, имеются ли материалы ведомственных проверок или обследований, проводимых контрольными органами; в-третьих, осуществлялась ли налоговая или аудиторская проверка финансовой деятельности (заказчика или подрядчика) организации и в какие сроки; в-четвертых, в каком количестве затрачены денежные средства, строительные материалы; в-пятых, не было ли перенасыщенности строительства рабочей силой и строительными материалами и, в положительном случае – в каком количестве и по каким причинам; в-шестых, какое значение имело строительство отдельных (дополнительных) объектов для своевременного ввода в эксплуатацию строящейся железной дороги: срыв или задержка строительства объектов, предусмотренных титулом, срыв финансирования этих объектов и т. п.

По уголовным делам, возбужденным по факту хищения, совершенного при капитальном строительстве железной дороги, необходимо, во-первых, уяснить какие технические документы надлежало составить и утвердить до начала строительства, каков объем этих документов и в чьем ведении (производстве) они находились и кем утверждаются; во-вторых, допросить ревизоров или лиц, производивших инвентаризацию или аудиторскую проверку; в-третьих, осмотреть документы и места производства строительных работ; в-четвертых, установить местонахождение и допросить лиц, фамилии которых значатся в акте ревизии в представленных документах, в том числе и лиц, утверждавших эти документы; в-пятых, произвести выемку необходимой документации; в-шестых, назначить необходимые экспертизы.

По вопросу о количестве денежных средств, рабочей силы и строительных материалов, затраченных при капитальном строительстве железной дороги (участка дороги), следователю необходимо получить официальные справки от соответствующих отделов управления строительством (плановый, отдел снабжения и др.), изъять бухгалтерскую документацию.

По вопросу о срыве или задержке строительства объектов, предусмотренных титулом, ценную информацию можно получить как оперативным путем, так и при производстве следственных действий (допросы, осмотры, назначение экспертиз и др.). Допрашивая бригадиров, рабочих, прораба, мастера и др. лиц, можно установить конкретные случаи, когда со строительства конкретного объекта рабочая сила (вахтовые бригады) и строительные материалы перебрасывались на другие объекты. В подтверждение таких показаний следует изъять транспортные или иные документы: наряды на перевозку, требования на строительные материалы, накладные или же произвести осмотр участка строящейся железной дороги (объекта). Кроме того, следует установить, осуществлялось ли преуве-

личение или преуменьшение сметной стоимости строительства, которое достигается следующим способами: а) неправильным исчислением сметных норм; б) использованием неверных цен на рабочую силу (прием на работу рабочей силы из «ближнего» либо «дальнего» зарубежья) и оплата по заниженным тарифам; в) неправильным использованием расценок для работы строительных механизмов; г) неправильным применением установленных для данного строительства процентов (северных или дальневосточных надбавок) и транспортных расходов; д) пропуском отдельных объектов и работ, предусмотренных проектом.

Следует иметь в виду, что сметная стоимость строительства может оказаться преувеличенной или преуменьшенной в результате допущенных неправильностей и ошибок арифметического характера при подсчетах объемов, площадей (длина железнодорожного полотна, высота или ширина насыпей, участков с вечной мерзлотой и др.), стоимости и итогов.

Если предварительным расследованием установлено наличие конкретных нарушений, допущенных в тех или иных местах при капитальном строительстве железной дороги или несоответствий с иной технической документацией (сметы, планы, проекты и т. д.), то истребовав их, необходимо назначить экспертное исследование конкретного документа или участка. При этом следователь обязан собрать все возможные данные о дефектах строительства еще до вынесения постановления о назначении экспертизы. Эти данные можно получить из актов обследования железной дороги, актов сдачи и приемки выстроенных объектов, переписки между заказчиком и подрядчиком, претензионных документов.

Содействуя в установлении фактов, которые еще не выявлены в ходе расследования, проверочные действия и разрабатываемые на их основе розыскные версии направляют следствие на собирание необходимых доказательств. Поэтому до того момента, когда при проведении расследования появляется возможность проводить те или иные следственные действия, основанные на анализе конкретных данных, основную роль в планировании по уголовному делу выполняют так называемые типичные версии.

В то же время очевидным является тот факт, что в процессе формирования фактической базы при планировании следователь должен изучить всю информацию, входящую в содержание исходных данных по уголовному делу, и объяснить с ее помощью различные, часто несовместимые и противоречащие друг другу версий.

По своему содержанию типичные версии, основанные на обобщении следственной практики (при строительстве различных объектов) и данных науки, помогают следователю анализировать и давать предположительное объяснение хищений, совершаемых при капитальном строительстве железных дорог с учетом конкретной ситуации. Типичные версии служат полноценным ориентиром в период проведения первоначальных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий для принятия правильного решения, например, задержание субъекта до возбуждения уголовного дела. Когда оперативно-розыскное мероприятие, в ходе которого оперативный работник выдвигал и проверял розыскные версии, проводится до возбуждения уголовного дела, то следователь впоследствии имеет возможность в период работы с имеющейся информацией, получить (закрепить) ее доказательствами.

Поскольку в отечественном уголовном процессе на следователя возлагается обязанность не только собирания, но и проверки, оценки доказательств, закономерно то, что вся собираемая информация должна являться основой планирования мероприятий. Это, с одной стороны, существенно усложняет работу следователя, а с другой – способствует систематизации и оценке трудоемкости всех действий и потребных затрат времени.

Планируя работу по уголовному делу, возбужденному по факту хищения, совершенного при капитальном строительстве железной дорог, следователь преследует одну главную цель: выполнять за один и тот же период времени больше работы, или, иначе говоря, затрачивать на одну и ту же работу меньше времени, добиваться при этом более высокого результата. Исходя из этого, Н.А. Селиванов совершенно прав, когда пишет, что «планирование призвано обеспечить точность, полноту, быстроту расследования при минимальных затратах времени, сил и средств» [4: с. 110]. Тот, кто хочет хорошо планировать и организовывать свое время, должен, по нашему мнению, иметь представление: а) о фактах и обстоятельствах, которые должны быть установлены в результате производства следственных действий, оперативно-розыскных и иных мероприятий; б) о потенциальной производительности своего труда и труда своих сотрудников; в) о времени и наличии сил, находящихся в его распоряжении; г) материальных и научно-технических средствах, которыми он располагает.

Однако следует уточнить, что для выполнения тех или иных мероприятий в целях получения доказательств по уголовному делу, следователь самостоятельно решает, в какой последовательности при планировании, и к каким процессуальным средствам ему лучше прибегнуть, реализуя оперативную информацию. Процесс планирования расследования хищений, совершаемых при капитальном строительстве железных дорог, по нашему мнению, проходит следующие фазы: 1) прежде всего, требуется уяснить происшедшее (совершено хищение денежных средств, строительных материалов, уклонение от уплаты налогов, нарушения, связанные с ведением регистров бухгалтерского учета, завышение данных об объеме выполненных

работ, искажения описания работ, арифметическая ошибка или иное правонарушение) в целом и собрать всю доступную информацию; 2) собранную информацию следует классифицировать, подвергнуть анализу и оценке, т. е. произвести ее обработку; 3) разработать различные варианты принимаемого решения; 4) выбрать оптимальное решение в соответствии с определенными, наиболее актуальными для данного момента критериями; принять решение; 5) осуществить решение путем реализации имеющейся информации в доказательства, назначив конкретных исполнителей, установления сроков и способов их осуществления; 6) установить методы и условия контроля за исполнением; 7) определить формы воплощения поступающей информации, ее анализ и возможность легализации.

В то же время очевидным является тот факт, что планирование расследования хищений, совершаемых при капитальном строительстве железной дороги, по нашему мнению, – процесс строго рациональный, хотя мы и не отрицаем значения для этой процедуры творческой оригинальности, воображения, субъективных суждений и мнений. Обстоятельный анализ определяет недостатки и их причины, создает предпосылки для получения необходимых доказательств. Если в период расследования конкретного факта совершения хищения материально-ответственным лицом методами документальной или фактической проверки хозяйственных операций выявляются излишки или недостача товарно-материальных ценностей, противоречия и несоответствия в первичных учетных и бухгалтерских документах, то необходимо, во-первых, тщательно исследовать причины, период образования и своевременного невыявления недостач и излишков; во-вторых, кем, когда и с какой целью внесены недостоверные или искаженные сведения в документы. Для сбора и анализа информации о признаках хищения следователь или оперативный работник могут использовать методы документальной и фактической проверки экономического технологического и криминалистического исследования документов.

В том случае, если необходимых доказательств недостаточно для привлечения расхитителя (должностного лица) к ответственности, то необходимо запланировать и провести осмотр строящейся железной дороги (участка дороги) и сопутствующих объектов. При осмотре строительства в протоколе осмотра надо очень подробно описать все то, что имеет значение доказательства, но не может быть изъято и сохранено: недостаточная отсыпка насыпи (ширина, высота, утрамбовка и т. д.); покосившиеся симофорные столбы; трещины в стенах электроподстанций, фундаментах, площадках под оборудование, технологические (отступления от проекта) нарушения прохождения участков дороги с вечной мерзлотой и т. п. Все обязательно фотографируется или используется видеосъемка.

Для установления важнейших обстоятельств по делам о хищениях, совершаемых при капитальном строительстве железной дороги, необходимо точное выяснение моментов начала и окончания преступной деятельности. Установление периода совершения хищения уже на начальном этапе расследования позволяет выдвинуть обоснованные версии о возможном круге участников преступной группы, достоверно выяснить роль каждого соучастника преступления. При этом необходимо устанавливать не только время непосредственного изъятия и (или) обращения чужого имущества в пользу виновного или других лиц, но и время создания источников хищения, период сокрытия недостачи.

Проведенный анализ правоприменительной практики показал, что качество и эффективность работы правоохранительных органов, связанной с расследованием хищений, совершаемых при капитальном строительстве железных дорог, находятся в непосредственной связи со своевременностью возбуждения уголовного дела и проведением всех необходимых мероприятий, направленных на пресечение обозначенной деятельности.

Установив роль каждого участника хищения, следователь должен принять все меры по возмещению причиненного ущерба, выявлению и устранению причин и условий, способствовавших совершению преступления.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Галанова, Л.В.* Некоторые аспекты выявления преступлений / Л.В. Галанова // Теория и практика криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. ст. / Л.В. Галанова; под ред. проф. В.В. Козлова. – Саратов: СГАП, 1998. – С. 20.

2. *Григорьев, В.Н.* Уголовный процесс: учебник / В.Н. Григорьев, А.В. Победкин, В.Н. Яшин. – М.: Эксмо, 2005. – С. 309-310.

3. Перспективы развития. Планирование железнодорожной инфраструктуры // Саквояж. – М., 2012. – 86 с.

4. *Селиванов, Н.А.* Советская криминалистика: система понятий / Н.А. Селиванов. – М.: Юрид. лит., 1982. – С. 110.

5. *Химичева, Г.П.* Рассмотрение милицией заявлений и сообщений о преступлении: монография / Г.П. Химичева. – М.: ЮИ МВД России, 1997. – С. 7–9.

6. *Шурухнов, Н.Г.* Осмотр места происшествия и допрос свидетелей на первоначальном этапе расследования экологических преступлений / Н.Г. Шурухнов // Организация деятельности органов предварительного следствия и дознания в системе МВД России: управленческие и криминалистические проблемы: сб. материалов Всероссийской науч.-практич. конф. В 2 ч. – М.: Академия управления МВД России, 2012. – С. 207.

7. *Яшин, В.Н.* Возбуждение уголовного дела. Теория, практика, перспективы: учеб. пособие для вузов / В.Н. Яшин, А.В. Победкин. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2002. – С. 7–10.

О НЕОБХОДИМОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ РОССИИ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ СПЕЦИАЛЬНОГО ЗАДАНИЯ

С.В. Пархоменко
Е.В. Радченко

Пархоменко Светлана Валерьевна – доктор юридических наук, профессор, директор Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ.

Контактный адрес: psvet@mail.ru

Радченко Екатерина Владимировна – аспирант кафедры уголовного права Байкальского государственного университета экономики и права (г. Иркутск).

Контактный адрес: rad-e.v@mail.ru

В статье авторами с учетом негативных тенденций развития криминальной ситуации в России, выражающиеся, в частности, в том, что современная преступность становится более профессиональной и организованной, приобретает скрытые и законспирированные формы, ставится вопрос о возможности регламентации в Уголовном кодексе России причинение вреда при выполнении специального задания правоохранительных органов. Отмечается, что вопрос необходимости уголовно-правовой оценки причинения вреда при выполнении специального задания недостаточно исследован в российской доктрине уголовного права и не имеет однозначного решения.

На основе анализа действующих нормативно-правовых актов России, зарубежного законодательства и доктринальных источников авторы приходят к мнению о необходимости закрепления «выполнения специального задания» в качестве обстоятельства, исключающего преступность деяния. При этом обозначаются основные критерии возможной правомерности причинения вреда при выполнении специального задания и очерчиваются параметры соответствующей законодательной конструкции.

Ключевые слова: борьба с преступностью; обстоятельства, исключающие преступность деяния; выполнение специального задания.

Современный этап развития российского общества характеризуется негативными тенденциями развития и изменения криминальной ситуации. Несмотря на то, что данные официальной статистики указывают на постоянное снижение количества зарегистрированных преступлений, наблюдаются опасные качественные изменения преступности, в частности, повышения уровня её латентности, профессионализма и организованности, наиболее ярко и отчетливо проявляющиеся в форме организованной преступности [1; 18].

Организованная преступность – не сумма преступных организаций и не сумма преступлений, совершенных ими. Организованная преступность представляет собой проявление особого качественного состояния преступности и общества в целом. Организованная преступность определенным образом «сцепляет» отдельные преступления и их виды, интегрирует их в единую систему. Таким образом, организованная преступность, прежде всего, – это система организованных преступных формирований, их отношений и широкомасштабной преступной деятельности по поводу извлечения незаконной прибыли [4; 12].

Организованные преступные формирования характеризуются иерархичностью, высоким уровнем криминального профессионализма, организации и конспирации преступной деятельности, коррумпированными связями с органами власти и управления, имеют систему обеспечения своей внутренней и внешней безопасности [3; 7; 10].

Общественную опасность организованной преступности сложно переоценить, так как она создает угрозы или оказывает деструктивное воздействие практически на все сферы жизнедеятельности общества. Главная ее особенность заключается в том, что возникнув, организованная преступность приобретает тенденции к расширенному воспроизводству, поражая все новые и новые сферы социальной жизни и экономического механизма.

Столь опасные проявления организованной преступности и особенности ее функционирования требуют от государства в целом и его правоохранительных органов выработки и эффективного применения на практике адекватной системы мер борьбы с указанным социально-негативным явлением. По образному выражению Н.Г. Иванова: «Тотализация преступности требует активизации всех разумных правовых возможностей для купирования криминального вала» [5].

Одной из составляющих данной системы мер является применение специальных методов проведения оперативно-розыскных мероприятий, направленных на выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и ус-

тановление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших (ст. 2 и 6 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» – далее ФЗ «Об ОРД»).

С одной стороны, наиболее эффективным, но, с другой – сложнейшим оперативно-розыскным мероприятием, направленным на борьбу с организованной преступностью, является оперативное внедрение (п. 12 ч. 1 ст. 6 ФЗ «Об ОРД»). В действующем российском законодательстве содержание и сущность данного оперативно-розыскного мероприятия не раскрывается. Согласно теории и практике оперативно-розыскной деятельности оперативное внедрение заключается в легендированном вводе сотрудника оперативного подразделения или лица, оказывающего им содействие на конфиденциальной основе, в криминальную среду или на соответствующие объекты для добывания сведений о лицах, фактах и обстоятельствах, представляющих оперативный интерес, воздействия на лиц и ином конспиративном участии в решении или способствовании решению задач оперативно-розыскной деятельности [8; 9; 16; 19].

Одной из наиболее острых проблем оперативного внедрения является регламентация правового положения, мер юридической ответственности и защиты, социальных гарантий внедряемых лиц. Как указывается в научно-практической литературе, негласная деятельность лиц, выполняющих специальные задания, связана с имитацией или непосредственным участием в противоправных деяниях, при вынужденном совершении которых такие лица подлежат правовой защите. Данное обстоятельство обусловлено тем, что в целях эффективного выполнения возложенных задач (добывание информации о планах и замыслах преступной структуры, способах и средствах их реализации, оказания на ее деятельность оперативного воздействия) внедренным лицам необходимо пользоваться доверием ее руководителей и участников. Для этого лицам, выполняющим специальные задания в криминальной инфраструктуре, требуется «вжиться в роль», быть адаптированным к среде внедрения, что предполагает имитацию преступной деятельности или реальное совершение преступных деяний. В этой связи имеющая нормативно-правовая база России подвергается критической оценке в силу отсутствия легального механизма реализации мер правовой защиты внедряемых лиц и рассогласованности актов, регламентирующих оперативно-розыскную деятельность, с Уголовным кодексом Российской Федерации (УК РФ) [2; 13; 17].

Действующее российское законодательство ограничивается указанием на то, что «при защите жизни и здоровья граждан, их конституционных прав и законных интересов, а также для обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств допускается вынужденное причинение вреда правоохраняемым интересам должностным лицом органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, либо лицом, оказывающим ему содействие, совершаемое при правомерном выполнении указанным лицом своего служебного или общественного долга» (ч. 4 ст. 16 ФЗ «Об ОРД»). Однако в ч. 4 ст. 16 ФЗ «Об ОРД» отсутствует указание на возможную степень тяжести причинения вреда правоохраняемым интересам, не приводится описание ситуаций, при которых он оправдан, и самое главное не содержится характеристика правовых последствий совершения подобных действий (исключения преступности деяния, освобождение от уголовной ответственности или наказания, смягчения мер ответственности) [11].

Вместе с тем указанные вопросы непосредственно входят в сферу правового регулирования уголовного законодательства. Поэтому встает вопрос о необходимости их решения в УК РФ и соответствующей уголовно-правовой легализации института причинения вреда при выполнении специального задания.

Причиняя вынужденный вред правоохраняемым интересам в ходе выполнения специального задания, внедренное лицо действует по заданию правоохранительных органов в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия совершаемых организованными преступными группами преступлений. В этой связи возникает своеобразная правовая коллизия: объективно общественно опасное и противоправное деяние имеет социально полезную направленность на выявление, пресечение и раскрытие тяжких и особо тяжких преступлений. В этой связи государство должно идти на компромисс: допускать и санкционировать путем признания правомерным причинение вреда одним социальным ценностям для достижения необходимого позитивного для общества результата. При этом именно вынужденность причинения вреда охраняемым благам в социально полезных или необходимых целях является ключевым признаком обстоятельств, исключающих преступность деяния [6; 14; 20].

Изложенные аргументы, а также опыт зарубежного уголовного законодательства (ст. 38 УК Республики Беларусь, ст. 43 УК Украины, ст. 34.1 УК Республики Казахстан, ст. 13.2 УК Эстонии, ст. 32 УК Литвы) позволяют признать заслуживающими внимания и поддержки предложения ряда специалистов о регламентации в той или иной форме «выполнения специального задания» в УК РФ в качестве обстоятельства, исключающего преступность деяния [2; 5; 11;17].

В целях создания надежных правовых гарантий для внедряемых лиц, и недопущения произвола со стороны правоохранительных органов, в качестве ключевых параметров, позволяющих признать

причинение вреда при выполнении специального задания правомерным и обоснованным, представляется целесообразным предложить следующие критерии [14; 15].

1. Социально полезная цель – предупреждение совершения новых преступлений (а не каких-либо иных правонарушений), выявление, пресечение и раскрытие уже совершенных преступлений. Данное требование обусловлено задачами оперативно-розыскной деятельности в целом и оперативно-розыскных мероприятий в частности (ст. 2 и 6 ФЗ «Об ОРД»).

2. Определенная соразмерность – допустимость причинения вреда применительно к наиболее общественно опасным формам групповой преступности: организованной группе (ч. 3 ст. 35 УК РФ) и преступной организации (ч. 4 ст. 35 и ст. 210 УК РФ); и их отдельным разновидностям: незаконному вооруженному формированию (ст. 208 УК РФ), банде (ст. 209 УК РФ). Данное требование обусловлено сущностью и содержанием оперативного внедрения как легендированного проникновения в наиболее законспирированные и скрытие формы организованных преступных формирований, в случае расшифровки в которых создается угроза жизни и здоровью внедряемого лица.

3. Пределы правомерного причинения вреда – недопустимость совершения при этом особо тяжкого или тяжкого преступления против жизни и здоровья человека. Данное требование вытекает из правового характера и гуманистической направленности современного российского государства, постулирующего в качестве высшей ценности человека, жизнь и здоровье которого неприкосновенны (ст. 2 и 20 Конституции РФ). Вместе с тем представляется, что вынужденное причинение смерти или тяжкого вреда здоровью в процессе выполнения специального задания должно влечь смягчение наказания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев, А.И.* Российская уголовная политика: преодоление кризиса / А.И. Алексеев, В.С. Овчинский, Э.Ф. Побегайло. – М., 2006.

2. *Водько, Н.П.* Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» в системе российского законодательства: проблемы и решения / Н.П. Водько. – М., 2007.

3. *Гуров, А.И.* Организованная преступность в России / А.И. Гуров. – М., 2001.

4. *Долгова, А.И.* Преступность, её виды и организованная преступность / А.И. Долгова // Проблемы борьбы с криминальным рынком, экономической и организованной преступностью. – М., 2001.

5. *Иванов, Н.Г.* Модельный уголовный кодекс. Общая часть. Опус № 1 / Н.Г. Иванов. – М., 2003.

6. Курс российского уголовного права. Общая часть / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – М., 2001.

7. *Лунев, В.В.* Преступность XX века: мировой криминологический анализ / В.В. Лунеев. – М., 1997.

8. *Маркушин, А.Г.* Оперативно-розыскная деятельность: учебник / А.Г. Маркушин. – М., 2012.

9. Оперативно-розыскной словарь / авт.-сост. А.Ю. Шумилов. – М., 2008.

10. Организованная преступность и борьба с ней. – Владивосток, 1995.

11. *Орехов, В.В.* Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния / В.В. Орехов. – СПб., 2003.

12. Основы борьбы с организованной преступностью / ред. В.С. Овчинский, В.Е. Эминов, Н.П. Яблоков. – М., 1996.

13. Основы оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. Б.В. Рушайло. – СПб., 2000.

14. *Пархоменко, С.В.* Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости / С.В. Пархоменко. – СПб., 2004.

15. *Пархоменко, С.В.* Причинение вреда при выполнении специального задания / С.В. Пархоменко // Законность. – 2004. – № 8.

16. *Ривман, Д.В.* Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / Д.В. Ривман. – СПб., 2003.

17. *Савинский, А.В.* Юридическое содержание оперативного внедрения требует совершенствования / А.В. Савинский, И.М. Циммерман // Российский следователь. – 2005. – № 11.

18. Современные проблемы и стратегии борьбы с преступностью / науч. ред. В.Н. Бурлаков, Б.В. Волженкин. – СПб., 2005.

19. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. – М., 2007.

20. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. Ф.Р. Сундурова, И.А. Тарханова. – М., 2009.

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В РОССИИ

Л.И. Романова

Романова Лариса Ивановна – доктор юридических наук, профессор, руководитель Центра по профилактике наркомании и деструктивных воздействий Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).

Контактный адрес: prevention.dvfu@mail.ru, romanova@ext.dvgu.ru

В статье особо подчеркнуто, что проблемы уголовно-правовой политики борьбы с преступностью во все времена развития советского, постсоветского и современного российского государства являлись актуальными, относились к весьма сложным и трудноразрешимым, отличались повышенным интересом как со стороны ученых, так и практиков. Государственная политика борьбы с преступностью не всегда была последовательной и системной. Дана оценка современного состояния уголовной политики в российском государстве, показана ее характеристика и основные проблемы, подлежащие решению. Высказаны предложения по совершенствованию уголовной политики в области борьбы с преступностью на современном этапе российского государства.

Ключевые слова: уголовно-правовая политика, уголовный закон, российская криминальная реальность, власть, коррупция, лоббирование законов, характеристика преступности, криминологическая экспертиза, государственная политика в области борьбы с преступностью, предложения по совершенствованию.

Для того чтобы по-настоящему сдерживать современные негативные социальные процессы, эффективно противодействовать новым криминальным реалиям в России, необходимо в полной мере владеть искусством управления, относимого к области уголовной политики государства. К сожалению, данное направление «искусства» очень сложное и познать все его грани, чтобы довести мастерство до совершенства, редко кому удается.

Уголовная политика в области борьбы с преступностью в советский, постсоветский и российский периоды нередко характеризовалась цикличностью, проводимыми отдельными кампаниями, она не имела выстроенной и последовательной системы научно обоснованных эффективных мер. Во все исторические времена уголовно-правовые законы в российском государстве практически всегда были излишне политизированы, часто принимались скоропалительно, в связи с произошедшими негативными изменениями в криминальной ситуации, под давлением или по воле отдельных представителей власти либо в интересах коррумпированного лобби.

В настоящее время в России на государственном уровне так и не выработаны стратегия и тактика борьбы с преступностью, не сформулированы на перспективу цель и задачи противодействия распространению новых общественно опасных явлений, не сложились единообразные подходы в правоприменительной практике. Наоборот, в ряде российских регионов ярко высвечивается политика сращивания представителей власти, правоохранительной системы и криминала. Но, видимо, на сложившуюся повседневную криминальную реальность государственные чиновники и граждане российского общества смотрят под разным углом зрения, так как власть массированно навязывает мнение, что в последние годы стабильно происходит снижение преступности, а население просто не желает этого замечать. В этой связи принимается эпохальное решение власти о необходимости разъяснять и объяснять населению то, что оно не совсем правильно понимает.

О наличии или отсутствии уголовной политики на разных этапах развития государства специалисты правоведы высказывали прямо противоположные полярные мнения. Процесс возникновения, становления и развития уголовной политики протекал далеко не однозначно, нес отпечаток особенностей политических, социальных, экономических и многих других событий, происходивших в государстве. Если признать, что плохо или хорошо, но все-таки уголовная политика государством осуществлялась, то условно можно выделить несколько исторических периодов, имевших ряд отличительных характеристик, обусловленных изменением политических и идеологических основ, социально-экономических условий и законодательной базы.

Не останавливаясь на всех исторических этапах становления уголовной политики, отметим, что с началом проведения в России реформ начался новый период в жизнедеятельности государства, который привел к резкому росту преступности, снижению уровня жизни населения, деформации вплоть до полной утраты нравственных ценностей. Сложность складывающейся ситуации определялась и тем, что ни само государство, ни население не имело достаточного опыта построения демократических институтов, выработки необходимой политической культуры, разработки и проведения в жизнь обосно-

ванной социально-экономической программы реформирования и преобразования страны. В сущности общество переходило от социализма к рыночным отношениям методом проб и многочисленных ошибок, перестраиваясь по ходу деятельности, не успевая устранять допущенные нарушения, наспех трансформируя правовую систему.

Первое десятилетие объявленной перестройки уголовная политика практически осуществлялась на основе устаревших законов советского периода, выработанных в так называемые застойные времена, которые не отвечали новым российским реалиям, не могли сдерживать вал нарастающей преступности, особенно ее новых форм и разновидностей. И хотя логика вещей, здравый смысл и сама криминальная ситуация в эти времена требовали принятия самых строгих, жестких уголовных законов, государство объявило, что оно работает на опережение, поставив перед разработчиками УК РФ 1996 г. задачу максимальной либерализации и гуманизации. Поэтому, хотя в ст. 7 декларировалось, что уголовное законодательство обеспечивает безопасность человека, на самом же деле оно было очень далеко от реальной криминальной действительности.

Уголовная политика России оценивается специалистами сегодня как неадекватная характеру и масштабам нарастающих угроз со стороны преступного мира. Более того, абсолютное большинство юристов – ученых и практиков, высказывающихся на данную тему, единодушны во мнении, что современная уголовная политика переживает острый кризис. Его суть и воплощение – в удручающей рассогласованности, во-первых, уголовной политики и тенденций процессов преступности (включая и все, что с ней связано и ею продуцируется), во-вторых, уголовной политики и насущной потребности общества в собственной безопасности от криминальных угроз [1: с. 29].

За годы реформирования экономики преступность, подобно спруту проникала в живой организм российского общества, превратилась в разветвленную систему, захватившую и подчинившая себе практически все сферы его жизнедеятельности. В настоящее время, пожалуй, нет ни одной отрасли народного хозяйства, которая не была бы включена в теневую или криминальную экономику, так или иначе не пересекалась, контролировалась и даже тесно сотрудничала с российским и международным криминалом. Наиболее взаимосвязаны, переплетены, осуществляются под прикрытием и при непосредственном участии организованной преступности такие виды бизнеса, которые заняты экспортом нефтепродуктов, леса, морепродуктов, алюминия, золота и других драгоценных металлов, алкогольной и табачной продукции, банковской и финансовой деятельностью. Впрочем, список этот далеко не исчерпывающий.

По некоторым оценкам экспертов, с начала 2000–2001 гг. на «черном» российском рынке принимало участие 80–85 % населения. А сам теневой сектор экономики в России составлял от 40 до 55 % ВВП [6: с. 69]. В 2011 г. по данным Росстата, доля теневого сектора в экономике России несколько сократилась, на нее приходилось примерно 16 % ВВП, или 7 трлн. рублей. Хотя, по мнению специалистов, оценки ведомства занижены, поскольку не учитывают коррупцию. По их подсчетам, объемы «серой» экономики достигают трети ВВП. В этой экономике сегодня занято примерно 13 млн. человек, или 17–18 % экономически активного населения [10].

Согласно исследованиям, с 2000-го по 2008 г. из России вывезли $427 млрд. И если в 2000 г. незаконный отток составил $15,61 млрд, в 2004-м – $37,05 млрд., в 2007-м – $55,33 млрд., то уже в 2008 г. – $196,37 млрд. Чистый вывоз капитала из России за 2011 г. примерно равнялся $80,5 млрд., по итогам первых трех месяцев 2012 г. было вывезено уже более $35,1 млрд. [3].

Получив собственность и деньги, российский криминал последовательно сделал следующий шаг: он пошел во власть. Сейчас уже не такая большая новость, что криминалитет находится на руководящих постах, что произошло смыкание представителей власти с криминалом, этому есть примеры по многим регионам страны. Некоторые политики впитали в себя блатную фразеологию, украсились татуировками, нередко они ничем не отличаются от криминальных авторитетов в манерах поведения, привычках одеваться, проводить досуг и т. д.

Специалисты считают, что современная ситуация во много раз хуже «лихих 90-х». Если в 90-е гг. XX в. ОПГ рвалась во власть, то теперь они – внутри власти, на всех ее этажах, во всех разновидностях [8: с. 75].

Такая негативная тенденция коснулась и правоохранительных органов. С одной стороны, работники этих органов владеют информацией об источниках и размерах доходов представителей административных структур и предпринимателей, что мотивирует их собственные притязания. С другой стороны, они располагают возможностями оказывать некоторые услуги бизнесменам, например, обеспечивать им коррумпированное прикрытие, оплачиваемое наличными деньгами. Наконец, под предлогом получения спонсорской помощи для ведомственного подразделения легко часть выделенных средств могут истратить для удовлетворения собственных нужд. В результате государство и общество получает копию того же правонарушения, но облеченного властными полномочиями [4: с. 36–37].

Российское общество постепенно, но последовательно, с одной стороны, разлагала ржавчина преступности, насаждалась модель вседозволенности,

безнаказанности, а с другой – ему навязывалось чувство смиренности, униженности, незащищенности, ненужности и даже обреченности. Эти условия были благодатными для деформации общественного сознания, терпимого отношения к многочисленным фактам беззакония, совершения заказных убийств, грабежей, мошенничеств, обманов, лицемерия власти всех уровней, безнаказанности и безответственности их коррумпированных представителей. Преступность стала неотъемлемой, привычной и неизбежной частью современного российского общества. Произошло размывание границ нравственного, законного и аморального, незаконного, преступного. Многие граждане оказались дезориентированы, растеряны, потеряли ранее привычные нравственно-моральные границы, по которым проводились отличия между добром и злом.

Государственная уголовная политика стала видоизменяться под новые российские реалия, нередко приобретая уродливые и деформированные характеристики. В обществе стало постепенно, но настойчиво распространяться мнение, что с криминалом можно и нужно договариваться, что богатый криминал, идущий во власть менее опасен, так у него уже есть свой бизнес, своя собственность, деньги, а значит, ему уже мало что нужно, поэтому воровать будет меньше или вообще не будет. Укрепилось и другое расхожее мнение, что безгрешных людей нет, поэтому выбирать на государственные посты можно и тех, кто ранее был судим, в прошлом совершал преступления. Криминал после объединения денег и власти, сделал следующий шаг – занялся переделом собственности (который продолжается и по настоящее время), устранением конкурентов, выстраиванием с помощью коррупции вертикаль взаимоотношений с чиновниками различных уровней, принятием нужных решений, лоббированием в своих интересах законов и иных правовых актов.

В России за годы реформирования не было системного изменения законодательства, соответствующего новым политическим и социально-экономическим реалиям, отсутствовало согласованное изменение системы борьбы с преступностью, выстроенной государственной уголовной политики. Судебно-правовая реформа носила поспешный характер и не была увязана с реформой судопроизводства. Ее результатом явился суд, который ни перед кем не отвечает за свою деятельность. Преступность развивалась в условиях разрушения законности и отсутствия адекватной правовой базы для борьбы с ней [2: с. 19].

Принятый вслед за Уголовным и Уголовно-исполнительным кодексами новый УПК РФ лишь увеличил количество старых проблем, добавив значительное число новых. Уголовное судопроизводство не гарантировало правовую защищенность и безопасность гражданам, лишь провозглашала помощь потерпевшим и свидетелям. В таких условиях стало отчетливо формироваться в общественном сознании убеждение, что решение всех проблем можно найти вне правового поля, прибегнув к помощи либо коррумпированных покровителей, наделенных властью, либо преступных элементов, которые подчас быстрее и справедливее могли разрешить тупиковые ситуации.

Противоречивость происходящих в настоящее время процессов заключается в том, что гражданское общество считает, что власть должна предусматривать самые решительные меры противодействия организованной преступности, незаконному обороту наркотиков, терроризму, коррупции и т. д., а власть, мотивируя необходимостью выстраивания демократических институтов и ранее, и сейчас принимает прямо противоположные решения. Это касается не только введенных в действие УК и УПК РФ, но и ряда последующих уголовно-правовых законов. В современных условиях невозможно дать однозначный ответ на вопрос: обоснованно, оправдано и своевременно ли введен мораторий на смертную казнь, исключена как вид уголовного наказания конфискация имущества, разрешено назначать уголовное наказание к восьми годам лишения свободы условно, предложены к принятию очень неоднозначные законы в борьбе с наркотиками. Но самое главное, что при принятии данных законов проигнорировано мнение и воля российских граждан, подавляющее большинство из которых откровенно не согласно с подобными законодательными нововведениями власти.

Власть оказалась последовательной в принятии своих дальнейших социально-значимых правовых решений, против воли и желания граждан России. Так, в период проведения милицейской реформы было развернуто широкое обсуждение нового законопроекта якобы в целях учета мнения населения, которое в последствии было просто проигнорировано. Например, вопреки высказываниям подавляющего большинства граждан о нежелании смены названия, власть переименовала «милицию» в «полицию», впрочем, как не были учтены многие другие предложения профессионалов.

В конечном итоге специалисты считают, что реформа МВД, а точнее сказать ее имитация, провалилась, так как изначально не была представлена концепция самой реформы, не изменена порочная система регистрации и учета преступлений, оценка деятельности полиции, проведено необоснованное сокращение кадров и формальная аттестация сотрудников-полицейских. Несмотря на события в Кущевке, Гусь-Хрустальном, Сагре, руководство МВД не восстановило самостоятельную службу по борьбе с организованной преступностью, уничто-

женную в 2008 г. Не решена проблема «оборотней в погонах». Ведь ни цапавская банда в станице Кущевская, ни Чудиновская банда в Нижнем Тагиле, ни многие другие ОПГ не смогли бы существовать длительное время без «крыши» в правоохранительных органах. В настоящее время остались не решенными и многие другие проблемы [7: с. 72; 8].

Отчасти этим объясняется, что в ходе проводимого в феврале 2012 г. социологического опроса в 45 регионах России, граждане в 72 % случаев высказали мнение, что никакого положительного эффекта реформа полиции не принесла [9].

Причин низкой социальной эффективности отечественного уголовного законодательства, на основе которого выстраивается политика борьбы с преступностью, много. По мнению И.Я. Козаченко, в числе главных можно назвать следующие две. Суть *первой причины* заключается в высокой степени политизированности многих положений Уголовного кодекса, поспешное принятие которого, да еще в самое нестабильное в политическом смысле время, тоже было акцией политической. Политический догмат как Общей, так и Особенной частей Уголовного кодекса на сегодня опасно превалирует над догматом логики, а значит и закона. *Вторая причина* низкой эффективности, а зачастую и просто бездействия Уголовного кодекса, кроется в том, что многие его нормы лишены необходимой криминологической прогностичности. Следует согласиться, что развитие отечественного уголовного законодательства не есть результат воплощения научно обоснованного и рассчитанного на дальнюю перспективу социального и, в первую очередь, криминологического упреждающего прогноза. Уголовное законодательство, лениво обращенное в будущее, болезненно реагирует на факты криминального, а чаще всего политико-криминального характера, обречено на неуспех [5: с. 18].

Современная государственная уголовная политика нуждается в серьезной корректировке. Так, в частности, выработанный в советские времена механизм разработки и принятия уголовных законов, как и многое другое в годы перестройки, был утрачен, а новый так и не создан. В этой связи представляется необходимым закрепить на законодательном уровне данный механизм, которым должен быть определен порядок подачи законодательной инициативы, создания рабочей группы профессиональных юристов для выработки проекта уголовного закона, особый порядок прохождения обязательной правовой и криминологической экспертизы. Нуждается в правовой регламентации сама законодательная техника написания как любого уголовного закона, так и базового, определяющего саму уголовную политику борьбы с преступностью, ее современную стратегию и тактику.

На наш взгляд, подлежит обсуждению и вопрос авторства разрабатываемых в настоящее время уголовных законов, потому что формулировка «мудрый законодатель» к сегодняшней обстановке не очень применима, а безликость напрямую сопряжена с безответственностью. Важно, чтобы уголовный закон принимался с учетом криминологического прогноза практики его применения и возможного изменения криминальной ситуации и данного вида преступления в будущем. Это позволило бы избегать ситуаций, когда только что принятый новый Уголовный кодекс, стал чуть ли ни с первых дней подвергаться многочисленным коррективам, внесению поправок, изменений или дополнений, которые в конечном итоге нарушили его систему.

Представляется также необходимым продумать вопрос о возможности постановки криминологического эксперимента для социально значимых уголовных законов, которые могут влиять на изменение основных направлений государственной политики. Должна быть отработана при принятии уголовных новелл и обратная связь от юристов-практиков. Тогда, может быть, будет сложнее протянуть лоббированные законы, принимаемые в интересах амбиций олигархов, представителей криминального бизнеса или кучки коррумпированных чиновников. Думается, что в таком же порядке нуждается и регламентация механизма декриминализации уголовно-правовых норм. Да и сама необходимость обновления уголовных законов, выбор приоритетов в принятии новых, внесения изменений и дополнений в действующие нормы, тоже должна быть юридически прописана, криминологически обоснованна.

Многие предложения о механизме принятия уголовных законов ранее неоднократно высказывались и обсуждались учеными на страницах научных изданий. Их важно проанализировать, обобщить и принять в виде соответствующего закона. В частности, необходима экспертиза нормативно-правовых актов, на основе которых реализуется государственная уголовная политика, могущая повлечь широкомасштабные, положительные преобразования в обществе, значительно сократив масштабы преступности. На этом этапе экспертиза может помочь выявить некоторые противоречия, нейтрализовать или не допустить негативные последствия, которые могут возникнуть в случае принятия соответствующих решений. Сегодня становится более очевидным, что для борьбы с современной преступностью необходима не только реформа правоохранительной системы, но и всей системы уголовного законодательства. Важно сделать все возможное, чтобы уголовная политика в условиях современных российских реалий стала эффективным и действенным средством противодействия преступности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабаев, М.М.* Криминальные угрозы и уголовная политика России / М.М. Бабаев; под ред. д-ра юрид. наук, проф. Н.А. Лопашенко // Противодействие современной

преступности: оценка эффективности уголовной политики и качества уголовного закона: сб. науч. тр. – Саратов: Саратовский Центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции: Сатиллит, 2010.

2. *Долгова, А.И.* Преступность в России и криминологические проблемы власти / А.И. Долгова // Власть: криминологические и правовые проблемы. Российская криминологическая ассоциация. – М., 2000.

3. *Жуковский, В.* Темпы вывоза капитала из РФ ускорились / В. Жуковский // Росбалт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rosbalt.ru/business/2012/04/28/975410.html; http://www.gazeta.ru/financial/2011/05/23/3626461.shtml

4. *Клейменов, М.Л.* Механизм криминализации власти / М.Л. Клейменов, И.М. Клейменов // Власть: криминологические и правовые проблемы. Российская криминологическая ассоциация. – М., 2000.

5. *Козаченко, И.Я.* Криминологическая обусловленность уголовно-правовых норм / И.Я. Казаченко // Реагирование на преступность: концепции, закон, практика. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2002.

6. *Малыков, М.А.* Криминальное распределение в экономике России / М.А. Мальков // Проблемы борьбы с криминальным рынком, экономической и организованной преступностью: материалы конференции. – М., 2001.

7. *Овчинский, В.* Реформа, которой не было. «Казанская аномалия» и «реформа» МВД / В. Овчинский // Московская правда. – 2012. – 30 марта.

8. *Овчинский, В.С.* Российская организованная преступность как форма социальной организации жизни / В.С. Овчинский // Российский криминологический взгляд. – 2010. – № 3.

9. Преобразование «милиции» в «полицию» не дало положительного эффекта – 72 % населения [Электронный ресурс] // Аналитический Левада-центр. – Режим доступа: www.levada.ru/

10. *Танас, О.* Частичное экономическое затмение / О. Танас // Финансы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/financial/2011/04/01/3572005.shtml.

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ И ЯПОНИИ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ОЧЕРК)

А.В. Туркулец
С.Е. Туркулец

Туркулец Алексей Владимирович – доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Хабаровской государственной академии экономики и права.

Туркулец Светлана Евгеньевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры «Уголовно-правовые дисциплины» Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

Контактный адрес: turswet@rambler.ru

Указание на философские основания предполагает анализ некоторых теоретических положений, касающихся сущности фундаментальных принципов, основных категорий, базовых ценностных установок той области, которая и является предметом философской рефлексии. Философия имеет богатый опыт подобного вида духовного творчества. Используя свой огромный арсенал способов, форм и методов когнитивной работы, она берется за исследование краеугольных, смысложизненных проблем человеческого существования. Историческое развитие философии как специфического вида духовного саморазвития не направлено на решение или «снятие» данных проблем, оно показывает стремление к постоянному критическому переосмыслению содержания фундаментальных тем человеческого существования, поиску новых смысловых горизонтов его бытия.

В данной статье речь идет об уголовной политике как специфическом проявлении процесса социального управления определенными общественными отношениями. Последние напрямую связаны с деструктивным опытом социального общежития, предполагают негативную сторону социальных взаимодействий, всевозможные девиантные формы человеческого поведения.

Понятие «уголовная политика» в философской его интерпретации существенно отличается от чисто юридического толкования, которое сводит данное направление деятельности к сугубо прикладным аспектам профилактики и борьбы с преступностью, осуществляемым специально уполномоченными органами. Философский смысл анализируемого понятия расширяет горизонты знания о сущности преступности, о ее онтологических причинах и условиях существования, а также об общемировоззренческих принципах, которыми должны руководствоваться органы власти и институты гражданского общества в ходе осуществления уголовной политики.

В статье предпринята попытка сравнительного анализа философских оснований и особенностей реализации уголовной политики в России и Японии.

Ключевые слова: уголовная политика, право, философия права, онтология, аксиология, правовая культура, правосознание, ценности, преступность, профилактика.

«Политика» – одно из наиболее распространенных и многозначных слов как в русском языке, так и в других языках мира. Как многомерное социальное явление политика может быть представлена в виде: *сферы общественной жизни*, социальной подсистемы, выполняющей функции согласования общих и частных интересов, властвования и поддержания социального порядка; *активности социальных субъектов*; в качестве *типа социальных отношений*, системы взаимодействий людей между собой. Кроме того, нередко под политикой подразумевается *политический курс*, т. е. сознательно выработанная стратегия по реализации намеченной цели.

Любое проявление политики неизбежно связано с управлением системой факторов, которое осуществляется в соответствии с определенным алгоритмом. Первый этап всегда представляет собой оценку обстановки и принятие стратегического решения. На данном этапе выявляются и оцениваются факторы благоприятные и неблагоприятные для субъекта политики и намечаются ключевые положения и общие принципы управленческого решения. На следующем этапе (реализации) с учетом текущих оценок и тактических решений осуществляются меры по устранению одних и формированию новых факторов. Эффективность политики зависит от того, насколько успешно или недостаточно успешно происходит манипулирование соответствующими факторами. Данное утверждение полностью относится к факторам усиления или ослабления преступности и к манипулированию ими в рамках уголовной политики [2].

Уголовная политика осуществляется как специально уполномоченными органами власти, так и институтами гражданского общества, и предполагает, наряду с оценкой криминогенной ситуации, формированием стратегической программы действий по профилактике преступности, управление такими социальными факторами, которые существенно влияют не только на уровень преступности, но и на уровень и качество жизни законопослушных граждан.

Российская уголовная политика должна формироваться с учетом позитивного опыта зарубежных стран. И здесь следует отметить, что европей-

ский и американский опыт в значительной степени уступает опыту стран АТР и, в первую очередь, Японии. Изучение опыта уголовной политики этой страны, сменившей в довольно короткий период социально-экономический строй с авторитаризма на демократию и рынок, показывает универсальность целого ряда выводов, применимых и к постсоветской действительности.

Широко известен тот факт, что в Японии уровень преступности стабилен, а рост минимален. К началу XXI в. в Японии был самый низкий уровень преступности в мире: в 3–5 раз ниже, чем в других развитых странах. Так, на каждые 100 тыс. жителей в Японии на начало 2000-х гг. приходилось 2 ограбления, в то время, как в США этот показатель был в 100 раз, в Великобритании и Франции – в 55 раз, в Германии – в 35 раз выше. Япония является самой безопасной с точки зрения преступности страной [10: с. 3].

В современных условиях развития российского общества изучение опыта Японии является весьма небесполезным, поскольку, несмотря на существенную разницу между нашими странами, у нас имеется и много общего. Япония в сложной социально-экономической, внутриполитической и национально-психологической обстановке, сложившейся в послевоенный период, пережила бум преступности. Она была вынуждена осуществить качественное реформирование самих основ экономического уклада, перейти к демократическим механизмам общественно-политического развития, однако, осталась при этом верной своим традиционным устоям. Немало сходных моментов имеется и в менталитете японцев и россиян. Следует указать на близкое соседство России и Японии, развитие общего бизнеса и межкультурное взаимодействие, что также обусловливает необходимость изучения японского опыта, в том числе и в области уголовной политики.

Сравнивая уголовную политику России и Японии, приходится со всей очевидностью констатировать, что эффективность отечественного социального управления в данной сфере весьма уступает последней.

Предпримем попытку сравнительного анализа уголовной политики России и Японии, выделив в качестве ключевых онтологические и аксиологические ее основания.

Онтологические основания уголовной политики

Что представляет собой уголовная политика как таковая, т. е. какова ее социальная сущность? Каким образом она встроена в социальную реальность, какие функции предназначена выполнять в обществе?

На наш взгляд, уголовная политика – одна из функций социального управления такими факторами, которые, с одной стороны, обеспечивают оптимальные условия жизнедеятельности законопослушных граждан, их безопасность и защиту от преступных посягательств, с другой, формируют социальную оценку деструктивного поведения правонарушителей, гарантируют справедливое наказание их по всей строгости закона и способствуют профилактике такого поведения.

В широком смысле уголовная политика включает политику в области занятости, социальной защиты, образования, жилищного строительства, т. е. мероприятия, непосредственно не преследующие целей борьбы с преступностью. Такая трактовка характерна для ученых Японии, считающих, что уголовная политика – это, прежде всего, часть политики социальной. Особенностью уголовной политики Японии является не столько тщательная юридическая проработка отдельных институтов уголовного права, сколько соответствие уголовно-правовых норм ожиданиям и стереотипам, которые выработались в сознании японцев. Эффективность японской уголовной политики объясняется также не столько разработанностью правовых институтов, которые порой уступают российским аналогам, не столько тонкой юридической техникой, сколько соответствием правовой системы устоям японского общества, его традициям, социальным поведенческим стереотипам, этическим воззрениям [9].

Успехи уголовной политики также объясняются применением всех средств социального контроля, имеющихся в распоряжении общества. В японском обществе сохраняется потенциал неформального контроля над преступностью. Участие японской общественности, разнообразных и многочисленных специализированных общественных организаций, в борьбе с преступностью выражается в систематическом посещении членами общественных организаций заключенных в тюрьмах и ненавязчивой заботе об освобожденных из тюрем по отбытии наказания. Особенно активно участвует население в предупреждении отклоняющегося от нормы поведения несовершеннолетних.

Как отмечает один из авторитетных исследователей японской уголовной политики О.А. Белявская, «…в Японии создана даже не общегосударственная (в смысле участия всех государственных и муниципальных органов), а общенациональная система борьбы с преступностью, включающая широкую сеть активно действующих общественных формирований граждан. Главное же, сложился фактический всеяпонский консенсус как относительно невозможности развития общества без защищенности социальных ценностей от преступности, так и относительно необходимости их защиты с участием всех граждан» [1: с. 3–4].

В том, что в Японии удалось удержать преступность на низком уровне, существенную роль сыграли социально-экономическая и политическая

стабильность в обществе, а также национально-психологические особенности японцев: групповая сплоченность, уважение авторитетов, прочность семейных уз, нежелание выносить «сор из избы» – публично решать межличностные споры и т. п. Уголовная политика Японии основана на истинном признании и действительной реализации принципов гуманизма, социальной справедливости, соразмерности наказания содеянному и пр.[1].

Следует особо подчеркнуть, что право не является центральным принципом социальной организации Японии вследствие специфического исторического бытия этой цивилизации. Известный зарубежный философ права Сурия Пракаш Синха отмечал, что на протяжении длительного периода истории японцы строили свою жизнь в обществе не на основе универсальных деперсонифицированных законов, а во исполнение традиционных норм и правил, установленных для различных групп (по принципу разделения общества на социальные группы разного уровня, каждая из которых выполняла определенную функцию для общества в целом). Характерным проявлением такого положения вещей являлся своеобразный дуализм традиционных сборников «ритцу-рио» и «букё-хо». В «ритцу-рио» содержался целый ряд запретов (*ритцу*) и правил управления (*рио*) соответственно для каждого класса. «Ритцу-рио» стал источником просвещения для народа, а не просто хранилищем юридических прав и обязанностей, какими были подобные сборники в Западном мире. «Букё-хо» был кодексом поведения для сословия воинов (*букё*, *буши*, *самураи*), которое славилось своей замкнутостью (закрытой корпоративностью) [12: с. 42–43]. Элементы данного дуализма довольно долго существовали в государственной политике Японии и продолжают оказывать влияние на жизнь японцев и по сей день.

Парадоксально, но именно скептическое отношение японцев к праву как универсальному способу решения социальных проблем и делает их правовую практику столь эффективной.

В отличие от Японии, опыт реализации уголовной политики в России показывает, что:

- во-первых, существует значительная дистанция в механизмах формирования и реального осуществления социальной и уголовной политики. Другими словами, уголовная политика, по сути, не является составной и гармоничной частью политики социальной. Это проявляется в том, что большинство социальных сфер (образование, здравоохранение, социальная защита, обеспечение жильем и пр.) не учитывает необходимость планирования и реализации мероприятий, направленных на качественную своевременную профилактику преступности в обществе, на безболезненную социальную реабилитацию людей, совершивших малозначительные преступления и желающих после исполнения наказания вернуться к нормальной жизни в качестве полноправных членов общества;
- во-вторых, осуществление уголовной политики ложится целиком на плечи государства. Общественность выступает, как правило, либо в роли пассивного наблюдателя, отдавая инициативу в противодействии преступности специальным органам правопорядка, либо в роли «благородного критика» официальных действий государства;
- в-третьих, социальная реабилитация лиц, исполнивших назначенное им по суду уголовное наказание, находит существенные преграды («ярлык судимости») и также является делом исключительно официальных государственных структур.

Следует подчеркнуть, что, в отличие от современной Японии, уголовная политика которой обусловлена относительно стабильной социально-экономической и политической ситуацией, Россия в настоящее время переживает период социального кризиса, что не может не отразиться на содержании и эффективности уголовной политики.

Аксиологические основания уголовной политики

Одно из объяснений секрета экономического успеха и политико-правовой стабильности японского государства состоит в том, что национальные ценностные ориентации развивались по пути гармоничного сочетания традиционного восточного партикуляризма (социально-групповая ориентация, коллективизм, «семейные» методы управления компанией) и западного универсализма (индивидуализм, «организационные» принципы управления, рационализм), а не подменялись последним.

[1] Особенности проводимой в Японии уголовной политики следующие: индивидуальный подход к личности преступника и к содеянному им; вывод из сферы уголовной юстиции дел по мотивам их малозначительности и иных конкретных обстоятельств (среда, характер совершенного); отказ, насколько возможно, от лишения свободы (а если невозможно – от длительных сроков), признается предпочтительность более мягких средств воздействия. При определении конкретного средства соблюдается общее правило: если можно решить задачу при минимальном ограничении интересов граждан, более жесткие меры не должны быть использованы. Весьма показательны успехи японцев в области ресоциализации преступников. С целью предотвращения повторных преступлений в Японии стремятся не допускать излишнего «клеймения» лиц, преступивших закон, чтобы избежать формирования у них комплекса «изгоя общества». Это достигается комплексом мер: выводом (на стадии досудебного расследования) из сферы применения уголовного законодательства лиц, совершивших не столь тяжкие преступления; применением к подавляющему большинству подсудимых, признанных виновными, наказаний, не связанных с лишением свободы, или осуждением их к лишению свободы на непродолжительные сроки; дифференцированностью подхода к обращению с заключенными; осуществлением широкой программы контроля и воспитания в отношении лиц, условно-досрочно освобожденных из мест заключения [6, 7, 8].

Возможно, именно точка баланса между универсализмом и партикуляризмом и явилась точкой наиболее гармоничного развития общественной системы, сочетающей высокие темпы импорта ценностей западной культуры и сохранение традиционных ценностных ориентаций, не вызывающих скачка преступности как реакции на кардинальное изменение социально-экономической ситуации.

Универсализм правил и принципов западной цивилизации не вступил в Японии в острое противоречие с системой традиционных человеческих отношений. Именно этим следует объяснять традиционно низкий уровень показателей преступности в послевоенной Японии и удачи государственной политики по ее профилактике. Определенный вклад в сдерживание преступности вносит специфическая национальная психология, присущая японцам. Ее характеризуют такие черты, как подчеркнутое чувство стыда, чести и достоинства, гордость, ценностные ориентации, вызывающие не соперничество в обществе, а гармонию, сочувствие к человеку, развитое сознание солидарности в семье, локальном обществе, а также высокий уровень образования и трудолюбия. Так, в основе европейской культуры лежит понятие долга – перед государем, родиной, народом, наконец, перед богом, которому сознаются в совершенном злодеянии. Основным же чувством японцев является забота о собственной репутации, производимом на других впечатлении. Так возник уникальный феномен японской культуры, ставшей «культурой стыда», в отличие от европейской «культуры вины» [6].

Сопоставление поразительной восприимчивости к новому с самобытностью вековых традиций служит лейтмотивом всего, что пишется о Японии вот уже на протяжении целого столетия. «Восприимчивость японцев больше касается форм жизни, чем ее содержания. Они охотно и легко заимствуют материальную культуру, но в области культуры духовной им присуща уже не подражательность, а консерватизм, не восприимчивость, а замкнутость… Чтобы постигнуть сегодняшний день страны и народа, нужен путеводитель по японской душе. Иначе не понять, почему ультрасовременная молодежь с ее нарочитым бунтарством проявляет полную покорность родительской воле в выборе спутника жизни… Иначе не понять, почему, несмотря на давние традиции общественной жизни, люди подчас ставят личную преданность выше убеждений, что порождает неискоренимую семейственность в политическом и деловом мире» [11].

Продолжая анализировать особенности японской души, известный знаток Японии В. Овчинников замечает о важности для японцев «долга чести» (гири): «Гири – это некая моральная необходимость, заставляющая человека делать что-то порой против собственного желания или вопреки собственной выгоде… Гири можно было бы назвать совестью. Однако бывают обстоятельства, когда гири заставляет японца действовать вопреки великодушию и даже вопреки справедливости. Это «совесть», которая, однако, может толкнуть на бессовестный поступок, это «честь», которая порой заставляет поступать бесчестно. Гири – это долг чести, основанный не на абстрактных понятиях добра и зла, а на строго предписанном регламенте человеческих взаимоотношений, требующем подобающих поступков в подобающих обстоятельствах» [11].

Наиболее полно аксиологические основания уголовной политики проявляются в содержании *правовой культуры*.

Правовая культура – особая форма духовно-практической деятельности, обеспечивающая закрепление и реализацию коренных общественных интересов посредством формирования совокупности правовых стереотипов, взглядов, ценностей, навыков, в участии граждан в правоприменительной деятельности, в функционировании системы государственно-правовых институтов. Японская культура представляет сочетание национального и заимствованного начал. Многие элементы японской правовой культуры связаны с тем, что в социальной жизни Японии присутствует традиционная групповая ориентация, социально-психологические установки в которой требуют подчинения индивидуальных интересов групповым. Это легче всего проследить в практике функционирования таких социальных институтов, как семья, фирма, государство, причем «семейные» черты последовательно повторяются и в фирменном, и в государственном механизмах, облегчая идентификацию индивида со средой.

Такой тип правовой культуры и уголовной политики не является уникальной чертой Японии. В отечественной философской мысли, исследовавшей отличие российского мышления, обращалось внимание на коллективность русского национального сознания. В социальной жизни она проявляется как община, в духовной – как православная соборность, в личной – как патриархальная семья. Советские социальные преобразования возродили общину в виде колхозов, совхозов, идею соборности – в виде цели коллективного строительства коммунизма. Консервация патриархальных семейных отношений сопровождалась патернализацией публично-правовых связей. В России структуры, занимающие промежуточное положение между человеком и правом (община, производственный коллектив, политическая организация), традиционно брали на себя функцию правовой защиты, взаимодействия с государством. Понимание россиянином субъективного права неразрывно связано с его включенностью в эти структуры. Их интенсивная

ломка в последние годы весьма болезненно воспринимается общественным сознанием, так как отсутствие традиций индивидуализма провоцирует реакцию отторжения социальных перемен, уход в алкоголизм, религию, суицид, вместо адаптации к новым отношениям. В отечественной правоприменительной системе фактически доминировал правовой обычай (в религиозной форме в дореволюционной России, и в форме «связей», «блата», «телефонного права» в советское и, отчасти, постсоветское время). Расплывчатость норм, воплощенных в правовом обычае, их зависимость от неправовых (идеологических, экономических, партийных) факторов формировали понимание права как второстепенного способа регулирования общественных отношений, подчиненного другим, более важным целям и препятствовали становлению четких представлений о субъективных, личностных правах, ограничивающих вмешательство государства в сферы, не требующие общественного воздействия.

Характеризуя состояние правовой культуры в российском обществе, необходимо отметить отсутствие национальной идеи на современном этапе развития страны. После развала СССР государство утратило национальные ценности и до настоящего момента не выработало новых атрибутов. Все попытки создания новых символов и образцов «сверху» в настоящее время не возымели должного действия. Все это усугубляется ростом межнациональной напряженности, возрастающей динамикой экономического расслоения общества, крушением общенациональных и общегосударственных ценностей.

Российское общество, уже освоившее индивидуалистические ценности Запада, не получило в полной мере подобную европейской демократическую модель в виде сформировавшегося гражданского общества. Для сегодняшнего состояния общественного сознания характерно смешение разных – исторически, территориально, идеологически – культур в единой культуре современности, что проявляется в смешении символов разных эпох, часто совершенно противоположных по смыслу. Поиск национальной идеи сегодня в России приобретает значение поиска смысла жизни российского общества. Как справедливо отмечает С.С. Сулакшин, «…страна тогда была успешна, значима и привлекательна для своего народа и иных народов и стран мира, когда она понимала, в чем смысл ее "жизни", когда у нее были идея и проект, когда ее жизнь, как и жизнь отдельных людей, была идейной и одухотворенной. И наоборот – времена упадка, смуты, на грани распада и самого распада страны (СССР), неприязни и страха, испытываемого в мире к России, характерны именно для тех периодов, когда идея России исчезала, когда ни руководство не знало чем жить, куда идти, что в будущем, каковы ценности и смыслы, ни, соответственно, народ». *«Национальная идея* – это устойчивое представление индивида о прошлом, настоящем и будущем своей страны, мобилизующее его на жизненные усилия, а также состояние общественного сознания» [13: с. 9, 11]. Это именно то, чего так не хватает в современной России.

Сегодня отсутствуют ориентиры дальнейшего развития, а ведь именно на этих ориентирах и должна строиться вся государственная политика и, в частности, политика в области правового воспитания. Это приводит к правовому нигилизму. У населения складывается негативный образ государственной власти в целом. Причины – в состоянии российской экономики, снижении уровня жизни подавляющего большинства граждан, социальном расслоении. В обществе растет чувство страха, отчаяния, безнадежности.

Несмотря на то, что традиции и национальные психологические особенности в Японии противостоят росту преступности, тем не менее, японские исследователи, как и их российские коллеги, видят причины преступности «в ухудшении нравственной атмосферы, подрыве ценностных ориентаций, ослаблении духа законопослушания» [14: с. 11], а также в «американо-западноевропейском влиянии» [5].

Как и японская, российская модернизация, не должна следовать принципам «вестернизации», то есть вовсе не требует отказа от традиционных ценностей в пользу западных. Россия, обладающая особой социальной и ментальной спецификой, должна развиваться, прежде всего, на основе собственных достижений, социально-исторического опыта и традиций, критически осмысливая и используя успехи и опыт других стран и народов.

Таким образом, краткое философско-правовое сравнение уголовной политики Японии и России позволяет утверждать, что независимо от национальной специфики общественного уклада значимость уголовной политики повышается в кризисные периоды развития общества, а ее эффективность служит своеобразным маркером устойчивого социального прогресса.

В заключение следует подчеркнуть, что не только философы, но и правоведы утверждают, что «в широком философско-антропологическом смысле эффективность права представляет собой нахождение и осуществление правом осмысленного, безопасного, психологически комфортного как для отдельного индивида, так и для общества в целом способа существования личности … и созидательного функционирования человека в конкретном обществе» [4: с. 10].

Наше рассмотрение философско-правовых оснований уголовной политики ограничилось указанием лишь на два аспекта: онтологический и аксиологический, которые, безусловно, не могут рас-

крыть всего многообразия философского анализа данной темы. В перспективном исследовании возможно обращение к антропологическому, гносеологическому, праксеологическому и иным основаниям уголовной политики. Это позволит осуществить более глубокое компаративистское изучение уголовной политики Японии и России.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белявская, О.А.* Уголовная политика Японии / О.А. Белявская // Актуальные вопросы борьбы с преступностью в России и за рубежом. – М.: ИНИОН РАН, 1991.

2. *Еремин, В.* Как Япония справляется с преступностью (1-я часть) / В. Еремин // Знакомьтесь – Япония. 1998. – № 21.

3. *Еремин, В.* Как Япония справляется с преступностью (2-я часть) / В. Еремин // Знакомьтесь – Япония. 1998. – № 22.

4. *Жинкин, С.А.* Эффективность права: антропологическое и ценностное измерение: автореф. дис. … на соиск. учен. степ. д-ра юрид. наук / С.А. Жинкин. – Краснодар, 2009.

5. *Манива, М.* Хандзай-но сякайгаку (Социология преступности). Токио, 1982 (на яп. языке). Цит. по: Еремин В. Как Япония справляется с преступностью (1 часть) // Знакомьтесь – Япония. 1998. – № 21.

6. *Михеев, Р.* Особенности преступности, уголовной политики, правосознания и правовой культуры в странах АТР / Р. Михеев [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://law.vl.ru

7. *Михеев, Р.* Уголовная политика Японии / Р. Михеев, Н. Морозов, Ё. Коидзуми // Закон. Интернет-журнал Ассоциации юристов Приморья. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://law.vl.ru

8. *Михеев, Р.И.* Преступность и правовая культура России и Японии / Р.И. Михеев // Преступность и культура общества. – М.: Криминологическая Ассоциация, 1998.

9. *Морозов, Н.А.* Сравнительно-правовой анализ преступности в современной Японии / науч. ред. проф. Р.И. Михеев. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997.

10. *Морозов, Н.А.* Преступность и борьба с ней в Японии: автореф. дис. … на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук / Н.А. Морозов. – Владивосток, 2000.

11. *Овчинников, В.* Ветка сакуры / В. Овчинников. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ModernLib.ru

12. *Синха, С.П.* Юриспруденция. Философия права / С.П. Синха. – М.: Академия, 1996.

13. *Сулакшин, С.С.* Национальная идея и жизнеспособность государства. Постановка задачи / С.С. Сулакшин // Материалы научного семинара. Вып. 2. – М.: Научный эксперт, 2009.

14. *Уэда, К.* Преступность и криминология в современной Японии: пер. с яп. / К. Уэда; под общ. ред. и с вступ. ст. Н.Ф. Кузнецовой и В.Н. Еремина. – М.: Прогресс, 1989.

СЛЕДСТВИЕ И СЛЕДОВАТЕЛЬ

Д.А. Турчин

Турчин Дмитрий Афанасьевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры правосудия, прокурорского надзора и криминалистики Юридической школы Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток), заслуженный юрист Российской Федерации, почетный работник высшего образования Российской Федерации.

Контактный адрес: crim@chair.dvgu.ru

В статье в коротких аспектах рассматривается две неразрывно связанных стороны уголовно-процессуальной деятельности: следствия и его реализация – следователем.

Что касается следствия, то оно представлено лишь с одной наиболее существенной стороны уголовно-процессуальной деятельности: строгое следование законности. Отмечается также, что следствие осуществляется только определенной личностью, которая выступает в качестве представителя государства. Далее более подробно рассматривается личность следователя и его качественные особенности применительно обнаружения и расследования преступлений, в связи с чем, эта тематика с давнего времени является темой научного исследования ученых-криминалистов. Названная тема исследования, естественно, концентрируется на психологических и деловых применительно к следствию качествах личности следователя. На этот счет приводятся мнения основных видных ученых-криминалистов нашей страны.

Ключевые слова: следствие, следователь, уголовно-процессуальная деятельность, личность следователя, психологические характеристики.

Слово «расследовать» широкообъемное и в основе своей обозначает, разузнать, разведать подробности о происшедшем событии, явлении. Таким образом, оно предполагает производство расследования и в итоге его результаты. Расследований как форм определенной деятельности много. К ним можно отнести административное, ведомственное расследование, расследование причин нарушений трудовой, воинской (уставной) дисциплины, аварий и так далее. Характерной особенностью всех форм расследований является то обстоятельство, что оно производится определенной личностью, должностным лицом, обладающим высокой степени профессиональными знаниями. Эти лица должны обладать не только правами на расследование того или иного события, явления и пр., но главным образом специальным умением и практическими навыками. Как нам представляется, последнее очень важно. Чтобы раскрыть истинные причины события необходимо не только знать как это надо сделать, но также владеть практическим умением в области такой сложной деятельности, также иметь личностные наклонности к названной деятельности, хотя неправильным было бы утверждение, что личностные наклонности наделяются природой еще при рождении. Нет, они также приобретаются, возникают у отдельных лиц в результате жизненных ситуаций, определенной жизнедеятельности, интереса, устойчивых взглядов и настойчивости.

Что касается расследования преступлений, то для этого историческим опытом создана специальная наука-криминалистика. Дело в том, что появление буржуазии, как передового класса своего времени, возникновения, принесло обществу много нового и научного, значительно поднявших знания и культуру в обществе. Многие буржуазные философы стали на материалистические позиции миропонимания, отрицая религию и проповедуя отсутствие Бога, на основе которых держалось каноническое судопроизводство. Все это привело к нигилизму в праве и кризису ряда правовых институтов. Особенно пострадал институт свидетельских показаний. Зачастую люди, не контролируемые религиозными устоями и принципами, а также преклоняющиеся перед высокими идеалами человечества по тем или иным причинам давали суду ложные показания, будучи уверенными избежать светского наказания. Поэтому можно считать, что появление криминалистики обусловлено потребностями общества найти новые более надежные пути и методы борьбы с преступностью.

Кроме того, это не последняя значимая характеристика деятельности лиц, расследующих преступления, они осуществляют ее в процессуальном режиме, обозначающем, что, в случае надобности получения доказательной информации по делу, указанное должностное лицо обязано решить данную практическую задачу с учетом предъявляемых к нему законом требований, повышающих его ответственность. Если, например, необходимо допросить в качестве свидетеля гражданина, то перед допрашиваемым появляется обязанность правильно в соответствии с предписанием закона обращаться с допрашиваемым, т. е. обращаться с ним вежливо, не грубить, не унижать его достоинства, не оказывать принуждения, угроз и прочего. Вместе с этим привести его в положение ответственности перед государством и законом за достоверность сообщаемых сведений путем детального разъяснения соответствующих уголовно-процессуальных норм, за что свидетель или другой допрашивваемый дол-

жен расписаться в начале протокола допроса. При этом он имеет право высказать (письменно) какое-либо замечание по поводу отношения к нему допрашивающего лица и спроить о чем-то непонятном для него. В результате они оба, допрашиваемый и допрашивающий, становятся в ответственные правоотношения и обязанности друг перед другом. Если лицу, производящему расследование, предстоит исследовать какой-либо материальный объект, имеющий отношение к механизму расследуемого преступления, то и в этом случае существуют процессуальные условия производства необходимой работы в присутствии понятых, с приглашением специалистов и заинтересованнных лиц.

В обязанности следователя входит элемент узнавания, установления ранее неизвестных сведений более полно и достоверно раскрывающих предмет расследования, познания. Расследовать – значит узнать, что произошло и что происшедшее обозначает в смысле его правовой оценки. Это самая основная задача, стоящая перед следствием. Объем знаний, необходимых для правильного рассмотрения уголовного дела судом был установлен еще римскими юристами. Он содержался в семичленной формуле, состоящей из следующих вопросов: что, где, когда, с кем, как, кто, зачем, сколько…. С тех пор криминалисты всех стран и народов придерживаются этой традиционной формулы.

Таким образом, по существу деятельность по расследованию преступлений заключается в познании, в установлении достоверной информации о случившемся, которое может содержать состав инкриминируемого преступления, а может не относиться к криминальной области событий. Чтобы решить эту задачу следователь или иное подобное должностное лицо должно также иметь определенные личностные характеристики. По нашему убеждению оно должно, по крайней мере, владеть следующими качествами: 1) обладать знаниями и навыками следственной деятельности; 2) достаточно глубоко владеть теорией познания материального и социального мира и умело применять ее на практике; 3) следователь должен быть широко эрудированной личностью, быть коммуникабельным и хорошо разбираться в психологии людей; 4) следующая качественная характеристика заключается в том, что личность, производящая расследование преступления, обязана не по принуждению, а в силу понимания сущности судопроизводства строго следовать установленным законом процессуальным правилам, изложенным в конкретном УПК. Отступление от его правил недопустимо.

Всякому следственному, да и оперативному работнику, полезно было бы понять и руководствоваться основным девизом Рихарда Зорге: «Чтобы узнать больше, нужно знать больше других. Нужно стать интересным для тех, кто тебя интересует». В этом плане он должен быть также оптимистом.

К образу криминалиста-следователя испокон веков предъявлялись особые повышенные требования. О них чаще всего остро вставал вопрос при переходе общества из одной общественной формации в другую. Это естественно. Прежние политические и экономические устои уходят в прошлое. Их заменяют провозглашенные новые нравственные, трудовые и многие другие институты. В уголовном или другом законодательстве появляются многие нормы не известные ранее. Вместе с ними обязаны перестроиться и органы расследования. Несмотря на то, что, как правило, все государства стремятся отдалить свои правоохранительные органы от политической жизни (особенно политической борьбы) и подчинить их только власти уголовного закона, фактически достигнуть этого положения в полной мере трудно. Ведь следователь гражданин и человек общества, в котором живет. По своей должности он часто встречается с людьми всех классов, социальных групп и слоев населения. Общаясь с ними, так или иначе обменивается сведениями, мнениями о жизни и быте большинства людей, проблемы которых, кстати, зачастую составляют и входят в задачи следствия, поэтому у него, как представителя своего народа и человека, так или иначе складывается свое представление порою не одинаковое с провозглашенным той или иной общественной структурой.

По поводу успешного решения следственных задач среди ученых-юристов возникли новые правовые теории. Они касались также профессиональной деятельности и личности следователя как основного должностного лица по расследованию преступлений, от которого ожидается отыскание истины при расследовании преступления. На этот счет можно привести мнение о личности следователя одного из известных в прошлом немецких криминалистов Загена. Он предполагал, что в хорошем следователе должно быть сочетание разнообразных положительных качеств, в том числе: 1) основательные знания в юриспруденции, философии и медицине; 2) остроумие; 3) наблюдательность и искусство следовать за подробностями; 4) рассудительность; 5) хорошую память; 6) дар слова; 7) опытность; 8) практическое знание людей; 9) правдолюбие; 10) терпение; 11) хладнокровие; 12) находчивость; 13) беспристрастие; 14) присутствие духа; 15) умение импонировать.

Как правильно заметил Александр Жиряев – известный в то время русский процессуалист – «…Где же найти достаточное число лиц, обладающих всеми перечисленными свойствами?»[1]. Их даже сейчас, в эпоху расцвета науки и образования, пожалуй, не сыщешь, а в то время тем более. Однако большая часть из них все-таки должна иметь основные пере-

[1] Жиряев А. Теория улик. Дерпт, 1855. С. 9.

численные свойства. Без этих способностей ему не обойтись в процессе единоборства с преступниками.

На правовом печатном поле о следователе было издано много научных работ в период с Октябрьской революции до последнего периода существования советской власти. Этой постоянно злободневной тематике посвятили отдельные издания и статьи в научных сборниках и учебниках наиболее ранние юристы психологического направления А.Р. Лурия, К. Сотонин, И.К. Шахриманьян и другие. Однако наиболее урожайным периодом интереса к личности следователя явилась вторая половина XX в. вплоть до изменения экономической и политической структуры государства и общества. Нам представляется, что это явление в первую очередь связано с влиянием на общую криминалистическую теорию и уголовный процесс психологии. Увлечение психологическими разработками в качестве тактических криминалистических приемов возрастало с каждым десятилетием со времени выступления перечисленных выше авторов. В связи с этим, естественно, в поле зрения ученых был включен и образ следователя в качестве объекта психологического исследования. И это не могло быть иначе, так как одним из неотъемлимых основных элементов структурной связи в системе преступления (преступник-следователь) всегда является следователь как работник криминалистической профессии.

Первыми зачинателями литературы о следователе психологической направленности стали выдающиеся криминалисты А.Р. Ратинов и А.В. Дулов. Со временем своего творческого криминалистического начала в указанной научной области они затем полностью перешли в область психологии. Они первыми создали фундаментальные учебники по судебной психологии. Первым значительным явлением в криминалистике явилось учебное обстоятельное пособие А.Р. Ратинова «Судебная психология для следователей», в котором автор уделил большое внимание психологическому характеру, поведению и деятельности во время расследования уголовных преступлений – следователю[2].

Не менее значительным событием для криминалистов явилось издание А.В. Дуловым своего учебного пособия «Судебная психология». В отличие от А.Р. Ратинова автор не посвящает специальной судебной части сочинения психологической персонофикации следователю или иному лицу, наделенному функциями расследования. А.Р. Дулов, во-первых, рассматривает сторону познавательной деятельности в аспекте раскрытия и расследования уголовных преступлений, что относится к основной и самой трудной проблеме расследования. Во-вторых, он подвергает психологической оценке весь уголовный процесс вплоть до исполнения наказания[3]. Следует отметить, что через пять лет А.В. Дулов повторил выпуск издания «Судебной психологии», в котором еще подробнее и основательнее рассмотрел познавательные процессы следователя, заостряя внимание на острых сторонах его познавательной деятельности. При этом подчеркнул необходимость наличия: 1) четкой цели при осуществлении криминального познания; 2) достаточной психологической активности; 3) достаточного опыта и знаний; 4) необходимых технических средств; 5) необходимого психологического состояния и настроя[4]. Об этих и других условиях познания нам предстоит еще не раз говорить в последующих более детальных сторонах криминалистической гносеологии.

Немногим позже выхода основополагающих изданий по криминальной психологии А.Р. Ратинова и А.В. Дулова появляется не менее талантливый специалист по судебной психологии В.П. Васильев, ставший затем ведущим автором учебников по юридической психологии. Названный автор еще более широко представляет психологию, ее роль и значение при расследовании преступлений и в этом аспекте придает должное значение следователю, усматривая в его лице одного из основных фигур уголовного процесса, возлагающего на себя обязанность инициатора уголовного преследования лиц, совершивших преступление. Поэтому он не случайно усматривает ряд положительных качеств следователя, без которых это должностное ответственное лицо не смогло бы состояться.

Посмотрим, каким конкретно представляют себе личность следователя названные выше основоположники психологической науки в уголовном судопроизводстве.

А.Р. Ратинов полагал, что личность следователя должна быть наделена следующими признаками характера и профессионализма. При этом автор, вступая в некоторое противоречие с признанными способностями следователя, такими как большая работоспособность и трудолюбие, богатое воображение и острая наблюдательность, хорошее цветоразличение, богатство и точность зрительных восприятий и т. д. и в то же время замечает: «Для того, чтобы быть следователем, не требуются какие-то специальные природные задатки. Все те способности, которые необходимы для этой работы, являются благоприобретенными. Неспособность же к ней обусловлена не отсутствием задатков, а особенностями воспитания, в ходе которого не были сформированы необходимые качества»[5].

[2] Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей В.Ш. МООП СССР. М., 1967. С. 36–137.

[3] Дулов А.В. Судебная психология. Минск: Высш. шк., 1970.

[4] Там же. С. 57–58.

[5] Ратинов А.Р. Судебная психология. М., 1967. С. 71

А.Р. Ратинов формирует необходимость следующих личностных характеристик следователя, в том числе и психологических: 1) идейный и нравственный облик; 2) волевые качества следователя. Под этими качествами автором понимается принципиальность, смелость и мужество, бдительность, самостоятельность и независимость, трудолюбие и работоспособность, настойчивость, организованность и процессуальная дисциплина; 3) следующей характеристикой является внимание следователя, т. е. внимание профессиональной направленности; 4) наблюдения и наблюдательность; 5) знания, навыки и умение следователя; 6) память; 7) язык и речь; 8) воображение; 9) качество ума (глубина, широта, мобильность, быстрота, самостоятельность, целеустремленность, критичность, гибкость)[6].

Подобную систему психологических качеств личности следователя видит также А.В. Дулов (совместно с Г.Г. Шиханцовым). В числе необходимых качеств у них преобладают нравственные свойства: высокая культура, корректность, особая требовательность к себе и окружающим, добросовестность, высокое сознание служебного долга, справедливость. Предъявляются повышенные требования к познавательным способностям: умение видеть, понимать мелочи и обращать внимание на мельчайшие детали, значение которых глубоко анализировать быстро и четко и в связи с этим быстро переходить от размышления к действию и обратно, чему должно способствовать достаточное воображение и внимание. Следователю также необходимы настойчивость, самостоятельность, терпение, выдержка, самообладание, твердый характер и целеустремленность. К другим не менее важным качествам отнесены коммуникабельность, решительность, оперативность, инициативность, организованность, бдительность, трудоспособность и выносливость, самообладание. При этом авторы считают, что перечисленные качества следователя являются важнейшими, хотя и не исчерпывающими[7].

На этом широком фоне разнообразных психологических и других личных качеств следователя положительно выглядит структура профессиограмы следователя, составленная В.П. Васильевым. Он подразделяет общие и частные характеристики личности следователя на шесть взаимосвязанных групп деятельности: социальную, реконструктивную, организационную, удостоверительную, коммуникативную и поисковую деятельность, каждая из которых в свою очередь подразделяется на конкретные составные признаки. Так, в признаки, характеризующие удостоверительную деятельность следователя, ранее не упоминаемую другими авторами, автор включает аккуратность, пунктуальность, развитую письменную речь следователя. Этим самым конкретизируется систематика образа личности следователя, его деятельности и социального значения[8].

Следует отметить, что В.П. Васильев включил в свою систему 29 характеристик личности следователя. Многие из них уже были отражены в трудах А.Р. Ратинова и А.В. Дулова. Если подсчитать все из них, то получится в несколько раз больше рекомендуемых Заганом. В данном случае трудно воздержаться от повторения слов А. Жиряева: «Где же найдем таких следователей с такой совокупностью положительных данных?». Все это при том, что авторами криминально-психологического плана в указанный период истории было издано ряд отдельных произведений и статей, в которых так или иначе рассматривались проблемы личности следователя в прямой зависимости от его деятельности и достижения успешных результатов следствия. К числу таких авторов следует отнести М.И. Еникеева, Д.П. Котова и Г.Г. Шиханцова, Д.В. Зеленского, Н.И. Клименко, А.М. Ларина и Р.С. Белкина, а также других авторов отдельных научных статей. Их представления о деловых свойствах и психологических качествах следователя могут дополнить рассмотренную систему необходимых для следователя показателей. Так, например, В.Д. Зеленский обоснованно считает, что для следователя «…Особенно важны чисто криминалистические знания и умения их применять-навыки». Другой известный криминалист и автор многих научных работ по криминалистическим проблемам Р.С. Белкин также указывал на важность для следователя знаний технико-криминалистических средств и тактических приемов работы с доказательствами[10]. Нельзя не заметить, что указание последних авторов о необходимости для следователей глубоких познаний в области криминалистики – их профессиональной науки – действительно является первейшим условием успешной деятельности следственного работника.

Между прочим, основоположник криминалистики Ганс Гросс, проработавший в качестве следователя более 25 лет, тоже предполагал наличие у следователя разнообразных знаний и способностей, о чем он писал с самого начала своего фундаментального труда. «…Ему приходится решать вопросы, – писал о личности следователя классик, – по всем без исключения отраслям человеческого знания, он должен знать, что ему в состоянии сказать судебному врачу, о чем он должен его спрашивать, – он должен быть знаком с уловками лиц, занимающихся недозволенной охотой, равно как и уликами биржевого спекулянта, он должен ясно пред-

[6] Ратинов А.Р. Указ. Соч. С. 71–113.

[7] Дулов А.Р. Судебная психология. Минск: Высш. шк., 1975. С. 267–271.

[8] Васильев В.П. Юридическая психология. СПб.: Питер, 1998. С. 219.

[10] Белкин Р.С. Профессия-следователь. М.: Юрист, 1998. С. 146.

ставить себе, каким образом совершен был подлог духовного завещания, как именно произошло железнодорожное крушение, как действовали в известной карточной игре шулера, как произошел взрыв котла и каким образом продавец лошадей обманывал покупателей, – он должен быть осведомлен в счетоводстве торговых книг, должен понимать жаргон мошенников, должен разбирать шифрованное, и наконец, должен знать работу и орудия всех ремесел»[11]. Все это больше всего похоже на практические рекомендации, однако, без высоких общенаучных знаний их трудно постичь.

Таковы в основном существующие теоретические и практические процессуальные положения, касающиеся деятельности следователя при расследовании преступлений. Достижение цели есть результат настойчивого труда, опыта и личных высоких качеств человека и гражданина.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Жиряев, А.* Теория улик / А. Жирдяев. – Дерпт, 1855.
2. *Ратинов, А.Р.* Судебная психология для следователей В.Ш. МООП СССР / А.Р. Ратинов. – М., 1967.
3. *Дулов, А.В.* Судебная психология / А.В. Дулов. – Минск: Высш. шк., 1970.
4. *Дулов, А.В.* Судебная психология / А.В. Дулов. – Минск: Высш. шк., 1975.
5. *Ратинов, А.Р.* Судебная психология / А.Р. Ратинов. – М., 1967.
6. *Дулов, А.Р.* Судебная психология / А.Р. Дулов. – Минск: Высш. шк., 1975.
7. *Васильев, В.П.* Юридическая психология / В.П. Васильев. – СПб.: Питер, 1998.
8. Белкин, Р.С. Профессия – следователь / Р.С. Белкин. – М.: Юрист, 1998.
9. *Гросс, Г.* Руководство для судебных следователей. Вып. 1 / *Г. Гросс*. – Смоленск, 1895.

[11] Гросс Ганс. Руководство для судебных следователей. Вып. 1. Смоленск. 1895. С. 8–9.

СОДЕРЖАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ДАННЫХ, СОСТАВЛЯЮЩИХ КРАТКУЮ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКУЮ ХАРАКТЕРИСТИКУ ПОДДЕЛКИ ДЕНЕГ (ФАЛЬШИВОМОНЕТНИЧЕСТВА)

Н.Г. Шурухнов

Шурухнов Николай Григорьевич – доктор юридических наук, профессор Московского гуманитарного университета, профессор кафедры уголовно-правовых и специальных дисциплин (г. Тула).

Контактный адрес: matros49@mail.ru

В статье рассматривается содержание отдельных данных, составляющих криминалистическую характеристику фальшивомонетничества (в Уголовном кодексе Российской Федерации термин «фальшивомонетничество» отсутствует. Статья 186 УК РФ называется «Изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг»). Обращается внимание на то, что исторически появление данного преступления связывается с изобретением денег. Приводятся статистические данные (Главного информационного аналитического центра МВД России (ГИАЦ МВД России), Организационно-аналитического департамента МВД России (ОАД МВД России) и Центрального банка Российской Федерации) о совершении фальшивомонетничества (подделке денежных знаков Банка России, денежных знаков иностранных государств) в Российской Федерации. В частности, указывается, что в 2005, 2006, 2007, 2008, 2009 гг. было соответственно зарегистрировано 44 108, 59 805, 46 272, 40 672, 45 251 факта фальшивомонетничества. В 2010 – 38 572, а в 2011 – 26 948. Отмечается, что в банковской системе России в 2010 г. было выявлено 128 700 поддельных денежных знаков Банка России, 4149 штук денежных знаков иностранных государств. В 2011 г. соответственно 94 567 и 3423. При этом значительное количество рассматриваемых преступлений носит латентный характер. Раскрываемость фальшивомонетничества колеблется от 10 до 36 процентов. В современных условиях оно получило статус организованной транснациональной преступной деятельности. Часто подделка денег сопровождает наркобизнес, торговлю оружием и людьми, международный терроризм, что само по себе делает данное негативное явление особо опасным.

В представленном материале дается краткая криминалистическая характеристика фальшивомонетничества, которую составляют данные: о предмете преступного посягательства; подготовке; способах совершения и сокрытия; сбыте фальшивых денежных знаков; свойствах личности преступников; причинах и условиях совершения преступлений. Приводятся статистические данные, раскрывается их содержание.

Ключевые слова: фальшивомонетничество, криминалистическая характеристика, денежные знаки, транснациональная преступность.

Либерализация внутригосударственных рыночных отношений, внешнеэкономическая деятельность России привели к резкому росту преступности в сфере экономики[1], в частности, изготовлению и сбыту поддельных денег, которые одновременно затрагивают интересы как отдельных граждан, юридических лиц, так и государства в целом[2]. Фальшивомонетничество опасно и само по себе[3], и как способ криминального перераспределения национального богатства. Прямой вред от него заключается в том, что реальные элементы внутреннего валового продукта (товары, услуги) обмениваются на «денежные» знаки, пустые по своему содержанию. Снижение доверия к денежным знакам на внутреннем и внешнем рынках приводит к снижению уровня управляемости макроэкономическими процессами и искусственному увеличению внешнего государственного долга России[4]. Подделка денег способствует падению авторитета органов государственного управления, вызывает социальное напряжение в обществе и долгосрочные криминальные последствия.

Исторически появление данного преступления связывается с изобретением денег. Немецкий писатель Гюнтер Вермуш, исследовавший аферы с фальшивыми деньгами за период более чем 2 тысячи лет, считает, что «деньги изобрели раньше, чем возникло фальшивомонетничество, но разница едва ли составила пару дней»[5]. Эксперты и практические

[1] Аслаханов А.А. Проблемы борьбы с преступлениями в сфере экономики (криминологический и уголовно-правовой аспекты): дис. … д-ра юрид. наук. М., 1997; Волженкин Б.В. Экономические преступления. – СПб., 1999; Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности (экономические преступления). СПб., 2002; Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Преступления в сфере экономической деятельности. М., 1998; Лопашенко Н.А. Вопросы квалификации преступлений в сфере экономической деятельности. Саратов, 1997.

[2] Яни, П.С. Ущерб собственнику при фальшивомонетничестве: совокупность с мошенничеством, гражданский иск // Уголовное право. 2005. № 4. С. 6–8.

[3] Максимова И.Е. Изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг (фальшивомонетничество): криминологический и уголовно-правовой аспекты: дис. …канд. юрид. наук. – Владивосток, 2005.

[4] См.: Крохина Ю.А. Финансовое право России: учебник для вузов. М.: Норма, 2004.

[5] Вермуш Г. Аферы с фальшивыми деньгами. М.: Международные отношения, 1990. С. 10.

работники правоохранительных органов Российской Федерации говорят о том, что в СССР поддельная металлическая монета появилась в обращении на следующий день после денежной реформы 1961 г.

Часто подделка денег сопровождает наркобизнес, торговлю оружием и людьми, международный терроризм, что само по себе делает данное негативное явление особо опасным.

В 2005, 2006, 2007, 2008, 2009 гг. было соответственно зарегистрировано 44 108, 59 805, 46 272, 40 672, 45 251 факт фальшивомонетничества[6]. В 2010, 2011 гг. рассматриваемых преступлений было зарегистрировано соответственно 38 572, 26 948[7]. Банк России дает информацию о том, что в 2010 г. в банковской системе России было выявлено 128 700 поддельных денежных знаков Банка России, из них: в январе – 11 884; феврале – 11 729; марте – 13 250; апреле – 11 365; мае – 9413; июне – 10 139; июле – 9706; августе – 11 561; сентябре – 10 424; октябре – 9766; ноябре – 9502; декабре – 9961. При этом было подделано 3697 пятитысячных и 122 495 1000-рублевых купюр. Среди монет наибольшей популярностью пользовалась 5-рублевая.

Динамика выявления поддельных денежных знаков иностранных государств (в штуках) выглядела следующим образом: в январе – 291; феврале – 309; марте – 375; апреле – 496; мае – 427; июне – 343; июле – 316; августе – 371; сентябре – 245; октябре – 342; ноябре – 362; декабре – 272 (всего 4149). Поддельный доллар США встретился в 3656 случаях, евро – в 477, китайский юань – 6, украинская гривна – 7, фунт стерлингов Соединенного Королевства – 3 (всего 4149).

В 2011 г. в банковской системе России было выявлено 94567 поддельных денежных знаков Банка России, в том числе: в январе – 7411; феврале – 6527; марте – 8857; апреле – 8456; мае – 7952; июне – 7721; июле – 8157; августе – 8770; сентябре – 8078; октябре – 7377; ноябре – 7668; декабре – 7593. Поддельная пятитысячная купюра встретилась в 12 478 случаях, 1000-рублевая – в 78 368. Динамика выявления поддельных денежных знаков иностранных государств (в штуках) выглядела следующим образом: в январе –239; феврале – 208; марте – 353; апреле – 369; мае – 264; июне – 292; июле – 317; августе – 324; сентябре – 296; октябре – 269; ноябре – 263; декабре – 229 (всего 3423). Поддельный доллар США встретился 3116 раз, евро – 294, китайский юань – 10, фунт стерлингов Соединенного Королевства – 2, шведская крона – 1 (всего 3423)[8].

Значительное количество рассматриваемых преступлений носит латентный характер. Как правило, это связано со следующими обстоятельствами: длительной и тщательной подготовкой, высоким уровнем профессионализма, конспирацией; нежеланием граждан сообщать о фактах совершения преступлений как из-за опасения самим оказаться под подозрением, так и по причине неверия в возмещение причиненного им материального ущерба; отсутствием 100-процентной регистрации случаев «малозначительного» фальшивомонетничества. Раскрываемость фальшивомонетничества колеблется от 10 до 36 %. В современных условиях оно получило статус организованной транснациональной преступной деятельности[9]. Из одиночек фальшивомонетчики преобразовались в устойчивую, организованную, технически оснащенную категорию профессиональных преступников.

Краткую криминалистическую характеристику фальшивомонетничества составляют данные: о предмете преступного посягательства; подготовке; способах совершения и сокрытия; сбыте фальшивых денежных знаков; свойствах личности преступников; причинах и условиях совершения преступлений[10].

Предметом посягательства рассматриваемого преступления являются банковские билеты Центрального банка Российской Федерации, металлическая монета, иностранная валюта. Среди изъятых из обращения поддельных денег преобладает подделка отечественных – 75 %. Крупные партии подделок долларов США составляют около 8 %, 15 % приходится на небольшие партии (штучное количество) другой иностранной валюты.

Наибольшей популярностью пользуется купюра достоинством 1000 рублей. Преступников практически не интересуют купюры достоинством 10, 50 рублей, гораздо реже стали подделываться металлические монеты[11].

---

[6] По данным Главного информационно-аналитического центра МВД России.

[7] В результате реорганизации функции Главного информационно-аналитического центра МВД России выполняет Организационно-аналитический департамент МВД России (ОАД МВД России). Приказ МВД России от 01.03.2012 № 4.

[8] По данным Центрального банка Российской Федерации.

[9] Бессчастный С.А., Косарев А.В. Ответственность за изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг по уголовному законодательству Российской Федерациий. М.: ИКЦ «МарТ», 2003.

[10] О структуре криминалистических характеристиик см.: Шурухнов Н.Г. О видах, структуре криминалистических характеристиик и месте в них специфических данных об экологических преступлениях // Вопросы правоведения. 2012. № 2 (14). С. 161–177.

[11] Загайнов В.В. К вопросу об объекте изготовления или сбыта поддельных денег или ценных бумаг // Российский следователь. 2008. № 13. С. 6–9; Фальшивые деньги (фальшивомонетничество); под ред. В.Д. Ларичева. М.: Экзамен, 2002.

Данные о подготовке к совершению преступления. Изготовление фальшивых денежных знаков предполагает весьма сложную и продолжительную операцию, которая наиболее успешна, если способ изготовления фальшивок близок к способу изготовления подлинных денежных знаков. Реализацию поставленной преступной цели обеспечивают специфические подготовительные действия, носящие целенаправленный характер. Речь идет о приискании, хранении или использовании без разрешения материалов и инструментов, специально предназначенных для изготовления денег. Как правило, значительный промежуток времени занимает профессиональная подготовка самого преступника, членов преступной группы, с разделением конкретных направлений деятельности (изготовление, приспособление (видоизменение функций) аппаратуры, ее обслуживание, работа с бумагой и т. п.).

Известный фальшивомонетчик XX в. (1975–1977 гг.) В. Баранов, изготовивший 1249 фальсификатов 25-рублевых банкнот и 46 подделок денежных билетов достоинством 50 рублей, готовился к совершению преступления 8 лет. Проживая в г. Ставрополе, записался в читальный зал Государственной библиотеки имени В.И. Ленина, откуда похитил книги, имевшие значение для подготовки к преступлению. Он не только изучил литературу по полиграфии (высокой и глубокой печати), ознакомился с технологией изготовления специальной бумаги, но и изготовил приспособление, создающее на бумаге имитацию водяного знака (отдаленно напоминала процесс отлива подлинных листов с водяным знаком).

Данные о способах совершения и сокрытия преступлений. Повседневное внедрение новейших технологий полиграфии и копирования привели к росту фальшивомонетничества. Широкое использование возможностей компьютера и цветного принтера обусловило массовый количественный характер производства бумажных копий банковских билетов. У обнаруженных единичных поддельных купюр в 74 % случаев использовалась капельно-струйная печать и цветная электрография; в 13 % – частичная подделка; в 4 % – рисование.

Практика показывает, что в последние годы на рынке поддельных денег все чаще стали появляться большие партии «суперподделок», качество которых свидетельствует о том, что они изготавливаются либо самим государством, либо при его поддержке, на том же оборудовании, что и настоящие банкноты. Для изготовления высококлассных подделок необходима машина металлографической печати – очень дорогостоящий агрегат, который невозможно разместить в обычной квартире, более того, такую машину у изготовителя может приобрести только государство. Эксперты отмечают, что «суперподделки» изготавливаются на бумаге с использованием специальной краски, которую продают исключительно национальным банкам.

Для осуществления противоправной деятельности преступники используют современные компьютерные и полиграфические средства. Так, преступной группировкой, специализировавшейся на изготовлении билетов метрополитена, было закуплено оборудование, изготовленное в одной из европейских стран, стоимость которого составляла несколько сотен тысяч долларов. За день работы такого оборудования изготавливалось около ста тысяч проездных билетов. При этом качество их соответствовало государственным стандартам, а обслуживал это оборудование один человек. Располагалось оно в однокомнатной квартире. Подобная аппаратура применяется и в процессе фальшивомонетничества.

Существуют следующие способы подделки денежных знаков:

– полиграфический (в некоторых федеральных округах на него приходится до 70 % преступлений), состоящий в изготовлении печатных форм и получении с них оттисков, максимально сходных с подлинными, в большом количестве. Полиграфическое размножение поддельных денег осуществляется путем печатания с форм глубокой и высокой печати, а также плоской офсетной печати, которые используются в оперативной полиграфии;

– репрографический (фотография, термография, репрография);

– электрографический, с использованием копировально-множительной и электронно-вычислительной техники, снабженной принтерами с многоцветной печатью;

– анастатический (двукратное копирование), состоящий в размягчении краски нового подлинного денежного знака для последующего получения с него оттиска на бумаге;

– фотографический, состоящий в цветной фотосъемке каждой из сторон подлинной банкноты и последующего склеивания с проставлением номера и серии;

– рисования, с использованием трафарета, с натуры, по контурным линиям, предварительно полученным путем перевода с подлинного билета;

– наклеивания или дорисовки номинала подлинных банкнот.

Следует иметь в виду, что уже на этапе подготовки решаются вопросы о том, кто, где, каким образом будет уничтожать неудачные по качеству денежные знаки; где и каким образом будут храниться материалы, заготовки; где, кем, как будет осуществляться сбыт; как поступить с инструментами, оборудованием, механизмами в случае, если информация станет известна правоохранительным органам.

Данные о сбыте фальшивых денежных знаков. В сбыте выделяются следующие этапы: подготови-

тельный, непосредственный сбыт, отход. К факторам, обеспечивающим успешность данного преступного деяния, относятся время, обстановка, приемы отвлечения внимания, приемы непосредственного сбыта. Места, способы, обстановка сбыта поддельных российских денег отличаются от таковых при сбыте иностранной валюты. Вариабельность способов и мест сбыта рубля как основного платежного российского средства объясняется широтой его хождения.

В сбыте поддельных денежных знаков выделяются: место, районы, способы. Как правило, местом являются торговые точки (44 %), рынки, оптовые базы, склады (31 %), обменные пункты, вокзалы, уличные лотки, места стихийной реализации различных товаров (продуктов), рестораны, объекты игорного бизнеса, АЗС, транспорт. Успешно сбыв денежный знак в определенном месте, преступник продолжает сбыт фальшивок в аналогичных местах.

В качестве района города выбираются места, расположенные радиально от района проживания сбытчика (окраины города, где находятся торговые центры, вокзалы). Местом сбыта могут избираться железнодорожные станции или крупные автовокзалы, расположенные по маршруту следования поезда, автобуса. Следует иметь в виду, что преступники, имеющие опыт, сбывают поддельные денежные знаки за пределами города (населенного пункта), в котором проживают.

Характеризуя способы сбыта[12], следует сказать о том, что преступники стараются приобрести на крупную фальшивую купюру дешевый товар, чтобы сразу иметь подлинные денежные знаки, реже приобретают дорогостоящую вещь или предмет, в том числе и для последующей перепродажи, еще реже обращаются за разменом. Партии фальшивых денежных знаков реализуют через посредников: руководителей фирм, которые используют труд наемных работников (нелегалов, а также проживающих за пределами Российской Федерации) в отдаленных районах; организаторов наркобизнеса, незаконной продажи оружия, браконьерского промысла; лиц, имеющих большие маршрутные возможности за пределами конкретного региона.

Время сбыта поддельных денег во многом зависит от качества подделок, их количества. Подделки высокого качества сбываются в любое время суток, низкого – в темное время суток, когда определение подлинности банкноты весьма затруднено.

Данные о субъектах совершения фальшивомонетничества. К рассматриваемым преступлениям могут быть причастны лица с разным уровнем жизни, образования, социальным положением в обществе, имеющие, как правило, среднее профессиональное, высшее или среднее общее образование.

Преобладающее большинство фальшивомонетчиков – это лица мужского пола (93 %) в возрасте 30–49 лет. Женщины, как правило, являются либо сбытчиками, либо поставщиками сырья. Осужденные по ст. 186 УК РФ имеют достаточно высокий образовательный уровень: 54 % – среднее специальное образование; 24 % – высшее; 14 % – общее среднее; 8 % – незаконченное высшее и незаконченное среднее специальное образование. Следует иметь в виду, что уровень образования различен в группах изготовителей и сбытчиков. У последних значительно меньше лиц с высшим образованием. Отличаются эти две группы и по социальному статусу: около 67 % от общего числа изготовителей на момент совершения преступления имели постоянное место работы (зачастую используя место и орудия работы в преступных целях); в категории сбытчиков постоянное место работы было только у 10 % осужденных, при этом их последний трудовой стаж не превышал одного года.

Мотивами данного преступления в 50 % случаев являлось решение насущных жизненных проблем (в том числе получение средств к существованию), в 30 % случаев – самоутверждение, в 20 % случаев – достижение глобальных жизненных целей (приобретение недвижимости за границей, выкуп бизнеса).

Прогнозируя ситуацию на предмет совершения фальшивомонетничества в современный период, можно назвать категорию граждан, которые могут быть к этому причастны. Это лица, ранее судимые за аналогичные и косвенно связанные с фальшивомонетничеством преступления; имеющие соответствующее профессиональное образование (преимущественно полиграфическое); работающие на полиграфических предприятиях, а также художники, граверы, фотографы, зубные техники, специалисты по плавке и обработке металлов; занимающиеся коллекционированием монет (нумизматы), орденов и медалей, бумажных денежных знаков; располагающие современной сложной множительной техникой; интересующиеся полиграфическим производством, изготовлением бумаги, изучающие специальную профильную литературу; работающие или имеющие доступ к электрографическим аппаратам; связанные с перечисленной категорией граждан. Около 25 % преступлений совершается организованной группой или преступным сообществом.

Данные о причинах и условиях совершения преступлений. Глобальные обстоятельства, способствующие совершению преступлений, предусмотренных ст. 186 УК РФ, детерминированы конкретно-историческими условиями жизни общества, спосо-

[12] Петрянин А.В. Ответственность за изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг: дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2003.

бами решения основных противоречий, социально-экономических проблем[13]. Исходя из специфики рассматриваемого преступления, его конкретными причинами является низкий уровень заработной платы подавляющего большинства населения, не позволяющий на должном уровне удовлетворять жизненные потребности, а некоторым – и прожиточный минимум. Причинами совершения фальшивомонетничества являются безработица и высокий уровень инфляции. Следует специально сказать о том, что на современном этапе развития российского общества в категорию безработных попали граждане, имеющие техническое образование, проработавшие значительный период времени на предприятиях военно-промышленного комплекса, где преобладал высокий технологический уровень, специалисты, обладающие уникальными навыками, позволяющими им сравнительно быстро освоить технологию изготовления поддельных денежных знаков.

Условием, способствующим фальшивомонетничеству, является и научно-технический прогресс, появление новой множительной техники, многоцветных копировальных устройств, типографских машин, фотооборудования с компьютерным управлением. Одной из причин являются и относительная легкость и быстрота изготовления поддельных высококачественных копий подлинников денежных знаков с использованием множительной техники. Подчеркнем, что глобальная информационная сеть Интернет позволяет получить не только консультации, но и сканировать изображения отдельных банкнот. Примерно 75 % сотрудников правоохранительных органов (в процессе проведенных бесед) в качестве причин рассматриваемых преступлений называли доступность необходимой информации и технических средств, позволяющих изготавливать фальшивые денежные знаки.

В завершение изложения данного материала скажем и о том, что причинами и условиями, способствующими совершению фальшивомонетничества[14], являются, с одной стороны, недостаточная информированность граждан о способах защиты денежных знаков, основных признаках, указывающих на их подделку, с другой – информационное провоцирование изготовления денежных знаков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аслаханов, А.А.* Проблемы борьбы с преступлениями в сфере экономики (криминологический и уголовно-правовой аспекты): дис. … д-ра юрид. наук / А.А. Аслаханов. – М., 1997.

2. *Волженкин, Б.В.* Экономические преступления / Б.В. Волженкин. – СПб., 1999; Волженкин, Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности (экономические преступления) / Б.В. Волженкин. – СПб., 2002.

3. *Гаухман, Л.Д.* Преступления в сфере экономической деятельности / Л.Д. Гаухман, С.В. Максимов. – М., 1998.

4. *Лопашенко, Н.А.* Вопросы квалификации преступлений в сфере экономической деятельности / Н.А. Лопашенко. – Саратов, 1997.

5. *Бессчастный, С.А.* Ответственность за изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг по уголовному законодательству Российской Федерации / С.А. Бессчастный, А.В. Косарев. – М.: ИКЦ «МарТ», 2003.

6. *Вермуш, Г.* Аферы с фальшивыми деньгами / Г. Вермуш. – М.: Международные отношения, 1990. – С. 10.

7. *Загайнов, В.В.* К вопросу об объекте изготовления или сбыта поддельных денег или ценных бумаг / В.В. Загайнов // Российский следователь. – 2008. – № 13. – С. 6–9.

8. Фальшивые деньги (фальшивомонетничество) / Б.С. Болотский [и др.]; под ред. В.Д. Ларичева. – М.: Экзамен, 2002.

9. *Загайнов, В.В.* Факторы, детерминирующие изготовление и сбыт поддельных денег или ценных бумаг в Восточно-Сибирском регионе / В.В. Загайнов // Российский следователь. – 2008. – № 7. – С. 26–28.

10. *Крохина, Ю.А.* Финансовое право России: учеб. для вузов / Ю.А. Крохина. – М.: Норма, 2004.

11. *Ларичев, В.Д.* Криминологическая характеристика фальшивомонетничества / В.Д. Ларичев // Адвокат. – 2001. – № 10. – С. 21–22.

12. *Максимова, И.Е.* Изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг (фальшивомонетничество): криминологический и уголовно-правовой аспекты: дис. … канд. юрид. наук / И.Е. Максимова. – Владивосток, 2005.

13. *Петрянин, А.В.* Ответственность за изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг: дис. … канд. юрид. наук / А.В. Петрянин. – Н. Новгород, 2003.

14. *Шурухнов, Н.Г.* О видах, структуре криминалистических характеристиик и месте в них специфических данных об экологических преступлениях / Н.Г. Шурухнов // Вопросы правоведения. – 2012. – № 2 (14). – С. 161–177.

15. Яни, П.С. Ущерб собственнику при фальшивомонетничестве: совокупность с мошенничеством, гражданский иск / П.С. Яни // Уголовное право. – 2005. – № 4. – С. 6–8.

[13] Ларичев В.Д. Криминологическая характеристика фальшивомонетничества // Адвокат. 2001. № 10. С. 21–22; Фальшивые деньги (фальшивомонетничество) / Б.С. Болотский [и др.]; под ред. В.Д. Ларичева. М.: Экзамен, 2002.

[14] Загайнов В.В. Факторы, детерминирующие изготовление и сбыт поддельных денег или ценных бумаг в Восточно-Сибирском регионе // Российский следователь. 2008. № 7. С. 26–28.

КОМПЛЕКСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ – ФОРМА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ЭКСПЕРТА

В.В. Яровенко
Д.А. Турчин

Яровенко Василий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой правосудия, прокурорского надзора и криминалистики Юридической школы Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток), заслуженный юрист Российской Федерации.

Турчин Дмитрий Афанасьевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры правосудия, прокурорского надзора и криминалистики Юридической школы Дальневосточного федерального университета, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный работник высшего образования Российской Федерации.

Контактный адрес: crim@chair.dvgu.ru

В статье на основе анализа законодательства и теоретических положений рассмотрены проблемы производства комплексной экспертизы. Установлено, что комплексная экспертиза нередко поручается не комиссии экспертов, как это предусматривает ст. 201 УПК РФ, а одному эксперту, имеющему подготовку в различных отраслях знаний либо имеющему право производство однородных экспертиз. Важным моментом для комплексной экспертизы является решение экспертами, на основе проведенного каждым из них ранее исследования, совместного решения одного или нескольких вопросов. Если этого не происходит, то исследование, состоящее из набора нескольких выводов экспертов разных отраслей знаний, представляет собой комплексное исследование. Примером комплексной экспертизы, где используется интеграция знаний нескольких экспертов, является психолого-психиатрическая.

В статье высказана позиция автора применительно к проведению медико-криминалистических экспертиз, которая, согласно Инструкции об ее производстве, названа комплексной экспертизой. В настоящее время с учетом действия ст. 201 УПК РФ, ст. 23 ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», а также существующей практики, медико-криминалистическая экспертиза относится к классу судебно-медицинской экспертизы исследования вещественных доказательств, проводимых экспертами-медиками, прошедшими соответствующую специализацию по криминалистике. Данная экспертиза является примером комплексного исследования одного объекта одним экспертом, обладающим достаточными знаниями в области судебной медицины и криминалистики, что соответствует позиции Пленума Верховного суда Российской Федерации: «…если эксперт обладает достаточными знаниями, необходимыми для комплексного исследования, он вправе дать единое заключение по исследуемым им вопросам».

Ключевые слова: криминалистика, комплексная экспертиза, комплексное исследование, интеграция знаний, объект исследования, заключение, эксперты.

Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», а затем и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации предусмотрели возможность производства комплексной экспертизы, когда исследование выходит за пределы одной специальности (ч. 1 ст. 201 УПК РФ). Комплексная экспертиза – это одна из форм применения специальных знаний несколькими экспертами. В своё время В.С. Митричев отметил, что комплексность исследования связана с использованием экспертом заключений других экспертов, либо с дачей заключения комиссией экспертов[1].

Анализ следственной практики показал, что комплексная экспертиза нередко поручается не комиссии экспертов, а одному эксперту, во-первых, имеющему подготовку в различных отраслях знаний; во-вторых, имеющего право производства однородных экспертиз (дактилоскопической и холодного оружия, трасологическая и технико-криминалистическая экспертиза документов и др.)[2]. В таких случаях следует говорить о проведении на основе комплекса специальных знаний комплексного исследования в рамках одной экспертизы. Пленум Верховного суда РФ указал, что если эксперт обладает достаточными знаниями, необходимыми для комплексного исследования, он вправе дать единое заключение по исследуемым им вопросам[3]. Важно отметить,

[1] Митричев В.С. Общие положения методики идентификационной экспертизы с использованием аналитических методов // Тр. ВНИИСЭ. Вып. 4. М., 1972. С. 136.

[2] Яровенко В.В., Полещук О.В., Вороненко О.А. Проблемы производства комплексной экспертизы // Криминалистика и судебная экспертиза на Дальнем Востоке : сб. науч. тр. Вып. 2 / под науч. ред. Ю.Г. Плесовских. Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2007. С. 42–63.

[3] О судебной экспертизе по уголовным делам: Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28.

что в тексте речь идет только о достаточности знаний и не указывается – касаются ли они одной или нескольких отраслей. Полагаем, что они могут касаться как одной отрасли знаний, так и разных. Этот вывод следует из текста, где обращено внимание на **комплексное исследование,** а не на комплексную экспертизу, существенно отличающуюся от него, прежде всего, требованием закона участием в производстве **экспертов** разных специальностей и формулированием совместного заключения. На это обращали внимание ученые-криминалисты. Так, Ю.К. Орлов отметил совместность формулирования выводов экспертами различных специальностей (профилей)[4]. Комплексной экспертизой, по мнению Ю.Г. Корухова, является экспертиза, при производстве которой решение вопроса невозможно без *одновременного совместного* участия различных специалистов в формулировании *общего вывода*[5].

В комплексном исследовании содержится интеграция знаний нескольких отраслей у одного эксперта, но нет **интеграции знаний нескольких экспертов**, необходимой для совместного исследования при ответе на один или несколько вопросов комплексной экспертизы. Примером интеграции знаний нескольких экспертов является психолого-психиатрическая, которая решает, в частности, такие вопросы: страдал ли К. каким-либо психическим заболеванием в момент совершения инкриминируемого ему деяния, если да, то каким? лишало ли данное расстройство К. способности отдавать отчет своим действиям и руководить ими? каковы индивидуально-психологические особенности подозреваемого К.? могли ли индивидуально-психологические особенности подозреваемого К. оказать существенное влияние на его поведение во время совершения преступления? имеются ли у подозреваемого К. признаки отставания в психическом развитии, не связанные с психическим заболеванием? какому возрасту соответствует уровень его психического развития?[6]

Редакция ч. 2. ст. 201 УПК РФ не содержит указания, что эксперт, проводивший исследование и сделавший свои выводы, принимает участие в общем исследовании и с учетом его результатов формулируется совместное заключение. Важным обстоятельством является решение экспертами одного общего вопроса, установление одного обстоятельства по делу[7]. Если этого не происходит, то тем самым комплексная экспертиза превращается в комплексное исследование, состоящее из набора нескольких выводов экспертов разных отраслей знаний. Так, следователь назначил комплексную экспертизу: дактилоскопическую и компьютерно-техническую. Перед экспертами было поставлено две группы вопросов: а) имеются ли на поверхности телефона «NOKIA» следы рук, если да, то пригодны ли они для идентификации? б) какая информация имеется в памяти телефона? имеется ли в памяти телефона видео- и фотоинформация? Экспертизу проводили два эксперта, каждый из них решал вопросы, относящиеся к его отрасли знания, и сделал свои выводы[8].

При комплексном исследовании не требуется интеграции знаний нескольких экспертов, достаточно интеграции знаний у одного эксперта. Подтверждением сказанному является комплексное исследование объектов криминалистического оружиеведения и др. Например, по одному из уголовных дел следователь назначил биологическую и экологическую экспертизу, производство которой поручил инженеру-океанологу, обладающему познаниями в этих отраслях знаний. На разрешение эксперта были поставлены вопросы: на каких глубинах обитает краб, обнаруженный на судне? травмируются ли особи краба при поднятии ловушек на борт судна, а также при выпуске крабов в среду обитания с борта судна? какова методика расчета ущерба, причиненного окружающей среде?

Двойственная ситуация существует применительно к проведению медико-криминалистических экспертиз. В 1982 г. была издана Инструкция об организации производства комплексных медико-криминалистических и медико-автотехнических экспертиз[9]. В настоящее время, с учетом действия ст. 201 УПК РФ, ст. 23 ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», а также существующей практике, медико-криминалистическая экспертиза относится к

---

[4] Орлов Ю.К. Процессуальные проблемы комплексной экспертизы // Актуальные вопросы теории судебной экспертизы: сб. научн. тр. Вып. 21. М.: ВНИИСЭ, 1976. 87 с.

[5] Корухов Ю.Г. Теоретический, методический и процессуальный аспекты комплексных экспертиз и комплексных исследований // Проблемы организации и проведения комплексных экспертных исследований: матер. Всесоюзной науч.-практ. конф. (Рига, декабрь 1984 г.). М.: ВНИИСЭ, 1985. С. 31–32.

[6] Заключение судебной психолого-психиатрической экспертизы № 601 от 30 ноября 2006 г. Архив ГУЗ «Краевая клиническая психиатрическая больница» г. Владивосток за 2006 г.

[7] Лазари А.С. Формы использования знаний сведущих лиц в свете нового УПК (сравнительный анализ, тезисы) // Криминалистические проблемы в свете нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: матер. 3-й научн.-практ. криминалистической конф., состоявшейся 11.11. 2002 г. М., 2003. С. 27–29.

[8] Заключение эксперта № 10/11 от 11 января 2011 г. Архив ЭКО УФСКН по ПК за 2011 г.

[9] Инструкция об организации производства комплексных медико-криминалистических и медико-автотехнических экспертиз в судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции СССР и Министерства здравоохранения СССР. М., 1982.

классу судебно-медицинской экспертизы исследования вещественных, проводимого экспертами-медиками, прошедшими соответствующую специализацию по криминалистике.

Объектами исследования являются труп неизвестного лица, скелетированный, расчлененный труп, отдельные его части, костные останки, а также извлеченные из трупа раны и кости с повреждениями, кроме того, травмировавшее орудие и одежда. Данная экспертиза проводится для идентификации личности, давности захоронения трупа или его останков, орудий и механизма нанесения травмы и др.

С этой целью на разрешение экспертов ставятся следующие вопросы: принадлежит ли череп неизвестной женщины, обнаруженный в лесном массиве 18.01.07 г. в 1,5 км от с. Тимофеевка, гражданке А.[10]. Какова половая, расовая и возрастная принадлежность скелетированного трупа? Имеются ли на представленных костях скелета и черепа какие-либо травматические повреждения, если да, то не являются ли они причиной смерти потерпевшего? В результате каких травматических воздействий причинены, обнаруженные на черепе дефекты, не являются ли они огнестрельными (пулевыми отверстиями)? [11] Каков характер и механизм образования имеющихся на кожных лоскутах с трупа Б. повреждения? Имеются ли по краям ран, на кожных лоскутах от трупа Б. следы металлизации? Имеются ли на кожных лоскутах от трупа Б. характерные признаки, позволяющие идентифицировать повреждающий предмет?[12]

В практике расследования преступлений встречаются следственные ситуации, когда медико-криминалистическая экспертиза для составления словесного портрета неизвестного лица, для восстановления внешнего облика назначается специалисту лаборатории антропологических реконструкций Института этнологии и антропологии. Например, по материалам проверки № 4893 следователь назначил проведение медико-криминалистической экспертизы для восстановления внешнего облика неизвестной женщины, обнаруженной в водоотводном канале. Экспертиза была проведена экспертом, имеющей высшее биологическое образование и степень кандидата исторических наук, работающей в должности заведующей Лабораторией антропологической реконструкции Института этнологии и антропологии РАН. На основе проведенного анализа и проделанной работы эксперт составил графический словесный портрет в профиль и анфас с акцентом на особые приметы.

В перечисленных случаях были проведены комплексные исследования, но не комплексные экспертизы, так как они осуществлялись специалистами одной отрасли: судебной медицины, специалистом антропологических реконструкций.

На практике также ошибочно назначают комплексную экспертизу, на разрешение которой ставят вопросы, относящиеся к одной отрасли знания – криминалистике. Так, при расследовании разбойного нападения, с применением огнестрельного оружия, следователь вынес постановление о назначении комплексной судебной экспертизы, на разрешение которой поставил следующие вопросы: имеются ли на представленном объекте следы пальцев рук, пригодны ли они для идентификации? не оставлены ли они Х., или иным лицом? является ли представленный объект огнестрельным оружием, если да, то к какому виду, образцу (модели) относится? пригоден ли он для производства выстрелов? Экспертиза была поручена одному эксперту-криминалисту, имеющему допуск на производство дактилоскопических и баллистических исследований. Эксперт установил, что на представленном объекте следов пальцев рук, пригодных для идентификации, нет; предмет, представленный на исследование, является обрезом ружья модели Б «90320-60»; обрез пригоден к производству выстрелов из левого ствола[13]. Данная экспертиза является примером комплексного исследования одного объекта одним экспертом, обладающим различными знаниями в области криминалистики: дактилоскопии и судебной баллистики.

Уголовно-процессуальный закон в качестве обязательных условий проведения комплексной экспертизы указывает на необходимость, во-первых, использования различных отраслей знаний, во-вторых, производство экспертизы несколькими экспертами. Применительно к использованию различных отраслей знаний существует мнение, что и в пределах одной отрасли знания могут использоваться различные научные направления, которыми обладают разные эксперты. Так, в науке криминалистике существуют различные научные направления: судебная баллистика, судебная трасология, исследование холодного оружия, исследование документов, почерковедческая, автороведческая экспертизы и др.

Безусловно, эксперт-криминалист не может иметь одновременно допуски на производство всех, названных видов экспертиз (в лучшем случае их 6–7). Важно обратить внимание на тот факт, что при

[10] Заключение эксперта № 58-59-МК от 23 января 2007 г. Архив ГУЗ «ПК Бюро судебно-медицинской экспертизы» за 2007 г., г. Владивосток.

[11] Заключение эксперта № 312-313-МК от 15 мая 2006 г. Архив ГУЗ «ПК Бюро судебно-медицинской экспертизы» за 2006 г., г. Владивосток.

[12] Заключение эксперта № 454-МК от 10 ноября 2005 г. Архив ГУЗ «ПК Бюро судебно-медицинской экспертизы» за 2005 г., г. Владивосток.

[13] Заключение эксперта № 2265/2276 от 21 августа 2006 г. Архив ЭКЦ УВД ПК за 2006 г.

производстве таких экспертиз нет необходимости в интеграции знаний нескольких экспертов, например, дактилоскопическая экспертиза и экспертиза холодного оружия, дактилоскопическая экспертиза и экспертиза огнестрельного оружия и т. д. В данных случаях проводится также комплексное исследование одного объекта с позиции одной отрасли знаний, но разными экспертами.

Таким образом, в настоящее время, наряду с комплексной экспертизой, проводимой экспертами разных специальностей, возможно и проведение комплексного исследования одним экспертом, если он обладает достаточными знаниями, необходимыми для такого исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Митричев, В.С.* Общие положения методики идентификационной экспертизы с использованием аналитических методов / В.С. Митричев // Тр. ВНИИСЭ. – Вып. 4. – М., 1972.

2. *Яровенко, В.В.* Проблемы производства комплексной экспертизы / В.В. Яровенко, О.В. Полещук, О.А. Вороненко // Криминалистика и судебная экспертиза на Дальнем Востоке: сб. науч. тр. Вып. 2; под науч. ред. Ю.Г. Плесовских. – Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2007. – С. 42–63.

3. О судебной экспертизе по уголовным делам: Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28.

4. *Орлов, Ю.К.* Процессуальные проблемы комплексной экспертизы // Актуальные вопросы теории судебной экспертизы: сб. научн. тр. Вып. 21 / Ю.К. Орлов. – М.: ВНИИСЭ, 1976. – 87 с.

5. *Корухов, Ю.Г.* Теоретический, методический и процессуальный аспекты комплексных экспертиз и комплексных исследований / Ю.Г. Корухов // Проблемы организации и проведения комплексных экспертных исследований: матер. Всесоюзной науч.-практ. конф. (Рига, декабрь 1984 г.). – М.: ВНИИСЭ, 1985.

6. Заключение судебной психолого-психиатрической экспертизы № 601 от 30 ноября 2006 г. Архив ГУЗ «Краевая клиническая психиатрическая больница» г. Владивосток за 2006 г.

7. *Лазари, А.С.* Формы использования знаний сведущих лиц в свете нового УПК (сравнительный анализ, тезисы) / А.С. Лазари // Криминалистические проблемы в свете нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: материалы 3-й научн.-практ. криминалистической конф., состоявшейся 11.11. 2002 г. – М., 2003. – С. 27–29.

8. Заключение эксперта № 10/11 от 11 января 2011 г. Архив ЭКО УФСКН по ПК за 2011 г.

9. Инструкция об организации производства комплексных медико-криминалистических и медико-автотехнических экспертиз в судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции СССР и Министерства здравоохранения СССР. – М., 1982.

10. Заключение эксперта № 58-59-МК от 23 января 2007 г. Архив ГУЗ «ПК Бюро судебно-медицинской экспертизы» за 2007 г., г. Владивосток.

11. Заключение эксперта № 312-313-МК от 15 мая 2006 г. Архив ГУЗ «ПК Бюро судебно-медицинской экспертизы» за 2006 г., г. Владивосток.

12. Заключение эксперта № 454-МК от 10 ноября 2005 г. Архив ГУЗ «ПК Бюро судебно-медицинской экспертизы» за 2005 г, г. Владивосток.

13. Заключение эксперта № 2265/2276 от 21 августа 2006 г. Архив ЭКЦ УВД ПК за 2006 г.

ОСОБЕННОСТИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В ОТНОШЕНИИ СУДЕЙ, ПРИСЯЖНЫХ И АРБИТРАЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ В ПЕРИОД ОТПРАВЛЕНИЯ ИМИ ПРАВОСУДИЯ

Д.В. Алехин

Алехин Дмитрий Владимирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

Контактный адрес: dial@mail.ru

Судьи, присяжные и арбитражные заседатели играют важную роль в осуществлении задач по обеспечению законности и защиты прав человека. Такое положение довольно часто приводит к тому, что рассматриваемые лица подвергаются давлению со стороны заинтересованных лиц самыми разнообразными способами. С одной стороны, введенный в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) правовой институт, регулирующий вопросы уголовного судопроизводства в отношении отдельных категорий лиц, преследовал целью защитить их от необоснованного обвинения и ограничения прав и свобод, путем предоставления дополнительных гарантий реализации их полномочий. С другой стороны, ежегодное увеличение количества привлекаемых к уголовной ответственности лиц, обладающих особым правовым статусом, их специфическое правовое положение, наличие несоразмерных привилегий затрудняет достижение целей уголовного процесса в том смысле, который придается им ст. 6 УПК РФ.

Повышение эффективности противодействия преступлениям, совершаемыми судьями, присяжными и арбитражными заседателями, немыслимо без научно обоснованного совершенствования уголовно-процессуальной деятельности. Причем первоочередное внимание необходимо уделять начальной стадии – возбуждению уголовного дела, на которой создаются позитивные предпосылки для наиболее благоприятного процесса расследования преступлений. От того, насколько быстро последует реакция на информацию, указывающую на признаки преступления, насколько полно будет проведена проверка этой информации и своевременно возбуждено уголовное дело, зависят исход предварительного расследования и судебная перспектива этого дела. Решение подобной задачи невозможно без комплексного знания о процессуально значимых особенностях возбуждения уголовного дела в отношении рассматриваемой категории лиц, и своеобразии их влияния на правовые процессы начальной стадии уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: неприкосновенность, особый правовой статус, судья, присяжные и арбитражные заседатели, возбуждение уголовного дела.

В соответствии с ч. 3 ст. 1 Закона РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» судьями являются лица, наделенные в конституционном порядке полномочиями осуществлять правосудие и исполняющие свои обязанности на профессиональной основе. Аналогичное определение судей дано и в ч. 1 ст. 11 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»: судьями являются лица, наделенные в соответствии с Конституцией РФ и названным Законом полномочиями осуществлять правосудие и исполняющие свои обязанности на профессиональной основе. Пункт 54 ст. 5 УПК РФ более лаконичен: судья – должностное лицо, уполномоченное осуществлять правосудие.

В ч. 1 ст. 2 Закона о статусе судей закреплен принцип единого статуса судей, т. е. общего правового статуса всех без исключения судей независимо от их принадлежности к конкретным судам. Законодатель предусмотрел различие между ними только в полномочиях и компетенции (ст. 12 Закона № 1-ФКЗ). Соответственно, как обоснованно пишет О.В. Добровлянина, «…особый порядок судопроизводства распространяется в равной степени на всех судей федеральных судов и судов субъектов РФ, независимо от занимаемой ими должности (судья, председатель суда, заместитель председателя суда)» [3: с. 71].

Одна из существенных гарантий независимости судей является их неприкосновенность, установленная Конституцией РФ. Согласно ч. 2 ст. 122 судья не может быть привлечен к уголовной ответственности не иначе как в порядке, определяемом федеральным законом. Эта конституционная норма воспроизводится в ст. 16 Закона № 1-ФКЗ и детализируется в ст. 16 Закона о статусе судей: неприкосновенность судьи включает в себя неприкосновенность личности, неприкосновенность занимаемых им жилых и служебных помещений, используемых им личных и служебных транспортных средств, принадлежащих ему документов, багажа и иного имущества, тайну переписки и иной корреспонденции (телефонных переговоров, почтовых, телеграфных, других электрических и иных принимаемых и отправляемых судьей сообщений). Судья, в том числе после прекращения его полномочий, не может быть привлечен к какой-либо ответ-

ственности за выраженное им при осуществлении правосудия мнение и принятое судом решение, если только вступившим в законную силу приговором суда не будет установлена виновность судьи в преступном злоупотреблении либо вынесении заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта[1].

Согласно правовой позиции, сформулированной Конституционным судом РФ, судейская неприкосновенность является определенным исключением из принципа равенства всех перед законом и судом (ч. 1 ст. 19 Конституции РФ) и по своему содержанию выходит за пределы личной неприкосновенности (ст. 22 Конституции РФ). Это обусловлено тем, что общество и государство, предъявляя к судье и его профессиональной деятельности высокие требования, вправе и обязаны обеспечить ему дополнительные гарантии надлежащего осуществления деятельности по отправлению правосудия. Судейская неприкосновенность является не личной привилегией гражданина, занимающего должность судьи, а средством защиты публичных интересов, и прежде всего интересов правосудия. Следует также учитывать особый режим судейской работы, повышенный профессиональный риск, наличие различных процессуальных и организационных средств контроля за законностью действий и решений судьи [6].

Отдельно следует сказать о неприкосновенности судей, находящихся в отставке. В соответствии с ч. 1 ст. 15 Закона о статусе судей за лицом, пребывающим в отставке, сохраняются звание судьи, гарантии личной неприкосновенности и принадлежность к судейскому сообществу, т. е. на него распространяются особенности производства по уголовным делам, предусмотренные главой 52 УПК РФ. При этом следует иметь в виду, что в период осуществления деятельности, которой судья, пребывающий в отставке, вправе заниматься в соответствии с ч. 4 ст. 4 Закона о статусе судей, а именно: работать в органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, в профсоюзных и иных общественных объединениях, а также работать в качестве помощника депутата Государственной думы или члена Совета Федерации Федерального собрания РФ либо помощника депутата законодательного (представительного) органа субъекта РФ, на него не распространяются гарантии неприкосновенности.

Так, Ш. 3 января 2001 г. был зачислен на должность директора Казанского филиала Российской академии правосудия. С января 2003 г. по совместительству он был оформлен доцентом кафедры. 4 февраля 2003 г. заместитель прокурора Республики Татарстан в отношении его возбудил уголовное дело по ч. 4 ст. 33 и ч. 2 ст. 291 УК РФ.

Упомянутым выше постановлением судьи Вахитовского районного суда г. Казани постановление о возбуждении дела признано незаконным. В обоснование указано, что на Ш. распространяются гарантии неприкосновенности судьи, поскольку со 2 июля 1973 г. по 1 июня 1978 г. он работал в должности судьи Верховного суда Республики Татарстан, в связи с истечением срока полномочий удален в отставку, стал заниматься преподавательской деятельностью, поэтому в отношении его как судьи в отставке уголовное дело может быть возбуждено только на основании заключения коллегии, состоящей из трех судей Верховного суда РФ, и согласия Высшей квалификационной коллегии судей РФ. Однако такой порядок, предусмотренный ст. 448 УПК РФ, при возбуждении уголовного дела в отношении его не соблюден.

Президиум Верховного суда Республики Татарстан в обоснование правильности данного решения сослался также и на положения ст. 13 Закона РФ от 26 июня 1992 г. «О статусе судей в Российской Федерации», в соответствии с которыми полномочия судьи приостанавливаются решением квалификационной коллегии судей, и пришел к выводу, что, поскольку такого решения в отношении Ш. не выносилось, на него распространяются гарантии неприкосновенности судей.

Между тем преподавательской деятельностью Ш. занимался лишь по совместительству. Основная же его работа, запись о которой имеется в трудовой книжке, – руководство Казанским филиалом Российской академии правосудия. Как директор государственного учреждения Ш. являлся должностным лицом, осуществлявшим организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции.

В соответствии же с п. 4 ст. 3 Закона Российской Федерации от 26 июня 1992 г. «О статусе судей в Российской Федерации» (в редакции Федерального закона от 17 июля 1999 г.) на судью, пребывающего в отставке, в период осуществления деятельности, которой он вправе заниматься (в частности, работать в государственных учреждениях), не распространяются гарантии неприкосновенности, установленные ст. 16 указанного Закона, и членство судьи в судейском сообществе на этот период приостанавливается.

[1] Согласно п. 4 Постановления Конституционного суда РФ от 25 января 2001 г. № 1-П, ответственность государства связана с установлением преступного деяния судьи, совершенного умышленно (ст. 305 УК РФ «Вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта») или по неосторожности (неисполнение или ненадлежащее исполнение судьей как должностным лицом суда своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе, если оно повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан. – Ст. 293 УК РФ «Халатность»).

Ссылка же на ст. 13 упомянутого Закона, содержащую перечень оснований для приостановления полномочий судьи, сделана неправильно. Полномочия Ш. как судьи были не приостановлены, а прекращены в связи с истечением их срока. Понятия «приостановление полномочий судьи» и «приостановление членства в судейском сообществе» не равнозначны.

При таких обстоятельствах доводы прокурора о незаконности содержащихся в судебных решениях выводов относительно распространения на Ш. гарантий неприкосновенности судьи обоснованы.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ надзорное представление заместителя Генерального прокурора РФ удовлетворила, судебные решения по делу отменила [5].

В ч. 3 ст. 16 Закона о статусе судей определен порядок принятия решения по вопросу о возбуждении уголовного дела в отношении судьи либо о привлечении его в качестве обвиняемого по другому уголовному делу, который в целом повторяется в ст. 448 УПК РФ. По мнению А.Н. Борисова, закрепление данного порядка в рассматриваемой статье, согласуется с нормой ч. 2 ст. 122 Конституции РФ, в соответствии с которой судья не может быть привлечен к уголовной ответственности иначе как в порядке, определяемом федеральным законом [2]. Не разделяя данную позицию, следует согласиться с тем, что «…в ч. 2 ст. 122 Конституции РФ упомянуто лишь об особом порядке привлечения судьи к уголовной ответственности. Редакция ст. 16 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» крайне неудачна, так как в ней смешаны два понятия – возбуждение уголовного дела и привлечение к уголовной ответственности (предъявление обвинения)» [1].

Первоначальная редакция ч. 3 ст. 16 Закона о статусе судей предусматривала, что уголовное дело в отношении судьи может быть возбуждено только Генеральным прокурором РФ или лицом, исполняющим его обязанности, при наличии на то согласия соответствующей квалификационной коллегии судей. Такое положение просуществовало до 15 декабря 2001 г., когда Законом № 169-ФЗ [8] указанный выше порядок был изменен. Для принятия решения о возбуждении уголовного дела необходимо было получить заключение коллегии судей о наличии в действиях судьи признаков преступления и согласие соответствующей квалификационной коллегии судей либо Конституционного суда РФ, если речь шла о судье Конституционного суда РФ. После внесения изменений в УПК РФ Федеральным законом 24 июля 2007 г. № 214-ФЗ [9], правом возбуждения уголовного дела в отношении судьи стал наделен Председатель Следственного комитета при прокуратуре РФ, что послужило основанием для обращения в Конституционный суд РФ с соответствующим запросом Верховного суда, Высшей квалификационной коллегии судей РФ, решающей вопрос о даче согласия на возбуждение уголовного дела в отношении гражданина М.Г. Короткова – судьи, председателя Волгоградского областного суда, и самого М.Г. Короткова с жалобой. По мнению заявителя, федеральный законодатель, передав ранее принадлежавшие Генеральному прокурору РФ полномочия по осуществлению уголовного преследования в отношении судей судов областного уровня Председателю Следственного комитета при прокуратуре РФ, снизил уровень гарантий, обеспечивающих в соответствии со ст.ст. 10, 120 (ч. 1) и 122 Конституции РФ самостоятельность судов, независимость и неприкосновенность судей.

Конституционный суд РФ разъяснил, что установленным законом порядком предусмотрено, что уголовные дела в отношении судей возбуждаются только с согласия Высшей квалификационной коллегии судей РФ высшим должностным лицом в системе органов, уполномоченных на возбуждение уголовного дела. Таковым стал после внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство Председатель Следственного комитета при прокуратуре РФ, который одновременно является по должности Первым заместителем Генерального прокурора РФ.

Указанный порядок привлечения к уголовной ответственности в отношении судей судов областного уровня, предполагающий больший объем гарантий, чем это предусмотрено порядком, применяемым в отношении других граждан, не может рассматриваться как нарушающий какие-либо конституционные права[2].

---

[2] Определение Конституционного суда РФ от 19.05.2009 № 490-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации о проверке конституционности положений абзацев шестого – восьмого подпункта «а», подпунктов «б», «в», «г» пункта 92 статьи 1 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» и статьи 4 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации», а также жалобы гражданина Короткова Михаила Георгиевича на нарушение его конституционных прав данными законоположениями» // Вестник Конституционного суда РФ. 2009. № 6; Определение Конституционного суда РФ от 01.10.2009 № 1042-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Верховного суда Российской Федерации о проверке конституционности положений пункта 5 части первой статьи 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» // Вестник Конституционного суда РФ. 2010. № 1.

В настоящее время, в соответствии с ч. 3 ст. 16 Закона о статусе судей, п. 3–5 ч. 1 ст. 448 УПК РФ решение по вопросу о возбуждении уголовного дела принимается Председателем Следственного комитета РФ: в отношении судьи Конституционного суда РФ – с согласия Конституционного суда РФ; в отношении судьи Верховного суда РФ, Высшего арбитражного суда РФ, верховного суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа, военного суда, федерального арбитражного суда – с согласия Высшей квалификационной коллегии судей РФ; в отношении судьи иного суда – с согласия квалификационной коллегии судей соответствующего субъекта Российской Федерации.

По мнению И.С. Кузнецовой, недопустимость возбуждения уголовного дела в отношении судьи без согласия на то органов судейского сообщества (квалификационной коллегии судей) хотя и согласуется с международно-правовыми требованиями, сформулированными в Европейской Хартии о статусе судей, которая прямо указывает в качестве условия допустимости санкций в отношении судьи (в том числе уголовных) принятие решения на основании предложения, рекомендации или с согласия коллегии или органа, состоящего не менее чем наполовину из избранных судей, однако, в российском варианте независимость органа, участвующего в процедурах лишения судейского иммунитета и привлечения судьи к уголовной ответственности, представляется недостаточно гарантированной. Такое положение является следствием: а) зависимости членов квалификационной коллегии судей от председателей судов – существующий порядок назначения последних и их полномочия свидетельствует о наличии в судебной системе жесткой иерархии, и в связи с этим рядовые судьи, а именно они являются членами квалификационной коллегии, не могут не находиться под влиянием председателей своего и вышестоящего судов; б) объективной и субъективной возможности немотивированных решений, связанной с тем, что квалификационные коллегии судей не являются компетентным органом для оценки судебного акта, хотя во многих случаях привлечения к ответственности исходят именно из признания его незаконным и при этом принимают решения без изложения мотивов по большинству голосов – число голосов «за» или «против», отражаемые в протоколе заседания и самом решении, фактически рассматривается как заменяющее его обоснование; в) не гарантирующей объективную проверку этих решений процедуры их обжалования [4].

Мотивированное решение Конституционного суда РФ либо квалификационной коллегии судей по вопросу о даче согласия на возбуждение уголовного дела в отношении судьи либо о привлечении его в качестве обвиняемого по уголовному делу принимается в 10-дневный срок после поступления представления Председателя Следственного комитета РФ.

Обращаем внимание, что положения статей 144, 145 и 448 УПК РФ и п. 8 ст. 16 Закона «О статусе судей» признаны не соответствующими Конституции РФ в той мере, в какой этими положениями допускается возбуждение в отношении судьи уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ст. 305 «Вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта» УК РФ, в случае, когда соответствующий судебный акт, вынесенный этим судьей, вступил в законную силу и не отменен в установленном процессуальным законом порядке [7].

Порядок рассмотрения Конституционным судом РФ обращения о даче согласия на привлечение к уголовной ответственности судьи Конституционного суда РФ определен положениями § 47 Регламента Конституционного суда РФ от 01.03.1995 № 2-1/6. Так, в случае поступления в Конституционный суд обращения Генерального прокурора РФ[3] или суда о даче согласия на привлечение к уголовной ответственности судьи Конституционного суда Председатель Конституционного суда незамедлительно передает поступившие материалы судьям для предварительного изучения и устанавливает дату пленарного заседания для рассмотрения этого вопроса. Если поступившее обращение касается Председателя Конституционного суда, соответствующие действия осуществляет его заместитель. В пленарном заседании заслушиваются внесшее обращение должностное лицо или представитель соответствующего органа, судья Конституционного суда, в отношении которого испрашивается согласие на привлечение к уголовной ответственности, и его представитель. При необходимости истребуются дополнительные материалы. Конституционный суд на закрытом совещании принимает одно из следующих решений: 1) отказать в согласии на привлечение к уголовной ответственности судьи Конституционного суда; 2) дать согласие на привлечение к уголовной ответственности судьи Конституционного суда. В этом случае одновременно решается вопрос о приостановлении его полномочий.

Порядок производства в Высшей квалификационной коллегии судей РФ и квалификационных коллегиях судов субъектов РФ регламентирован ст. 21–26 Федерального закона от 14.03.2002 № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации». Согласно ч. 4 ст. 21 данного Закона, при рассмотрении материала о привлечении судьи к уголовной ответственности решением квалифи-

[3] С момента принятия Регламента изменения в него не вносились.

кационной коллегии судей полномочия судьи могут быть приостановлены до принятия решения по существу вопроса. Данное решение может быть принято в отсутствие судьи, в том числе в случае его отсутствия по уважительной причине.

В своем определении от 21.10.2010 № КАС10-537 Верховный суд РФ указал, что рассмотрение квалификационной коллегией судей вопроса о даче согласия на возбуждение уголовного дела в отношении судьи или на привлечение его к уголовной ответственности призвано определить, имеется ли связь между уголовным преследованием и деятельностью судьи по осуществлению им своих полномочий, включая его позицию при разрешении того или иного дела, и не является ли такое преследование попыткой оказать давление на судью с целью повлиять на выносимые им решения. Квалификационная коллегия судей отказывает в даче согласия на возбуждение уголовного дела в отношении судьи или на привлечение его к уголовной ответственности при установлении, что действия органов уголовного преследования обусловлены позицией, занимаемой судьей в связи с осуществлением судейских полномочий.

Хотелось бы обратить внимание, что решения квалификационных коллегий могут быть обжалованы в суд соответствующего уровня[4], поскольку эти решения существенным образом затрагивают права и интересы не только судьи, в отношении которого оно принято, но и тех граждан, которые пострадали или могли пострадать в результате его противоправных действий и которые настаивают на возбуждении в отношении судьи уголовного дела.

Как уже отмечалось, независимость и неприкосновенность – одни из главных условий существования в стране самостоятельного и беспристрастного суда. Поскольку присяжные и арбитражные заседатели выполняют функции судебной власти, постольку законодатель распространяет на его деятельность гарантии независимости и неприкосновенности, установленные для судей и наряду с ними отнес их к числу лиц, указанных в ч. 1 ст. 447 УПК РФ.

Арбитражными заседателями являются граждане РФ, наделенные в установленном законом порядке, полномочиями по осуществлению правосудия при рассмотрении арбитражными судами субъектов РФ в первой инстанции подведомственных им дел, возникающих из гражданских правоотношений (ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 30.05.2001 № 70-ФЗ «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации»). В соответствии с ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 20.08.2004 № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» присяжными заседателями являются граждане РФ, имеющие право участвовать в осуществлении правосудия при рассмотрении судами первой инстанции подсудных им уголовных дел с участием присяжных заседателей.

Согласно ч. 2 ст. 5 Закона № 1-ФКЗ присяжные и арбитражные заседатели, участвующие в осуществлении правосудия, независимы и подчиняются только Конституции РФ и закону. В частности, речь идет о гарантиях неприкосновенности, установленных отдельными положениями ст.ст. 9, 10 и 16 Закона о статусе судей[5].

Так, Тверским областным судом 2 июля 2010 г. К. оправдан по предъявленному обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 105, ч. 3 ст. 30, пп. «а», «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ в связи с вынесением коллегией присяжных заседателей оправдательного вердикта. Этим же приговором К. разъяснено право на реабилитацию.

На основании вердикта коллегии присяжных заседателей К. признан невиновным в умышленном причинении смерти другому человеку и в покушении на умышленное причинение смерти двум и более лицам, общеопасным способом.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ при рассмотрении 1 сентября 2010 г. уголовного дела в отношении К. в кассационном порядке установила нарушения федеральных законов, закрепляющих гарантии независимости и неприкосновенности присяжных заседателей, в связи с чем вынесла частное определение, указав следующие комментарии.

После постановления в отношении К. оправдательного приговора руководитель Кимрского межрайонного следственного отдела следственного управления Следственного комитета при прокуратуре РФ по Тверской области Л. взял у присяжных заседателей, входивших в состав коллегии присяжных заседателей, объяснения по обстоятельствам их участия в рассмотрении уголовного дела в отношении К., в том числе по вопросам, которые у

[4] Постановление Конституционного суда РФ от 07.03.1996 № 6-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» в связи с жалобами граждан Р.И. Мухаметшина и А.В. Барбаша» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 14. Ст. 1549; Определение Конституционного суда РФ от 16.12.2004 № 394-О «По жалобе Генерального прокурора Российской Федерации на нарушение конституционных прав граждан пунктом 3 статьи 26 Федерального закона "Об органах судейского сообщества в Российской Федерации"» // Собрание законодательства РФ. 2005. № 10. Ст. 897.

[5] Ст. 12 Федерального закона от 20.08.2004 № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» и ст. 7 Федерального закона от 30.05.2001 № 70-ФЗ «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации».

них выяснялись в установленном законом порядке при формировании коллегии присяжных заседателей, а также о поведении и мнениях, высказанных другими присяжными заседателями по вопросу о виновности или невиновности подсудимого.

В соответствии с Федеральным законом от 20 августа 2004 г. № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» на присяжных заседателей в период осуществления ими правосудия распространяются гарантии независимости и неприкосновенности судей, установленные Конституцией Российской Федерации, Федеральным конституционным законом от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» и Законом РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-I «О статусе судей в Российской Федерации», согласно которым независимость судьи обеспечивается предусмотренной законом процедурой осуществления правосудия, запретом под угрозой ответственности чьего бы то ни было вмешательства в деятельность по осуществлению правосудия и неприкосновенностью судьи, всякое вмешательство в деятельность судьи по осуществлению правосудия преследуется по закону, судья не обязан давать каких-либо объяснений по существу рассмотренных дел.

Поскольку указанные нарушения, допущенные руководителем Кимрского межрайонного следственного отдела СУ СК при прокуратуре РФ по Тверской области Л., повлекли за собой незаконное вмешательство в деятельность по осуществлению правосудия, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ в частном определении обратила внимание руководителя следственного управления на данные нарушения для принятия соответствующих мер [10].

Следует особо отметить, что рассматриваемые лица указаны только в ч. 1 ст. 447 УПК РФ, в остальных статьях главы 52 УПК РФ присяжные и арбитражные заседатели не упоминаются. В связи с этим О.В. Добровлянина пишет, что остается непонятной процедура привлечения этих лиц к ответственности: или их надо «включать» в понятие п. 5 ч. 1 ст. 448 УПК РФ – «иные судьи», или приравнивать к судьям тех судов, где они осуществляют правосудие, и распространять правило о соответствующей процедуре [3: с. 80]. Скорее всего, законодателем допущена техническая ошибка, в связи с чем необходимо внести соответствующие коррективы в УПК РФ.

Таким образом, можно сделать вывод, что порядок возбуждения уголовного дела в отношении судей, присяжных и арбитражных заседателей требует дальнейшего совершенствования. Частичное упразднение процедуры получения заключения суда о наличиях в действиях лица, указанного в ч. 1 ст. 447 УПК РФ признаков преступления, хотя и явилось позитивным шагом, направленным на оптимизацию предварительной проверки, однако, в отношении рассматриваемой категории лиц, сохранилась необходимость прохождения согласительных процедур, что является не совсем оправданным с точки зрения, во-первых, экономичности уголовного судопроизводства; во-вторых, чрезмерного усиления привилегированности, правового преимущества; в-третьих, повышения уровня реальной правовой защищенности прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступных посягательств.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алешина, И.* Привлечение судей к административной, дисциплинарной и уголовной ответственности / И. Алешина // Законность. – 2005. – № 6. – С. 31–34.

2. *Борисов, А.Н.* Комментарий к Закону Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» / А.Н. Борисов. – М., 2008. – 336 с.

3. *Добровлянина, О.В.* Особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц: дис. … канд. юрид. наук / О.В. Добровлянина. – Екатеринбург, 2010. – 270 с.

4. *Кузнецова, И.С.* Иммунитеты и ответственность как элементы конституционно-правового статуса судьи: автореф. дис. … канд. юрид. наук / И.С. Кузнецова. – М., 2010. – С. 18–19.

5. Определение Верховного суда РФ от 21.12.2004 № 11-ДП04-64 // Бюллетень Верховного суда РФ. – 2005. – № 9.

6. Постановление Конституционного суда РФ от 07.03.1996 № 6-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» в связи с жалобами граждан Р.И. Мухаметшина и А.В. Барбаша» // Собр. законодательства РФ. – 1996. – № 14. – Ст. 1549.

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.10.2011 № 23-П «По делу о проверке конституционности положений статей 144, 145 и 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 8 статьи 16 Закона Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации" в связи с жалобой гражданина С.Л. Панченко» // Собр. законодательства РФ. – 2011. – № 44. – Ст. 6319.

8. О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации»: федер. закон от 15.12.2001 № 169-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2001. – № 51. – Ст. 4834.

9. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон "О прокуратуре Российской Федерации": Федеральный закон от 24.07.2007 № 214-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2007. – № 31. – Ст. 4011.

10. Частное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 01.09.2010 № 35-О10-25СП // Бюллетень Верховного суда РФ. – 2011. – № 2.

К ВОПРОСУ О КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ОБОРОТА ВАЛЮТНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

О.Н. Васильева

Васильева Оксана Николаевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Московского государственного университета приборостроения и информатики.

Контактный адрес: vasilieva_on@mail.ru

В данной статье рассматривается криминологическая характеристика преступлений в сфере оборота валютных ценностей.

Отмечается, что преступления, связанные с незаконным оборотом валютных ценностей, относятся к числу общественно опасных деяний, оказывающих негативное воздействие не только на устойчивость экономической деятельности государства, но и наносят существенный ущерб экономической безопасности России. Их характерной особенностью является высокий уровень латентности. Раскрываются объективные и субъективные факторы, оказывающие влияние на причины латентности, причины и условия распространения преступности в сфере оборота валютных ценностей.

Сделан вывод, что преступность в сфере оборота валютных ценностей зависит не только от социальных причин и условий, но и сама порождает новые правонарушения, т. е. происходит процесс ее самодетерминации, который имеет четыре формы проявления. Первая форма – совершенное и нераскрытое преступление, связанное с незаконным оборотом валютных ценностей, нередко порождает другое, в том числе аналогичное противоправное деяние. Вторая форма выражается в том, что совершение иных смежных преступлений влечет за собой совершение преступлений, посягающих на оборот валютных ценностей. Третья форма связана с организованной преступностью, которая вышла на новый качественный уровень. В большинстве случаев организованные группы самостоятельно контролируют деятельность субъектов экономики и являются одним из важнейших факторов, оказывающих негативное влияние на криминальную ситуацию в сфере оборота валютных ценностей. Четвертая форма проявляется, в частности, через психологию населения. В связи с высокой латентностью общеуголовной преступности в целом и исследуемых преступлений возникает особое психологическое состояние допустимости, разрешенности преступных действий.

Приводятся сведения, касающиеся структуры и динамики преступности в сфере оборота валютных ценностей. Раскрывается характеристика личности преступника, совершающего противоправные деяния в сфере оборота валютных ценностей.

Ключевые слова: оборот валютных ценностей, криминологическая характеристика преступлений, личность преступника, причины и условия совершения преступлений.

Одним из приоритетных направлений деятельности организованных преступных групп (сообществ) является незаконный оборот валютных ценностей. Следует отметить, что преступления в сфере оборота валютных ценностей, прежде всего, обусловливаются сложившимися противоречиями в экономических отношениях, которые предопределяются тем, что, во-первых, новые экономические отношения не возникли на пустом месте, а сложились из ряда элементов прежних, разрушенных в настоящее время; во-вторых, новый процесс развития неравномерен, что порождает диспропорцию в соотношении некоторых из ее элементов; в-третьих, их развитие не всегда поспевает за развитием потребностей общества; в-четвертых, нельзя забывать и о случайных событиях, которые происходят в обществе и подчас порождают негативные явления, такие как преступления. В то же время следует учитывать, что при современном развитии экономических отношений некоторые виды преступной деятельности, например, спекуляция, а также валютные операции в рыночной системе стали вполне законными и, как отмечает В.Н. Кудрявцев и В.Е. Эминов, даже престижными [2: с. 58]. Кроме того, Федеральным законом от 07.12.2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» была декриминализирована ст. 188 УК РФ, предусматривающая ответственность за контрабанду.

Таким образом, при формировании в экономической сфере отношений, связанных с оборотом валютных ценностей, часть из них криминализируется, а ряд ранее существовавших противоправных деяний, противоречащих существующей системе отношений, декриминализируется.

С позиции законодателя к экономическим преступлениям относятся все преступления, предусмотренные в разделе «Преступность в сфере экономики». Это преступления против собственности (гл. 21 УК РФ), преступления в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК РФ) и преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях (гл. 23 УК РФ).

В силу этого, понятие «экономическая преступность в сфере оборота валютных ценностей» можно также употребить применительно к совокупности корыстных преступлений, связанных с производством, обменом, распределением и использованием иностранной валюты и внешних ценных бумаг, причиняющих вред охраняемым законом экономическим интересам граждан, хозяйствую-

щих субъектов и государства со стороны лиц, включенных в систему экономических отношений, на которые они посягают.

Полагаем, к данным преступлениям, посягающим на оборот валютных ценностей, следует отнести совершаемые:

1) в сфере денежно-кредитных отношений – изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг (ст. 186 УК РФ);

2) в сфере внешнеэкономической деятельности – невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте (ст. 193 УК РФ).

Предпримем попытку раскрыть криминологическую характеристику преступлений, совершаемых в сфере оборота валютных ценностей.

Для начала приведем следующие сведения, касающиеся *структуры преступности в сфере оборота валютных ценностей*. Так, по данным официальной статистики ГИАЦ МВД России, в 2000 г. число зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 186 УК РФ, составило 14289, в то время как в 2011 г. их количество увеличилось практически вдвое и составило – 26 948. В свою очередь число зарегистрированных преступлений, предусмотренных 193 УК РФ в 2000 г., составляло 232, к 2005 г. наблюдалось резкое снижение до 10, но уже в 2011 г. возбуждено 300 уголовных дел.

Таким образом, общее число зарегистрированных в 2011 г. преступлений в сфере оборота валютных ценностей составляет 13,44 % от общего числа преступлений экономической направленности. Обращает на себя внимание, что наибольшее количество от преступлений в структуре преступности экономической направленности составляет изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг 13,3 %.

Динамика преступности в сфере оборота валютных ценностей показывает, что при сравнении зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 186 УК РФ с постоянной базовой (данные 2000 г.) видно, что в 2011 г. их число возросло на 89 %. Вместе с тем к 2005 г. отмечалось стремительное снижение числа зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 193 УК РФ. Так, по сравнению с 2000 г. к 2005 г. их число снизилось на 95,7 %. Снижение числа обозначенных преступлений вовсе не свидетельствовало об их отсутствии. В большинстве случаев это было связано со слабой работой правоохранительных органов, отсутствием их взаимодействия с Росфиннадзором, таможенными и налоговыми службами. В 2011 г. число данных преступлений по сравнению с 2005 г. возросло в 30 раз. Данное положение также обусловлено отсутствием четкой единой государственной экономической политики, направленной на стабильность уголовно-правовой защиты оборота валютных ценностей, нестабильность иного отраслевого законодательства, регулирующего их обращение и отставание обеспечения проводимых экономических реформ от потребностей общества.

Однако следует отметить, что четкого разграничения статистических данных, касающихся незаконного оборота валютных ценностей, не существует, поэтому особенности его структуры можно определить путем репрезентативных исследований. Так, исходя из анализа материалов уголовных дел, было установлено, что из всей массы поддельных денежных знаков 59,3 % составляют доллары США; 39,5 % – денежные знаки иных зарубежных государств; 1,2 % – ценные бумаги в иностранной валюте. При этом указанные валютные ценности в большинстве случаев были изготовлены как типографским способом, так и с применением копировально-множительной и компьютерной техники. Обращает на себя внимание достаточно хорошее качество подделок, поскольку при их изготовлении использовалась «фактурная» бумага. Более трети валютной массы поступает с территории Северного Кавказа. Вместе с тем, наиболее невозвращаемой из-за границы иностранной валютой продолжают оставаться доллары США – 62 % случаев и евро – 27 %. В 11 % случаев это валюта иных иностранных государств.

В результате совершения обозначенных преступлений существенно нарушается экономическая деятельность государства, связанная с оборотом валютных ценностей и внешних ценных бумаг, тем самым причиняется значительный материальный ущерб интересам общества и государства, что свидетельствует о *высокой степени их общественной опасности и значительном ущербе,* причиняемом государству субъектами преступной деятельности.

Характерной особенностью преступности в сфере оборота валютных ценностей является *высокий уровень латентности.* Необходимо отметить и низкий процент выявления данных преступлений (5–10 % от их реального объема). По сути дела количество зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст.ст. 186 и 193 УК РФ, не отражают действительного состояния, следует критически воспринимать и взвешенно оценивать данные официальной статистики, которые, по выражению В.В. Лунеева, «…лишь в самой малой мере отражают уровень экономических деяний и чуть больше – их общие тенденции…» [4: с. 259].

Кроме того, следует признать, что уголовная статистика по некоторым показателям приобрела более формальный и менее достоверный характер, поскольку установленная форма статистической отчетности не отражает достоверную «картину» преступности и ее тенденции развития. Проведенный экспертный опрос практических работников позволяет сделать следующие выводы, что 57 % опрошенных респондентов оценивают уровень ла-

тентности преступлений в сфере оборота валютных ценностей, в пределах от 50 до 90 %, около 12 % опрошенных – свыше 90 %. Представляется, что на причины латентности влияют как объективные, так и субъективные факторы, это:

– разобщенность уголовного и иного отраслевого законодательства, регулирующего общественные отношения в денежно-кредитной и внешнеэкономической сферах деятельности государства;

– либеральность действующего законодательства, регулирующего оборот валютных ценностей;

– отсутствие единого органа, осуществляющего функции по контролю за оборотом валютных ценностей;

– слабая ревизионная работа уполномоченных банков и профессиональных участников фондового рынка, которых законодатель наделил лишь только функцией фиксации нарушений норм в сфере оборота валютных ценностей;

– неэффективное взаимодействие органов, призванных выявлять преступления, посягающие на валютные ценности;

– общая слабая профессиональная подготовка сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих борьбу с экономической преступностью;

– допускаемые ошибки при квалификации исследуемых преступлений;

– недостаточность правовых, организационных и оперативно-розыскных средств для установления и задержания виновного лица;

– иные причины.

Исходя из результатов проведенного социологического опроса, прогноз преступности в сфере оборота валютных ценностей в целом также неблагоприятен. К факторам, влияющим на увеличение преступности, а также на сохранение ее на существующем уровне опрошенные респонденты отнесли: низкий уровень жизни населения (68 %); отсутствие идеалов в обществе (42 %); коррупцию среди собственников и руководителей предприятий (83 %); увеличение числа чиновников (65 %); недоверие к органам власти (74 %); противоречия в законодательстве (46 %); отсутствие квалифицированных кадров в правоохранительных органах (21 %); недостаточную оперативную осведомленность (16 %); бездействие и безнаказанность должностных лиц всех уровней (91 %); отсутствие надежных уголовно-правовых средств защиты (59 %) и др.

Представляется, что преступность в сфере оборота валютных ценностей зависит не только от социальных причин и условий, но и сама порождает новые антиобщественные акты, т. е. происходит процесс ее самодетерминации, который имеет определенные формы проявления. Во-первых, не выявленное и нераскрытое преступление вселяет в преступника уверенность в его безнаказанность, в связи с чем он вновь совершает противоправное деяние. К сведению заметим, что 35 % ранее судимых за совершение преступлений в сфере оборота валютных ценностей, вновь совершают аналогичные противоправные деяния.

Во-вторых, совершение «вспомогательных» преступлений влечет за собой совершение преступлений в сфере оборота валютных ценностей. Такими преступлениями могут быть подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, штампов, печатей, бланков (ст. 327 УК РФ), уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации (ст. 199 УК РФ), получение и дача взятки (ст.ст. 290, 291 УК РФ) и т. п. Таким образом, одно преступление порождает другое, и это неизбежно сказывается на всей криминогенной обстановке.

В-третьих, безусловно, преступность в сфере оборота валютных ценностей связана с организованной преступностью. Современная криминальная ситуация, сложившаяся в результате непродуманного экономического реформирования в денежно-кредитной и внешнеэкономической сферах деятельности государства, сыграли решающую роль в развитии организованной преступности, которая вышла на новый качественный уровень. При этом члены ОПГ в качестве консультантов активно привлекают экономистов (45 %), банковских работников (49 %), работников налоговых служб (44 %), работников таможенных органов (33 %), специалистов в сфере компьютерных технологий (39 %), специалистов из иных отраслей экономики (18 %), которые в ряде случаев становятся соучастниками преступлений в сфере оборота валютных ценностей.

В-четвертых, форма самодетеринации проявляется через психологию населения. Поскольку преступления, совершаемые в сфере оборота валютных ценностей, зачастую остаются безнаказанными, возникает особое психологическое состояние допустимости, разрешенности преступных действий, а также представление о ничтожности законов. Все это ведет к тому, что правопослушные граждане перестают верить в нормы права и морали и легко склоняются к противоправному, в том числе преступному поведению, ориентируясь на безвластие и слабую эффективность правоохранительной системы.

С этой позиции отметим, что реальное снижение преступности в денежно-кредитной и внешнеэкономической сферах деятельности государства может произойти вследствие укрепления государственной власти, посредством создания единого органа, призванного регулировать и контролировать оборот валютных ценностей. Вместе с тем обеспечение неотвратимости наказания, усиление контрольных функций со стороны инспекций Федеральной налоговой службы, ужесточение санкций Уголовного кодекса РФ за посягательства на

валютные ценности, также окажет влияние на снижение роста преступности в обозначенной сфере.

Относительно характеристики личности преступника, совершающего противоправные деяния в сфере оборота валютных ценностей, отметим следующее. В 26 % случаев преступниками являлись лица в возрасте до 30 лет, в 47 % – от 30 до 40 лет, старше 40 лет – 27 %. При этом большинство лиц, совершающих указанные преступления, составляют мужчины (82 %).

Диапазон психологических качеств, присущих личности корыстных должностных преступников, достаточно широк, и во многом именно они предопределяют формы и методы, продолжительность, масштабы и другие характеристики их преступного поведения. Общими здесь являются в первую очередь негативное отношение к закону и жажда наживы, пренебрежение моральными и нравственными нормами, сознательное культивирование безнравственных коллизий и игнорирование таких негативных последствий, как дискредитация экономической деятельности государства.

Что касается мотивационной сферы, которая является стержнем нравственно-психологической структуры личности преступника, интегрирующим ее потребности, интересы, следует отметить, что, исходя из изученных материалов уголовных дел превалирующим мотивом в 95 % случаев является корысть, что отчасти связано с гипертрофированными (завышенными) материальными потребностями.

Среди лиц, совершивших преступления в сфере оборота валютных ценностей, можно выделить несколько психологических типов, при этом в основу их выделения положена *теория акцентуаций характера и темперамента*:

1) упорный. Характеризуется целеустремленностью, имеет устойчивую жизненную позицию, склонен к прямолинейности, решительности в поступках, стремится достичь сверхцели, связанной с обогащением;

2) демонстративный. Отличается стремлением выделиться, добиться успеха, любит быть в центре внимания и имеет завышенную самооценку, в том числе к своему материальному положению;

3) демонстративно-застревающий. Максимальная ориентация на внешние обстоятельства переплетается с устойчивостью в достижении цели, умеет подчинять себе людей и направлять их поведение на достижение своих личных корыстных целей.

Возможно выделение типов преступников и по степени их общественной опасности, криминогенной зараженности, ее выраженности и активности:

– *особо опасные преступники (активные антисоциальные), совершающие преступления в сфере оборота валютных ценностей* – неоднократно судимые, устойчивая преступная деятельность которых носит характер активной оппозиции обществу, ее ценностям и нормам; они настойчиво вовлекают в корыстную преступную деятельность других лиц, в основном тех, для которых уголовно-наказуемые действия являются единственным или главным источником средств к существованию. Для особо опасных преступников типично то, что благоприятные для совершения преступлений ситуации они активно создают сами;

– *десоциализированные опасные преступники (пассивные асоциальные), совершающие преступления в сфере оборота валютных ценностей* – лица, «выпавшие» из системы нормальных связей и общения, длительное время ведущие паразитическое существование. Ситуацию для совершения корыстных правонарушений сами обычно не создают, а используют складывающиеся. Как и особо опасные преступники, представители этого типа устойчивы в своих установках и противоправном поведении;

– *неустойчивые преступники, совершающие преступления в сфере оборота валютных ценностей* – лица, ведущие образ жизни на грани социально приемлемого и антиобщественного. Они отличаются частичной криминогенной зараженностью, в которой сочетаются черты личности преступника и особенности личности законопослушного гражданина. В то же время, при существенном изменении жизненных обстоятельств, они либо могут совершить корыстные преступления, либо изменить установку в лучшую сторону и при эффективном воспитательном воздействии воздержаться от противоправных действий;

– *ситуативные преступники, совершающие преступления в сфере оборота валютных ценностей* – лица, попадающие в жесткую зависимость от ситуации и в результате недостаточного нравственного воспитания не находят социально приемлемого способа ее решения. К их числу относятся лица, совершившие корыстные преступления в объективно сложных жизненных обстоятельствах, например, при материальных затруднениях и пр.

Однако в силу специфики исследуемых преступлений, приведенные классификации типов личности преступников носят весьма условный характер, поскольку в каждом виновном можно найти в той или иной мере выраженные черты определенного типа с преобладанием некоторых свойств. В этой связи, наиболее целесообразно выделять смешанные и промежуточные типы.

Экономические реформы, произошедшие в стране в 1990-х гг., послужили основополагающим условием для модификации теневой экономики. Кроме того, существующая инфляция и обесценивание национальной валюты явились одной из причин увеличения роста совершения преступлений в сфере оборота валютных ценностей. Недостатки в правовом обеспечении также являются существенным фактором, благоприятствующим данным преступлениям.

В свое время Ч. Ломбразо писал: «…всякое преступление имеет в происхождении своем множество причин… невозможно выделить одну какую-нибудь причину известных явлений без того, чтобы не затронуть вместе с тем и других…» [3: с. 3]. Следовательно, выявление причин и условий, способствующих распространению преступлений в сфере оборота валютных ценностей, помогает познать их сущность.

Под причинами распространения преступности в широком смысле этого слова, по мнению М.Д. Шаргородского, понимаются все те обстоятельства, без которых она не могла бы возникнуть и не может существовать, но не все эти обстоятельства играют одинаковую роль. Одни из них создают лишь реальную возможность преступных мотивов, а другие – превращают эту возможность в действительность. Поэтому первые следует рассматривать как условия, а вторые – как причины [5: с. 30]. По справедливому замечанию А.И. Долговой, «…оценка одних явлений в качестве причин, а других – в качестве условий, носит относительный характер. Конкретное явление в одних взаимодействиях может играть роль причины, а в других – условия» [1: с. 265]. В этой связи небезынтересно мнение ученых юристов (В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова и др.), что под условиями, в том числе способствующими совершению преступлений в сфере оборота валютных ценностей, понимаются наличие явлений реальной действительности, которые сами по себе не могут породить преступность (следствие), но их наличие может способствовать возникновению у человека намерения совершить преступление. Таким образом, условия создают возможность возникновения и проявления причины, порождающей следствие. Представляется, что причинами и условиями распространения преступности в сфере оборота валютных ценностей, по нашему мнению, являются:

– социальные противоречия в обществе;

– недостаточная эффективность экспортного и валютного контроля;

– форсированная либерализация режима внешнеэкономической деятельности;

– различие структуры внутренних и мировых цен (внутренние цены в России, как правило, значительно ниже мировых, что является одной их важнейших причин чрезвычайной доходности внешнеэкономических операций и создает объективную основу для различного рода корыстных злоупотреблений и преступлений в исследуемых сферах);

– неэффективность налоговой политики и чрезмерная тяжесть налоговой нагрузки;

– сохраняющаяся «прозрачность» таможенной границы;

– преимущественно фискальный характер таможенно-тарифной политики (доля высоких тарифных ставок в России значительно превышает тот же показатель в развитых странах – США и Канаде);

– недостаточная оснащенность и обеспеченность квалифицированными кадрами таможенных органов;

– высокий уровень криминализации экономических отношений как фактор использования внешнеэкономических связей для легализации капиталов преступного происхождения;

– противоречия и пробелы уголовного и иного отраслевого (таможенного, валютного) законодательства;

– расширяющиеся возможности использования внешнеэкономических каналов России преступным бизнесом.

Таким образом, процесс детерминации преступности в сфере незаконного оборота валютных ценностей представляет собой сложное взаимодействие причинных, функциональных, статических и иных связей состояния. Функциональная зависимость отражается в социальных противоречиях общества и порождает высокий уровень криминализации экономических отношений. В то время как статическая связь заключается в недостаточной оснащенности и обеспечении квалифицированными кадрами государственных органов. При этом связь состояний характеризуется недостаточной эффективностью экспортного и валютного контроля, таможенно-тарифной и налоговой политики, а также противоречиями и пробелами таможенного и валютного законодательства. Обозначенные причины и условия влияют на совершение преступлений в сфере оборота валютных ценностей как непосредственно, так и опосредованно. Кроме того, следует отметить, что немаловажной причиной возникновения и роста преступлений данной направленности является отсутствие научно-обоснованных рекомендаций, которые бы соответствовали потребностям практики по выявлению, предупреждению и профилактике преступлений, связанных с оборотом валютных ценностей.

Подводя итог, необходимо отметить, что конкретное содержание криминологической характеристики преступности, связанной с оборотом валютных ценностей состоит в выявлении всех признаков, которые составляют взаимосвязанную и взаимообусловленную ее структуру. При этом важным аспектом является анализ составляющих элементов криминологической характеристики преступности, что оказывает существенное воздействие на состояние преступности данного вида, ее предупреждение, выявление и пресечение преступных деяний. Вместе с тем разработка и реализация эффективных конкретных профилактических мероприятий на основе только статистических данных о преступности крайне затруднительна, для этого необходимо знать обстоятельства, способствующие совершению исследуемых преступлений, которые

обусловливаются рядом факторов, определяющих обстановку в сфере экономической и внешнеэкономической деятельности государства.

Определенную информацию, которая позволяет прогнозировать динамику преступности, масштабы ее влияния на другие социальные явления и процессы, несут данные о личности преступника. Детерминирующие преступность факторы можно установить через закономерности способов совершения преступлений в денежно-кредитной и внешнеэкономической сферах деятельности государства, при этом причины и условия носят объективный и субъективный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Долгова, А.И.* Учение о детерминации и причинности преступности // Криминология / А.И. Долгова; под общ. ред. А.И. Долговой. – 2-е изд. и доп. – М.: НОРМА, 2003.

2. *Кудрявцев, В.Н.* Причины преступности в России: Криминологический анализ / В.Н. Кудрявцев, В.Е. Эминов. – М.: Норма, 2006.

3. *Ломбразо, Ч.* Преступление. Новейшие успехи науки о преступнике. Анархисты / Ч. Ломбразо; сост. и предисл. В.С. Овчинского; перепеч. с изд. 1900 г. – М.: ИНФРА-М, 2004.

4. *Лунеев, В.В.* Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции / В.В. Лунеев // Мировой криминологический анализ. – М., 1999.

5. *Шаргородский, М.Д.* Преступность, ее причины и условия в социалистическом обществе / М.Д. Шаргородский // Преступность и ее предупреждение. – Л., 1966.

КЛАССИФИКАЦИЯ СЛЕДОВ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ПОСЯГАЮЩЕЙ НА СВОБОДУ ЛИЧНОСТИ

А.Н. Калюжный

Калюжный Александр Николаевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Академии ФСО России.

Контактный адрес: matros49@mail.ru

В статье обосновывается необходимость анализа закономерностей отражения преступной деятельности в предметах материального мира и сознании людей в целях эффективного раскрытия и расследования преступных посягательств, направленных на свободу личности. Автор указывает, что следы противоправной деятельности содержат информацию о лицах, совершивших преступление, их физических и психологических особенностях, навыках совершения преступлений, применяемых орудиях и средствах преступления и других обстоятельствах, имеющих значение для дела, в связи с этим возникает необходимость их классификации.

Исходя из предмета исследования, особенностей и объема отображения следов преступных посягательств, направленных на свободу личности в предметах объективной действительности и сознании людей, автор полагает возможным указанные составы преступлений подразделить на две группы, объединяющие в себе посягательства, со следами преступной деятельности, сходные по целому ряду признаков: а) преступления, оставляющие минимальное количество следов преступной деятельности (похищение человека, незаконное лишение свободы и незаконное помещение в психиатрический стационар); б) преступления, порождающие значительное количество следов преступной деятельности (составы преступлений, предусматривающих ответственность за торговлю людьми и использование рабского труда).

Анализ механизма следообразования рассматриваемых преступлений позволил автору все материальные следы противоправной деятельности виновных, посягающих на свободу личности, классифицировать на группы, среди которых: (а) следы вовлечения потерпевших в преступную деятельность и (б) следы принуждения потерпевших к реализации преступных замыслов, группы которых характерны для всех преступных деяний, анализируемой нами категории.

В то же время группа рассматриваемых преступлений, порождающих значительное количество следов преступной деятельности, в качестве характерных признаков имеют дополнительные материальные отображения, представленные (в) совокупностью следов приискания потребителей рекламируемых услуг и (г) следов эксплуатации потерпевших.

Автором проводится анализ закономерностей отображения следов противоправной деятельности по каждой из указанных групп, а в заключение статьи делается общий вывод.

***Ключевые слова*:** следы, преступление, классификация, свобода, личность.

В целях обеспечения реализации преступной деятельности по совершению противоправных деяний, посягающих на свободу личности, преступники вынуждены использовать различные приемы и средства, порождающие значительную по своему объему следовую информацию в виде идеальных и материальных следов. Механизм следообразования, являясь одним из элементов криминалистической характеристики рассматриваемых преступлений, представляет собой сложный динамический процесс, происходящий в пространстве и во времени, зависящий от свойств взаимодействующих объектов и динамики их взаимодействия.

Эффективное раскрытие и расследование преступных посягательств, направленных на свободу личности невозможно без анализа закономерностей отражения преступной деятельности в предметах материального мира и сознании людей. Необходимость изучения механизма следообразования обусловлена тем, что следы противоправной деятельности содержат информацию о лицах, совершивших преступление, их физических и психологических особенностях, навыках совершения преступлений, применяемых орудиях и средствах преступления и других обстоятельствах, имеющих значение для дела [3: с. 22].

Несмотря на то что большинству совершаемых преступлений, направленных на свободу личности, предшествует их планирование и подготовка, преступной деятельности свойственно отображение в предметах материального мира и сознании людей. В зависимости от объема оставляемых следов преступной деятельности посягательства, направленные на свободу личности, могут быть условно подразделены на преступления, оставляющие минимальное количество следов и преступления, порождающие значительное количество следов.

К преступлениям, оставляющим минимальное количество следов преступной деятельности, следует отнести похищения человека (ст. 126 УК РФ), незаконное лишение свободы (ст. 127 УК РФ) и незаконное помещение в психиатрический стационар (ст. 128 УК РФ). К преступлениям, порождающим значительное количество следов преступной деятельности, связанной с посягательствами на свободу личности, относятся составы преступлений, предусматривающих ответственность за торговлю людьми (ст. 127^1 УК РФ) и использование рабского труда (ст. 127^2 УК РФ).

Для всех рассматриваемых нами преступлений личность потерпевшего выступает в качестве носителя криминалистически значимых признаков, на которой остаются разнообразные следы, связанные с событием совершенного преступления. Среди них могут быть выделены следы непосредственного контакта с преступником, части волос, крови, запаха, одежды, микрочастиц преступника, а также другие следы. Кроме того, нельзя забывать, что потерпевшие выступают носителями идеальных следов совершенных преступлений, изъятие которых может быть осуществлено путем производства таких следственных действий, как допросы, предъявление для опознания, очные ставки и др.

Как мы поясняли ранее, похищения человека, незаконное лишение свободы и незаконное помещение в психиатрический стационар характеризуются наличием малочисленных материальных следов, оставленных на местах преступлений, обнаружение которых затруднено в связи с высокой вероятностью их уничтожения.

Материальны следы таких составов преступлений, как похищение человека, незаконное лишение свободы и незаконное помещение в психиатрический стационар могут быть условно разделены на две категории:

а) следы вовлечения потерпевших в преступную деятельность, представляющие собой материальные отображения в предметах объективной действительности, имеющие целью облегчения совершения данных преступлений. К таким следам можно отнести данные телефонных переговоров преступников с будущими жертвами, в ходе которых обговариваются места встречи; письменные уведомления о необходимости явиться по адресам определенных организаций; направления на медицинское обследование в определенные медицинские учреждения; следы пребывания преступников в заранее подготовленных местах совершения преступлений и местах предполагаемого удержания потерпевших и другие подобные следы;

б) следы принуждения потерпевших и реализации преступного замысла, представляющие собой материальные отображения совершенных преступлений. Так, например, на месте преступлений, как правило, могут быть обнаружены следы пальцев рук, следы слюны, следы ног (обуви), следы автотранспортных средств, и очень редко следы почерка, в случаях наличия записок с требованиями передачи выкупа. Одной из разновидностью искомых следов будут являться следы сопротивления потерпевших, среди которых могут быть обнаружены: оторванные части одежды, пуговицы, следы крови, волос, следы волочения и предметы, выпавшие из одежды потерпевшего. К следам рассматриваемой группы будут относиться и данные телефонных переговоров преступников с родственниками потерпевших, с требованиями передачи выкупа, совершения указанных ими имущественных и неимущественных сделок и др.

Одним из преступлений, оставляющих минимальное количество следовой информации, является незаконное помещение в психиатрический стационар. В ходе расследования данного состава преступлений необходимо изъять медицинские карты потерпевшего, в которых делались записи о состоянии его здоровья, тем самым получить необходимые образцы почерка. Сложность обнаружения следов преступной деятельности по данному составу обусловлена помещением лица в психиатрический стационар по судебному решению, вынесенному на основании медицинских документов, что само собой предполагает правомерность их совершения и судом, и медицинскими работниками.

В группе преступлений, оставляющих минимальное количество следов преступной деятельности, особое внимание уделяется установлению следов пребывания преступника в определенных местах, а также установлению возможности обнаружения идеальных следов, так как значительная часть, рассматриваемых преступлений данной группы, совершается при наличии очевидцев, позволяющих получить прямые или косвенные доказательства противоправной деятельности виновных. Обнаружение идеальных следов данных преступлений представляет значительную проблему, поскольку противоправные действия преступников маскируются под правомерные и очевидцы не всегда понимают их реальное значение, не придавая им должного внимания [2: с. 99].

Среди преступлений, порождающих значительное количество следов преступной деятельности, связанной с посягательствами на свободу личности, можно выделить торговлю людьми и использование рабского труда.

Особенностью этих преступлений является необходимость вовлечения в сферу незаконной торговли как можно большего количества жертв и соответственно приискание потребителей предоставляемых жертвами услуг. Для реализации данных целей преступники вынуждены активно использовать возможности средств массовой информации, а также интернет-услуги, посредством которых размещаются объявления, искажающие реальные цели преступной деятельности. В большинстве своем рекламируется, под видом законной, деятельность по трудоустройству граждан за границей: работа в барах, кафе, ночных клубах и т. п., предлагается возможность обучения за рубежом, оказание помощи в переезде на постоянное место жительства и работы, заключения брака с иностранцами, устройство детей в семьи и др. Кроме того, в печатные и электронные средства массовой информации попадает информа-

ция для привлечения потребителей незаконных услуг: реклама бань, саун, массажных кабинетов и других подобных учреждений, с возможностью предоставления интимных услуг [1: с. 163].

Реклама легендированной преступной деятельности по привлечению ее будущих жертв, а также потребителей данных услуг, порождает значительное количество следовой информации, выраженной в виде идеальных следов, отраженных в сознании потерпевших лиц, которым предлагались данные услуги, но они отказались от их использования и сознании лиц, которые воспользовались данными услугами и которым они были проданы.

Кроме того, имеется значительное количество материальных следов, которые могут быть классифицированы по элементам способа совершения данных преступлений на следующие категории:

а) следы вовлечения потерпевших в преступную деятельность: рекламные данные о соответствующей деятельности в средствах массовой информации и сетях Интернет; поддельные документы на потерпевших для выезда за границу; фотографии потерпевших, находящиеся в печатных каталогах и в электронном виде на магнитных носителях и жестких дисках переносных и стационарных компьютеров; авиа- и железнодорожные билеты на потерпевших и преступников; визы для выезда за границу; данные пограничной и таможенной служб России о выезде потерпевших и следующих с ними лицах; данные о телефонных переговорах преступников и потерпевших и др.;

б) следы привлечения потребителей рекламируемых услуг: рекламные данные в печатных и электронных средствах массовой информации о предоставлении определенных услуг; данные телефонных переговоров преступников и потребителей, предоставляемых услуг; денежные средства, передаваемые преступникам потребителями рекламируемых услуг и т. п.

Особое внимание необходимо обратить на данные телефонных (международных, междугородных) переговоров, данные переписки электронной почты сети Интернет, образующие криминалистически значимую материальную следовую информацию, содержащую сведения о преступнике и контрагенте либо потребителе, предлагаемых услуг, отражаемую по идентификационным номерам абонентов, а также сведения о содержании конкретных переговоров.

Кроме того, не следует упускать из виду современные возможности быстрого проведения финансовых операций по незаконным сделкам преступников, потребителей услуг и контрагентов, осуществляемых посредством банковских, почтовых и иных безналичных расчетов и переводов, в том числе и с использованием пластиковых банковских карт. В результате использования данных платежных систем остается документальная информация об идентификационных данных преступника, посредника и потребителей, предоставляемых услуг [4: с. 162–163];

в) следы принуждения потерпевших к реализации преступных замыслов и эксплуатации: телесные повреждения различной степени тяжести на жертвах; веревки, наручники, дубинки и другие средства, способствующие преодолению сопротивления жертв; наркотические и психотропные вещества и средства их употребления, необходимые для воздействия на потерпевших; наличие личных документов потерпевших у преступников; дактилоскопические, биологические, одорологические и другие следы контакта преступников и потерпевших;

г) следы эксплуатации потерпевших: наличие заболеваний у жертв, свидетельствующие о соответствующей профессиональной деятельности; данные учета предоставляемых потерпевшими услуг, выраженные в виде записей в блокнотах, записных книжках, каталогах, магнитных носителях; дактилоскопические, биологические, одорологические и другие следы контакта потерпевших с потребителями, предоставляемых услуг; данные телефонных переговоров преступников с потребителями, предоставляемых услуг; данные видеокамер наружного наблюдения при входах в помещения, где осуществляется эксплуатация потерпевших и т. д.

Таким образом, анализ отражения результатов преступной деятельности, посягающей на свободу личности, в объектах материального мира, позволяет выделить две группы противоправных деяний: преступления, оставляющие минимальное количество следовой информации, к которым мы отнесли: похищение человека (ст. 126 УК РФ), незаконное лишение свободы (ст. 127 УК РФ), незаконное помещение в психиатрический стационар (ст. 128 УК РФ); и преступления, порождающие значительное количество следов преступной деятельности, к которым мы отнесли: торговлю людьми (ст. 127^1 УК РФ) и использование рабского труда (ст. 127^2 УК РФ).

Анализ механизма следообразования рассматриваемых преступлений позволяет все следы противоправной деятельности виновных, посягающих на свободу личности, классифицировать на идеальные и материальные, последние, в свою очередь, возможно классифицировать на группы, среди которых: следы вовлечения потерпевших в преступную деятельность и следы принуждения потерпевших к реализации преступных замыслов, механизм следообразования которых характерен для всех преступных деяний, рассматриваемой категории.

В то же время группа анализируемых преступлений, порождающих значительное количество следов преступной деятельности, в качестве характерных признаков имеют дополнительные матери-

альные отображения, представленные совокупностью следов приискания потребителей рекламируемых услуг и следов эксплуатации потерпевших, разновидности которых описаны выше.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дворкин, А.И.* Торговля людьми в Российской Федерации: квалификация, предупреждение, расследование / А.И. Дворкин [и др.]. – М.: Юрист, 2007.

2. *Ермолович, В.Ф.* Способ и механизм преступления / В.Ф. Ермолович. – Мн., 2000.

3. *Кустов, А.М.* Криминалистическое учение о механизме преступления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А.М. Кустов. – М., 1997.

4. *Левченко, О.П.* Торговля людьми и легализация преступных доходов. Вопросы противодействия: науч.-практ. пособие / О.П. Левченко. – М.: Юнити-Дана, 2009.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ

И.В. Лазарева

Лазарева Инна Владимировна – кандидат юридических наук, судья Арбитражного суда Хабаровского края.

Контактный адрес: Lazareva_iv@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы развития электронного судопроизводства в России. Приводится нормативная база, основные задачи и цели электронного обеспечения правосудия. Констатируется, что электронное судопроизводство наиболее активно развивается в системе Арбитражных судов России. Анализируются изменения, внесенные Федеральным законом от 27.07.2010 № 228-ФЗ в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, предусматривающие новые формы ведения судопроизводства (предъявление иска в электронном виде, использование системы видеоконференцсвязи, изменение порядка судебных извещений), а также рассматриваются проблемы, связанные с применением новелл арбитражного процесса. Указываются возможные, по мнению автора, решения возникающих на практике вопросов.

Ключевые слова: концепция электронного судопроизводства, информатизация судов, изменения законодательства, электронные заявления, видеоконференцсвязь, судебные извещения, электронные доказательства.

Необходимость применения в судопроизводстве информационных и коммуникационных технологий обусловлена глобальной информатизацией современного общества, развитием новых форм взаимодействия в социально-экономической сфере и гражданском обороте с использованием электронных средств коммуникаций: мировой глобальной сети «Интернет», мобильных и спутниковых систем связи и др.

В России появление концепции «электронного судопроизводства» связано с принятием и поэтапной реализацией федеральных целевых программ: «Электронная Россия (2002–2010)» (утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 28 января 2002 г. № 65) [6] «Развитие судебной системы России» на 2002–2006 гг.» (утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 20.11.2001 № 805) [5]; «Развитие судебной системы России» на 2007–2012 гг.» (утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 21 сентября 2006 г. № 583) [7].

В соответствии с указанными программами, в рамках задачи обеспечения открытости и прозрачности правосудия приоритетным направлением модернизации инфраструктуры судов названо информатизационное обеспечение деятельности судебной системы, в том числе:

- создание электронного архива, формирование информационно-коммуникационной системы Конституционного суда Российской Федерации и электронной специализированной общедоступной библиотеки Конституционного суда Российской Федерации;
- реализация проекта электронного обеспечения правосудия в системе арбитражных судов;
- введение информационной системы судов общей юрисдикции «Государственная автоматизированная система Российской Федерации "Правосудие"»;
- формирование необходимой телекоммуникационной инфраструктуры для обеспечения эффективного взаимодействия арбитражных судов, судов общей юрисдикции и системы Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации.

Введение «электронного обеспечения правосудия» подразумевает процесс информатизации судов, т. е. широкого внедрения и использования информационных технологий внутри системы, и во взаимоотношениях с внешними субъектами, а также формирования правовой базы или принятия правовых норм, регулирующих процессуальные аспекты осуществления правосудия с помощью электронных средств.

Наиболее активно информатизация внедряется в систему арбитражных судов России. Так, в Арбитражных судах:

- функционируют системы автоматизации процессов судопроизводства и делопроизводства, позволяющие оптимизировать процессы судебного и общего делопроизводства, а также сбора и обработки судебной статистики;
- применяется электронное распределение дел;
- созданы WEB-сайты, содержащие регулярно обновляемую информацию о деятельности каждого суда;
- установлены информационно-справочные киоски с автоматизированной информационной системой, подключенные к сети Интернет, использование которых позволяет посетителям арбитражных судов оперативно получить информацию о суде, графиках судебных заседаний и принятых судебных актах;
- внедрена автоматизированная информационная система публикации судебных актов «Банк

решений Арбитражных судов» (БРАС), являющаяся единым централизованным ресурсом, содержащим в себе тексты принятых судебных актов;

- в свободном режиме доступны информационные сервисы, размещенные на WEB-сайте Высшего арбитражного суда Российской Федерации: «Картотека арбитражных дел» (содержит сведения обо всех делах, рассматриваемых арбитражными судами), «Мобильная картотека» (обеспечивает доступ к картотеке дел для пользователей мобильных устройств); «Электронный страж» (позволяет оперативно отслеживать информацию о регистрации новых дел и прохождении рассматриваемых дел по конкретному участнику спора (указанная информация доставляется адресату посредством электронной почты);
- введена система подачи процессуальных документов в электронном виде «Мой арбитр»;
- на WEB-сайте Высшего арбитражного суда Российской Федерации доступны сервисы «Календарь судебных заседаний»; «Президиум онлайн» (позволяет любому заинтересованному лицу посмотреть процесс рассмотрения дела в Президиуме ВАС РФ) а также возможно использование нового механизма распространения информации – твиттера[1], который позволяет пользователям существенно упростить процесс получения информации;
- функционирует веб-сервис «Система подачи жалоб на действия судей и работников аппарата арбитражных судов», предназначенный для подачи жалоб и отслеживания их прохождения в суде, при этом предусмотрена анонимность подобного обращения.

Очевидно, что указанные сервисы позволяют сделать открытой и доступной судебную систему, и интересны не только участникам процесса, получившим возможность оперативно отследить ход судебного процесса и изучить как промежуточные, так и окончательные судебные акты, но и профессионалам (юристам и др.), изучающим судебную практику.

Вместе с тем для развития электронного судопроизводства, наряду с организационно-технической модернизацией деятельности судов, требуется существенное изменение процессуального законодательства.

Концепция «электронного судопроизводства» предполагает переход к новым формам процессуальных отношений, позволяющим участникам процесса: возбуждать дело в суде и отправлять необходимые документы в суд в электронной форме; получать судебные извещения и отслеживать движение дела с помощью электронных средств; представлять электронные доказательства; получать уведомления о решении суда с помощью электронных средств (по SMS или электронной почте); участвовать в он-лайн заседаниях и др. Кроме того, электронное обеспечение правосудия означает уход от бумажного делопроизводства и формирование в судах электронных дел и архивов.

Некоторые процессуальные формы применения информационных технологий при отправлении правосудия, благодаря изменениям, внесенным Федеральным законом от 27.07.2010 № 228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» (далее по тексту – Федеральный закон № 228-ФЗ), вступившими в силу с 01.11.2010, появились в арбитражном процессе.

Указанные изменения в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – АПК РФ, Кодекс) закрепили право подачи искового заявления через официальный сайт Арбитражного суда, а также представления иных документов в электронном виде (ч. 1 ст. 41); участия в судебном заседании путем использования систем видеоконференцсвязи (ст. 153.1); обязанность протоколирования судебного заседания с использованием средств аудиозаписи (ст. 155); изменили порядок извещения лиц, участвующих в деле (глава 12, ст. ст. 121–123).

Новеллы арбитражного судопроизводства направлены на расширение доступности правосудия в условиях территориальных особенностей Российской Федерации и большой удаленности регионов друг от друга, ускорение и оптимизацию процесса, повышение его качества и эффективности, достижение прозрачности и открытости судебной системы.

Вместе с тем использование информационных технологий при осуществлении правосудия оставляет нерешенными отдельные вопросы, в частности, соотношения новых процессуальных форм с традиционными принципами судебного процесса: состязательность и процессуальное равноправие сторон, диспозитивность, непосредственность.

Предъявление иска в электронном виде

В соответствии с абзацем 2 части 1 статьи 41 АПК РФ, лица, участвующие в деле, вправе представлять в Арбитражный суд документы в электронном виде, заполнять формы документов, размещенных на официальном сайте Арбитражного суда в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в порядке, установленном в пределах своих полномочий Высшим арбитражным судом Российской Федерации.

Согласно разъяснениям Высшего арбитражного суда Российской Федерации (далее – ВАС РФ), данным в пункте 2 Постановления Пленума ВАС РФ от 17.02.2011 № 12 «О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Рос-

[1] Твиттер (twitter) (twitter.com) – это интернет-сайт, представляющий собой систему микроблогов, позволяющий пользователям отправлять короткие текстовые заметки (до 140 символов).

сийской Федерации в редакции Федерального закона от 27.07.2010 № 228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» (далее – Пленум ВАС РФ от 17.02.2011 № 12), не могут быть поданы в электронном виде заявления об обеспечении иска, заявления об обеспечении имущественных интересов (статьи 92, 99), ходатайства о приостановлении исполнения судебных актов (статьи 283, 298). Такие ходатайства подаются лишь на бумажном носителе.

В целях реализации положений статьи 41 АПК РФ, ВАС РФ Приказом от 12 января 2011 г. № 1 утвердил «Временный порядок подачи документов в Арбитражные суды Российской Федерации в электронном виде» (далее – Временный порядок), регулирующий условия и порядок подачи документов в электронном виде, общие требования к подаваемым документам, механизм подачи документов в арбитражный суд первой инстанции, на стадии пересмотра судебных актов, подачи заявления о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок, виды заявлений (обращений) по делам о несостоятельности (банкротстве), а также перечень прилагаемых к ним документов, которые могут быть поданы в электронном виде, а также указан перечень причин, в силу которых документы не могут быть считаться поступившими в Арбитражный суд.

Согласно Временному порядку подача документов в Арбитражный суд в электронном виде производится по правилам, установленным настоящим Порядком.

Процессуальные последствия подачи документов в электронном виде в Арбитражный суд способами иными, нежели установленными Временным порядком, действующим законодательством не регламентируются. Судебная практика исходит из того, что такие документы считаются не поданными.

Так, решая вопрос о принятии к производству кассационной жалобы, представленной в суд кассационной инстанции вместе с диском, содержащим записанные файлы в электронном виде (доверенность, платежное поручение, решение суда первой инстанции и постановление апелляционной инстанции), суд оставил кассационную жалобу без движения, поскольку пришел к выводу, что представленный диск с записанными на нем файлами нельзя расценить как соблюдение подателем жалобы порядка подачи документов в электронном виде, предусмотренного частью 5 статьи 277 АПК РФ. Суд предложил подателю жалобы либо представить все документы в соответствии с частью 4 статьи 277 АПК РФ в оригинале либо подать документы в электронном виде в соответствии с Временным порядком (определение Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 15.04.2011 по делу № А13-3450/2010).

Преимуществами подачи искового заявления в электронной форме является снижение временных и денежных затрат сторон по доставке документов в суд, избежание пропуска срока исковой давности за счет возможности отправки сообщения буквально в последнюю минуту срока, повышения удобства и скорости обработки исковых заявлений, регистрации их в канцелярии суда, решение многих вопросов судебной статистики [2].

В соответствии разъяснениями, данными в постановлении Пленума ВАС РФ от 17.02.2011 № 12, решая вопрос о принятии соответствующего обращения к производству, суд устанавливает, соответствует ли оно формальным требованиям, предъявляемым Кодексом к его форме и содержанию, а также действительно ли исковое заявление (заявление, жалоба), поступившее в суд в электронном виде, подано лицом, его подписавшим.

Так, например, суд при подготовке дела к судебному разбирательству может предложить этому лицу в целях подтверждения указанного обстоятельства явиться в предварительное судебное заседание, либо представить в суд оригинал поданного им документа в срок, установленный судом. Факт подписания документа, поступившего в суд в электронном виде, подавшим его лицом может быть также установлен судом на основании иных документов, представленных этим лицом. Если данное обстоятельство в результате предпринятых судом мер не подтверждается, суд оставляет соответствующее обращение без рассмотрения на основании пункта 7 части 1 статьи 148 АПК РФ.

Вместе с тем данная форма возбуждения дела в суде при отсутствии нормативного регулирования критериев достоверности данных, полученных в электронном виде и технических возможностей идентификации заявителя при действующей открытой системе регистрации, основана на доверии к потенциальному участнику процесса, и несет риск злоупотреблений со стороны недобросовестных лиц.

Исходя из положений части 3 статьи 75 АПК РФ документы, полученные посредством факсимильной, электронной или иной связи, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также документы, подписанные электронной подписью или иным аналогом собственноручной подписи, допускаются в качестве письменных доказательств.

К письменным доказательствам применяются требования, предусмотренные частью 8 статьи 75 АПК РФ, о представлении их в Арбитражный суд в подлиннике или в форме надлежащим образом заверенной копии; в случае, если к рассматриваемому делу имеет отношение только часть документа, представляется заверенная выписка из него.

Таким образом, при представлении документов в Арбитражный суд в электронном виде вопрос оценки данных доказательств арбитражному суду надлежит разрешать с учетом требований части 8 статьи 75 АПК РФ. Однако в данной ситуации возникают вопросы: во-первых, является ли электронный документ подлинником или его копией; во-вторых, каковы критерии отнесения копий письменных доказательств к надлежащим образом заверенным.

Руководствуясь положениями АПК РФ и разъяснениями, данными в постановлении Пленума ВАС РФ от 17.02.2011 № 12, следует сделать вывод, что единственным способом установить достоверность документа, поданного в электронном виде, является истребование его оригинала. Право Арбитражного суда истребовать оригиналы документов, представленных в электронном виде, закреплено частью 3 статьи 75 АПК РФ.

В условиях правовой неопределенности истребование оригиналов документов, представленных в электронном виде, возможно, будет использоваться арбитражными судами в сплошном порядке, что не соответствует целям процессуальной экономии при рассмотрении дел.

Кроме того, представление документов в электронном виде оставляет нерешенной и техническую проблему формирования судебного дела, так как поступившие в Арбитражный суд документы при существующем бумажном делопроизводстве преобразуются на бумажный носитель, что не уменьшает количество подлежащей обработке документации и связанных с этим трудозатрат, влечет дополнительный расход материальных ресурсов, а в некоторых случаях и наличие дублирующих документов в деле (при последующем представлении в дело оригиналов документов).

Возможным решением указанных проблем является доработка системы подачи документов в электронном виде в части защиты информации, идентификации заявителя, проверки подлинности и аутентичности содержания электронного документа, разработка и принятие отдельного закона об электронном документе, определяющего его статус и критерии достоверности, введение новых правил делопроизводства, предусматривающих электронную форму судебного дела.

Видеоконференцсвязь

Впервые система видеоконференцсвязи (далее – ВКС) в российском судопроизводстве начала использоваться в уголовном процессе. В соответствии с частью 6 статьи 35, частью 3 статьи 376, частью 2 статьи 407 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, видеоконференцсвязь применяется при рассмотрении уголовных дел.

В арбитражном процессе использование видеоконференцсвязи регламентировано статьёй 153.1 АПК РФ (введена Федеральным законом № 228-ФЗ). Участие в судебном заседании с использованием указанной системы возможно при условии заявления ходатайства об этом и при наличии в соответствующих арбитражных судах технической возможности осуществления видеоконференцсвязи. В таких случаях составляется протокол и ведется видеозапись судебного заседания. Данное заседание не допускается в случае, если отсутствуют технические возможности для подобного участия, и в случае закрытого судебного заседания. В дополнение к этому, в качестве доказательств допускаются объяснения лиц, участвующих в деле, и иных участников арбитражного процесса, полученные путем использования систем видеоконференцсвязи (абзац 2 части 2 статьи 64 АПК РФ).

Использование в арбитражном процессе систем видеоконференцсвязи, безусловно, имеет преимущества в виде обеспечения доступности правосудия при отдаленности Арбитражного суда от места нахождения или места жительства участника процесса, экономии времени и сокращения судебных расходов сторон. Однако проблемами применения данного процессуального механизма являются:

1. Отсутствие возможности прямого контакта суда, рассматривающего дело, с письменными документами, представленными участниками процесса в судебном заседании, проводимом с использованием системы ВКС, что является отходом от принципа непосредственности и может повлечь вынесение судебного акта, основанного на недостоверных доказательствах.

Кроме того, если письменные документы представляются непосредственно в судебном заседании, которое проводится с использованием телекоммуникационной системы ВКС, а участники процесса в нарушение части 3 статьи 65 АПК РФ не раскрыли доказательства до начала судебного заседания, возникает вопрос ознакомления суда и лиц, участвующих в деле, с новыми доказательствами, что возможно сделать только опосредованно, с помощью специальных технических средств, для чего требуется дополнительное время и наличие соответствующих возможностей у суда, исполняющего судебное поручение и суда, осуществляющего рассмотрение спора. Данный инструмент может использоваться умышленно недобросовестным лицом, участвующим в деле, в целях затягивания судебного процесса.

2. Модель проведения судебного заседания с использованием систем ВКС предполагает участие в судебном заседании суда-поручителя и суда-исполнителя, поскольку в силу части 2 статьи 153.1 АПК РФ в случае удовлетворения ходатайства об участии в судебном заседании путем использования систем видеоконференцсвязи Арбитражный суд, рассматривающий дело, поручает соответствующе-

му Арбитражному суду, при содействии которого заявитель сможет участвовать в таком судебном заседании, организацию видеоконференцсвязи в целях участия заявителя в судебном заседании, о чем выносится определение в соответствии со статьей 73 настоящего Кодекса.

Согласно положениям части 3 статьи 153.1 АПК РФ, во исполнение поручения Арбитражный суд, осуществляющий организацию видеоконференцсвязи, проверяет явку и устанавливает личность явившихся лиц, проверяет их полномочия и выясняет вопрос о возможности их участия в судебном заседании в соответствии с правилами, установленными частью 2 статьи 153 настоящего Кодекса.

Однако в процессе применения указанной нормы, возникли противоположные точки зрения на роль суда, обеспечивающего исполнение судебного поручения. Первая: в целях содействия нормальному ходу процесса и реализации прав участвующих в деле лиц, суд-исполнитель должен присутствовать во время проведения всего судебного заседания. Вторая: считается не оправданным участие в судебном заседании двух судей, и предлагается указанные функции передать помощникам судей, для чего внести соответствующие изменения в АПК РФ.

В настоящее время Арбитражные суды руководствуются пунктом 27 Постановления Пленума ВАС РФ от 17.02.2011 № 12, в котором разъяснено, что после совершения указанных действий судья суда, осуществляющего организацию видеоконференцсвязи, в судебном заседании не присутствует. Иные действия, предусмотренные частью 2 статьи 153 АПК РФ, совершаются судом, рассматривающим дело.

3. Остается неурегулированным вопрос взятия подписки свидетеля о предупреждении об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний, а также за отказ от дачи показаний (часть 4 статьи 56 АПК РФ) в судебном заседании, проводимом в режиме видеоконференцсвязи, а также порядок фиксации в протоколе судебного заседания соглашения сторон в оценке обстоятельств дела, признания стороной обстоятельств дела (части 2, 3 статьи 70 АПК РФ).

4. На сегодняшний день возможность участия в судебном заседании с использованием видеоконференцсвязи предоставляется на безвозмездной основе, что влечет большое число ходатайств о рассмотрении дела в указанном порядке и повышает нагрузку на судебную систему, а в некоторых случаях неоправданно и связано с злоупотреблением правом. Кроме того, возникают организационные вопросы предоставления возможности участия в судебном заседании с использованием ВКС, связанные с разницей часовых поясов в местах нахождения арбитражных судов, задействованных в видеоконференции.

Проблемы, связанные с применением положений ст. 153.1 АПК РФ, указывают на необходимость более подробной регламентации порядка проведения судебного заседания с использованием ВКС, особенностей совершения процессуальных действий, предусматривающих обязательное заблаговременное представление письменных доказательств суду, рассматривающему дело, и лицам, участвующим в деле, и последствия несоблюдения данного правила; порядка взятия подписки свидетелем и фиксации обстоятельств, признанных стороной; полномочий и порядка действий суда, исполняющего судебное поручение по организации судебного заседания с использованием системы ВКС. Кроме того, введение платы за предоставление возможности участия в судебном заседании с использованием ВКС будет содействовать ограничению возможным злоупотреблениям правом и регулировать нагрузку на судебную систему.

Судебные извещения

Федеральным законом от 27.07.2010 № 228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» введены новые условия, при выполнении которых участники процесса считаются извещенными надлежащим образом.

В соответствии с абзацем 2 части 1 статьи 121 АПК РФ (в редакции Федерального закона № 228-ФЗ), информация о принятии искового заявления или заявления к производству, о времени и месте судебного заседания или совершения отдельного процессуального действия размещается арбитражным судом на официальном сайте арбитражного суда в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» не позднее, чем за пятнадцать дней до начала судебного заседания или совершения отдельного процессуального действия, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом. Документы, подтверждающие размещение арбитражным судом на официальном сайте Арбитражного суда в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» указанных сведений, включая дату их размещения, приобщаются к материалам дела.

В Постановлении Пленума ВАС РФ от 17.02.2011 № 12 указано, что таким документом является распечатанная копия страницы официального сайта Арбитражного суда, в которой имеется дата размещения в общедоступной автоматизированной информационной системе («Банк решений арбитражных судов», «Картотека арбитражных дел») судебного акта, с информацией о времени и месте судебного заседания или совершения отдельного процессуального действия (отчет о публикации судебного акта). Указанная копия распечатывается и заверяется подписью помощника судьи, рассматривающего дело, после чего приобщается к материалам дела.

В силу части 1 статьи 122 АПК РФ (также в ред. Федерального закона № 228–ФЗ), если Арбитражный суд располагает доказательствами получения лицами,

участвующими в деле, и иными участниками арбитражного процесса определения о принятии искового заявления или заявления к производству и возбуждении производства по делу, информации о времени и месте первого судебного заседания, суд вправе известить их о последующих судебных заседаниях и отдельных процессуальных действиях по делу путем направления телефонограммы, телеграммы, по факсимильной связи или электронной почте либо с использованием иных средств связи.

Таким образом, в современном арбитражном процессе при направлении судебных извещений и текстов судебных актов предусмотрена возможность использования электронной почты, которая позволяет оперативно известить участников процесса о времени и месте судебного разбирательства, что особенно актуально при рассмотрении отдельных категорий дел, для которых предусмотрены сжатые сроки рассмотрения спора.

Согласно требованиям АПК РФ, лица, участвующие в деле, должны указывать адрес электронной почты: в исковом заявлении (ст. 125); в заявлении об обеспечении иска (ст. 92); в отзыве на исковое заявление (ст. 131); в заявлении об отмене решения третейского суда (ст. 231); в заявлении о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда (ст. 237); в заявлении о признании и приведении в исполнение решения иностранного суда и иностранного арбитражного решения (ст. 242); в апелляционной жалобе (ст. 260); в кассационной жалобе (ст. 277); в заявлении или представлении о пересмотре судебного акта в порядке надзора (ст. 294); в заявлении о пересмотре судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам (ст. 313).

Анализируя приведенные нормы закона, можно заключить, что АПК РФ оставляет открытым ряд вопросов.

Во-первых, не совсем ясно, является ли указание адреса электронной почты принятием лицом на себя обязанности принимать сообщения суда.

Во-вторых, отсутствие указания адреса электронной почты другими участниками процесса теоретически может поставить участников в неравноправное положение.

В-третьих, неясно, что считать достаточным подтверждением получения сообщения, посланного судом по электронной почте, и неясно, когда лица, участвующие в деле, и иные участники арбитражного процесса считаются извещенными надлежащим образом Арбитражным судом [3].

Пунктом 3 статьи 122 АПК РФ предусмотрено, что в случае, если копия судебного акта направляется адресату телефонограммой, телеграммой, по факсимильной связи или электронной почте либо с использованием иных средств связи и способов доставки корреспонденции, на копии переданного текста, остающейся в Арбитражном суде, указываются фамилия лица, передавшего этот текст, дата и время его передачи, а также фамилия лица, его принявшего.

Несоблюдение данного порядка является безусловным основанием к отмене судебного решения (статья 288 АПК РФ).

Вместе с тем указанные требования к порядку извещения применимы в большой степени к передаче информации по телефону, факсу и последующему оформлению телефонограммы, отчета о передачи факса и т. п.

Технические особенности передачи информации по электронной почте заключаются в транспортировке сообщения оператору связи (провайдеру) или лицу, осуществляющему поддержку указанного сервиса с дальнейшей его доставкой адресату. В связи с этим, при оценке обстоятельств, связанных с решением вопроса о надлежащем извещении лица, участвующего в деле, необходимо законодательно предусмотреть возможность получения Арбитражным судом технических данных оператора связи о передаче отправленного электронного сообщения.

В настоящее время для реализации норм, предусматривающих отправление судебных извещений посредством электронной почты, некоторые Арбитражные суды используют практику заключения договоров с теми участниками процесса, которые пожелали получать электронные документы, при этом тексты судебных актов в соответствии с требованиями АПК РФ направляются также и почтовым отправлением.

Безусловно, одного лишь закрепления возможности направления Арбитражными судами судебных извещений и текстов судебных актов посредством электронных средств связи недостаточно. Для достижения эффективности применения данной нормы необходимо дополнительное законодательное регулирование электронного документооборота между Арбитражным судом и участниками процесса, а также механизма отправки Арбитражным судом и получения документальных подтверждений доставки адресату электронных сообщений.

Электронные доказательства

Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации предоставлена возможность использовать документы, полученные посредством факсимильной, электронной или иной связи, а также документы, подписанные электронной цифровой подписью или иным аналогом собственноручной подписи в качестве письменных доказательств в случаях и в порядке, которые установлены федеральным законом, иным нормативным правовым актом или договором (часть 3 статьи 75).

В качестве таких доказательств в Арбитражный суд чаще всего представляется информация из сети «Интернет», электронная переписка, электронные документы, направляемые в органы государственного контроля и надзора.

Правовое определение электронного документа закреплено в статье 3 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 1-ФЗ «Об электронной цифровой подписи», под которым понимается документ, в котором информация представлена в электронно-цифровой форме.

Из приведенных положений следует, что отличительной особенностью электронного документа является его форма, которая создается посредством технических средств фиксации, обработки и передачи информации.

Первые проблемы возникают уже на этапе приобщения электронных документов к материалам дел. В законе отсутствуют требования относительно формы и формата предоставления любых фактических данных в электронной форме, по порядку исследования форм предоставления электронных документов и по порядку приобщения их к судебному делу. Зачастую электронные документы должны представляться в суд не на техническом, а на бумажном носителе, т. е. преобразованными в печатный вид, позволяющий визуально исследовать и обсудить доказательство [1].

Основным вопросом, связанным с электронными документами, используемыми в качестве доказательств, является проблема их оценки, поскольку действующим процессуальным законодательством не определены четкие критерии оценки достоверности данных, полученных с помощью электронных средств.

Нормативным регулированием требований к составу и содержанию реквизитов электронного документа в настоящее время является действующий ГОСТ 6.10.4.-84 «Унифицированные системы документации. Придание юридической силы документам на машинном носителе и машинограмме, создаваемым средствами вычислительной техники. Основные положения». Указанный стандарт устанавливает требования к составу и содержанию реквизитов, которые придают электронному документу юридическую силу, а также устанавливает порядок внесения в них изменений. Так, электронный документ должен содержать: регистрационный номер; регистрационную дату; подпись (код) лица, ответственного за правильность изготовления документа или утвердившего документ; содержание документа; наименование организации – создателя документа; местонахождение организации – создателя документа или почтовый адрес.

Кроме того, арбитражным судам следует руководствоваться Письмом ВАС РФ от 07.06.1995 № С1-7/ОЗ-316 О Федеральном законе «Об информации, информатизации и защите информации», в котором разъясняется, что юридическая сила документа, хранимого, обрабатываемого и передаваемого с помощью автоматизированных информационных и телекоммуникационных систем, может подтверждаться электронной цифровой подписью. Юридическая сила электронной цифровой подписи признается при наличии в автоматизированной информационной системе программно-технических средств, обеспечивающих идентификацию подписи, и соблюдении установленного режима их использования. Право удостоверять идентичность электронной цифровой подписи осуществляется на основании лицензии.

Следует иметь в виду, что при соблюдении указанных условий, в том числе при подтверждении юридической силы документа электронной цифровой подписью, этот документ может признаваться в качестве доказательства по делу, рассматриваемому арбитражным судом.

В силу статьи 3 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 1-ФЗ «Об электронной цифровой подписи», электронная цифровая подпись представляет собой реквизит электронного документа, предназначенный для защиты данного электронного документа от подделки, полученный в результате криптографического преобразования информации с использованием закрытого ключа электронной цифровой подписи и позволяющий идентифицировать владельца сертификата ключа подписи, а также установить отсутствие искажения информации в электронном документе.

Кроме того, 06 апреля 2011 г. принят Федеральный закон № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (далее – Закон), которым введено понятие электронная подпись. В силу пункта 1 статьи 2 Закона, электронная подпись представляет собой информацию в электронной форме, которая присоединена к другой информации в электронной форме (подписываемой информации) или иным образом связана с такой информацией и которая используется для определения лица, подписывающего информацию. Частью 1 статьи 5 указанного Закона, определены виды электронных подписей: простая электронная подпись и усиленная электронная подпись. Различаются усиленная неквалифицированная электронная подпись и усиленная квалифицированная электронная подпись. В связи с принятием указанного Закона, Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 1-ФЗ «Об электронной цифровой подписи» признается утратившим силу с 1 июля 2012 г.

Судебная практика по оценке документов, заверенных электронной цифровой подписью (электронной подписью) находится в стадии формирования. Однако имеются судебные акты, в которых

вопрос принятия подобных доказательств решается положительно.

Так, по делу об оспаривании отказа в допуске к участию в аукционе в электронной форме на право заключения государственного контракта, ВАС РФ в определении об отказе в передаче дела в президиум ВАС РФ указал, что наличие электронной цифровой подписи лиц, указанных в частях 2–4 статьи 41.2 Федерального закона от 21.07.2005 № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд», и заверение электронных документов оператором электронной площадки с помощью программных средств означают, что документы и сведения, поданные в форме электронных документов, направлены от имени соответственно участника размещения заказа, оператора электронной площадки, заказчика, уполномоченного органа, специализированной организации, уполномоченного на осуществление контроля в сфере размещения заказов федерального органа исполнительной власти, а также означают подлинность и достоверность таких документов и сведений (Определение Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 27.02.2012 № ВАС-1713/12).

В юридической литературе высказываются мнения [4; с. 13–20] о возможности удостоверения электронных документов также в порядке нотариального обеспечения доказательств, предусмотренного статьей 102 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, предусматривающей, что по просьбе заинтересованных лиц нотариус обеспечивает доказательства, необходимые в случае возникновения дела в суде или административном органе, если имеются основания полагать, что представление доказательств впоследствии станет невозможным или затруднительным.

Применительно к электронным документам, нотариус, например, может заверить информацию, размещенную на интернет-сайте, а также полученную посредством электронной почты, смс-сообщений и др. средств. Вместе с тем, единого мнения науки и практики по возможности применения указанного механизма обеспечения доказательств в электронном виде не сформировано.

Таким образом, тенденция использования электронных документов во всех сферах деятельности и во взаимоотношениях хозяйствующих субъектов ставит задачу подробной законодательной регламентации статуса указанных документов и подтверждения их подлинности, совершенствования процессуальных норм.

Анализируя изложенное, следует отметить, что за последние годы в АПК РФ было внесено немало очень важных новаторских изменений, таких как подача документов в электронном виде в Арбитражный суд, использование системы видеоконференцсвязи, изменение порядка судебных извещений, аудиозапись судебных процессов и другое, что позволяет говорить о переходе арбитражного процесса к электронному судопроизводству.

Перспективами развития электронного судопроизводства в системе Арбитражных судов является совершенствование упрощенного производства, которое будет осуществляться в электронном виде; публикацию на сайтах арбитражных судов не только судебных актов, но и аудиопротоколов судебных заседаний; проведение видеотрансляций судебных заседаний в режиме он-лайн на сайтах арбитражных судов; формирование электронных дел, архивов и др.

Что касается гражданского процесса, то в настоящее время говорить о переходе к электронному судопроизводству преждевременно. Это связано с отсутствием соответствующей правовой базы и недостаточной технической оснащенностью судов общей юрисдикции и мировых судей. Из работающих электронных ресурсов на сайте Верховного суда Российской Федерации (http://www.vsrf.ru) можно отметить Автоматизированную систему судебного делопроизводства, банк судебных документов. Действует Государственная автоматизированная система Российской Федерации «ПРАВОСУДИЕ». Вместе с тем единый банк данных судебных актов и дел в системе общей юрисдикции отсутствует. Система поиска не предусматривает отслеживание дела по наименованию участника спора и номеру дела, что затрудняет возможность получения необходимой информации.

Развитие системы электронного обеспечения правосудия направлено на обеспечение открытости, прозрачности и доступности правосудия, на повышение качества и эффективности работы судебной системы, усиление гарантий самостоятельности судов и независимости судей, приведение российского законодательства в соответствие с нормами международного права и международными стандартами.

Для создания эффективного электронного судопроизводства в России как способа осуществления правосудия, основанного на использовании информационных технологий, необходима дальнейшая информационно-техническая модернизация судебной системы, повышение уровня культуры работы с электронными средствами работников судов, введение в судебную систему электронного делопроизводства, а также принятие правовых норм, позволяющих однозначно определить институт электронного судопроизводства, понятие и статус электронного документа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Балашов, А.* Проблемы использования электронных доказательств в арбитражном и гражданском судопроизводстве / А. Балашов, Е. Лейканд // Арбитражный и гражданский процесс, 2009. – № 6. (Справочно-правовая система Консультант плюс).

2. *Брановицкий, К.Л.* Информационные технологии в гражданском процессе Германии (сравнительно-правовой анализ) : автореф. дис. … канд. юрид. наук / К.Л. Брановицкий. – Екатеринбург, 2009.

3. *Изотова, С.В.* Перспективы электронного документооборота в российском арбитражном процессе / С.В. Изотова [и др.] // Информационное право. – 2006. – № 4. (Справочно-правовая система Консультант плюс).

4. *Ловцов, Д.А.* Защита интеллектуальной собственности в сети «Интернет» / Д.А. Ловцов, А.Е. Галахова // Информационное право. – 2011. – № 4. – С. 13–20.

5. Постановление Правительства РФ от 20.11.2001 № 805 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на 2002–2006 годы» // Собрание законодательства РФ. – 03.12.2001. – № 49. – Ст. 4623.

6. Постановление Правительства РФ от 28.01.2002 № 65 «О федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002–2010 годы)» // Собрание законодательства РФ. – 04.02.2002. – № 5. – Ст. 531.

7. Постановление Правительства РФ от 21.09.2006 № 583 (ред. от 26.01.2012) «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на 2007–2012 годы» // Собрание законодательства РФ. – 09.10.2006. – № 41. – Ст. 4248.

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА КАК НАПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

А.А. Мамошин

Мамошин Анатолий Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

Контактный адрес: kaf_ugpd@festu.khv.ru

Разработка и совершенствование мер борьбы с преступностью на современном этапе развития правового и демократического государства относится к числу важнейших задач, стоящих перед юридическими науками, правоохранительной практикой и государством в целом. При этом позитивные результаты не могут быть достигнуты без обнаружения качественно новых путей решения проблем, связанных со снижением уровня преступности и доведения этого показателя до минимального. Решение этих проблем напрямую связано с проводимой государством уголовной политики.

Современное состояние уголовной политики характеризуется дальнейшим совершенствованием уголовно-правовых мер борьбы с преступностью. В свою очередь эффективность этих мер во многом зависит не только от современного состояния уголовного законодательства, его содержания, отвечающего нуждам правоохранительной практики, а также политической и экономической стабильности в стране, но и от современного определения самого понятия «уголовная политика».

В уголовно-правовой науке советского периода, а впоследствии и российского, достаточно много места уделялось исследованию этого вопроса. Однако до настоящего времени отсутствует комплексный анализ сущности и содержания уголовной политики на современном этапе развития как специфической функции государства по реализации и совершенствованию правотворческой деятельности в сфере борьбы с преступностью.

Значение их глубокого рассмотрения несомненно в свете последних изменений и дополнений уголовного законодательства.

Цель настоящей статьи – в рамках комплексного анализа сущности и содержания современной уголовной политики сжато, строго и лаконично рассмотреть важнейшие ее положения, связанные с формированием понятийного аппарата, раскрывающего содержание уголовной политики как направления государственной деятельности в сфере противодействия преступности.

Ключевые слова: политика, уголовная политика, режим законности, право и правовая наука, инструмент политики, структура политики, направление государственной деятельности.

Борьба с преступностью невозможна без выработки и проведения государством особой политики с целью достижения максимальной эффективности этой борьбы. Такую политику принято называть уголовной политикой [14].

Политика вообще – явление социальное, выступающее в качестве силы, определяющей форму, задачи и содержание деятельности государства [10: с. 340].

При этом реализация различных направлений политики предполагает постоянное совершенствование и развитие нашего общества. В качестве важнейшего условия этого выступает режим законности, заключающийся в неукоснительном соблюдении всеми должностными лицами и гражданами норм, регулирующих общественные отношения. В основе режима законности лежит уголовная политика как один из структурных элементов государственной политики вообще.

Вопросам уголовной политики юристами уделялось и уделяется достаточно широкое внимание, особенно в последнее время, что на наш взгляд связано с реформированием правоохранительной деятельности, проходящим в России.

Исследуя историю развития понятия «уголовная политика», которое впервые появилось в 1804 г. в работах известного немецкого криминалиста Ансельма Фейербаха, можно прийти к выводу, что в настоящее время она должна включать элементы общегосударственной политики в сфере борьбы с преступностью, нормы закона и практику его применения, специальные меры по предупреждению преступности.

Теоретические основы уголовной политики опираются и взаимодействуют с научными познаниями в области философии, политологии, социологии, психологии и другими фундаментальными науками с позиций ее основных концептуальных идей. Вся история познания свидетельствует о наличии мощных потоков знаний, идей, образов, представлений от естественных наук к гуманитарным и от гуманитарных к естественным, о теснейшем взаимодействии между науками о природе, об обществе и человеке.

В этой связи развитие правовых и демократических начал любого общества во многом предопределяется местом и ролью в нем права и правовой науки. Это в полной мере относится и к теории уголовной политики, оказывающей базисное влияние на уголовное право и являющейся основанием для разработки стратегии и тактики в борьбе с преступностью.

При этом уголовное право представляет собой систему соответствующих юридических норм, уголовная же политика – систему руководящих идей, которые определяют содержание уголовно-правовых норм и институтов, направление деятельности государственных структур и правоохранительных органов по борьбе с преступностью. Право – более стабильное и устойчивое явление. Уголовная политика более подвижна, она активно реагирует на изменения в социально-экономической и политической жизни общества, а также на динамику криминологической ситуации и нередко подвержена существенным изменениям при относительной стабильности уголовного законодательства.

Таким образом, уголовное право является инструментом уголовной политики, а управление практическим применением нормами уголовного права означает проведение в жизнь уголовной политики государства.

В юридической литературе термин «уголовная политика» употребляется в разных контекстах, причем авторы вкладывают в него различное содержание, что часто приводит к подмене понятий или неадекватном его понимании.

Проблема формирования понятийного аппарата «уголовная политика» является фундаментальной в теории отраслевых наук антикриминального цикла, в первую очередь, уголовного права и криминологии. Высказанные в разное время позиции ученых по данной проблеме позволяют проследить процесс формирования изучаемого понятия с учетом развития государственно-правовых явлений на протяжении достаточно длительного исторического периода.

Слово «политика» (politike) в переводе с греческого означает «искусство управления государством». Политика выражает функции государства по руководству той или иной сферой общественной жизни. Уголовная политика как одно из направлений социальной политики – это государственная политика в области борьбы с преступностью. Речь идет о направлении деятельности государства в этой специфической сфере, определении форм, задач, содержания деятельности государства и его органов по борьбе с преступностью и тесно связанными с нею другими формами антиобщественного поведения.

Относительно понятия и содержания уголовной политики на современном этапе следует отметить отсутствие единства в этих вопросах среди ученых.

В частности, А.А. Герцензон отмечал, что «…уголовная политика является частью общей политики государства наряду с политикой экономической, социально-культурной. Она направляет деятельность органов государственной власти в борьбе с преступлениями и иными проступками, основываясь на точном исполнении законов» [4: с. 179].

В свою очередь Н.И. Загородников считает, что «…данное определение себя не оправдывает, поскольку общественно опасные и не опасные проявления в поведении людей являются пережитками прошлого, а поэтому борьба с этим злом относится к сфере социальной политики, направленной на воспитание нового человека, на преодоление пережитков прошлого в сознании людей» [5: с. 10].

Он же совместно с Н.А. Стручковым позже предложил следующее определение уголовной политики: «…Уголовная политика представляет собой такое направление советской политики, в рамках которого формируются исходные требования борьбы с преступностью посредством разработки и осуществления широкого круга предупредительных мер, создания и применения правовых норм материального, процессуального и исполнительного уголовного права, устанавливающих криминализацию и пенализацию, а когда нужно, декриминализацию деяний, а также посредством определения круга допустимых в борьбе с преступностью мер государственного принуждения» [6: с. 4].

По мнению Н.А. Беляева «...уголовная политика осуществляется путем применения наказания или заменяющих наказание мер административного или общественного воздействия к лицам, совершившим преступные посягательства, а также путем предупреждения преступлений при помощи угрозы применения наказания» [1: с. 15].

Представляют несомненный интерес определения, отражающие современный взгляд на проблему.

Так, С.С. Босхолов считает: «Под уголовной политикой следует понимать:

1) государственную политику (доктрину) борьбы с преступностью, выраженную в соответствующих директивных актах (законах, указах Президента, постановлениях правительства);

2) научную теорию и синтез соответствующих политических, социологических и правовых знаний;

3) особый вид социальной деятельности, направленной на активное, наступательное противодействие преступности и другим правонарушениям» [2: с. 32].

В.П. Ревин подчеркивает: «Уголовная политика – это целенаправленная активная деятельность государства по защите общества от преступности, разработка и реализация оптимальной стратегии, призванной обеспечить достижение цели стабилизации и ограничения уровня преступности, создания предпосылок позитивных тенденций преступности» [17: с. 7].

А.И. Коробеев по данному поводу отмечал, что «…Уголовная политика – есть выработанная государством генеральная линия, определяющая основные направления, цели и средства воздействия на преступность путем формирования уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного законнодательства, регулирования прак-

тики его применения, а также путем выработки и реализации мер, направленных на предупреждение преступлений» [9: с. 48].

Обобщенно в структурном плане уголовную политику определяет Я.Г. Стахов. По его мнению, это «…государственная программа борьбы с преступностью и ее реализация в деятельности государственных и общественных организаций, а также сложное, многогранное социально-политическое образование, объектом воздействия которого является преступность» [16: с. 7].

Дефиниция, отражающая реалии современного правового государства, сформулирована И.Э. Звечаровским: «Уголовная политика – это выработанное государством и основанное на объективных законах развития общества направление деятельности специально уполномоченных на то государственных органов и организаций по охране прав и свобод человека и гражданина, общества и государства в целом от преступных посягательств путем применения наказания и других мер уголовно-правового характера к лицам, их совершившим, а также посредством предупреждения преступлений при помощи правового воспитания, угрозы применения уголовного наказания и мер профилактики индивидуального и специально-криминологического характера» [7: с. 74].

Это определение еще раз подтверждает, что содержание уголовной политики не исчерпывается только уголовным законодательством. Хотя именно уголовное законодательство выступает материально-правовым основанием, содержанием, диктующим соответствующую форму для уголовно-процессуальной политики.

Касаясь структуры уголовной политики, С.В. Бородин говорил о правомерности употребления таких понятий, как уголовно-правовая политика, уголовно-процессуальная политика, судебная политика, исправительно-трудовая политика. Вместе с тем он подчеркивал, что это «…лишь составные части уголовной политики, поскольку предмет каждой из них входит как неразрывная часть в предмет уголовной политики» [3: с. 27]. Исходным пунктом здесь служит представление о том, что главное в борьбе с преступностью – ее предупреждение. Такой подход к определению границ уголовной политики представляется наиболее перспективным, ибо борьбе с преступностью придается комплексный характер, а сама она (политика) приобретает необходимую глубину и объемность.

Довольно интересное с теоретической точки зрения и принципиальное определение современной уголовной политики Российской Федерации отразил Г.Ю. Лесников: «Уголовная политика – это система принципов, политических и политико-правовых предписаний, программ, осуществляемых государством совместно с гражданским обществом, по борьбе с преступностью, ресоциализации преступников, обеспечению безопасности личности, общества и государства» [11: с. 17].

Он же, наряду с уже апробированными в юридической литературе принципами уголовной политики, такими как принципы приоритета профилактики преступлений, неотвратимости ответственности, ее дифференциации и индивидуализации, предложил свою систему принципов: «…гуманизма, полинормативности, целостности уголовной политики, единства уголовной политики России, участия гражданского общества в формировании и реализации уголовной политики, взаимной ответственности личности, общества и государства, международного сотрудничества и взаимопомощи в борьбе с преступностью и терроризмом, экономии уголовной репрессии, обеспечения общественной и национальной безопасности» [11: с. 17].

Безусловно, предложенная система принципов уголовной политики не только дополняет уже существующие, но и отражает современные основополагающие начала, идеи борьбы с преступностью на современном этапе и, кроме того, обеспечивает полноценную и эффективную разработку и функционирование системы наказаний и их видов.

Исследуя правовые и философские аспекты современной уголовной политики в области наказания, следует подчеркнуть «вынужденный» характер уголовного наказания (наказание, как мера государственного принуждения не способно повлиять на общественно опасное явление в плане его искоренения). Уголовное наказание является крайней мерой правового регулирования общественных отношений, носящей временной характер, действующей от криминализации до декриминализации.

В целом уголовная политика России основывается на отдельных положениях международных правовых актов, Конституции Российской Федерации, федеральных законах, указах Президента Российской Федерации, постановлениях Правительства Российской Федерации по вопросам борьбы с преступностью и обеспечения национальной безопасности.

Анализируя понятие уголовной политики, необходимо отметить главное – ее ведущую роль по отношению к материальным и процессуальным отраслям права антикриминального цикла, управление применением норм которых является одной из форм реализации уголовной политики [16: с. 25].

При более узком или так называемом буквальном понимании уголовной политики и, принимая во внимание то, что эта политика должна быть обязательно определена правовыми нормами, а также исходя из форм ее закрепления в рамках уголовной политики различают политику уголовно-правовую, уголовно-процессуальную, уголовно-исполнитель-

ную, политику в сфере профилактики преступности, политику уголовно-тактическую, уголовно-профилактическую, криминалистическую, пенитенциарную, оперативно-розыскную и др. [14: с. 262–267].

Кроме того, понятие уголовная политика рассматривается еще более узко. В этом случае под ней понимается та часть или направление государственной политики в области борьбы с преступностью, которая реализуется средствами и методами только уголовного права. При этом уголовная политика отождествляется с политикой уголовно-правовой. Однако уголовно-правовая политика не включает в себя политику уголовно-процессуальную или уголовно-исполнительную, что имеет место, когда речь идет об уголовной политике [14: с. 266].

Исходя из различного толкования учеными-юристами понятия уголовной политики данная дефиниция в науке рассматривается, как правило, в трех аспектах:

1) как государственная политика борьбы с преступностью, определяемая и реализуемая как правовыми, так и внеправовыми средствами противодействия преступности;

2) как государственная политика борьбы с преступностью, определяемая и реализуемая на основании только норм права;

3) как государственная политика борьбы с преступностью, определяемая и реализуемая только нормами уголовного права.

Так, термины «уголовная политика» (поскольку в данной дефиниции содержится термин «политика», а политика определяется и реализуется государством, постольку это политика государственная) и «государственная политика в сфере борьбы с преступностью» или «государственная политика противодействия преступности», по сути своей тождественны [14: с. 267] и как бы не именовались направления деятельности государства и общества, связанные с борьбой с преступностью – уголовной политикой или политикой борьбы с преступностью, то речь идет о важнейшей части внутренней политики, обеспечивающей эффективное функционирование экономической, идеологической и социальной политики.

При этом, как уже было отмечено выше, уголовная политика не определятся только нормами права. Примером данного обстоятельства могут служить ежегодные Послания Президента РФ Федеральному собранию. В 1999 г. в Послании было указано на необходимость принятия решительных мер в борьбе с терроризмом.

В Послании Президента РФ В.В. Путина Федеральному собранию от 25 апреля 2005 г. отмечено, что «…организация борьбы с преступностью в стране требует принципиально новых подходов» [18]. Новые подходы – это как раз и есть та самая стратегия, которая определяет уголовную политику в борьбе с преступностью на современном этапе.

В Послании 2007 г. В.В. Путин говорит о борьбе с коррупцией и терроризмом как о стратегическом плане [19]. Реализуя указания Президента, Правительство принимает целый ряд постановлений, которые, в свою очередь, по цепочке «дублируются» подзаконными актами различных министерств и ведомств.

В данных посланиях, которые не являются нормативными актами, главой государства обозначена стратегия противодействия преступности, и которая в конечном счете реализуется нормативно, и формирует уголовную политику государства.

И, конечно, было бы ошибочным полагать, что уголовная политика закрепляется и реализуется только нормами уголовного права. Она находит свое выражение через значительное количество нормативных актов различной юридической силы и различных отраслей законодательства – уголовное, уголовно-исполнительное, уголовно-процессуальное, налоговое, административное и др. При этом уголовная политика реализуется не только нормативно или во исполнение каких-то обязательных предписаний.

Например, «…соответствующая деятельность в области образования, патриотического воспитания в духе нетерпимости к преступности как антисоциальному явлению, в том числе, деятельность политических партий, общественных объединений или, например, соответствующих должностных лиц в армии, в конечном итоге также является одним из путей реализации уголовной политики» [8: с. 215–222]. Как справедливо отмечает Г.Ю. Лесников, «…правопорядок, борьба с преступностью, безопасность личности в зависимости от их состояния могут быть вопросами социальными (социальной политики) и могут быть вопросами внутригосударственной политики в целом, но во всех случаях они касаются всего общества и государства и требуют принятия специальных мер государственного и общественного характера, которые традиционно можно назвать уголовной политикой» [12].

Подводя итог вышеизложенному, можно сказать, что все авторы, несмотря на расхождения во взглядах едины в том, что рассматривают уголовную политику как направление государственной деятельности, определяющее стратегию и тактику борьбы с преступностью на базе уголовного материального, процессуального и исполнительного права.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беляев, Н.А.* Уголовно-правовая политика и пути ее реализации / Н.А. Беляев. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986.

2. *Босхолов, С.С.* Основы уголовной политики: Конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты / С.С. Босхолов. – М., 1999.

3. *Бородин, С.В.* Теоретические проблемы советской уголовной политики / С.В. Бородин // XXV съезд КПСС и дальнейшее укрепление социалистической законности. – М., 1977.

4. *Герцензон, А.А.* Уголовное право и социология / А.А. Герцензон. – М., 1970.

5. *Загородников, Н.И.* Советская уголовная политика / Н.И. Загородников. – М., 1979.

6. *Загородников, Н.И.* Направления изучения советского уголовного права / Н.И. Загородников, Н.А. Стручков // Советское государство и право. – 1981. – № 7.

7. *Звечаровский, И.Э.* Современное уголовное право России: понятие, принципы, политика / И.Э. Звечаровский. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001.

8. *Иванова, А.А.* Роль патриотического воспитания в профилактике преступлений против военной службы: сб. науч. тр. юрид. факультета / А.А. Иванова – Сыктывкар: Изд-во Сыктывк. ун-та, 2005. – Вып. 4. – С. 215–222.

9. *Коробеев, А.И.* Советская уголовно-правовая политика / А.И. Коробеев. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1987.

10. *Ленин, В.И.* К вопросу о роли государства / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 33.

11. *Лесников, Г.Ю.* Уголовная политика современной России (методологические, правовые и организационные основы): автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук / Г.Ю. Лесников. – М., 2005.

12. *Лесников, Г.Ю.* К вопросу о понятии уголовной политики / Г.Ю. Лесников // Российский следователь. – 2005. – № 6.

13. *Лопашенко, Н.А.* Основы уголовно-правового воздействия / Н.А. Лопашенко. – СПб., 2004.

14. *Мартыненко, Н.Э.* Уголовная политика и уголовный закон: соотношение понятий / Н.Э. Мартыненко // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: сб. материалов третьей междунар. науч.-практ. конф. – М., 2006.

15. *Миньковский, Г.М.* Правовая политика в сфере борьбы с преступностью и проблемы законодательного регулирования этой борьбы / Г.М. Миньковский // Проблемы формирования уголовной политики Российской Федерации и ее реализации ОВД: тр. Академии МВД РФ. – М., 1995.

16. *Стахов, Я.Г.* Современная уголовная политика и совершенствование взаимодействия правоохранительных органов субъектов Российской Федерации при ее реализации: монография / Я.Г. Стахов; под науч. ред. д-р юрид. наук, проф. В.П. Ревина. – М.: Академия управления МВД России, 2003.

17. Уголовная политика и ее реализация органами внутренних дел: учебник / под ред. Л.И. Беляевой. – М.: Академия управления МВД России, 2003.

18. Российская газета. – 2005. – 26 апреля.

19. Российская газета. – 2007. – 27 апреля.

НАЛОГОВОЕ ПРАВОНАРУШЕНИЕ. ВОПРОСЫ ДОКАЗЫВАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ (НАЛОГОВОЕ АДМИНИСТРИРОВАНИЕ)

Н.А. Мерецкая

Мерецкая Наталья Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

Контактный адрес: kaf_ugpd@festu.khv.ru

В статье рассмотрены вопросы о составе и признаках налогового правонарушения. Автор анализирует объект, субъект, объективную и субъективную сторону налогового правонарушения, раскрывает их особенности. Дается понятие налогового правонарушения, которое рассматривается как одно из разновидностей социальных отклонений юридического состава, сформулированного в Налоговом кодексе РФ и иных нормативно-правовых актах.

Налоговое администрирование как специфическая форма применения права основано на сборе, оценке и закреплении доказательств. Основными формами закрепления и анализа доказательств являются решение и акт налоговой проверки (акт применения права).

Предмет доказывания – это состав налогового правонарушения, прежде всего, объективная сторона, т. е. противоправное деяние, которое фиксируется и доказывается налоговым органом в акте проверки и решении налогового органа.

Противоправное деяние может быть активным, например, включение заведомо ложных сведений в налоговую декларацию, искажение бухгалтерского учета путем фальсификации или уничтожения первичных документов. Кроме этого, оно может выражаться в пассивной форме, в том числе в виде не представления налоговой декларации в установленный законом срок, несообщении об открытых счетах в кредитных организациях, невыполнения требований налогового органа о предоставлении информации (сведений).

Автор рассматривает отдельные виды доказательств, прежде всего, документы бухгалтерского учета.

Ключевые слова: налоги, правоотношение, виновность, налоговое законодательство, наказуемость, объект, субъект, объективная и субъективная стороны, ответственность, юридический состав.

Практика показывает, что налоговое правонарушение относится к одному из разновидностей социальных отклонений, юридический состав которого сформулирован в Налоговом кодексе РФ и иных нормативно-правовых актах. Его содержание как отклоняющееся от нормы поведение сводится к неуплате (не полной уплате) налогов в установленный законом срок. Налоговым кодексом РФ предусмотрены и иные действия (бездействия), которые отклоняются от правомерной модели поведения налогоплательщика и связаны с неисполнением им своих обязанностей.

Следует иметь в виду, что налоговое правонарушение можно рассматривать в качестве преступления, состав которого предусмотрен ст. 199, 199-1 Уголовного кодекса РФ и в качестве проступка (административного или налогового).

Кроме того, налоговое преступление как крайняя форма налогового правонарушения является основанием для привлечения к уголовной ответственности за неуплату налогов в размере и за период, установленном Уголовным кодексом РФ.

Диспозиция статьи 199 УК РФ (в ред. Федерального закона от 08.12.2003 № 162-ФЗ, в ред. Федеральных законов от 07.03.2011 № 26-ФЗ, от 07.12.2011 № 420-ФЗ) указывает на уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации путем непредставления налоговой декларации (иных документов), либо путем включения в налоговую декларацию (иные документы) заведомо ложных сведений.

Согласно ст. 199.1 УК РФ (введена Федеральным законом от 08.12.2003 № 162-ФЗ) установлена ответственность за неисполнение в личных интересах обязанностей налогового агента по исчислению, удержанию или перечислению налогов и (или) сборов.

Наши исследования показали, что и преступление, и проступок имеют ряд общих черт по своему составу, правовым последствиям, поэтому можно говорить об общем юридическом понятии налогового правонарушения и дать ему универсальную характеристику.

Так, налоговое правонарушение связано с понятием налог, в том числе с налогом на добавленную стоимость, прибыль, имущество, акциз и другими налогами, непосредственно указанными в Налоговом кодексе РФ, которые в своей совокупности формируют систему налогообложения на федеральном, региональном и местном уровнях. В связи с тем, что страховые взносы в Пенсионный фонд РФ, Фонд социального страхования и Медицинский фонд, начисляемые работодателем на выплаты в пользу физических лиц по трудовым договорам, в отличие ранее существовавшего единого социального налога, выведены в отдельную систему администрирования, начиная с 2010 г., они не рассматриваются в настоящей статье.

Теоретический аспект налогового правонарушения, с нашей точки зрения, важен как для законодательной деятельности, так и для правоприменения, которым занимаются как судебные, так и налоговые органы. Легальное закрепление признаков правонарушения в нормативно-правовом акте является превентивной мерой предотвращения правонарушения, а также основой эффективной правоприменительной практики, не допуская ее различий в применении норм права в одних и тех же обстоятельствах.

Анализ показывает, что правоприменение в налоговой сфере в основном представлено в двух формах: судебное правоприменение и налоговое администрирование.

Единообразие в правоприменении – важный фактор стабильности и эффективности налоговой системы. Судебная практика по налоговым спорам в РФ крайне разнообразна и далека от единства толкования норм права и правоприменения в целом. Отсутствие единообразия в судебной практике – негативный социально-психологический, юридический и политический фактор, который ставит под сомнение принцип неотвратимости и соразмерности наказания. Администрирование налоговых органов более последовательно, и вместе с тем в их деятельности превалирует односторонний аспект в оценке и сборе доказательств налогового правонарушения, что также негативно сказывается на эффективности их деятельности.

Это объясняется не только недостатками легального определения налогового правонарушения в законодательстве, сколько сложностью выявления и фиксации объективной стороны противоправного деяния, что требует профессиональных знаний в области бухгалтерского учета, налогообложения.

Правонарушение – это основание юридической ответственности, к которой привлекается лицо по решению суда либо налогового органа. Без юридических доказательств состава правонарушения (всех его составляющих элементов), которые сформированы из надлежащих, предусмотренных законом источников, и закреплены соответствующим образом, нет юридической ответственности, восстановления нарушенного порядка налоговых отношений и возмещения экономического вреда.

Легальное определение налогового правонарушения раскрывается в ст. 106 Налогового кодекса РФ. Налоговым правонарушением признается виновно совершенное, противоправное (в нарушение законодательства о налогах и сборах) деяние (действие или бездействие) налогоплательщика, налогового агента и иных лиц, за которое Налоговым кодексом РФ установлена ответственность.

Как следует из данной нормы, модель налогового правонарушения основана на традиционной конструкции, включающей объективную и субъективную стороны, субъект и объект.

На основе легальной модели правонарушения налоговый орган и суд по результатам налогового администрирования и судебного рассмотрения определяют конкретный (юридически доказанный) состав правонарушения и субъекта, о чем указывается в соответствующем решении.

Решение налогового органа и суда является актом применения права, в котором отражается состав налогового правонарушения, мера ответственности в виде штрафа либо иной санкции, предусмотренной Налоговым кодексом РФ. В правоприменительном акте в обязательном порядке должны быть отражены и доказаны все элементы состава правонарушения.

На отсутствие какого-либо элемента состава правонарушения, как на обстоятельство, исключающее привлечение лица к ответственности указывает ст. 109 Налогового кодекса РФ.

Лицо не может быть привлечено к ответственности за совершение налогового правонарушения при наличии хотя бы одного из следующих обстоятельств:

1) отсутствие события налогового правонарушения;

2) отсутствие вины лица в совершении налогового правонарушения;

3) совершение деяния, содержащего признаки налогового правонарушения, физическим лицом, не достигшим к моменту совершения деяния шестнадцатилетнего возраста;

4) истечение сроков давности привлечения к ответственности за совершение налогового правонарушения.

Событие налогового правого правонарушения образуют объект и объективную сторону. Вина – это субъективная сторона. Указание на субъект, в частности, физическое лицо, достигшее определенного возраста.

Признаки налогового правонарушения – это:

– противоправность;

– виновность;

– социально-экономический вред;

– нарушение публичных интересов;

– наказуемость.

Состав налогового правонарушения

Юридический состав налогового правонарушения образует объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона. Рассмотрим последовательно составляющие (элементы) данной конструкции с учетом отраслевых особенностей налогового права.

Объект правонарушения – это налоговые правоотношения, которые складываются между налогоплательщиком и государством в лице налоговых и иных органов по начислению и уплате налогов, постановке на налоговый учет, информированию налогового органа об открытых счетах в

кредитных организациях, выплаченных доходах физическим лицам (при невозможности удержания налогов) и иные отношения, прямо или косвенно связанные с налогами.

Налог – это безвозмездный платеж в соответствующий бюджет, размер, порядок расчета и перечисления (сроки, авансирование), которого указаны в Налоговом кодексе РФ и иных законах, в том числе региональных.

Налоговые правоотношения – это публично-правовые отношения, одной из сторон которой всегда выступает государство в лице соответствующего налогового либо иного органа, в том числе таможенного. Следовательно, налоговое правонарушение наносит вред публичным интересам.

Субъектами налогового правонарушения являются налогоплательщики (организации и физические лица), налоговые агенты, обладающие правоспособностью и деликтоспособностью, допустившие нарушение своих обязательств в налоговом правоотношении. В силу ст. 107 НК РФ физическое лицо признается деликтоспособным, начиная с шестнадцатилетнего возраста.

Организации как субъект налогового правонарушения должны соответствовать признакам юридического лица, которые определены в ст. 48 ГК (гражданского кодекса) РФ.

Налоговые агенты – это лица, на которых в соответствии с Налоговым кодексом РФ возложены обязанности по исчислению, удержанию у налогоплательщика и перечислению налогов в бюджетную систему Российской Федерации (ст. 24, «Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 30.03.2012) .

Объективная сторона налогового правонарушения – это непосредственное деяние (действие либо бездействие), которое нарушает права и интересы государства как участника налогового правоотношения, в том числе по начислению и уплате налогов в установленный законом срок, по постановке на налоговый учет, сообщению сведений налоговому органу. Содержание и порядок сообщения информации (сведения) об определенных фактах деятельности и статуса (состояния) налогоплательщика установлены Налоговым кодексом РФ.

Как правило, объективная сторона налогового правонарушения – это противоправное действие, которое нарушает экономические интересы государства, приносит реальный имущественный вред, в том числе в виде не дополучения средств в бюджеты различных уровней (федеральный, региональный и местный). Противоправное действие заключается, в том числе и в занижении (или завышении):

– налогооблагаемой базы, путем искажения выручки (доходов) от реализации товаров, работ, услуг для целей НДС, НДПИ, акцизов, прибыли и иных показателей налоговой декларации путем внесения недостоверной информации, не соответствующей реальным фактам хозяйственной деятельности и первичным учетным документам;

– среднегодовой стоимости основных средств для расчета налога на имущество путем искажения первоначальной либо остаточной стоимости, расчета амортизации;

– расходов по налогу на прибыль;

– вычетов по НДС.

Объективная сторона зависит от природы налога, особенностей формирования налогооблагаемой базы, ее документального подтверждения в бухгалтерском и налоговом учете.

Пассивное поведение (бездействие) образует объективную сторону таких правонарушений, как непостановка (не своевременная постановка) на налоговый учет, несообщение налоговому органу о доходах, выплаченных физическому лицу, в случае невозможности удержания НДФЛ.

Действия, нарушающие налоговые правоотношения – это активное поведение налогоплательщика, непосредственно направленное на искажение информации для расчета соответствующего налога в налоговой декларации за конкретный налоговый или отчетный период. Это достигается налогоплательщиком путем внесения в налоговую декларацию искаженной информации, не соответствующей данным бухгалтерского учета, первичным документам, а также путем их фальсификации, сокрытия реальных хозяйственных операций.

В процессе налогового контроля выявляются и закрепляются элементы объективной стороны правонарушения, совершенного конкретным налогоплательщиком. Налоговым законодательством предусмотрены две основные формы налогового контроля: выездная и камеральная налоговые проверки. Предмет проверки – налоговая декларация (расчет) по налогам, первичные учетные документы, регистры налогового учета. Налоговый орган в акте выездной и камеральной налоговой проверки отражает факты неисчисления и неоплаты (не полного исчисления и уплаты), а также нарушения сроков уплаты конкретного налога.

В ходе выездной и камеральной проверки налоговый орган анализирует финансово-хозяйственную деятельность налогоплательщика, хозяйственные операции, совершенные им в проверяемом периоде. Подтверждением хозяйственной операции является первичный учетный документ бухгалтерского учета. Предмет проверки – это первичные учетные документы. Налоговый орган проверяет начисление и уплату налогов на их основе. Следовательно, юридическими доказательствами состава правонарушения являются именно первичные учетные документы, в том числе платежные поручения, акты выполнен-

ных работ, накладные, счет-фактура и иные документы организаций, полученные как у налогоплательщика, так и у третьих лиц. Налоговый орган отражает указанные документы в обоснование занижения налогооблагаемой базы и иных нарушений в исчислении налогов в решении и акте проверки.

Так, согласно ст. 108 Налогового кодекса РФ, никто не может быть привлечен к ответственности за совершение налогового правонарушения не иначе как по основаниям и в порядке, которые предусмотрены Налоговым кодексом РФ. Следует иметь в виду, что основанием для привлечения лица к ответственности за нарушение законодательства о налогах и сборах является установление факта совершения данного нарушения решением налогового органа, вступившим в силу.

Субъективная сторона

Субъективную сторону налогового правонарушения образует вина – психическое отношение налогоплательщика к совершенному правонарушению и его неблагоприятным последствиям.

Формы вины при совершении налогового правонарушения определяет ст. 110 Налогового кодекса РФ.

Мы считаем, что виновным в совершении налогового правонарушения должно признаваться лицо, совершившее противоправное деяние умышленно или по неосторожности. Из этого следует:

во-первых, налоговое правонарушение признается совершенным умышленно, если лицо, его совершившее, осознавало противоправный характер своих действий (бездействия), желало либо сознательно допускало наступление вредных последствий таких действий (бездействия);

во-вторых, налоговое правонарушение признается совершенным по неосторожности, если лицо, его совершившее, не осознавало противоправного характера своих действий (бездействия) либо вредного характера последствий, возникших вследствие этих действий (бездействия), хотя должно было и могло это осознавать.

Вина организации в совершении налогового правонарушения определяется в зависимости от вины ее должностных лиц либо ее представителей, действия (бездействие) которых обусловили совершение данного налогового правонарушения.

Анализ практики показывает, что обстоятельствами, исключающими вину лица в совершении налогового правонарушения в силу ст. 111 Налогового кодекса РФ, признаются:

1) совершение деяния, содержащего признаки налогового правонарушения, вследствие стихийного бедствия или других чрезвычайных и непреодолимых обстоятельств (указанные обстоятельства устанавливаются наличием общеизвестных фактов, публикаций в средствах массовой информации и иными способами, не нуждающимися в специальных средствах доказывания);

2) совершение деяния, содержащего признаки налогового правонарушения, налогоплательщиком – физическим лицом, находившимся в момент его совершения в состоянии, при котором это лицо не могло отдавать себе отчета в своих действиях или руководить ими вследствие болезненного состояния (указанные обстоятельства доказываются предоставлением в налоговый орган документов, которые по смыслу, содержанию и дате относятся к тому налоговому периоду, в котором совершено налоговое правонарушение);

3) выполнение налогоплательщиком (плательщиком сбора, налоговым агентом) письменных разъяснений о порядке исчисления, уплаты налога (сбора) или по иным вопросам применения законодательства о налогах и сборах, данных ему либо неопределенному кругу лиц финансовым, налоговым или другим уполномоченным органом государственной власти (уполномоченным должностным лицом этого органа) в пределах его компетенции (указанные обстоятельства устанавливаются при наличии соответствующего документа этого органа, по смыслу и содержанию относящегося к налоговым периодам, в которых совершено налоговое правонарушение, независимо от даты издания такого документа).

Положение настоящего подпункта не применяется в случае, если указанные письменные разъяснения основаны на неполной или недостоверной информации, представленной налогоплательщиком (плательщиком сбора, налоговым агентом);

4) иные обстоятельства, которые могут быть признаны судом или налоговым органом, рассматривающим дело, исключающими вину лица в совершении налогового правонарушения.

При наличии вышеуказанных обстоятельств лицо не подлежит ответственности за совершение налогового правонарушения.

Не останавливаясь на особенностях решения всех обозначенных проблем, нам представляется необходимым отметить, что, *во-первых*, привлечение организации к ответственности за совершение налогового правонарушения не освобождает ее должностных лиц при наличии соответствующих оснований от административной, уголовной или иной ответственности, предусмотренной законами Российской Федерации; *во-вторых*, привлечение лица к ответственности за совершение налогового правонарушения не освобождает его от обязанности уплатить (перечислить) причитающиеся суммы налога (сбора) и пени; *в-третьих*, лицо считается невиновным в совершении налогового правонарушения, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке. Лицо, привлекаемое к от-

ветственности, не обязано доказывать свою невиновность в совершении налогового правонарушения. Обязанность по доказыванию обстоятельств, свидетельствующих о факте налогового правонарушения и виновности лица в его совершении, возлагается на налоговые органы. Неустранимые сомнения в виновности лица, привлекаемого к ответственности, толкуются в пользу этого лица; *в-четвертых,* ответственность за нарушения законодательства о налогах и сборах, допущенные в связи с выполнением договора инвестиционного товарищества, несет управляющий товарищ, ответственный за ведение налогового учета.

Кроме того, ответственность за неисполнение обязанности по уплате налога на прибыль организаций, налога на доходы физических лиц с прибыли (дохода), приходящейся на долю участника договора инвестиционного товарищества, несет соответствующий участник такого договора, если иное не установлено настоящим Кодексом.

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

М.М. Милованова

Милованова Марина Михайловна – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина.

Контактный адрес: milovanova_marin@mail.ru

В данной статье излагается проблема противодействия расследованию преступлений, интерес научной общественности к которому не ослабевает уже порядка двадцати лет. Отмечается, что в последние годы это явление приобрело особенно широкое распространение, а его содержание и формы достаточно разнообразны.

В юридической науке и правоприменительной практике существует различное понимание термина «противодействие», в статье с разных точек зрения раскрывается сущностное содержание данного термина, анализируются мнения ученых. Противодействие раскрытию и расследованию преступлений в самом общем виде понимается как деятельность, представляющая собой систему противозаконных целенаправленных действий, сориентированных на создание условий и обстоятельств, препятствующих восстановлению объективной картины преступного события и осуществлению правосудия, реализовываемых участниками уголовного судопроизводства и иными заинтересованными лицами.

Отмечается, что конкретным видам преступлений соответствуют различные способы и формы противодействия расследованию преступлений, которые проявляются в индивидуальных действиях, имеющих своей целью сокрытие противоправного деяния, реализующиеся в виде отдельных актов, направленных на фальсификацию, утаивание, маскировку или уничтожение следов преступления, информации или ее носителей.

Проводятся рассуждения относительно форм и способов противодействия расследованию преступлений. Подвергаются разбору внутреннее противодействие, которое оказывается лицами, причастными в любой форме к расследованию преступлений: подозреваемыми, обвиняемыми, свидетелями, потерпевшими, специалистами и экспертами, случайными лицами, оказавшимися на месте происшествия и др. и внешнее противодействие, которое включает противодействующую деятельность лиц, либо связанных со следователем (дознавателем) процессуальными, служебными или иными властными отношениями или зависимостями.

Кроме этого, в статье рассматриваются отдельные способы преодоления противодействия расследованию преступлений.

Ключевые слова: преступление, противодействие расследованию преступлений, формы противодействия расследованию, субъекты противодействия, преодоление противодействия расследованию преступлений.

В процессе раскрытия и расследования преступлений на деятельность участников уголовного судопроизводства, вовлеченных в сферу уголовно-процессуальных отношений, негативное влияние оказывает противодействие, которое, по справедливому замечанию Р.С. Белкина, имеет различные формы проявления [3: с. 132]. Совершению преступлений, как правило, всегда сопутствует противодействие по их расследованию, выражающееся в стремлении избежать ответственности за содеянное. В последние годы это явление приобрело особенно широкое распространение, его содержание и формы настолько разноплановы, что позволяет говорить о «легитимном» и «санкционированном» противодействии расследованию, не говоря уже о том, что достаточно часто оно имеет открытый агрессивный и демонстративный характер. В силу этого перед правоохранительными органами встает проблема эффективного преодоления такого противодействия.

Следует отметить, что проблемы противодействия преступности, так же как и расследование преступлений, в последнее время активно исследуются многими учеными-юристами и до сих пор по поводу определения данных дефиниций не сложилось единого мнения. В криминалистике достаточно долгое время термин «противодействие» вообще не упоминался, а все споры велись в отношении лишь одной из его форм – сокрытие преступления, его места в криминалистической характеристике преступления, соотношения со способом совершения преступления. Вместе с тем в юридической науке и правоприменительной практике существует различное понимание термина «противодействие», который активно употребляется не только в криминалистике, но и в других юридических науках и отраслях права.

Так, в отдельных нормативных правовых актах под «противодействием» понимается деятельность государственных органов по контролю и предупреждению негативных процессов в той или иной сфере деятельности», в том числе и правоохранительных органов по предупреждению, раскрытию и расследованию преступлений. Здесь следует привести точку зрения В.О. Лапина и согласиться с мнением автора в том, что правоохранительные органы, охраняя права государства, граждан, организаций, осуществляют деятельность по борьбе с преступностью, действуя на основании и во исполнение законодательных актов Российской Федерации. Преступники тоже действуют, но в нарушение норм законов. Нередко они противодействуют го-

сударственным органам вообще и органам, ведущим борьбу с преступностью, в частности, поэтому говорить о противодействии преступности, преступной деятельности, по мнению автора, было бы некорректно и не логично [13: с. 151]. Действительно такая законодательная трактовка приводит к неоднозначности восприятия данного термина и употребления его в качестве синонима термина «предупреждение», «борьба с преступностью».

Обратимся к семантическому содержанию термина «противодействие». Так, в словарных изданиях он толкуется следующим образом. Например, В.И. Даль, определяя «противодействие», писал, что это значит «перечить, идти противу, наперекор, мешать и стараться уничтожить другое действие» [5: с. 520]. В толковом словаре С.И. Ожегова противодействие рассматривается как «действие, препятствующее другому действию» [15: с. 624]. Аналогичное определение противодействия дается в словаре русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой: «Противодействовать значит оказывать противодействие, сопротивление, препятствовать» [20: с. 534]. Таким образом, можно заключить, что противодействие представляет собой активное действие, которое противостоит другому действию. В этой связи следует отметить, что употребление таких терминов, как «предупреждение» и «противодействие» в качестве синонимов недопустимо. Такое положение обусловлено тем, что совокупность специфических признаков, характеризующих деятельностное содержание данных терминов, различно. Так, под предупреждением понимается «…предостережение; заранее принятыми мерами отвратить; сделать ранее, чем что-нибудь произошло» [15: с. 582], что в корне отличает данный термин от «противодействия» по функциональной направленности содержания деятельности и применительно к раскрытию и расследованию преступлений представляется целесообразным применять термин «противодействие», так как нельзя предупредить то, что уже произошло.

Применительно к расследованию преступлений одним из первых обратился к проблеме противодействия в качестве самостоятельного предмета исследования Г.Г. Зуйков, который определял его как способ уклонения от ответственности – повторяющийся у разных и одних и тех же лиц, объективно и субъективно детерминированный комплекс взаимосвязанных вербальных, поведенческих и материальных актов, сознательно осуществляемый после совершения преступления с целью полного или частичного уклонения от ответственности [8: с. 94].

Оставляя в стороне оценку такого понимания противодействия расследованию преступлений, необходимо отметить, что несколько позже, В.Н. Карагодин в своих изысканиях пришел к выводу: «противодействие предварительному расследованию – это умышленные действия (или система действий), направленные на воспрепятствование выполнению задач предварительного расследования и установлению объективной истины по уголовному делу, уклонение виновного от уголовной ответственности путем воздействия на информацию о преступном деянии или ее носителя» [9: с. 18, 20]. В свою очередь С.Ю. Журавлев считает, что противодействие расследованию – это «система действий (или бездействий), направленная на достижение цели сокрытия преступления путем недопущения вовлечения его следов в сферу уголовного судопроизводства и их последующего использования в качестве судебных доказательств» [7: с. 9].

Следует обозначить, что с тех пор противодействие расследованию преступлений приобрело характер социального негативного явления и его содержание претерпело качественное изменение. Анализ литературных источников позволяет сделать вывод, что наиболее удачное определение противодействия расследованию дано в работах Р.С. Белкина. Автор отмечает: «Если раньше под противодействием расследованию понимали преимущественно различные формы и способы сокрытия преступления, то теперь это понятие наполнилось более широким содержанием и может быть определено как умышленная деятельность с целью воспрепятствования решению задач расследования и в конечном счете установлению истины по делу» [11: с. 129].

Наряду с отмеченными взглядами на данную проблематику, небезынтересно привести мнение и А.М. Кустова, который пишет, что деятельность по противодействию расследованию преступления может быть определена как система противоправных действий, направленных на дезорганизацию работы по раскрытию и расследованию преступления, воспрепятствование достижению объективной истины по уголовному делу и осуществлению правосудия, осуществляемых различными лицами, заинтересованными в уклонении от ответственности виновного [12: с. 112]. Автор вполне справедливо в определении «противодействие расследованию преступлений» усматривает некий механизм (деятельность, систему действий), представляющий возможность не только влиять на содержание деятельности по расследованию, но и изменять ее результаты.

В исследовании противодействия расследованию преступлений неоценимый вклад оказали В.П. Лавров и А.Ф. Волынский, которые понимают под ним совокупность умышленных противоправных и иных действий преступников (а также связанных с ними лиц), направленных на воспрепятствование установлению истины правоохранительными органами в их деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступных деяний [4: с. 95]. Эти исследования, несомненно, полезны, несмотря на

некоторое различие формулировок, приведенные дефиниции практически равнозначны, хотя и не всегда полно и точно отражают сущность рассматриваемого явления. На первый взгляд, безукоризненные с разных позиций, они требуют некоторого уточнения, поскольку не всегда противодействие расследованию оказывают преступники и связанные с ним лица.

Оставляя в стороне оценку представленных определений, отметим, что к проблеме преодоления противодействия расследованию не ослабевает интерес научной общественности порядка уже 20 лет. Об этом свидетельствуют десятки диссертационных и монографических работ, посвященные данной теме. Только за последние семь лет по данной проблематике защищено свыше 20 диссертаций докторского и кандидатского уровня, специально ей посвящены конференции и тематические сборники научных статей. Это обусловлено тем, что противодействие расследованию приобрело широкомасштабный характер, оно стало крайне негативным социальным явлением [2; 14; 21].

Подытоживая сказанное, еще раз отметим, что криминалистический смысл понятия «противодействия расследованию преступлений», по справедливому мнению И.А. Цховребовой, безусловно, нельзя идентифицировать с правовой материей. Понимая в широком смысле противодействие расследованию преступлений как воспрепятствование в любой форме производству всестороннего, полного и объективного расследования, очевидно, что возникающие трудности, помехи в ходе расследования не только могут, но и должны являться объектом изучения криминалистики. Поскольку одной из ее задач является разработка и совершенствование рекомендаций, направленных на совершенствование организации и планирования предварительного расследования и судебного разбирательства, оптимизацию средств, методов и приемов собирания, исследования, оценки и использования доказательств [22: с. 410].

Развитие системы научных знаний о противодействии расследованию преступлений предполагает четкое определение и форм его осуществления. Однако обычно формы противодействия, представленные в научной литературе, не носят системного характера, а представляют собой перечень актов противодействия, которые наиболее часто встречаются в правоприменительной практике.

Рассуждая относительно форм и способов противодействия расследованию преступлений, наиболее полную и развернутую классификацию форм предложил Р.С. Белкин, который считал, что по отношению к расследованию конкретного преступления следует различать внутреннее противодействие, т. е. оказываемое теми или иными лицами, причастными в любой форме к расследованию: подозреваемыми и обвиняемыми, свидетелями и потерпевшими, специалистами и экспертами, случайными лицами, оказавшимися на месте происшествия и др. и внешнее противодействие – это противодействующая деятельность лиц, либо связанных со следователем (дознавателем) процессуальными, служебными или иными властными отношениями или зависимостями [11: с. 130].

При рассмотрении этих форм противодействия в процессе расследования уголовных дел особенно важно отразить, как проявляется зависимость тех или иных форм противодействия от субъектов, их применяющих. Опрос сотрудников правоохранительных органов показывает, что в ходе раскрытия и расследования преступлений 98 % респондентов сталкивались с различными формами противодействия. При этом 67 % высказали мнение о том, что такое противодействие оказывается защитником, 91 % – подозреваемым, обвиняемым и (или) его родственниками, 26 % – иными лицами.

Со стороны подозреваемого (обвиняемого) противодействие расследованию преступлений может выражаться, с одной стороны, в действиях, прямо предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством (отказ от дачи показаний, дача ложных показаний, изменение показаний, заявление ходатайств и принесение жалоб). С другой же стороны, действия подозреваемого (обвиняемого) могут носить неправомерный характер. Например, оказание физического и/или психического воздействия на потерпевших, их родственников, свидетелей, а также следователей (дознавателей).

Результаты опроса следователей позволяют определить наиболее распространенные (типичные) способы противодействия расследованию преступлений со стороны лиц, связанных с обвиняемым. Среди них склонение других лиц к даче показаний (отмечают 58 % следователей, сталкивавшихся с противодействием этих лиц); принуждение других лиц к даче ложных показаний (35 %); склонение следователя к более мягкому законному решению (37 %); сокрытие следов преступления (68 %); склонение следователя к принятию незаконного решения (36 %); направление в различные инстанции необоснованных жалоб, заявлений и ходатайств (22 %); склонение обвиняемого к отказу от правдивых показаний (29 %); сокрытие орудий преступления (41 %); уничтожение вещественных доказательств (53 %); невыполнение требований следователя (39 %); заявление ходатайств об освобождении обвиняемого от ответственности (36 %) и др. Данный перечень не является исчерпывающим, в практике могут встретиться и иные способы.

Как свидетельствует анализ следственной и судебной практики при расследовании преступлений противодействие подозреваемого (обвиняемого), как

правило, осуществлялось следующими способами: выдвижение ложного алиби, в том числе при помощи фальсификации документов его подтверждающих; неявка по вызову следователя (дознавателя); смена местожительства; уничтожение либо сокрытие следов преступления и отдельных вещественных доказательств; симуляция психического расстройства; инсценировка другого преступления; оказание физического, психического или иного воздействия на потерпевших и свидетелей с целью склонения их к даче ложных показаний.

В то же время следует отметить, что, кроме подозреваемого и обвиняемого, противодействие расследованию преступлений оказывается и со стороны их защитников. О противодействии расследованию со стороны недобросовестных защитников отмечает и Э.У. Бабаева, которая пишет, что они «предпринимают активные действия по "развалу" уголовных дел, участвуют в подкупе и шантаже потерпевших, свидетелей, в оказании психологического давления на следователей любыми способами, в том числе с помощью средств массовой информации» [1: с. 26].

Анализ следственной и судебной практики показывает, что при расследовании преступлений противодействие защитником, как правило, осуществлялось следующими способами:

– воздействием на следователя (дознавателя) путем склонения его к принятию в рамках закона наиболее мягкого решения (например, избрание в качестве меры пресечения подписки о невыезде), либо незаконного решения (прекращение уголовного преследования, уголовного дела при наличии в действиях подозреваемого состава преступления и т. п.);

– противоправными действиями в виде дачи взятки;

– уклонением от участия в следственных действиях (как правило, мотивируется занятостью участия по другим уголовным делам);

– склонением обвиняемого к отказу от признания вины, к изменению правдивых показаний на ложные;

– оказанием посреднических действий в информационном обмене между подозреваемыми (обвиняемыми), находящимися под стражей и не выявленными или находящимися на свободе соучастниками, к которым применены меры пресечения, не связанные с помещением их в специальные учреждения (следственные изоляторы);

– реализацией действий, направленных на отстранение следователя (дознавателя) от расследования уголовного дела (например, путем написания необоснованных жалоб на действия следователя (дознавателя), воздействием через его знакомых из числа вышестоящих по должности сотрудников органов внутренних дел, прокуратуры и т. п.);

– информированием подзащитных и связанных с ними лиц о планах органов предварительного расследования, а также разглашением информации о свидетелях со стороны обвинения;

– склонением потерпевших к написанию заявления об отказе от претензий к обвиняемому, с обещанием загладить причиненный вред, предложением денежного вознаграждения, иных услуг и др.

Противодействие расследованию преступлений может быть оказано и другими участниками уголовного процесса: следователем, органом дознания, прокурором, судьей, а также потерпевшим и свидетелями, понятыми, переводчиком, экспертом, специалистом.

Противодействие со стороны потерпевшего и свидетелей носит, как правило, традиционный характер и обычно выражается в умышленном уклонении от явки к следователю, отказе от дачи показаний, изменении первоначальных показаний, невыполнении требований следователя. Понятым свойственно противодействие в форме уклонения от явки для их допроса, дачи ложных показаний о персональных данных, месте жительства. В свою очередь противодействие со стороны экспертов выражается в затягивании дачи заключения по назначенным судебным экспертизам, формулировании вероятностного вывода при возможности дать категоричный вывод, использовании в процессе экспертного исследования разрушающих методов, что приводит к утрате вещественных доказательств, даче ложного заключения.

Здесь сразу же следует оговориться, что такое противодействие со стороны экспертов, специалистов, как правило, не носит умышленный характер (исключение составляет дача ложного заключения). Вероятностное заключение может быть дано вследствие многих объективных и субъективных причин. Кроме того, затягивание сроков дачи заключения также возможно вследствие большой нагрузки экспертов. В то же время нельзя исключать воздействие на экспертов со стороны подозреваемого, обвиняемого, его защитника и других лиц, например, родственников подозреваемого (обвиняемого).

В ряде случаев жертвами преступлений являются лица, не владеющие языком, на котором ведется судопроизводство. В связи с этим при расследовании уголовных дел нередко возникают проблемы с поиском переводчиков. Со стороны данных участников уголовного судопроизводства также возможно противодействие, выражающееся в неполном переводе ответов допрашиваемого, передаче информации стороне защиты полученной при производстве следственных действий от его участников, в результате чего возможно в дальнейшем изменение показаний подозреваемым (обвиняемым) по обстоятельствам уголовного дела. При

этом данные действия переводчика можно расценивать, с одной стороны, как непрофессионализм, с другой – как содействие стороне защиты.

Необходимо также отметить, что в ходе проведенного опроса сотрудников правоохранительных органов в 68 % случаев было установлено, что противодействие расследованию преступлений активно оказывают родственники подозреваемых (обвиняемых), в частности, это воздействие на свидетелей, потерпевшего и его родственников.

Естественно, перечисленным не ограничиваются способы, к которым прибегают те или иные лица, желающие затруднить работу по уголовному делу. Как правило, конкретным видам преступлений соответствуют различные способы и формы противодействия расследованию преступлений, которые проявляются в индивидуальных действиях, имеющих своей целью сокрытие противоправного деяния, реализующиеся в виде отдельных актов, направленных на фальсификацию, утаивание, маскировку или уничтожение следов преступления, информации или ее носителей. Д.А. Керимов указывает, что реализация цели требует определенной деятельности, а также средств, с помощью которых цель объективизируется. Поэтому деятельность по реализации цели «не слепа, не зряча… ибо то, что получается в качестве результата соответствует тому, что было известно и волимо раньше» [10: с. 294]. В свое время С.Ю. Журавлев справедливо обращал внимание на то, что «…в зависимости от целей и задач, стоящих перед инициатором противодействий, маскировка последствий преступной деятельности может осуществляться по различным направлениям» [7: с. 14]. При этом некоторые способы противодействия не носят противоправный характер, а являются результатом объективных условий, которые складываются при расследовании конкретного уголовного дела. По мнению указанного автора, они выражаются в «…форме уклонения от участия в следственных действиях, в том числе и в качестве потерпевшего, понятых, свидетелей; утаивания очень многих важных для следствия сведений; определенного психологического (а порой не только психологического) давления на лиц, проходящих по делу, особенно потерпевших, свидетелей, что зачастую приводит к отказу от ранее данных показаний или существенному их изменению. Подобное противодействие ставит следователя в весьма сложное положение, так как прямое игнорирование общественной оценки деяния, отказ учета мнения населения может привести к конфликтной ситуации» [6: с. 87].

Процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, согласно статье 5 УПК РФ, представляет собой уголовное преследование, которое включает в себя такие этапы, как возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица; выдвижение подозрения в совершении преступления в отношении конкретного лица; производство следственных действий, направленных на собирание в отношении конкретного лица обвинительных доказательств и на доказывание выдвинутого обвинения; формулирование и предъявление обвинения в преступлении; направление дела в суд с обвинительным заключением; поддержание публичного и частно-публичного обвинения прокурором с целью обеспечения его законности и обоснованности в ходе судебного производства по уголовному делу. Противодействие может возникать на всех перечисленных стадиях.

Э.У. Бабаева отмечает, что противодействие расследованию преступлений включает «…противодействие, направленное против оперативно-розыскной деятельности, которая начинается иногда задолго до появления подозреваемого и продолжается на стадиях возбуждения уголовного дела, предварительного расследования, а также после осуждения преступника» [1: с. 413]. В силу этого, наиболее активно противодействие выражается на стадии предварительного расследования, но ограничивать его только конкретной стадией было бы не корректно.

Таким образом, из сказанного очевидно, что противодействие расследованию преступлений понимается не в уголовно-процессуальном контексте, как стадия уголовного процесса, а в широком смысле, как часть процесса раскрытия преступления, по существу представляющая собой исследовательскую, познавательную деятельность. Вместе с тем расследование в данном контексте следует понимать не в процессуальном смысле, а в смысле деятельности правоохранительных органов, состоящей из выявления, раскрытия, процессуального расследования, так как многие преступления даже не выявляются.

С учетом приведенных выше доводов, можно сделать вывод, что противодействие раскрытию и расследованию преступлений в самом общем виде понимается как деятельность, представляющая собой систему противозаконных целенаправленных действий, сориентированных на создание условий и обстоятельств, препятствующих восстановлению объективной картины преступного события и осуществлению правосудия, реализовываемых участниками уголовного судопроизводства и иными заинтересованными лицами.

Преодоление противодействия расследованию преступлений становится весьма актуальной задачей для теории и практики борьбы с преступностью. Необходимость в разработке криминалистических методов преодоления такого противодействия обусловливается, прежде всего, тем, что каждый субъект противодействия расследованию прес-

туплений избирает свои особые способы воспрепятствования лицам, осуществляющим предварительное расследование или правосудие. Кроме того, методы, приемы и способы преодоления противодействия, зависят от конкретной следственной ситуации, сложившейся в определенный момент расследования конкретного уголовного дела. Так, например, к способам преодоления противодействия при проведении отдельных следственных действий могут быть отнесены процессуальные меры, разнообразные тактические приемы и методы, непосредственно закрепленные в нормах уголовного и уголовно-процессуального законодательства и разработанные криминалистикой, а также применение технических средств.

В числе способов преодоления противодействия со стороны таких участников, как понятые и специалисты, можно назвать их правильный подбор, тактически грамотное руководство ими при проведении следственного действия; сообщение им информации только в необходимых пределах, т. е. лишь той части, которая необходима для проведения следственного действия строго в рамках закона; разъяснение норм закона при отказе от дачи показаний, подписи и др. Граждане, приглашаемые в качестве таковых, не должны иметь недостатков, препятствующих исполнению возложенных на них обязанностей (например, слабое зрение, слух, малограмотность, престарелый возраст и т. п.). Кроме того, немаловажную роль играет установление психологического контакта с каждым из них, а в случае отказа от участия в следственном действии необходимо либо его убедить, либо процессуально грамотно оформить такой отказ.

Участникам следственного действия необходимо тщательно разъяснять предусмотренные уголовно-процессуальным законом их права и обязанности и, в том числе необходимость удостоверить своими подписями в протоколе факт, содержание и результаты следственного действия. Для следователя необходимы проявления вежливости, корректности в обращении с гражданами, культура речи, внешний вид. При проведении таких следственных действий, как осмотр, обыск или выемка необходимо акцентировать внимание понятых на объекты поиска и места обнаружения этих объектов, чтобы понятые впоследствии не заявили, что увидели их впервые только в руках следователя, использовать при этом видеосъемку.

Для преодоления таких способов противодействия, как ложное алиби, инсценировка, сокрытие орудия преступления, уничтожение следов преступления и др., рекомендуется использовать тактические комбинации (тактические операции), оперативно-розыскные и иные мероприятия, разработанные с целью получения доказательств и для выявления, предупреждения и преодоления противодействия на всех стадиях уголовного судопроизводства. Вместе с тем для преодоления такого противодействия со стороны свидетелей, понятых, потерпевших, как неявка по вызову дознавателя, следователя, прокурора, представляется целесообразным проведение организационных мероприятий.

Таким образом, для эффективного преодоления противодействия расследованию преступлений следователь (дознаватель) должен прогнозировать действия всех участников, вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства для последующей нейтрализации противодействия с их стороны расследованию преступлений. В силу этого предлагаются следующие способы преодоления противодействия расследованию преступлений:

– привлечение отдельных участников уголовного судопроизводства к уголовной ответственности за воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования, а также за иные противоправные деяния, предусмотренные гл.31 УК РФ «Преступления против правосудия», если в их действиях содержатся признаки таких преступлений;

– применение уголовно-процессуальных мер принуждения в отношении участников уголовного судопроизводства, в соответствии со ст. 111 УПК РФ, за нарушение требований установленных уголовно-процессуальным законодательством;

– применение совокупности тактических приемов, закрепленных в нормах уголовно-процессуального законодательства при производстве отдельных следственных действий, и тактических комбинаций, направленных на устранение или нейтрализацию противодействия расследованию преступлений;

– использование в строгом соответствии с нормами УПК РФ технико-криминалистических средств и методов, направленных на выявление, фиксацию и изъятие всех следов, которые указывают на обстоятельства совершения преступления и в дальнейшем могут быть признаны доказательствами по уголовному делу, а также принятию мер по сохранению следов, выявленных при осмотре, зафиксированных и изъятых с места происшествия, своевременное пресечение действия специалистов, направленных на признание таких следов непригодными для идентификации.

Необходимо также своевременно решать организационные вопросы, связанные с устранением или нейтрализацией препятствий к допуску следственной группы на место происшествия и др.

Способы преодоления противодействия, носящие организационно-тактический характер, включают в себя повторное направление требований или запросов с указанием в них конкретных сроков исполнения, направление напоминаний об исполнении требова-

ния, воздействие на исполнителей через вышестоящих руководителей, воздействие с помощью руководителей правоохранительных органов, установление личных контактов, разъяснение сути требования и важности его своевременного исполнения, нейтрализация мотивов противодействия и т. п.

В случае возникновения сомнений в достоверности представленных сведений следователь (дознаватель) может проверить их, используя другие, более достоверные источники. В необходимых случаях могут назначаться повторные и дополнительные судебные экспертизы, например, для установления истинного состояния здоровья обвиняемого или для проверки подлинности подписей должностных лиц, так как они могли быть подделаны заинтересованными лицами. Подобные меры в большинстве случаев дают желаемый эффект и их реализация позволит противостоять попыткам субъектов противодействия исказить информацию, тем самым создав определенные трудности при расследовании уголовного дела.

При получении вербальной информации в ходе производства, например, таких следственных действий, как допрос, очная ставка, проверка показаний на месте, следственный эксперимент и др., строго соблюдать принцип неразглашения данных предварительного расследования, а также исключить передачу информации, касающейся дальнейшего расследования, своевременное предупреждение ложных показаний, оговора и самооговора, изменения показаний, отказа от первоначальных показаний, процессуальных нарушений в протоколах следственных действий (например, возможная фальсификация). Целесообразно своевременно и правильно процессуально оформлять применение в ходе следственных действий средств криминалистической техники, а также привлекать специалистов в ходе их производства.

Таким образом, способы преодоления противодействия расследованию преступлений могут быть использованы при расследовании конкретных уголовных дел и включать следующие действия: 1) применение мер, направленных на не разглашение данных предварительного расследования при проверке сообщений о преступлении, о планах производства следственных действий, хода их проведения и содержания; 2) осуществление оперативно-розыскных мероприятий, направленных на выявление и устранение воздействия (путем угроз, подкупа, уговоров) на следователя, потерпевшего и свидетелей обвинения со стороны защитника, должностных лиц органов власти, управления и правоохранительных органов, связанных с лицами, совершившими преступления или их родственниками; 3) нейтрализация актов противодействия со стороны должностных лиц учреждений и предприятий, СМИ, заинтересованных в сокрытии преступления; 4) обеспечение мер безопасности участникам уголовного процесса; 5) разоблачение инсценировок при осмотре места совершения преступления, ложного алиби; 6) пресечение воздействия на понятых, специалистов, экспертов и другие меры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабаева, Э.У.* К вопросу о понятии противодействия / Э.У. Бабаева // Расследование и противодействие ему в состязательном уголовном судопроизводстве: процессуальные и криминалистические вопросы: сб. науч. трудов. – М., 2007.

2. *Бабаева, Э.У.* Основы криминалистической теории преодоления противодействия уголовному преследованию: дис. ... д-ра юрид. наук / Э.У. Бабаева. – М., 2006.

3. *Белкин, Р.С.* Очерки криминалистической тактики / Р.С. Белкин. – Волгоград, 1993.

4. *Волынский, А.Ф.* Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений (проблемы теории и практики): матер. науч.-прак. конф. (1996 г., г. Руза) / А.Ф. Волынский, В.П. Лавров. – М., 1997.

5. *Даль, В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 3 / В.И. Даль. – М., 1990.

6. *Журавлев, Р.А.* Проблемы организации и тактики расследования преступлений в сельской местности / Р.А. Журавлев // Проблемы предварительного следствия и дознания. – М., 1992.

7. *Журавлев, С.Ю.* Противодействие деятельности по раскрытию и расследованию преступлений и тактика его преодоления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С.Ю. Журавлев. – Н. Новгород, 1992.

8. *Зуйков, Г.Г.* Исследование способов совершения преступлений и уклонения от ответственности как предпосылка повышения эффективности планирования расследования / Г.Г. Зуйков // Версии и планирование расследования: межвуз. сб. науч. трудов. – Свердловск, 1985.

9. *Карагодин, В.Н.* Преодоление противодействия предварительному расследованию / В.Н. Карагодин. – Свердловск, 1992.

10. *Керимов, Д.А.* Методология права (предмет, функции, проблемы философии права) / Д.А. Керимов. – М., 2000.

11. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования / под ред. Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина. – М., 1997.

12. *Кустов, А.М.* Механизм преступления и противодействие его расследованию / А.М. Кустов. – Ставрополь, 1997.

13. *Лапин, В.О.* Расследование посягательств на жизнь, здоровье, честь, достоинство и имущество лиц, выявляющих и расследующих налоговые правонарушения / В.О. Лапин; под ред. В.П. Лаврова. – М., 2006.

14. *Николайчук, И.А.* Сокрытие преступлений как форма противодействия расследованию: дис. ... д-ра юрид. наук / И.А. Николайчук. – Краснодар, 2000.

15. *Ожегов, С.И.* Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М., 1999.

16. Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений: матер. науч.-прак. конф. – М., 1997.

17. Проблемы преодоления противодействия расследованию преступлений: сб. науч. статей. – М., 2007.

18. Проблемы противодействия преступности в современных условиях: матер. междунар. науч.-прак. конф. – Уфа, 2003.

19. Расследование и противодействие ему в состязательном уголовном судопроизводстве: процессуальные и криминалистические вопросы: сб. науч. трудов. – М., 2007.

20. Словарь русского языка. В 4 т. Т. 3 / под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 1987.

21. *Трухачев, В.В.* Правовые и криминалистические средства предупреждения, выявления и нейтрализации преступного воздействия на доказательственную информацию: дис. ... д-ра юрид. наук / В.В. Трухачев. – Воронеж, 2001.

22. *Цховребова, И.А.* Допустимо ли относить адвоката-защитника к субъектам противодействия расследованию? / И.А. Цховребова // Расследование и противодействие ему в состязательном уголовном судопроизводстве: процессуальные и криминалистические вопросы: сб. науч. трудов. – М., 2007.

К ВОПРОСУ О ВОВЛЕЧЕНИИ ПОТЕРПЕВШЕГО В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

С.А. Синенко

Синенко Сергей Андреевич – кандидат юридических наук, доцент, начальник Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России.

Контактный адрес: sergei.sinenko@mail.ru

В работе исследуется порядок признания лица потерпевшим по уголовному делу, в результате чего он наделяется предусмотренными УПК РФ статусом для защиты своих прав и законных интересов, нарушенных преступлением. Делается вывод, что существующий порядок далек от совершенства и ограничивает потерпевшему доступ к правосудию, гарантированный Конституцией РФ. Анализ уголовно-процессуального и уголовно-правового законодательства, а также других нормативно-правовых актов, статуса иных участников уголовного процесса свидетельствует, что лицо, понесшее вред от совершенного преступления фактически сразу становится обладателем предусмотренных законодательством прав для отстаивания своих прав и интересов, чем он и должен обладать и юридически. Обосновывается мнение о том, чтобы в законе ограничиться только первым предложением, содержащимся в ч. 1 ст. 42 УПК РФ.

Такой подход к введению потерпевшего лица в уголовное судопроизводство позволяет ему частично сбалансировать правовой статус со статусом участников, отнесенных законодателем к стороне защиты, что позволит более эффективно и на ранних этапах обеспечить ему защиту своих прав и законных интересов. Делается вывод о том, что потерпевшее лицо должно быть активным участником уголовного процесса и до возбуждения уголовного дела. Информации, подтверждающей возникновение негативных последствий наделения потерпевшего уголовно-процессуальным статусом сразу, например, при подаче им заявления в правоохранительные органы, не имеется, с другой стороны, как промедление с таким наделением негативно отражается на участи потерпевшего при защите своих прав и законных интересов.

Ключевые слова: потерпевший, статус потерпевшего, заявление о преступлении, стадия возбуждения уголовного дела, защита прав и интересов, состязательность, момент совершения противоправного деяния, постановление о признании потерпевшим, участники уголовного процесса, дела частного обвинения, доступ к правосудию.

Устоявшаяся десятилетиями позиция о том, что потерпевшим является лицо, которому причинен вред преступлением и признанное таковым в соответствующем постановлении следователя, дознавателя, судьи (определении суда), в последнее время все больше подвергается обоснованной критике. Действительно, современное состояние развития российского общества и уголовно-процессуальной науки свидетельствуют о том, что такое представление должно быть пересмотрено. Этому способствует и складывающаяся правоприменительная практика.

Прежде всего, обращается внимание на то, что законодателем не обозначен момент появления в уголовно-процессуальном производстве рассматриваемого субъекта, а значит, этот вопрос полностью зависит от усмотрения следователя. То есть «…в досудебном производстве потерпевший оказывается в полном неведении относительно того, когда он будет признан и станет полноправным участником уголовного судопроизводства и может реализовать принадлежащие ему права» [18: с. 511].

Анализ правоприменения полностью подтверждает опасения ученых. По изученным нами уголовным делам решение о признании лица потерпевшим в течение 10 дней после возбуждения уголовного дела принималось лишь в 14,2 % случаев, в течение месяца – 45,7 % случаев [7: с. 70]. Более того, были выявлены ситуации, когда следователь вообще «забывал» признать лицо потерпевшим[1].

В связи с этим все чаще предлагается признавать лицо потерпевшим одновременно с возбуждением уголовного дела, о чем указывать в соответствующем постановлении. Однако аргументируется такой подход по-разному. Так, А.В. Гриненко сравнивает эту ситуацию с моментом возникновения статуса подозреваемого в связи с возбуждением уголовного дела в отношении лица. При этом отмечает, что такому участнику обеспечивается реальная возможность защищать свои интересы посредством предоставленных прав. Далее автор пишет: «Не требуется никаких теоретических построений, чтобы признать целесообразность и справедливость нормы, в соответствии с которой лицо должно признаваться потерпевшим уже с момента возбуждения уголовного дела, если в постановлении содержится указание на причинение ему того или иного вреда. Это создаст действительно равные возможности для стороны обвинения и защиты» [4: с. 51].

По мнению В.Г. Ульянова «… для признания потерпевшим и для возбуждения уголовного дела устанавливаются одни и те же основания, а поэтому эти два решения должны совпадать» [17: с. 110].

[1] Для изучения путем случайной выборки были отобраны 200 уголовных дел, находящихся в архивах районных судов гг. Владивостока, Н. Новгорода и Омска.

На этих же суждениях построена позиция и некоторых других авторов [8: с. 111; 10: с. 91; 19: с. 6].

Третья группа авторов отмечает, что чем скорее будет вынесено постановление о признании лица потерпевшим от преступления, тем больше шансов появляется у него на эффективное участие в расследовании преступления. Чтобы не ущемлять прав пострадавшего, разрыв во времени здесь должен быть минимальным [2: с. 18; 7: с. 69–70; 11: с. 195].

В данном случае уместны все из предложенных аргументов. Действительно, реализация таких предложений позволит частично сбалансировать правовой статус потерпевшего со статусом участников, отнесенных законодателем к стороне защиты, позволит более эффективно и на ранних этапах обеспечить защиту прав и интересов потерпевшего. Поэтому, на наш взгляд, не следует рассматривать их в отрыве друг от друга.

Считаем необходимым отметить, что подобное правило применяется в ряде зарубежных государств, причем и из числа тех, которые ранее входили в состав СССР. Так, в ст. 210.3 УПК Азербайджанской Республики указано: «Если в момент возбуждения уголовного дела известно лицо, пострадавшее от преступления, одновременно с возбуждением уголовного дела лицо признается потерпевшим» [16: с. 552].

Бесспорно, что реализация рассматриваемого предложения будет являться прогрессивным шагом на пути совершенствования законодательства. Но этим проблема вовлечения потерпевшего в уголовное судопроизводство решена не будет. Указанный выше подход не предполагает существования фигуры потерпевшего в первоначальной стадии уголовного процесса – он появится только в завершении этой стадии при принятии решения о возбуждении уголовного дела. Поэтому для комплексного решения обозначенного вопроса требуется несколько иной подход.

Рассматривая проблемы, касающиеся защиты на первоначальном этапе уголовного судопроизводства прав и законных интересов лица, пострадавшего от преступления, авторы, как правило, делают оговорку о том, что употребление в данном случае термина «потерпевший» не корреспондирует с дефиницией, содержащейся в ч. 1 ст. 42 УПК РФ [6: с. 81], либо категорично заявляют о невозможности существования такого участника до решения вопроса о возбуждении уголовного дела [7].

Вместе с тем анализ УПК РФ позволяет утверждать, что потерпевший как участник уголовного судопроизводства существует в стадии возбуждения уголовного дела. Поэтому обозначенные выше суждения, особенно выраженные в категоричной форме, должны использоваться с определенной степенью осторожности. Приведем аргументы.

В части 2 ст. 20 УПК РФ, определяя общие особенности производства по делам частного обвинения, законодатель указывает, что такие дела возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего или его законного представителя. Аналогичным образом законодатель предписывает возбуждать уголовные дела и частно-публичного обвинения (ч. 3 ст. 20 УПК РФ). О заявлении потерпевшего (точнее об его отсутствии) упоминается и в ч. 4 указанной статьи, а также в п. 5 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, содержащей основания для отказа в возбуждении уголовного дела. При этом очевидно, что термин «потерпевший» употребляется в тексте закона в ином значении, нежели он определен в ч. 1 ст. 42 УПК РФ.

Это дает основание предполагать, что потерпевший от преступления как потенциальный участник правоотношений, появляется еще до того, как он обратится с заявлением о преступлении. Кстати, если исходить из основных положений уголовно-правовой науки, то обязанность лица, совершившего преступление, понести наказание (ответственность) возникает в момент совершения противоправного деяния [9: с. 21; 15: с. 50]. Очевидно, и у потерпевшего в этот момент должно возникать корреспондирующее право требовать применения к этому лицу наказания?

На данную несогласованность в использовании юридической терминологии обращалось внимание еще во время действия УПК РСФСР. В тот период, как и в современном уголовно-процессуальном праве, применительно к делам частного и частно-публичного обвинения термин «потерпевший» употреблялся для обозначения лица, которому причинен вред преступлением, на этапе обращения в правоохранительные органы с заявлением о преступлении, т. е. в первоначальной стадии уголовного процесса. Акцентируется на этом внимание и современными исследователями. Предлагались и предлагаются различные способы корректировки юридической терминологии. Однако законодатель ими не пользуется.

Более того, в ч. 1 ст. 318 УПК РФ указано, что дела частного обвинения возбуждаются путем подачи потерпевшим или его законным представителем заявления в суд. Буквальное толкование этого предписания позволяет утверждать, что такой участник уголовного судопроизводства, как потерпевший, не только существует на первоначальном этапе судопроизводства, но еще и обладает правом принимать процессуальное решение о возбуждении уголовного дела. Следует напомнить, что по делам данной категории вообще не предполагается вынесение постановления о признании лица потерпевшим.

Таким образом, законодатель, употребляя в тексте УПК РФ термин «потерпевший», использует непоследовательность, в том числе дающую возмож-

ность утверждать, что потерпевший может являться участником стадии возбуждения уголовного дела.

На наш взгляд, к этому, отчасти, подталкивает и дефиниция, имеющая место в ч. 1 ст. 42 УПК РФ. Приведем содержащийся в ней текст закона: «Потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. Решение о признании потерпевшим оформляется постановлением дознавателя, следователя или суда». Эта правовая конструкция далеко не идеальна. С позиции интересующих нас вопросов сразу бросается в глаза следующее несоответствие: если потерпевшим является (т. е. существует как потерпевший) лицо, которому преступлением причинен вред, как это указано в первом предложении, то почему его надо еще признавать таковым, как это предписано во втором предложении?

На этом фоне вполне логичным выглядит положение, содержащееся в п. 3 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве»: «В силу части 1 статьи 42 УПК РФ лицо, которому преступлением причинен вред, приобретает предусмотренные уголовно-процессуальным законом права и обязанности с момента вынесения дознавателем, следователем, руководителем следственного органа или судом постановления о признании его потерпевшим. Вместе с тем следует иметь в виду, что правовой статус лица как потерпевшего устанавливается исходя из фактического его положения и лишь процессуально оформляется постановлением, но не формируется им» [1: с. 11]. Таким образом, высший судебный орган различает фактический и юридический аспект понимания потерпевшего. При этом приоритет отдается фактическому положению лица. Об этом свидетельствует и предписание, сформулированное в п. 4 данного Постановления: «Когда по поступившему в суд уголовному делу будет установлено, что лицо признано потерпевшим без достаточных к тому оснований, предусмотренных статьей 42 УПК РФ, суд выносит постановление (определение) о том, что такое лицо ошибочно признано потерпевшим по данному делу, и разъясняет ему право на обжалование принятого судом решения в кассационном (апелляционном) порядке».

Фактическому аспекту в понимании потерпевшего придает особое внимание и Конституционный суд РФ. В разные годы в своих решениях он отмечал: «Гарантируемые Конституцией Российской Федерации права и свободы человека и гражданина должны обеспечиваться лицу в уголовном судопроизводстве не зависимо от формального признания его участником производства по уголовному делу, исходя из наличия определенных сущностных признаков, характеризующих фактическое положение этого лица как нуждающегося в обеспечении соответствующего права» [13]. Правовой статус потерпевшего определяется из фактического положения, независимо от формального признания его таковым [12].

Не оставлен без внимания этот вопрос и в юридической литературе. Так, В.В. Груздев обоснованно отмечает, что «в правовом состоянии личности, как в фокусе, сходятся две стороны права как социального феномена: во-первых, фактическая обусловленность, состоящая в конкретных фактических жизненных обстоятельствах (его связь с реальными людьми, многообразием их свойств, которые возникают, изменяются, прекращаются), содержащаяся в гипотезе нормы права, и, во-вторых, нормативное выражение, предусмотренное в диспозиции правовой нормы» [5: с. 4]. И далее автор указывает на необходимость решения проблемы сближения правового регулирования и фактической основы.

Следует иметь в виду, что лицо, являющееся потерпевшим фактически, не так уж и бесправно. Оно способно защитить свои интересы посредством, так называемого, общеправового статуса. Причем его сопоставление с процессуальным статусом потерпевшего позволяет обнаружить значительное сходство. Так, в соответствии с Конституцией РФ основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат ему от рождения (ч. 2 ст. 17); органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомиться с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы (ч. 2 ст. 24); каждый имеет право на пользование родным языком (ч. 2 ст. 26); граждане РФ имеют право лично обращаться в государственные органы (ст. 33); каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод, решения и действия (или бездействие) органов государственной власти могут быть обжалованы в суд (ст. 46); права потерпевших от преступлений охраняются законом (ст. 52) и др.

Кроме того, в УПК РФ закреплен ряд прав, которыми в равной мере могут пользоваться все участники уголовного судопроизводства, т. е. лица, принимающие участие в уголовном процессе (п. 58 ст. 5 УПК РФ). Так, в ст. 123 УПК РФ указано, что действия (бездействие) должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, могут быть обжалованы участниками уголовного судопроизводства, а также иными лицами, чьи интересы затронуты этими действиями и решениями. В пункте 2 Постановления Пленума Верховного суда РФ № 1 от 10 февраля 2009 г. «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»

[14] конкретизируется, что, помимо постановлений дознавателя, следователя, руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела судебному обжалованию в соответствии с ч. 1 ст. 125 УПК РФ подлежат иные решения и действия (бездействие) должностных лиц, принятые на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, если они способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства или иных лиц, чьи права и законные интересы нарушены, либо могут затруднить доступ граждан к правосудию. Далее дается пояснение, о каких иных решениях и действиях идет речь, дается их перечень. В этом списке, в частности, указаны: отказ в приеме сообщения о преступлении либо бездействие при проверке этого сообщения.

Таким образом, лицо, фактически являющееся потерпевшим от преступления, обладает достаточно широким объемом прав для защиты своих интересов в уголовном судопроизводстве. В связи с этим возникает вопрос: для чего нужна формальная процедура признания этого участника потерпевшим? Не проще ли было в законе ограничиться только первым предложением, содержащимся в ч. 1 ст. 42 УПК РФ, где говорится, что потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации.

Считаем также необходимым обратить внимание, что не только в ч. 1 ст. 42 УПК РФ, но и в ряде других случаев приобретение статуса связывается с определенными обстоятельствами. В таких ситуациях законодатель, формулируя понятие участника судопроизводства, подобным образом использует слово «является». Например, частным обвинителем является лицо, подавшее заявление в суд по делу частного обвинения (ч. 1 ст. 43 УПК РФ). Несколько иначе момент появления в уголовном процессе этого участника обозначен в ч. 7 ст. 318 УПК РФ, где говорится, что лицо, подавшее заявление, является частным обвинителем с момента принятия судом к своему производству заявления по делу частного обвинения. Несмотря на некоторую несогласованность в законе, появление рассматриваемого участника связано с определенным юридическим фактом и никаких иных решений (в том числе документально оформленных) для собственно наделения лица соответствующим статусом не требуется. С одного из этих моментов частный обвинитель наделяется соответствующими правами (ч. 2 ст. 43 УПК РФ). Подобным образом законодатель определяет подозреваемого в совершении преступления (ч. 1 ст. 46 УПК РФ). При этом вынесение постановления о признании лица подозреваемым не требуется.

Вовлечение лица, фактически являющегося потерпевшим, в уголовное судопроизводство также может быть связано с определенным юридическим фактом, например, обращением с заявлением о преступлении. Такой подход используется в ряде стран. Например, согласно ст. 85 УПК Франции «Всякое лицо, которое считает себя пострадавшим от преступления или проступка, может путем подачи жалобы компетентному лицу занять положение гражданского истца», что влечет обязательное уголовное преследование. Потерпевший (или гражданский истец – что синонимы в УПК Франции) может самостоятельно начать уголовное преследование либо вступить в процесс в качестве стороны обвинения. Его права «столь же обширны, как и у обвиняемого и до некоторой степени как у прокурора» ибо логика развития французского уголовного процесса постепенно приводила к выравниванию прав потерпевшего и обвиняемого [3: с. 78].

Положив в основу понятия потерпевшего только фактическую его составляющую, мы могли бы решить большую часть тех проблемных вопросов, которые изложены выше, и, в первую очередь, наделить лицо необходимыми для защиты своих интересов правами на самом раннем этапе.

Вместе с тем нельзя не учитывать значимость юридического аспекта понимания потерпевшего. Не исключены ситуации, когда лицо может ошибочно отнести себя к числу потерпевших от преступления. Правоприменители также не застрахованы от ошибок в этой сфере. Поэтому в уголовном судопроизводстве нельзя ориентироваться только на фактический статус потерпевшего. Для ввода потерпевшего в уголовный процесс необходимы также уголовно-правовые основания, т. е. причинение вреда преступлением, а не иным правонарушением. Оценку же произошедшего события вправе осуществить не само пострадавшее лицо, а правоприменитель, осуществляющий производство по делу. Это свидетельствует о том, что без учета юридической (уголовно-процессуальной) составляющей в этом вопросе не обойтись. Справедливости ради следует отметить, что никто из исследователей не занимался изучением тех последствий, которые возникают при ошибочном признании лица потерпевшим и влиянии их на судопроизводство. Поэтому говорить о том, что такое явление оказывает негативное влияние на уголовное судопроизводство, по крайней мере, не корректно. А вот непризнание лица потерпевшим существенно ограничивает права одного из центральных участников уголовного процесса.

Уголовно-процессуальными основаниями считать конкретное лицо потерпевшим выступают достаточные данные, указывающие на то, что вред ему причинен именно преступлением. Очевидно поэтому во втором предложении, содержащемся в ч. 1 ст. 42 УПК РФ, законодатель и излагает процедуру признания лица потерпевшим.

Но, с учетом наличия в понимании потерпевшего фактической составляющей, причем играющей достаточно важную роль, нам представляется не-

удачной форма вовлечения потерпевшего в уголовное судопроизводство, которая определена законодателем как признание. Такой подход позволяет существовать лицам, потерпевшим фактически, но не признанными юридически. Причем, непризнанными их считает не государство, а отдельное должностное лицо (например, следователь или дознаватель).

Законодатель указывает несколько способов введения в производство по уголовному делу участников судопроизводства. Путем признания в производстве по уголовному делу появляется гражданский истец (ч. 1 ст. 44 УПК РФ). Однако гражданский ответчик вовлекается в уголовное судопроизводство путем привлечения (ч. 1 ст. 54 УПК РФ). Таким же образом появляется специалист (ч. 1 ст. 58 УПК РФ), понятой (ч. 1 ст. 60 УПК РФ), переводчик (ч. 1 ст. 59 УПК РФ). Хотя применительно к последнему в законе употреблено еще и слово «назначение» (ч. 2 ст. 59 УПК РФ). В ряде случаев предусматривается появление того или иного субъекта в связи с его допуском к участию в деле. Это относится к представителям (в том числе законным) потерпевшего, гражданского истца, частного обвинителя (ст. 45 УПК РФ), защитнику (ч. 2 ст. 49 УПК РФ), представителю гражданского ответчика (ч. 1 ст. 55 УПК РФ). При этом, как видно из приведенных примеров, законодатель строго не придерживается используемой терминологии и не всегда четко учитывает семантику используемых слов.

Применительно к потерпевшему был использован смешанный способ. В соответствии с ч. 1 ст. 42 УПК РФ он и является таковым и признается. Правильность такого подхода вызывает сомнения. Если, как мы отмечали выше, лицо фактически становится потерпевшим в момент совершения преступления, то теряется смысл в последующем признании его таковым. Подобное имеет место в отношении законного представителя, адвоката, некоторых других участников. Поэтому законодатель правильно, на наш взгляд, использовал применительно к этим субъектам термин «допускается». Но, все-таки, с потерпевшим ситуация несколько иная. В отличие, например, от адвоката, статус которого юридически удостоверен, и следователь решает вопрос только о его допуске к производству по уголовному делу, фактическое положение потерпевшего требует подтверждения.

Для того чтобы сбалансировать фактические и юридические начала в понимании потерпевшего, по мнению автора, необходимо считать его таковым с момента совершения преступления, а в ходе уголовного судопроизводства, после установления необходимых оснований, подтверждать статус потерпевшего посредством принятия об этом решения, облекаемого в письменную форму. Такое решение может содержаться как в обособленном акте, так и в документе, отражающем иные решения, например, о возбуждении уголовного дела.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бюллетень* Верховного суда РФ. – 2010. – № 9.

2. *Голиков, О.В.* Совершенствование российского законодательства в сфере защиты потерпевшего в уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук / О.В. Голиков. – М., 2003.

3. *Головко, Л.В.* Дознание и предварительное следствие в уголовном процессе Франции / Л.В. Головко. – М., 1995.

4. *Гриненко, А.В.* Потерпевший должен иметь не меньше процессуальных прав, чем обвиняемый / А.В. Гриненко // Российская юстиция. – 2002. – № 9.

5. *Груздев, В.В.* Теория правового состояния личности: автореф. дис. … д-ра юрид. наук / В.В. Груздев. – Нижний Новгород, 2012.

6. *Жеребятьев, И.В.* Личность потерпевшего в современном уголовном судопроизводстве России: монография / И.В. Жеребятьев. – Оренбург: РИК ГОУ ОГУ, 2004.

7. *Иванов, Д.А.* Защита следователем прав и законных интересов юридических лиц, потерпевших от преступлений / Д.А. Иванов. – М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2009.

8. *Игнатьева, М.В.* Процессуальные и организационные вопросы соблюдения прав и законных интересов потерпевших и обеспечение их личной безопасности: дис. … канд. юрид. наук / М.В. Игнатьева. – М., 2000.

9. *Казаченко, И.Я.* Уголовная ответственность: мера и форма выражения: лекция / И.Я. Казаченко. – Свердловск, 1987.

10. *Колдин, С.В.* Защита прав и законных интересов потерпевшего по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук / С.В. Колдин. – Саратов, 2004.

11. *Мисник, И.В.* Понятие потерпевшего по УПК РФ / И.В. Мисник // Международные юридические чтения: материалы науч.-практ. конф. – Омск: Омский юридический институт, 2004.

12. *Определение* Конституционного суда РФ № 131-О от 18 января 2005 г. // СПС «Гарант» (дата обращения: 31 апреля 2012 г.).

13. *Постановление* Конституционного суда РФ от 23 марта 1999 г. № 5-П // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 14. – Ст. 1749.

14. О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного суда РФ № 1 от 10 февраля 2009 г. // Российская газета. – 2009. – 18 февраля. – № 27.

15. *Уголовное* право России. Части общая и особенная: учебник / М.П. Журавлев, А.В. Наумов [и др.]. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, изд-во Проспект, 2003.

16. *Уголовно*-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики. Утвержден Законом Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 г., вступил в силу с 1 сентября 2000 года. – Баку: Изд-во «Юридическая литература», 2012.

17. *Ульянов, В.Г.* Реализация прав потерпевших в российском уголовном процессе / В.Г. Ульянов. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.

18. *Щерба, С.П.* Механизмы доступа потерпевшего к правосудию и проблемы их модернизации / С.П. Щерба // Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – М.: МАЭП, 2011.

19. *Щерба, С.П.* Охрана прав потерпевших и свидетелей по уголовным делам: науч.-практ. пособие / С.П. Щерба, О.А. Зайцев. – М.: Спарк, 1996.

О РЕФОРМЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ: КОНСТИТУЦИОННЫЙ ДИАЛОГ

И.М. Филянина

Филянина Ирина Михайловна – кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского, предпринимательского и транспортного права Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

Контактный адрес: imfilyanina@festu.khv.ru

Рассматриваются вопросы реформирования избирательных систем исходя из постулата незыблемой связи избирательной системы и основ конституционного строя, акцентируется внимание на возможность преемственности некоторых институтов государственного права зарубежных стран в российскую практику. Избирательные системы рассматриваются как инструментарий при реализации народного представительства. Вскрываются сильные и слабые стороны пропорциональной избирательной системы, поскольку именно данная разновидность позволяет сформировать нижнюю палату парламента России – Государственную думу Федерального собрания Российской Федерации. Подчеркивается, что введение пропорциональной избирательной системы на ранней стадии развития демократии приводит к неустойчивости партийной системы, в то время, как мажоритарная избирательная система способна обеспечить устойчивую связь между избирателями и кандидатом. Высказываются заслуживающие внимания предложения по совершенствованию конституционно-правового регулирования избирательной системы при выборах депутатов ГД ФС РФ. Представлен анализ особенностей выборов в Законодательную думу Хабаровского края четвертого и пятого (действующего) созывов.

Ключевые слова: избирательная система, государственная власть, закон, мажоритарная избирательная система, пропорциональная избирательная система, народное представительство, многопартийность, заградительный барьер, преференция.

Зарубежная практика конституционализма довольна богата. Различные конституционные модели оформления государственной власти, избирательной системы, правового статуса личности, института гражданства, закрепления местного самоуправления и другие институты урегулированы нормами писанных или неписанных конституций. Отечественная практика развития конституционализма также представляет интерес. Вот почему следует подробнее изучать взаимные достижения с тем, чтобы оптимизировать собственные реалии, однако, не следует их слепо копировать или преувеличивать их значение.

Конституционное развитие всегда находится под пристальным вниманием ученых и научной общественности. Так, 28–29 мая 2010 г. в Санкт-Петербурге состоялась Международная научная конференция «Общее и особенное в современном экономическом и конституционно-правовом развитии постсоветских государств», в рамках которой с докладом «Конституционно-правовое развитие в зеркале общественной трансформации» выступил Председатель Конституционного суда Республики Армения, доктор юридических наук, профессор Г.Г. Арутюнян. Акценты, расставленные в докладе Г.Г. Арутюняном, справедливы. В частности, он сделал вывод о том, что общественный организм постсоветских стран оказался недостаточно подготовленным к имплантации европейских конституционных моделей и ценностей. Докладчик определил причины кризисных явлений в конституционном развитии постсоветских государств и предложил пути их решения. Действительно, за последнее время накопилось достаточно опыта во всех постсоветских государствах в области конституционно-правового развития, среди них есть определенные положительные результаты и именно они заслуживают внимания, хотя интересны и отрицательные «показатели», которых следует избегать в собственном опыте. Основные положения доклада Г.Г. Арутюняна сводятся к тому, что общими характеристиками системной трансформации конституционно-правового характера являются:

– неустойчивость и неопределенность в общественном развитии и углубление кризиса доверия;

– серьезные упущения и недоработки в осуществлении ценностно-системных преобразований;

– неполноценность формирования гражданского общества;

– несоответствие социальных ориентиров общества конституционно провозглашенным демократическо-правовым ценностям, по образному выражению профессора «наличие существенного дефицита конституционализма»;

– низкий уровень функциональной и институциональной дееспособности институтов власти;

– антагонизм между политикой и конституционностью принимаемых решений;

– накопление определенной отрицательной общественной энергии (как следствие всего вышеизложенного) [1].

Вслед за профессором В.Д. Зорькиным – Председателем Конституционного суда Российской Федерации – можно смело утверждать, что «реальность нашей жизни регрессивна» [7: с. 6]. Обоснованностью

подобного утверждения выступает тот факт, что заявленные в основных законах постулаты о правовом государстве, народовластии, верховенстве права – равенство, толерантность, плюрализм, механизмы защиты прав личности и другие общепризнанные ценности – составляют основу конституционных решений. Вместе с тем в каждой стране (объектом сравнительного исследования, по заявлению докладчика, стали аксиологические характеристики почти 140 стран) имеет место оторванность основополагающих конституционных ценностей и принципов от социальной действительности. Проявляется это в низком уровне конституционной культуры, системной неполноценности механизмов обеспечения верховенства права, наличие деформированной, внутренне противоречивой правовой системы, отсутствие единого ценностно-системного понимания социальных ориентиров общественного развития. Поэтому ставится основная задача – последовательность в конституционализации общественных отношений с преодолением конфликта между конституцией и правовой системой в целом. Конституционная конфликтология показывает, что, выбор пути внедрения модельных конституций в странах требует имплементации в основном общеевропейских ценностей и как результат – имплантация этих же ценностей. Однако общественный организм этих стран оказался недостаточно подготовленным к подобной имплантации, в результате чего деформации основополагающих конституционных ценностей в общественной практике многих переходных стран приобретают системный и углубляющийся характер.

Главные деформации имеют место в правотворческом процессе, когда правовое регулирование в значительной мере исходит из текущей необходимости. В этом также причина того, что возникает противоречивость и неустойчивость в самом законодательстве. Примером можно привести опять-таки ситуацию в Армении, когда после конституционных изменений 2005 г. была предоставлена возможность обращения в Конституционный суд по вопросу конституционности нормативных актов Президенту Республики Армения, одной пятой части депутатов Национального собрания, Правительству, судам, Генеральному прокурору, защитнику прав человека, органам местного самоуправления и гражданам[1]. За этот период Конституционный суд получает тысячи индивидуальных жалоб, на основе которых почти каждый месяц отдельные положения разных законов признаются противоречащими Конституции и недействительными. Приведем конкретные цифры: с начала 2008 г. в Российской Федерации по 22 делам нормы законов Конституционным судом были полностью или частично признаны неконституционными, в Армении – по 28 делам. Это в том случае, когда во многих других странах постсоветского пространства этот показатель очень низкий и составляет 3–4 дела за весь исследуемый период. Хотя другая сторона медали такова, что дееспособность конституционного правосудия существенно способствует установлению конституционной законности в стране.

Деформации распространяются и в правоприменительной практике, когда законодательная целесообразность обусловливается «субъективной целесообразностью». На этом уровне основополагающие конституционные ценности играют роль дымовой завесы для реализации от имени закона политической и личной целесообразности. В этом звене низок уровень аксиологического восприятия Конституции, часто приводящий к антагонизму государственного и общественного восприятия этих ценностей, в результате чего растет накопление отрицательной общественной энергии. Следует помнить, что государственная политика не может обслуживаться текущей целесообразностью, обслуживать бюрократические, клановые и криминальные интересы. Каждое правовое решение должно исходить из принципа верховенства права, что является гарантией стабильности и развития.

Первоочередной задачей общественной трансформации становится установление конституционализма и гарантирование устойчивости конституционно-правовых развитий. Эти процессы требуют определенной политической и конституционной культуры, гарантирования верховенства права. Вполне логично предложение исследователей о необходимости изучения аксиологических проблем Конституции, т. е. тех ценностных основ, на которых базируется как сама Конституция, так и общественная система. Например, Г.Г. Арутюнян предлагает разрабатывать такое направление научной действительности, как конституционная аксиология; опираясь на проведенное исследование аксиологических характеристик, напомним, почти 140 стран, один из выводов, к которым пришел автор, заключается в том, что трудно найти конституцию какой-либо страны, в которой ценностно-системные подходы были бы в полной мере тождественны конституции другой страны. Каждая страна принимает свою доктрину конституционной аксиологии. Это свидетельствует о том, что конституция не является экспортируемым или импортируемым товаром, но выступает построенным на ценностно-системных обобщениях данного социального общества взаимосогласием в отношении основополагающих правил общежития.

[1] Сравним: отечественный Основной закон статьей 125 закрепляет перечень следующих субъектов, обладающих правом обращения в Конституционный суд Российской Федерации по запросам о соответствии актов Конституции РФ: Президент РФ, Совет Федерации, Государственная дума, одна пятая членов Совета Федерации или депутатов Государственной думы, Правительство РФ, Верховный суд РФ, Высший арбитражный суд РФ, органы законодательной и исполнительной власти субъектов РФ.

Во всех своих проявлениях основополагающие конституционные ценности составляют системную целостность и делают конституцию реальностью только тогда, когда на этой ценностно-системной основе базируется также вся правовая система, правоприменительная практика, весь комплекс взаимоотношений «человек-государство». В данном контексте можно сформулировать три основные вопроса:

– насколько основополагающие конституционные ценности равноценно воспринимаются, гарантируются и последовательно реализуются на уровне государственной политики?

– насколько гармоничны аксиологические восприятия конституции обществом и властями?

– какие основные тенденции и особенности в этой области имеются в постсоветских странах и в чем заключаются основные вызовы?

Причинами, препятствующими конституционной демократии в условиях общественной трансформации, являются следующие факторы:

– инерция мышления, менталитет и недостаток конституционной культуры;

– низкий уровень правосознания и недостаточная политическая воля в направлении его повышения;

– несовершенные конституционные и законодательные решения, искаженное восприятие и реализация основополагающих принципов конституционной демократии в законодательной политике и правоприменительной практике;

– недостаточные гарантии дееспособности государственных демократических структур и деформированность политических институтов;

– интенсивное сращивание политических, экономических и административных сил, которое существенно ограничивает реализацию основополагающих конституционных ценностей в общественной практике и приводит к формированию государственно-бюрократических экономических отношений;

– высокий уровень коррупции, покровительства и теневых отношений;

– недостаточность иммунной системы общественного организма, обусловленного указанными взаимосвязанными факторами

Суть конституционной демократии заключается в том, что все политические разногласия и социальные конфликты должны решаться в правовом поле, в соответствии с основными конституционными принципами, а не путем силового давления. Ведь конституционализм – это в итоге наличие осознанной системы конституционных ценностей в общественной жизни, во всех проявлениях социального поведения личности.

Особое значение в конституционном диалоге правовых систем приобретает оптимизация и реформирование самого, пожалуй, существенного института формирования властных структур – избирательной системы.

Избирательная система в любом государстве, особенно в демократическом, позволяет сформировать систему органов государственной власти, что отражает степень взаимной ответственности государства и личности. Вполне справедливо в научной литературе отстаивается точка зрения, что избирательная система представляет собой один из ключевых институтов демократии, обеспечивающий «каналы связи общества со структурами государственной власти… именно избирательная система, будучи институтом обеспечения легитимности власти, является наиболее очевидным индикатором, отражающим сущность той или иной формы государственного устройства или политического режима» [13: с. 86].

Смена избирательной системы в государстве встречается в практике иностранных государств. Отечественный опыт свидетельствует о принципиальном изменении избирательной системы при смене такого элемента формы государства, каким выступает форма правления. Так, переход к республиканской форме правления в 1918 г. в России принципиально изменил и избирательную систему, и ее принципы [11].

Однако принципиальная смена избирательной системы требует нового концептуального подхода к политико-правовым институтам. В то же время в любом государстве действующая избирательная система подлежит постоянному изменению и совершенствованию. Считается, что мерой совершенствования и укрепления российской государственной власти стала замена смешанного типа выборов пропорциональным типом выборов в Государственную думу Федерального собрания Российской Федерации по партийным спискам. Еще одной мерой укрепления государственности в свое время выступила отмена системы выборов губернаторов путем выборов и установление порядка их избрания региональными парламентами по представлению главы государства.

Мировой опыт указывает на существование и применение следующих избирательных систем: мажоритарная система относительного, абсолютного и квалифицированного большинства, система единственного непередаваемого голоса, кумулятивный вотум, система пропорционального представительства политических партий, «панаширование», система единственного передаваемого голоса, смешанные системы.

И. Галинский, директор института истории, государства и права ПГУ им. Т.Г. Шевченко, анализируя мировой опыт реформирования избирательных систем, замечает, что в каждом конкретном случае фактические реалии диктуют определенные основания выбора той или иной избирательной системы, поэтому выбор избирательной системы – это в значительной степени выбор как представительства, так и партийной системы [6]. Исторически первой

сформировалась мажоритарная избирательная система, тогда как пропорциональная система формировалась по мере укрепления политических партий. На сегодняшний день около 55 % государств мира используют мажоритарную избирательную систему, 35 % – пропорциональную и 10 % – смешанную. Безусловно, не существует какой-либо одной идеальной избирательной системы.

Международные избирательные стандарты не устанавливают предписаний государствам при выборе избирательной системы. Всеобщая Декларация прав человека, принятая резолюцией 217А (III) Генеральной ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. в статье 21, содержит три пункта следующего содержания:

1. *Каждый человек имеет право принимать участие в управлении своей страной непосредственно или через посредство свободно избранных представителей.*

2. Каждый человек имеет право равного доступа к государственной службе в своей стране.

3. Воля народа должна быть основой власти правительства; эта воля должна находить себе выражение в периодических и нефальсифицированных выборах, которые должны проводиться при всеобщем и равном избирательном праве путем тайного голосования или же посредством других равнозначных форм, обеспечивающих свободу голосования [5].

Сами по себе избирательные системы следует рассматривать как инструментарий при реализации представительства, ведь каждая система, имея свои сильные и слабые стороны, в конкретных условиях жизнедеятельности определенного государства проявит себя по-разному, учитывая менталитет электората, уровень правовой культуры населения, приоритетные цели развития государства и общества, степень конфликтности между частным и общественным интересом, факторы протестного движения и проч.

Пропорциональная избирательная система. Первым государством в мире, реализовавшем ее, стала Бельгия. В настоящее время пропорциональная система функционирует более чем в 60 государствах мира и насчитывается около 150 ее разновидностей. Ключевым моментом функционирования этой разновидности избирательных систем выступает политическая партия. Именно политические партии формируют политический спектр и структуру действующей власти, поэтому значимым явлением выступает существование в стране развитой партийной системы, которая позволяет гражданам свободно объединяться в политические партии с целью артикуляции общественных интересов. В России же уровень доверия к политическим партиям как общественному институту незадолго до прошедших парламентских выборов составлял среди избирателей всего 5,7 % [3]. В результате подобного «кредита доверия» получается, что не политические партии предназначены для выражения интересов избирателей, а народ призван оказывать им содействие в продвижении к власти.

По сути дела, пропорциональная избирательная система ориентирована на многопартийность. В качестве примера можно привести Германию, где в различных выборах (в том числе и на земельном уровне) участвует около 70 политических партий и избирательных союзов, а в выборах в Европейский парламент принимает участие более 30 партий. Пропорциональная избирательная система позволяет самым различным группам избирателей, являющихся членами крупных политических партий, обеспечить места для своих представителей, тогда как малые партии также получают возможность быть представленными в парламенте. Более того, при открытых списках (например, в Финляндии, Бразилии) данная система позволяет избирателям выбирать и кандидата, и политическую партию, и таким образом уменьшает влияние партий на персональный состав своих представителей в парламенте. В 2007 г. ПАСЕ[2] в своих рекомендациях призвала власти государств в ее входящих, не устанавливать процентный барьер для парламентских выборов выше 3 %. Заградительным порогом называют необходимый минимальный процентный показатель, при преодолении которого списки кандидатов допускаются к распределению мест в парламенте. В различных странах он различен, может

[2] Справка: ПАСЕ – ПАРЛАМЕНТСКАЯ АССАМБЛЕЯ СОВЕТА ЕВРОПЫ – международная парламентская организация, один из трех основных органов Совета Европы. Создана в 1949 г. (до 1974 г. – Консультативная ассамблея Совета Европы). Наделена консультативными функциями. ПАСЕ работает в интересах объединения Европы, защищая индивидуальные права и парламентскую демократию, развивая общеевропейские соглашения в целях стандартизации социальной и правовой политики государств – членов, а также осознания европейской общности, выходящей за пределы различных культур, и т.д. Членами ПАСЕ с правом решающего голоса являются Австрия, Азербайджан, Албания, Андорра, Армения, Бельгия, Болгария, Босния и Герцеговина, Великобритания, Венгрия, Германия, Греция, Грузия, Дания, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Кипр, Латвия, Литва, Лихтенштейн, Люксембург, Македония, Мальта, Молдавия, Монако, Нидерланды, Норвегия, Польша, Португалия, Россия (с 1996 г.), Румыния, Сан-Марино, Сербия, Словакия, Словения, Турция, Украина, Финляндия, Франция, Хорватия, Черногория, Чехия, Швейцария, Швеция, Эстония. Статус наблюдателя имеют Ватикан, Израиль, Канада, Мексика, США и Япония. Общая численность депутатского корпуса ПАСЕ – 636 парламентариев (318 представителей и 318 их заместителей). Действует на основе Устава Совета Европы и Регламента ПАСЕ. Ежегодные сессии состоят из 4 пленарных заседаний (проводятся в январе, апреле, июне и сентябре).

составлять: 1 % (Израиль), 5 % (ФРГ). Встречаются и более высокие показатели: Лихтенштейн – 8 %, Республика Сейшельские острова – 10 %, Шри-Ланка – 12 %; в России установлен 7%-й заградительный барьер для прохождения политических партий в нижнюю палату парламента.

Ранее существовавший 5%-й барьер также не позволял политическим объединениям или малым партиям пройти в парламент. Поэтому они, как правило, после окончания избирательной кампании исчезали с политической арены до новых выборов. Вместе с тем этот факт позволяет говорить о нарушении конституционного принципа равенства избирательных прав граждан, так как, например, в 1995 г. на парламентских выборах 44,82 % голосов избирателей фактически пропали, что подтверждено данными Протокола Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. «О распределении депутатских мандатов по федеральному избирательному округу между избирательными объединениями, избирательными блоками». Заметим, что голоса избирателей, поданные против всех, дополнительно составляли 2,77 % от общего числа избирателей, принявших участие в голосовании, и общее количество недействительных избирательных бюллетеней – соответственно 1,91 % [4]. Вот почему реформирование избирательной системы коснулось не только повышения заградительного барьера, но и отказа от формулировки «против всех», и отмены планки состоявшихся выборов.

Неслучайно считается, что введение пропорциональной системы на ранней стадии развития демократии, в отсутствии сильных устоявшихся партий, дробит, фрагментирует партийную и политическую системы, приводит к их неустойчивости. Например, в Испании и Нидерландах число партий, представленных в парламенте доходит до 10–12. Это не единственный недостаток пропорциональной системы. Если при этом используются еще и закрытые списки, то существует опасность использования технологии «паровоза», о наличии которой постоянно идет речь при анализе выборов в Государственную думу Федерального собрания РФ. Считается, что эти списки дают большую власть партийным лидерам, которые и определяют очередность кандидатов в списке партии. Наконец, многие эксперты утверждают, что пропорциональная система приводит к сокращению влияния депутатов на общество. Именно подобная элитарность политических партий делает Государственную думу собранием оторванных от избирателей политических структур. Конечно, в этом случае говорить о реализации конституционного постулата о народном представительстве не представляется возможным. Временной период ожидания взросления политических партий и нахождения ими своего достойного места в политико-правовых структурах для гражданского общества может стать для страны катастрофическим.

На региональном и местном уровне это может привести к тому, что практически все депутаты местного законодательного органа будут представлять интересы одной структуры или одной партии[3].

Н.В. Бураков отмечает, что многие эксперты неоднократно вносили предложения о целесообразности полного отказа от удобной для политических партий пропорциональной избирательной системы или об изменении соотношения пропорциональной и одномандатной компонент и сокращении числа «списочников» в составе Государственной думы Федерального собрания РФ до 1/3. Основание такой уверенности видится в том, что, будучи воспринятой в 1993 г. в виде готовой политико-правовой разработки, система пропорционального комплектования парламента по партийным спискам не соответствует российским политическим реалиям, так как не способна стимулировать развитие уже сложившейся политической системы. Подобные рассуждения приводил, в частности, руководитель Фонда «Индем» Г.А. Сатаров. Один из разработчиков отечественной избирательной системы 1993 г. О.Н. Каюнов, обосновывая применение мажоритарной системы, указывал на необходимость учитывать исторически сложившиеся еще в советское время традиции и привычки избирателей, голосующих за кандидатов как за представителей определенной территориально-социальной общности (избирательного округа) [9].

Пропорциональная избирательная система не содействует созданию политических партий и развитию политической системы – таково мнение правоведов СПбГУ [2; 14], которые также рекомендовали «…в большей степени использовать потенциал мажоритарной избирательной системы. Эти предложения были направлены на то, чтобы, образно говоря, не искусственно поддерживать на плаву мало-мальски заметные политические партии, а обеспечивать их сближение с массами избирателей. И это способствовало бы росту партий не "сверху вниз", как это имеет место быть, а "снизу вверх", что в свою очередь делало бы их выразителями общественных интересов, способными быстро и гибко реагировать на запросы избирателей» [3]. Более того, реальная опасность видится в том, что реформируемая партийная система России может вообще лишиться правовых стимулов в связи с протестны-

[3] В 2009 г. на местных выборах в Челябинской области при выдвижении кандидатов было представлено три партийных списка, в которых один список возглавлял директор местного санатория, другой – начальник охраны этого санатория, третий – начальник коммунальной службы этого же санатория.

ми голосованиями или неучастием граждан в выборах партий при формировании парламента. Эту ситуацию подчеркивал Б.Н. Чичерин, отмечая, что в этих случаях «…избирательная функция политических партий сможет проявиться в нелегальной сфере борьбы за власть, ибо неконтролируемая правом борьба партий переходит в ожесточение. Поэтому, прежде чем она достигла крайних пределов, следует ввести ее в законный путь, дать ей правильное движение, которое бы делало ее менее опасною для государства» [17].

Мажоритарная избирательная система способна обеспечить устойчивую связь между избирателями и кандидатом, поскольку избиратель делегирует свой голос конкретному кандидату.

Заслуживают внимания различные предложения по совершенствованию конституционно-правового регулирования избирательной системы при выборах депутатов Государственной думы Федерального собрания РФ, в том числе следующие:

1. Выборы должны проводиться по смешанной избирательной системе: 300 депутатов избираются по одномандатным избирательным округам, 150 – по федеральному избирательному округу пропорционально количеству голосов, поданных за партийные списки кандидатов в депутаты (с установлением твердой квоты по пропорциональному представительству).

2. Избиратель имеет два голоса – порядок осуществления активного избирательного права такой же, как в действующем законодательстве.

3. Кандидат в депутаты от политической партии не может быть одновременно выдвинут ею и по федеральному округу (в составе списка), и по одномандатному округу (запрет на «двойное преимущество» партийных кандидатов).

4. Необходимо закрепить плавающий характер заградительного пункта в 5 % голосов избирателей, принявших участие в голосовании [15].

А.В. Теперик приводит следующее пояснение по характеру партийных списков, когда жесткий характер федеральных списков может быть несколько смягчен. По его мнению, может быть введено следующее ограничительное требование: для получения права на выдвижение федерального списка партия должна сначала выдвинуть и зарегистрировать определенное количество своих кандидатов в одномандатных округах (на отдельный округ не более одного кандидата от одной партии). С учетом 300 мест по мажоритарной системе это число может быть не менее 100 для крупных политических партий, достаточно прочно занявших свое место в общественно-политической жизни страны. По другому варианту, объединению, прежде всего, необходимо выдвинуть региональные части своего общероссийского списка не менее чем в 1/3 или 1/2 мажоритарных округах (здесь можно засчитать и партийных одномандатников). Причем в подписных листах, наряду с общенациональными лидерами, должны указываться данные о первых трех кандидатах из этой части списка. Однако в каждом округе, соответствующем тому или иному региону страны (но не обязательно субъекту Федерации – в целях обеспечения равенства избирательных округов), партии обязаны представить соответствующий этому региону раздел своего федерального списка, а значит – разные имена. Именно такие требования содержатся в п. 5 ст. 43 Федерального закона Российской Федерации от 24 июня 1999 г. № 121-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». И в таком случае повышается ценность института сбора подписей в качестве необходимого условия информированности избирателей о претендентах на осуществление власти. Только после выполнения указанных требований общероссийский партийный список в целом подлежит регистрации в Центральной избирательной комиссии Российской Федерации [15].

Важной чертой российского избирательного права является то, что порядок избрания Президента Российской Федерации и депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации устанавливается Конституцией Российской Федерации и федеральными законами без регулирования со стороны субъектов Федерации. Субъектам Федерации предоставлено только право принимать правовые акты по вопросам организации проведения выборов, например, составление списков избирателей, создание избирательных участков, формирование избирательных комиссий. Этими моментами Россия отличается, например, от такого федеративного государства, как Соединенные Штаты Америки, в котором избирательная система по выборам в федеральные органы власти (Президента США, обеих палат Конгресса США) только в общих вопросах устанавливается Конституцией США, а детально регулируется законами самих субъектов Федерации (штатов).

Особенностью России является и то, что, в отличие от многих (если не большинства) других государств, в Конституции Российской Федерации нет специального раздела или главы об избирательной системе, где были бы закреплены общие принципы избирательного права[4]. Только в самой

[4] Содержание Конституции Российской Федерации: преамбула; раздел первый представлен девятью главами: Основы конституционного строя; Права и свободы человека и гражданина; Федеративное устройство; президент Российской федерации; Федеральное собрание; Правительство Российской Федерации; судебная власть, Местное самоуправление; Конституционные поправки и пересмотр Конституции; раздел второй представлен Заключительными и переходными положениями.

общей форме активное и пассивное избирательное право закреплены в статье 32 Конституции Российской Федерации (1. Г*раждане РФ имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей; 2. Граждане РФ имеют право избирать и быть избранными в органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме; 3. Не имеют права избирать и быть избранными граждане, признанные судом недееспособными, а также содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда*;…), а также в статье 81 при определении порядка избрания Президента Российской Федерации (1. *Президент РФ избирается на шесть лет гражданами РФ на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании*; …). Между тем незыблемые общие принципы избирательного права в их полном объеме и применительно к выборам во все органы государственной власти страны и местного самоуправления нуждаются не только в законодательных, но и конституционных гарантиях, ибо избирательная система должна отражать основы конституционного строя и быть направлена на их реализацию.

В последнее время неоднократно высказывается мысль о необходимости кодификации федерального избирательного законодательства. Очевидно, что при разработке Избирательного кодекса России, в случае его принятия, необходимо будет особенно тщательно продумать вопрос об избирательных системах, которые могут применяться на выборах различного уровня. В силу федеративного устройства российского государства право выбора той или иной системы следует сохранить за субъектами РФ. Однако для каждой избирательной системы в федеральном законодательстве должен быть предусмотрен набор гарантий электоральных прав граждан, обеспечивающий проведение подлинно свободных и справедливых выборов.

Сквозь призму сказанного, обратим внимание на действующий орган представительной (законодательной) власти в таком субъекте Российской Федерации, как Хабаровский край – Законодательную думу Хабаровского края. На сегодняшний день работает Дума пятого созыва, выборы в которую по сравнению с выборами в Законодательную думу Хабаровского края четвертого созыва отличались рядом особенностей.

Из статьи 73 Конституции Российской Федерации следует, что ряд вопросов избирательного права относится к исключительному ведению субъектов Российской Федерации. Так, субъект Российской Федерации, в том числе и Хабаровский край, самостоятельно определяет избирательную систему, применяемую при выборах в законодательный (представительный) орган государственной власти, а также самостоятельно устанавливает ряд конкретных параметров избирательных процедур и институтов в соответствии с особенностями субъекта Российской Федерации. Естественно, что при этом должны соблюдаться стандарты избирательных прав граждан, установленные Конституцией Российской Федерации и федеральными законами.

Назовем особенности избирательной кампании по выборам Законодательной думы Хабаровского края четвертого созыва, которые состоялись 11 декабря 2005 г. Применялась смешанная избирательная система, когда мандаты распределялись как по партийным спискам, так и по мажоритарной системе. Избирательный кодекс Хабаровского края предусматривает систему так называемых «закрытых партийных списков», поэтому граждане не голосуют за конкретных членов той или иной партии, а за всю партию в целом, даже в том случае, когда только один из всех представителей данной партии вызывают симпатию избирателя. В то же время оценить представителей по мажоритарной системе у избирателей существует. Поскольку количественный состав Законодательной думы Хабаровского края составлял 26 депутатов, постольку численный состав представительства каждой из избирательных систем определялся 50/50, т. е. 13 и 13 мест. Однако далее при выборах Думы следующего созыва количественный состав Законодательной Думы предусмотрен больше, но принцип представительства избирательных систем сохраняется 50/50.

Статистика выдвижения кандидатов в 2005 г. такова: по мажоритарной системе баллотировались (были зарегистрированы и приняли участие в выборах) 58 жителей Хабаровского края, из них 41 (71 %) были выдвинуты политическими партиями, 17 (29 %) – в порядке самовыдвижения. По результатам выборов к распределению мандатов были допущены: Хабаровское региональное отделение Всероссийской политической партии «Единая Россия», Хабаровское краевое отделение политической партии «Коммунистическая партия Российской Федерации», Хабаровское региональное отделение политической партии «Либерально-демократическая партия России» и Политическая партия «Родина» региональное отделение в Хабаровском крае [1]. Доля проголосовавших против всех по единому избирательному округу составила 12,46 % [10].

Уже тогда стало очевидно, что законные интересы меньшинства признаются незначительными и сбрасываются со счетов. Хотя суть демократии видится в том, чтобы власть большинства была ограничена законными интересами меньшинства. Однако нельзя сказать, что принцип наиболее полного представительства интересов обеспечен такой смешанной системой. Проблема сводится к тому, что пропорциональная система не позволяет активизировать связь «депутат – избиратель», ведь избиратель, по сути, не

знает своего кандидата; между избирателем и кандидатом стоит политическая партия. В то же время, например, преференциальная система голосования, которая довольно успешно функционирует за рубежом, позволяет отдать свои предпочтения конкретному кандидату из членов данной политической партии. Именно по каждому голосу избирателя члены партии вынуждены будут проявлять активность для того, чтобы зарекомендовать себя достойным избрания. В противном случае партии по-прежнему будут вынуждены обращаться к так называемому «методу паровоза», когда эксплуатируются узнаваемые лица политики, искусства, спорта.

Заметим, преференция может быть и отрицательной, когда избиратель может проголосовать против конкретного кандидата и сформировать таким образом законодательный корпус единомышленников, обеспечив представительство различных интересов. Именно процесс артикуляции общественных и групповых интересов на законодательном уровне позволит не только легализовать, но и повысить легитимность законодательный орган власти.

Какие избирательные системы востребованы при формировании органов государственной власти Хабаровского края? В последнее время в связи с проведением избирательных кампаний дважды в год (еще один результат реформирования избирательной системы) по всей стране возрос научный интерес исследователей к государственно-правовому регулированию выборов, вызванный потребностью политико-правового реформирования российской избирательной системы на всех уровнях – федеральном, региональном и муниципальном. Более того, в своем Послании Федеральному собранию Российской Федерации Президент России Д.А. Медведев в 2009 г. значительное внимание уделил вопросам совершенствования отечественной избирательной системы и непосредственно институтам представительной демократии, отметив необходимость «принять меры по дальнейшему повышению уровня и качества народного представительства во власти, меры, способные обеспечить большую включенность граждан в политическую жизнь» [12].

В Хабаровском крае в соответствии со ст. 4.1 Устава Хабаровского края [16] выборы в Законодательную думу Хабаровского края и органы местного самоуправления проводятся в соответствии с федеральным и краевым законодательством (п. 4.1.1); организацию выборов обеспечивают избирательная комиссия Хабаровского края и другие избирательные комиссии, формируемые в соответствии с федеральным и краевым законодательством (п. 4.1.2).

Законодательная дума Хабаровского края в соответствии ст. 25 Устава состоит из депутатов, половина состава которых избираются по одномандатным избирательным округам и половина – по единому избирательному округу, образуемому на всей территории края, пропорционально числу голосов, поданных за списки кандидатов в депутаты, выдвинутые избирательными объединениями в соответствии с законодательством о выборах (п. 25.2). Выборы депутатов производятся на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании (ст. 26. п. 26.2). Также выборы депутатов Думы определены в ст. 13 Избирательного кодекса Хабаровского края. [8]

В соответствии с Кодексом выборы депутатов представительного органа муниципального образования проводятся по мажоритарной избирательной системе относительного большинства по одномандатным (многомандатным) избирательным округам, образованным на территории соответствующего муниципального образования, а также могут проводиться по пропорциональной системе закрытых списков по единому избирательному округу, включающему в себя всю территорию муниципального образования, или по смешанной избирательной системе, при которой депутаты представительного органа муниципального образования избираются: часть – по единому избирательному округу пропорционально числу голосов, поданных за списки кандидатов в депутаты, выдвинутые избирательными объединениями, а часть – по мажоритарной избирательной системе относительного большинства.

Порядок формирования представительного органа муниципального образования устанавливается уставом муниципального образования. Выборы депутатов представительного органа вновь образованного муниципального образования проводятся по мажоритарной избирательной системе относительного большинства по одномандатным избирательным округам, образованным на территории соответствующего муниципального образования (ст. 13).

Избирательную систему и выборы в России нередко критикуют с самых разных позиций, в частности, по вопросу излишнего массива избирательного законодательства, включающего технические нормы, не являющиеся необходимыми на уровне закона. Отечественные законы нередко в десятки раз превосходят объем соответствующих законов западных стран. Теперь количество слов приводит к ухудшению качества и степени знакомства населения с законами. Избирательные законы становятся не законами, а инструкциями. Но многие вопросы можно решать не законом, а подзаконными актами, например, инструкциями Центральной избирательной комиссии, избиркомами субъектов РФ.

Пункт 16 ст. 35 Закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» устанавливает, что «не менее половины депутатских мандатов в законодательном (представительном) органе госу-

дарственной власти субъекта Российской Федерации либо в одной из его палат распределяются между списками кандидатов, выдвинутыми избирательными объединениями, избирательными блоками, пропорционально числу голосов избирателей, полученных каждым из списков кандидатов». Фраза «не менее половины депутатских мандатов ...» носит безразмерный характер. В принципе, ей не будет противоречить любая цифра более половины. Кроме того, права избирателей, не состоящих в партиях, но желающих быть избранными в органы государственной власти, будут значительно ограничены. Ведь ситуация, когда побеждает на таких выборах по пропорциональной системе одна партия, представители которой и по одномандатным округам занимает большинство мест, вполне возможна. Пример – выборы 14 марта 2010 г. в Законодательную думу Хабаровского края, когда большинство по политическим партиям и все места по одномандатным округам у одной политической партии.

Суммируя, подчеркнем, что избирательная система действительно является чутким индикатором реальных политико-правовых процессов, протекающих в стране и обществе, поэтому вводить новеллы в избирательное законодательство следует продуманно, учитывая, что большинство избирательных систем в зарубежных странах, как правило, формировались десятилетиями, тогда как отечественный опыт скромнее. Народное представительство – одна из основных, фундаментальных категорий науки конституционного права и сложный по своей структуре институт конституционного права, который еще не получил достаточного нормативного выражения в законодательстве, ведь в самом общем смысле представительство означает выражение чьих-либо интересов, совершение одним лицом в интересах и от имени другого лица каких-либо действий в силу имеющихся оснований.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арутюнян, Г.Г.* Конституционно-правовое развитие в зеркале общественной трансформации / Г.Г. Арутюнян // Общее и особенное в современном экономическом и конституционно-правовом развитии постсоветских государств: материалы Междунар. науч. конф. – СПб.: СПбГУЭФ, 28–29 мая 2010 г.

2. *Белов, С.А.* Российская избирательная система / С.А. Белов // Правоведение. – 1998. – № 3.

3. *Бураков, Н.В.* К вопросу о правовой оценке российских политических реформ / Н.В. Бураков [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.alternativy.ru/old/articles/bur_ref.htm

4. Вестник Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. – 1996. – № 1. – С. 48–51.

5. Всеобщая декларация прав человека: Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml

6. *Галинский, И.* Мировой опыт реформирования избирательных систем: насколько он может быть востребован в Приднестровье / И. Галинский [Электронный ресурс]. Режим доступа:http://polittiras.info/?action=view&id=1839&module=articles

7. *Зорькин, В.Д.* Современный мир, право и Конституция / В.Д. Зорькин. – М.: НОРМА, 2010.

8. Избирательный кодекс Хабаровского края: закон Хабаровского края от 26.11.2003 № 154: в ред. от 25.11.2009 № 275// СПС «Гарант» [Электронный ресурс] / НПП «Гарант-Сервис». – Последнее обновление 02.02.2012.

9. *Каюнов, О.Н.* Незримая логика избирательных законов / О.Н. Каюнов. – М., 1997.

10. Модели избирательных систем и их актуальность для регионов Дальнего Востока России: материалы видеоконференции 5 декабря 2006 г. / под ред. В.М. Цырфы. – Хабаровск: Избирательная комиссия Хабаровского края, 2006.

11. *Пляйс, Я.* Избирательная система современной России в лабиринтах перманентных реформ / Я. Пляйс // Обозреватель-Observer. – 2007. – № 6. – С. 35–49.

12. Послание Президента Российской Федерации Дмитрия Медведева Федеральному собранию Российской Федерации // Российская газета № 5038. – 13.11. 2009 г.

13. *Примова, Э.Н.* Реформа избирательной системы / Э.Н. Примова // Власть. – 2009. – № 9. – С. 86–89.

14. Сборник «Выборы в Российской Федерации» / под ред. М.Б. Горного. – СПб., 2002.

15. *Теперик, А.В.* Конституционные проблемы реформирования российской избирательной системы / А.В. Теперик [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.lawmix.ru/comm/8951

16. Устав Хабаровского края: в ред. от 30.07.2008, с изм. от 28 октября 2009 // СПС «Гарант» [Электронный ресурс] / НПП «Гарант-Сервис». – Последнее обновление: 02.02.2012.

17. *Чичерин, Б.Н.* О народном представительстве / Б.Н. Чичерин. – М., 1899.

ОСОБЕННОСТИ СРЕДСТВ И МЕТОДОВ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПОХИЩЕНИЕМ ЛЮДЕЙ

Д.Ф. Флоря

Флоря Денис Федорович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры оперативно-разыскной деятельности ОВД Орловского юридического института МВД России.

Контактный адрес: matros49@mail.ru

В статье рассматривается деятельность по преодолению противодействия расследованию преступлений, связанных с похищением людей на основе комплексного использования средств и методов, которыми располагают субъекты раскрытия и расследования преступления.

Раскрываются существующие в следственной практике и разработанные криминалистикой и теорией ОРД средства и методы нейтрализации противодействия, также отмечается, что в процессе расследования преступлений обычно приходится применять не один какой-либо прием нейтрализации противодействия, а несколько, комплекс таких приемов.

Рассматриваются современные средства и методы выявления, упреждения и нейтрализации противодействия по преступлениям, посягающим на свободу личности.

Раскрываются организация и реализация процессов похищения и торговли людьми, использования рабского труда. Отмечается, что современная преступность, посягающая на свободу личности, требует консолидации усилий многих лиц, привлечения достаточных капиталов, поддержки должностных лиц властных структур.

В этой связи рассматривается деятельность по преодолению противодействия раскрытию и расследованию преступлений со стороны организованных преступных групп. Она сопряжена со значительными трудностями, обусловленными спецификой, групповым характером и изощренностью способов противодействия.

В статье отмечается, что эффективное раскрытие и расследование преступлений данной категории не возможно без обмена информацией по каналам международной правоохранительной сети и осуществления оперативного обмена информацией с правоохранительными органами иностранных государств, например, о новых маршрутах незаконного перемещения людей и малоизвестных пока в России способах их сокрытия.

Ключевые слова: организованная преступность, преодоление противодействия расследованию, комплексное использование средств и методов, похищение людей, работорговля.

Преступность, особенно организованная, – это реальная угроза безопасности общества и один из факторов политической и социально-экономической нестабильности в Российской Федерации.

Современная преступность претерпела существенные качественные изменения – повысился уровень организации, произошло сращивание с государственными органами власти; характерным является наличие международных связей, обеспеченность современными техническими средствами, использование крайних форм противодействия судопроизводству.

Следует отметить, что это явление, без сомнений, негативно влияет на эффективность борьбы с преступностью в стране. Противодействие расследованию, наряду с несовершенством уголовного и уголовно-процессуального закона, можно отнести к числу причин, по которым многие преступления остаются нераскрытыми, а лица, их совершившие, – безнаказанными. Способы противодействия разнообразны, они постоянно развиваются и совершенствуются.

В настоящее время организация и реализация процесса похищения людей, торговля ими и использования рабского труда недоступна индивидуальной преступной деятельности, поскольку современная преступность, посягающая на свободу личности, требует консолидации усилий многих лиц, привлечения достаточных капиталов, поддержки должностных лиц властных структур[1].

Недостаточно эффективное преодоление противодействия расследованию – серьезная причина некачественной работы следователей и оперативных работников органов внутренних дел. Низкая результативность борьбы с противодействием – одна из причин другого негативного явления – высокого уровня латентности преступлений, посягающих на свободу личности.

Неудивительно, что в условиях противодействия, запуганности людей, они не спешат в органы расследования и далеко не всегда сообщают о совершенных в отношении их преступлениях.

Поэтому неслучайно, что «только в каждом пятом случае... воздействие преступника на свидетелей и потерпевших не оказало существенного

[1] Шалимов Е.Е. Уголовно-правовые и криминологические проблемы торговли людьми: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. С. 26.

влияния на ход предварительного расследования и результаты рассмотрения уголовного дела в суде»[2].

Проанализировав мнения различных авторов[3], мы поддержим позицию В.П. Лаврова и А.Ф. Волынского, считающих, что под противодействием расследованию необходимо понимать совокупность умышленных противоправных и иных действий преступников, а также связанных с ними лиц, направленных на воспрепятствование установлению истины правоохранительными органами в их деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступных деяний»[4].

Одним из перспективных направлений является деятельность по преодолению противодействия на основе комплексного использования средств и методов, которыми располагают субъекты раскрытия и расследования преступления. В силу чего под нейтрализацией противодействия следовало бы понимать создание субъектом расследования ситуации, при которой сторона, оказывающая противодействие расследованию преступлений, осознает или иным путем вынуждается прекратить противодействие.

В первую очередь, следователю важно представлять и применять существующие в следственной практике и разработанные криминалистикой и теорией ОРД средства и методы нейтрализации противодействия, уметь их сочетать. В процессе расследования преступлений обычно приходится применять не один какой-либо прием нейтрализации противодействия, а несколько, комплекс таких приемов.

Современная концепция выявления, упреждения и нейтрализации (преодоления) противодействия по преступлениям, посягающим на свободу личности предусматривает:

1) своевременность выявления (распознания) признаков начавшегося или возможного в будущем противодействия;

2) плановую основу деятельности следователя и оперативного работника по преодолению противодействия, их тесное взаимодействие в решении этой задачи;

3) упреждающий характер этой деятельности;

4) обязательное соблюдение апробированных практикой рекомендаций оперативной и криминалистической техники, тактики и методики и, прежде всего, должное технико-криминалистическое обеспечение деятельности по разоблачению противодействия[5].

В силу специфики таких преступлений, как похищение людей, работорговля и использование рабского труда, выдвижение их на мировую арену, необходимо добавить и такой элемент нейтрализации противодействия, как расширение международных контактов.

Все чаще по каналам международной правоохранительной сети осуществляется оперативный обмен информацией с правоохранительными органами иностранных государств, например, о новых маршрутах незаконного перемещения людей и малоизвестных пока в России способах их сокрытия.

Каждый из названных элементов концепции направлен на оптимизацию и максимальную концентрацию сил и средств для разрешения той или иной проблемной ситуации. Прежде всего, из данной концепции следует, что меры контрпротиводействия следует применять как можно раньше, с момента, когда о преступлении стало известно правоохранительным органам, и до тех пор, пока в этом имеется необходимость. Однако следует учитывать, что деятельность по нейтрализации противодействия раскрытию и расследованию преступлений в некоторых случаях может помешать процессу расследования, привести к утрате доказательственной информации. В таком случае следует исходить из принципа приоритетности основной деятельности, поскольку меры контрпротиводействия носят обеспечивающий характер.

Одной из наиболее эффективных мер по нейтрализации противодействия свидетелей и, как ни странно, потерпевших (запуганных преступниками) являются разъяснения следователя при попытках дачи ложных показаний, умолчаний по тем или иным обстоятельствам, интересующим следствие, а также при отказе допрашиваемых от дачи показаний или от подписания документов.

Наиболее типичными действиями по нейтрализации противодействия в процессе разъяснения могут быть:

– убеждение свидетелей и потерпевших в ошибочности их представлений об отдельных обстоятельствах дела, личности обвиняемых и других лиц;

– ознакомление свидетелей и потерпевших с отдельными обстоятельствами и материалами дела;

– разъяснение возможности применения к свидетелям и потерпевшим мер обеспечения безопасности, предусмотренных законом, в случаях наличия угроз;

– предупреждение о возможном привлечении свидетелей и потерпевших к уголовной ответствен-

[2] Бобраков И.А. Воздействие преступников на свидетелей и потерпевших и криминалистические методы его преодоления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М, 2004. С. 12.

[3] Карагодин В.Н. Основы криминалистического учения о преодолении противодействия предварительному расследованию: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2002. С. 35; Лившиц Л.В. Проблемы преодоления противодействия расследованию преступлений несовершеннолетних. Уфа, 2001. С. 18.

[4] Криминалистика: учеб. для вузов / под ред. проф. А.Ф. Волынского. М., 1999. С. 246.

[5] Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры по его преодолению. М., 1997. С. 98.

ности в предусмотренных законом случаях за дачу ложных показаний или отказ от дачи показаний[6].

Однако применение методов убеждения не всегда достигает своих целей и большей степени.

В таких случаях для нейтрализации противодействия наиболее решительно и тактически грамотно должны применяться меры государственного принуждения (юридическая ответственность, меры процессуального принуждения и др.).

Так, по отношению к подозреваемым и обвиняемым достаточно эффективным является применение задержания и меры пресечения из-за оказываемого противодействия. Заключение под стражу в науке уголовного процесса рассматривается как крайняя мера пресечения, когда иными мерами невозможно достичь целей уголовно-процессуального преследования. Вместе с тем очевидно, что данная мера пресечения является одной из наиболее эффективных.

Достаточно эффективными мерами нейтрализации противодействия (при обвинениях в физическом давлении на подозреваемых, обвиняемых со стороны следователей) являлись: фиксация хода и результатов следственных действий с помощью аудио- и видеозаписи; регулярные медицинские освидетельствования подозреваемого или обвиняемого, содержащегося под стражей; документальная фиксация с помощью сотрудников следственного изолятора фактов нанесения ему повреждений сокамерниками, которые часто выдаются за результат рукоприкладства следователя и др.[7].

Наиболее эффективными приемами преодоления противодействия является устранение пространственно-временных факторов, связанных с каким-либо совместным проживанием (в одном доме, городе и т. д.):

– проведение раздельных следственных действий с участием свидетелей (потерпевших) и преступников (лиц из их окружения) в разное время или в разных местах;

– изменение свидетелем (потерпевшим) места жительства (переезд к родственникам, знакомым, в соседнее село, город);

– направление в суд первоначально уголовного дела по одному из эпизодов преступной деятельности наиболее опасного преступника с целью основательной его изоляции от потерпевших;

– перевод (временный или постоянный) потерпевшего (свидетеля) или преступника в другую бригаду, смену, перевод на другое предприятие с помощью руководителей, указанных производственных и иных образований[8].

Подводя итог изложенному, необходимо отметить, что только лишь путем нейтрализации противодействия расследованию преступлений невозможно добиться целей уголовного судопроизводства. Применение мер нейтрализации противодействия расследованию по преступлениям, посягающим на свободу личности, сопряжено со значительными трудностями, вызванными характером международной преступной деятельности лиц, в них участвующих. Кроме того, в России принят ряд законов и подзаконных нормативно-правовых актов, предполагающих меры по защите субъектов уголовного судопроизводства[9]. Вместе с тем они не содержат механизма реализации предусмотренных мер нейтрализации противодействия расследованию; соответствующих источников финансирования; лиц, ответственных за реализацию предполагаемых мер; не определяют особенности применения данных мер к родственникам защищаемых лиц и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шалимов, Е.Е.* Уголовно-правовые и криминологические проблемы торговли людьми: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е.Е. Шалимов. – Саратов, 2007.

2. *Бобраков, И.А.* Воздействие преступников на свидетелей и потерпевших и криминалистические методы его преодоления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И.А. Бобраков. – М, 2004.

3. *Карагодин, В.Н.* Основы криминалистического учения о преодолении противодействия предварительному расследованию: дис. ... д-ра юрид. наук / В.Н. Карагодин. – Екатеринбург, 2002.

4. *Лившиц, Л.В.* Проблемы преодоления противодействия расследованию преступлений несовершеннолетних / Л.В. Лившиц. – Уфа, 2001.

5. Криминалистика: учебник для вузов / под ред. проф. А.Ф. Волынского. – М., 1999.

[6] Фуражкина Н.А. Преодоление противодействия расследованию наркопреступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. С. 23.

[7] Основы борьбы с организованной преступностью / под ред. В.С. Овчиского, В.Е. Эминова, Н.П. Яблокова. М., 1996. С. 288

[8] Журавлев С.Ю. Противодействие деятельности по раскрытию и расследованию преступлений и тактика его преодоления: авореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1992. С. 24.

[9] Постановление Правительства Российской Федерации от 27 октября 2006 г. № 630 «Об утверждении Правил применения отдельных мер безопасности в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»; Постановление Правительства Российской Федерации от 11 ноября 2006 г. № 664 «Об утверждении Правил выплаты единовременных пособий потерпевшим, свидетелям и иным участникам уголовного судопроизводства, в отношении которых в установленном порядке принято решение об осуществлении государственной защиты»; Постановление Правительства Российской Федерации от 3 марта 2007 г. № 134 «Об утверждении Правил защиты сведений об осуществлении государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»; Приказ МВД России № 256 от 20 марта 2008 г. «Об организации государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства в органах внутренних дел Российской Федерации» и ряд других.

6. Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры по его преодолению. – М., 1997.

7. *Фуражкина, Н.А.* Преодоление противодействия расследованию наркопреступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н.А. Фуражкина. – Краснодар, 2004.

8. Основы борьбы с организованной преступностью / под ред. В.С. Овчиского, В.Е. Эминова, Н.П. Яблокова. – М., 1996.

9. *Журавлев, С.Ю.* Противодействие деятельности по раскрытию и расследованию преступлений и тактика его преодоления: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / С.Ю. Журавлев. – Н. Новгород, 1992.

10. Об утверждении Правил применения отдельных мер безопасности в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: Постановление Правительства Российской Федерации от 27 октября 2006 г. № 630.

11. Об утверждении Правил выплаты единовременных пособий потерпевшим, свидетелям и иным участникам уголовного судопроизводства, в отношении которых в установленном порядке принято решение об осуществлении государственной защиты: Постановление Правительства Российской Федерации от 11 ноября 2006 г. № 664.

12. Об утверждении Правил защиты сведений об осуществлении государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: Постановление Правительства Российской Федерации от 3 марта 2007 г. № 134.

13. Об организации государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства в органах внутренних дел Российской Федерации: Приказ МВД России № 256 от 20 марта 2008 г.

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НОРМЫ, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩЕЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЯМИ

Т.Ф. Худина

Худина Татьяна Феликсовна – кандидат юридических наук, подполковник полиции, ведущий научный сотрудник филиала ВНИИ МВД России по Дальневосточному федеральному округу.

Контактный адрес: gelustf@mail.ru

Вопрос об уголовной ответственности лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих или иных организациях вопреки их законным интересам, в последние годы является актуальным как в науке, так и следственно-судебной практике, поскольку за время действия уголовно-правовой нормы о злоупотреблении полномочиями в теории и практике ее применения выявились существенные противоречия, причины которых связаны как со спецификой самого преступного деяния, так и с особенностями уголовно-правовой конструкции состава преступления, предусмотренного ст. 201 УК РФ. При этом отмечается непоследовательность следственно-судебной практики.

Такое положение указывает на особую значимость данной темы исследования в целях повышения эффективности провоприменения ст. 201 УК РФ. Кроме того, исследование вопросов уголовной ответственности за злоупотребление полномочиями в системе преступлений против интересов службы имеет особую значимость и в силу общего характера состава, рассчитанного на все возможные варианты использования полномочий управленческим персоналом организации вопреки законным интересам последней.

Указанные обстоятельства свидетельствуют о недостаточно глубокой разработке теоретических и практических проблем применения уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за злоупотребление полномочиями, а также методики их расследования. Следовательно, тема данного исследования представляется вполне актуальной и требует комплексной теоретической разработки. В рамках данной статьи мы проанализируем практику применения уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за злоупотребление полномочиями, и обозначим некоторые проблемные вопросы, с которыми сталкиваются практические сотрудники при выявлении, квалификации и расследовании данных преступных деяний.

Ключевые слова: уголовно-правовая норма, преступления, злоупотребление полномочиями, коммерческие и иные организации, управленческие функции, следственно-судебная практика, проблемы применения, выявление, квалификация, доказывание.

Уголовно-правовая норма, предусматривающая ответственность за злоупотребление полномочиями закреплена законодателем в форме самостоятельного состава преступления в главе 23 УК РФ «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях» [12].

Выделяя интересы службы в коммерческих и иных организациях, в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны в системе Особенной части УК РФ законодатель, таким образом, совершенно обоснованно подчеркивает их социально значимую ценность, поскольку управленческая деятельность как осуществление любого вида власти, имеющего правовую основу – залог нормального функционирования общества и государства.

Следовательно, есть все основания полагать, что негативные стороны управления, в том числе проявляющиеся в различных видах уголовно-противоправного поведения – главная проблема для России на современном этапе, поскольку «…непоследовательные управленческие решения самого высокого уровня рассматриваются как одна из главных причин роста преступности в нашей стране» [6: с. 45].

По своей сути уголовно-правовая норма, предусматривающая ответственность за злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК РФ), носит наиболее общий характер и охватывает весь спектр интересов коммерческих и иных организаций и лиц, выполняющих в них управленческие функции, и рассчитана на все возможные варианты использования ими полномочий, вопреки законным интересам данных организаций. Остальные статьи гл. 23 УК РФ описывают частные случаи злоупотребления полномочиями и фактически являются специальными нормами по отношению к ст. 201 УК РФ. Именно поэтому единообразное толкование и применение данной уголовно-правовой нормы имеет существенное значение для правоприменителя.

В первые годы действия УК РФ правоприменительная практика, в отношении исследуемой категории преступлений, в связи с их новизной, практически отсутствовала. Однако постепенно правоохранительные органы наработали частные криминалистические методики расследования указанных преступлений и начали активнее применять соответствующие нормы уголовного законодательства.

Так, в 2011 г. количество выявленных преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях (гл. 23 УК РФ) составило 2848, из них расследовано и направлено в суд 1834 уголовных дела (64,4 %), привлечено к уголовной ответственности 1106 лиц [8].

К сожалению, статистические данные Главного информационно-аналитического центра МВД России по преступлениям, предусмотренным гл. 23 УК РФ, отражают их общее количество и конкретизируют при этом лишь один состав преступлений из данной главы, предусмотренный ст. 204 УК РФ (коммерческий подкуп), не выделяя в отдельные рубрики преступления, предусмотренные статьями 201, 202, 203 УК РФ, что не дает возможности определить точное количество выявленных преступлений, связанных со злоупотреблениями полномочиями (ст. 201 УК РФ) и их удельный вес в общей преступности.

По нашим подсчетам, в 2011 г. без учета преступлений, предусмотренных ст. 204 УК РФ, количество выявленных преступлений, предусмотренных ст. 201, 202, 203 УК РФ составляет 1451, а учитывая то, что составы преступлений, предусмотренные 202 и 203 УК РФ являются специальными по отношению к уголовно-правовой норме, предусматривающей ответственность за злоупотребление полномочиями, можно предположить, что основную долю указанного показателя составляют сведения о преступлениях, предусмотренных ст. 201 УК РФ (табл. 1).

Таблица 1

Сведения о выявленных в 2011 г. преступлениях, предусмотренных гл. 23 УК РФ

Наименование	гл. 23 УК РФ	В том числе:	
		ст. 204 УК РФ	ст. 201–203 УК РФ
Всего по России	2848	1397	***1451***
Центральный ФО	506	254	***252***
Северо-Западный ФО	210	91	***119***
Северо-Кавказский ФО	114	30	***84***
Южный ФО	262	155	***107***
Приволжский ФО	558	293	***265***
Уральский ФО	548	308	***240***
Сибирский ФО	217	66	***151***
Дальневосточный ФО	97	30	***67***

В то же время, анализируя статистические данные, можно сделать вывод, что правоохранительные органы крайне редко возбуждают уголовные дела по ст. 201–203 УК РФ (примерно 0,7 % от общего количества зарегистрированных преступлений) [8].

Очевидно, что это далеко не все преступления, совершаемые лицами в связи с реализацией ими управленческих функций в коммерческой или иной организации. По оценкам многих специалистов, показатели зарегистрированных преступлений о злоупотреблении полномочиями отражают не столько реальную характеристику этой преступности, сколько уровень их выявления правоохранительными органами [3].

Вместе с тем из числа выявленных в 2009–2011 гг. преступлений, предусмотренных статьями 201–203 УК РФ (табл. 2) [8], количество направленных в суд уголовных дел по данным преступным деяниям составило в 2009 г. – 1665 (80,2 %), в 2010 г. – 1101 (68,1 %), а 2011 г. – 690 (47,55 %) [8] (табл. 3).

Невысоким является также показатель выявленных лиц, совершивших данные преступные деяния – 584 человека в 2009 г., 500 – в 2010 г., 490 – в 2011 г. [8] (см. табл. 4).

Таблица 2

Сведения о преступлениях, предусмотренных ст. 201–203 УК РФ, выявленных в Российской Федерации в 2009–2011 гг.

Наименование	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Всего по России	**2063**	**1616**	**1451**
Центральный ФО	382	245	252
Северо-Западный ФО	174	95	119
Северо-Кавказский ФО	85	82	84
Южный ФО	113	105	107
Приволжский ФО	528	350	265
Уральский ФО	119	241	240
Сибирский ФО	573	273	151
Дальневосточный ФО	234	72	67

Таблица 3

Сведения об уголовных делах по преступлениям, предусмотренным ст. 201–203 УК РФ, направленным в суд в 2009–2011 гг.

Наименование	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Всего по России	**1655**	**1101**	**690**
Центральный ФО	211	136	93
Северо-Западный ФО	80	136	50
Северо-Кавказский ФО	28	23	34
Южный ФО	52	53	41
Приволжский ФО	333	267	161
Уральский ФО	63	180	158
Сибирский ФО	423	196	64
Дальневосточный ФО	178	42	29

Таблица 4

Сведения о выявленных в 2009–2011 гг. лицах, совершивших преступления, предусмотренные ст. 201–203 УК РФ

Наименование	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Всего по России	**584**	**500**	**490**
Центральный ФО	194	91	82
Северо-Западный ФО	43	49	47
Северо-Кавказский ФО	39	44	33
Южный ФО	67	155	50
Приволжский ФО	89	93	100
Уральский ФО	40	39	36
Сибирский ФО	84	52	42
Дальневосточный ФО	54	40	34

Отчасти это обусловлено тем, что практические работники испытывают серьезные трудности при толковании данной нормы, вследствие ее бланкетного характера и использования в ее конструк-

ции оценочных критериев при описании характера и размера возможных последствий. Это предопределяет разночтения и произвольное толкование ряда предписаний исследуемой нормы, что влечет за собой ошибки в квалификации соответствующих общественно опасных деяний, непоследовательность следственно-судебной практики и отсутствие единообразного применения уголовного закона.

Так, анализ следственной практики показал, что в ходе расследования уголовных дел о преступлениях, связанных со злоупотреблениями полномочиями в коммерческих или иных организациях, возникает ряд проблемных вопросов, вызываемых следующими объективными причинами:

1. Распространение особого порядка возбуждения уголовного дела на преступления, входящие в главу 23 УК РФ. В соответствии с п. 2 примечания к ст. 201 УК РФ, если деяние, предусмотренное гл. 23 УК РФ, причинило вред интересам исключительно коммерческой организации, не являющейся государственным или муниципальным предприятием, уголовное преследование осуществляется по заявлению этой организации или с ее согласия [12].

Порядок возбуждения уголовного дела по заявлению коммерческой или иной организации часто обсуждается в уголовно-процессуальной литературе [2; 5] и данной проблеме посвящено немало научных статей [1: с. 37; 4: с. 52; 7: с. 48; 9: с. 24]. Однако трудности при возбуждении уголовных дел по факту злоупотребления полномочиями все же остаются.

Одной из причин такого положения является то, что к уголовной ответственности по ст. 201 УК РФ привлекаются руководители коммерческих организаций и иные служащие руководящего звена, в связи с чем, получение согласия организации, представляемой указанными лицами, довольно часто весьма затруднительно. В связи с этим, с нашей точки зрения, нецелесообразно предоставлять только им право согласования возбуждения уголовного дела, по сути, в отношении их же самих.

Кроме того, довольно часто находящиеся от них в служебной и материальной зависимости подчиненные не желают вступать в конфликт с руководством. Поэтому распространены факты отказа сотрудников коммерческих предприятий от дачи показаний либо изменения ранее данных показаний и иные формы воспрепятствования осуществлению предварительного следствия.

В результате уголовные дела либо не возбуждаются, либо приостанавливаются в соответствии п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ [11] (лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено).

2. Диспозиция ст. 201 УК РФ предусматривает обязательное наступление последствий в виде существенного вреда, причиненного неправомерными действиями лица, выполняющего управленческие функции. Однако в законодательстве определение существенности вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства не закреплено, следовательно, является оценочным, что дает возможность его широкого толкования.

Так, при его установлении необходимо учитывать количество потерпевших граждан, тяжесть причиненного им морального, физического или материального вреда, степень отрицательного влияния на нормальную работу коммерческой или иной организации.

При этом сотрудник вынужден устанавливать данные оценочные признаки в ситуации ограниченности процессуальных средств и времени. Например, при заключении невыгодной сделки для организации, т. е. реализации какого-либо имущества по заниженной стоимости, необходимо установить реальные убытки – произвести рыночную оценку сделки и вычесть фактические расходы [13: с. 7].

Вместе с тем определение размеров материального ущерба и степени отрицательного влияния преступления на нормальную работу организаций, ввиду законодательных пробелов, находится исключительно в ведении судов, что в конечном счете затрудняет процедуру как возбуждения уголовного дела, так и его расследования, поскольку на этой стадии степень существенности вреда определить бывает невозможно.

3. Включение в качестве обязательных признаков рассматриваемого состава преступления его целей – извлечение выгод и преимуществ для себя или других лиц либо нанесение вреда другим лицам.

В большинстве случаев виновные лица стараются придать незаконным действиям правомерный вид, мотивируя свои действия производственной необходимостью и финансовой, либо экономической целесообразностью, прилагая при этом документы и расчеты, подтверждающие свои доводы, привлекая различных специалистов, услуги которых они оплачивают сами и соответственно оказывают существенное влияние как на формирование и объем исходных объектов, так и на конечные выводы привлеченных ими специалистов.

Кроме того, цель нанесения вреда также является абстрактным понятием, что вносит неоднозначность в понимание указанных норм и в итоге приводит к проблемам в расследовании и доказывании преступлений данной категории.

Так, постановлением следователя было возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 201 УК РФ, в отношении генерального директора ОАО «Центральный рынок» С., который, являясь генеральным директором ОАО «Центральный рынок», выполняя управленческие функции в вышеуказанной организации, используя свои полномочия вопреки законным интересам ОАО «Центральный рынок»,

заключил договор аренды с ООО «Дальневосточная логистическая консалтинговая компания» на заведомо невыгодных для ОАО «Центральный рынок» условиях, чем причинил существенный вред ОАО «Центральный рынок» в виде недополученного дохода, который по заключению экономической экспертизы составил 20 254 929 рублей.

В ходе предварительного расследования было установлено, что в действиях С. отсутствуют признаки состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 201 УК РФ, а именно: цели совершения преступления в виде извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц. В связи с этим уголовное дело прекращено по пункту 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ [10].

4. Производство предварительного расследования по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 201 УК, также осложняется ненадлежащим ведением бухгалтерского учета в подавляющем большинстве коммерческих организаций, а в ряде случаев и полным его отсутствием.

Это обусловлено низкой финансовой дисциплиной и, в свою очередь, влечет отсутствие у следствия реальной возможности изъять необходимые документы. Кроме того, очевидно, что руководители коммерческих и иных негосударственных организаций, в отношении которых возбуждены уголовные дела, не заинтересованы в восстановлении бухгалтерского учета и выдаче необходимых документов.

Так, довольно часто на момент возбуждения уголовного дела многие документы бывают утрачены, сокрыты или сфальсифицированы, что препятствует объективному определению экономической эффективности совершаемых руководителями предприятий сделок, целесообразности заключения договоров и т. д., что затрудняет проведение документальных ревизий и финансово-экономических судебных экспертиз, без которых предварительное расследование лишается основной доказательственной базы.

5. Отсутствие во многих коммерческих и иных организациях четко разработанных функциональных обязанностей и должностных инструкций, что не позволяет правильно определить статус виновного лица, установить круг его служебных полномочий и выполняемых им управленческих функций.

Таким образом, практика убедительно доказывает, что механизм совершения преступлений, предусмотренных ст. 201 УК РФ, постоянно перестраивается, совершенствуется и приспосабливается к изменениям законодательства, а также разрабатываемым и реализуемым организационно-практическим мерам по их противодействию.

Практические работники часто просто «не успевают» за эволюционирующей организованной преступностью, не имея возможности противопоставить ей адекватные криминалистические средства, приемы и методы. Криминальная практика с каждым годом берет на вооружение целые группы новых способов совершения преступлений, которые часто вообще не выявляются, а порой и не оцениваются правоприменителями как преступные.

Многие исследователи в области уголовного права, криминологии, криминалистики, констатируя недостаточную разработанность методик расследования в целом всех преступлений в сфере экономической деятельности, особо отмечают важность и необходимость их создания и внедрения в практику [3]. Между тем комплексных исследований, учитывающих криминалистически значимые особенности данных преступных деяний в современных условиях, до настоящего времени не предпринималось.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аснис, А.* Ответственность за преступления против интересов службы в коммерческих организациях / А.Аснис // Законность. – 2005. – № 5.

2. *Белозеров, Ю.Н.* Обеспечение прав и законных интересов личности в стадии возбуждения уголовного дела [Электронный ресурс] / Ю.Н. Белозеров, П.Г. Марфицин // СПС «КонсультантПлюс». – Последнее обновление: 25.05.2012.

3. *Гармаев, Ю.П.* Преступления в сфере внешнеэкономической деятельности и криминалистическая методика расследования [Электронный ресурс] / Ю.П. Гармаев // СПС «КонсультантПлюс. – Последнее обновление: 25.05.2012.

4. *Егорова, Н.А.* Управленческие функции специального субъекта преступления (уголовный закон, теория, судебная практика) / Н.А. Егорова // Уголовное право. – 2007. – № 2.

5. *Жеребятьев, И.В.* Личность потерпевшего в современном уголовном судопроизводстве России [Электронный ресурс] / И.В. Жеребятьев // СПС «КонсультантПлюс». – Последнее обновление: 25.05.2012.

6. *Кабанов, П.А.* Неэффективная политика реформирования России в конце XX века как одна из основных причин криминализации российского общества (политико-криминологическое эссе) / П.А. Кабанов // Следователь. – 2004. – № 7.

7. *Панько, К.К.* Виды примечаний в уголовном праве и проблема их квалификации / К.К. Панько // Российский судья. – 2006. – № 2.

8. Сведения ГИАЦ МВД России [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД России, раздел статистика. – Режим доступа: http://www.mvd.ru –

9. *Суров, О.А.* Предварительная проверка материалов о злоупотреблении полномочиями в коммерческих и иных организациях при решении вопроса о возбуждении уголовного дела / О.А. Суров // Безопасность бизнеса. – 2007. – № 4.

10. Уголовное дело № 594701 // Архив СУ УМВД России по Хабаровскому краю.

11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ; в ред. от 01 марта 2012 г. Документ опубликован не был [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – Последнее обновление: 25.05.2012.

12. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ; в ред. от 01 марта 2012 г. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – Последнее обновление: 25.05.2012.

13. *Федоров, А.Ю.* Актуальные проблемы, возникающие при расследовании корпоративных преступлений / А.Ю. Федоров // Адвокат. – 2010. – № 12.

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ЖЕНСКИЙ ТРУД НА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ ВО 2-й ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI В.: ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

У.В. Ежеля

Ежеля Ульяна Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

Контактный адрес: siavassa@yandex.ru

В статье рассматриваются различные аспекты женской трудовой деятельности на железнодорожном транспорте Дальнего Востока. Женский труд на железной дороге – нехарактерное явление для европейских стран, но в нашей стране оно исторически вполне объяснимое. Автор исследует масштабы и формы участия женщин в производственной и общественной работе, выявляет причины и последствия использования женского труда во вредных и опасных условиях. Прослеживается динамика изменений, произошедших в организации женского труда в последние десятилетия. С целью представить более полную картину женского труда в условиях современной экономики автор статьи приводит данные об организации и нормировании труда женщин на железных дорогах Западной Европы и Северной Америки.

Работа выполнена на основе архивных материалов, многие из которых введены в оборот исторического исследования впервые. Также привлечены документы законодательного плана (законы, постановления правительства), касающиеся охраны женского труда.

Ключевые слова: женский труд, железная дорога, транспорт, предприятие, передовики, рабочие профессии, охрана труда, условия труда, соревнование, социальная политика.

Женский труд на железнодорожном транспорте в нашей стране стал историческим явлением в силу его массовости, а также экономической и общественно-политической значимости, что особенно ярко проявилось в годы первых советских пятилеток, Великой Отечественной войны и послевоенное десятилетие. Удельный вес женского труда на российских железных дорогах остается высоким и в настоящее время.

В диссертационных исследованиях дальневосточных историков Л.В. Крамар, С.А. Нохриной участие женщин в производственной сфере Дальневосточной железной дороги в 1950–60-е гг. рассматривается как неотъемлемая часть кадровой политики на железнодорожном транспорте [33; 37]. В исследовании С.А. Нохриной более выпукло обозначены проблемы текучести кадров, трудовой дисциплины, социально-бытовой неудовлетворённости тружениц, несмотря на внедрение научно-технических новшеств. Участие женщин-работниц во всех сферах деятельности Дальневосточной железной дороги нашло своё отражение в ряде коллективных работ научно-публицистического плана [25; 26; 31; 32; 36]. Особо следует отметить издание 1997 г., посвящённое вековой истории дороги (составители В.Ф. Буркова и В.Ф. Зуев). Указанные работы имеют социально-патриотическое звучание, утверждая профессиональную гордость за трудовые достижения всего коллектива ДВЖД.

Социальный и гендерный аспекты производственной деятельности железнодорожников освещаются в работах автора данной статьи [27; 28; 29]. Предлагаемое читателю исследование выполнено на основе архивных документов, часть из них публикуется впервые. Также привлечены документы законодательного плана, принятые в СССР и РФ в 1960–90-х гг., касающиеся охраны женского труда. Приводятся данные о женском труде за рубежом.

В 1957 г. среди 37 тыс. работников ДВЖД по состоянию на 1 апреля числились 13 541 женщина (27 % от общего числа). В качестве рабочих трудились 6505 женщин, на должностях инженерно-технических работников – 5741 [3]. Что касается неквалифицированного, но физически затратного труда женщин на железной дороге, он имел место изначально, ещё в начале XX в. А вот число женщин с образованием, средним или высшим техническим, за послевоенное десятилетие увеличилось. В 1958 г., согласно штатному расписанию, в различных службах Управления ДВЖД работала 21 сотрудница, на должностях старшего инженера, инженера, экономиста и оператора [4]. В 1963 г. общее число работников, состоявших на балансе ДВЖД, достигло 58 795 человек. Численность женщин возросла до 18 225 (32 % от общего числа). Рабочими трудились 9973 женщины, в охране – 1306. Они были заняты на самых ответственных участках эксплуатационной работы – в паровозной службе, службе движения,

пути, вагонном хозяйстве. Увеличилось и количество инженерно-технических работников из числа женщин – 6918 человек [5].

Выбор профессии, сделанный многими дальневосточницами ещё до войны, определил их дальнейшую судьбу – она навсегда оказалась связанной с железной дорогой. Среди первых женщин-машинистов паровозов на Дальнем Востоке были Ирина Ивановна Расстольная, Екатерина Михайловна Шинакова. Обе женщины были одними из первых на Дальнем Востоке, кто получил знак отличия «Почётный железнодорожник». И.И. Расстольная, всю войну работавшая на паровозе, осталась верна этой профессии и после войны. До выхода на пенсию она была единственной из женщин Хабаровского локомотивного депо, работавшей машинистом [36: с. 34]. Е.М. Шинакова в годы войны возглавила экипаж паровоза, в её распоряжении были две женские бригады. После войны Екатерина Михайловна долгие годы трудилась на Сахалинской железной дороге машинистом, паровозным диспетчером, помощником начальника по кадрам Холмского участка [25: с. 322]. М.А. Перцева работала на ст. Владивосток с 1940 по 1987 г., пройдя путь от простого рабочего до дежурной по станции. Она вспоминала, как в годы войны на этой узловой станции грузили по 400 вагонов в сутки. В начале 50-х гг. XX в. дежурные по станции практически работали в три смены, без выходных, нередко после 12 часов дежурства оставались работать стрелочниками (из-за их отсутствия) [25: с. 311]. Примеров трудовой деятельности женщин-ветеранов на Дальневосточной железной дороге достаточно много. Причины выбора нелёгкой и ответственной работы на железнодорожном транспорте вполне осознанные. В их числе стабильная и относительно неплохая заработная плата, особенно у машинистов; ряд отраслевых выплат (премии за высокое качество, надбавки за выслугу лет и т. п.); профессионализм и уверенность в выполнении своей работы; стремление доработать до пенсии именно в ведомстве МПС; определённая социальная защищённость. Иногда переход на другую работу был невозможен по очень веским причинам.

Внутриведомственную политику на железной дороге в огромной степени формировали меры социального характера. В их числе мероприятия по улучшению снабжения железнодорожников продуктами питания и промышленными товарами в 1950–60-е гг. Благодаря созданному ещё в 1943 г. Дорожному управлению рабочего снабжения (ДОРУРС), обеспечение железнодорожников в послевоенные годы, особенно на линейных предприятиях, было более стабильным. В систему ДОРУРС в 1958 г. входило 60 столовых, 228 магазинов, 5 совхозов, 15 вагонов-лавок, 17 хлебопекарен и 25 хлебовозок. В ведомственных магазинах железнодорожники могли приобрести швейные машины, велосипеды, мотоциклы, радиоприёмники, которые пользовались огромным спросом. В послевоенном Хабаровске, как и в других промышленных городах Дальнего Востока, было очень тяжело с жильём. Ведомственных 2-этажных деревянных и каменных домов не хватало. Под жильё и детские сады в эти годы переоборудовали служебные помещения. Дальневосточная железная дорога смогла построить с 1945 по 1956 гг. 80 тыс. кв. метров жилья. В этих домах, и в том числе общежитиях, были водопровод и центральное отопление. Государство выделяло ссуды и на индивидуальное строительство, в тот период работникам дороги было выделено более 14 млн. рублей, что позволило семьям железнодорожников построить более двух тысяч частных домов [26: с. 140].

В 1952 г. число находившихся в ведении врачебно-санитарной службы ДВЖД больниц, родильных домов и других медицинских учреждений составляло 803 объекта, при плане 873. Но реальные потребности были ещё выше. Спустя год, в 1953 г. фактический и плановый показатели, судя по отчётным документам, сравнялись. Далеко не столь оптимистично (и довольно долго) обстояли дела с детскими дошкольными учреждениями. Так, в 1952 г. число детских яслей в ведении железной дороги составило 1360, при плане 1425. В 1953 г., даже при значительном увеличении количества яслей их дефицит сохранялся (соотношение 1650 / 1705) [6]. Как известно, проблема устройства ребёнка в детский сад была очень ощутимой и в последующие десятилетия.

Мы располагаем документами, отражающими статистику закрепляемости работников на предприятиях Дальневосточной железной дороги в 50-е гг. XX в. Так, в 1955 г. на ДВЖД поступили работать 8485 человек рабочих и служащих выбыли 8903, т. е., имело место высокая текучесть кадров (определённый контингент). Основные причины увольнений: выбыли на учёбу – 4373 человека; не стали продлевать договор – 1117 работников; с формулировкой «по собственному желанию» – 1846 человек; уволены за прогулы 605 человек. Самовольно оставили работу 253 человека [7]. Кроме отбывших на учёбу (а это перспектива остаться на дороге, но в более высоком статусе), все остальные уходили по причине неудовлетворённости условиями труда, неготовности к напряжённой работе, а также из-за материальной незаинтересованности, нехватки жилья и детсадов. Их не задержали ни возможные надбавки, ни профсоюзные льготы, ни дальневосточный коэффициент.

Проводимая в 1960–80-е гг. XX в. работа по совершенствованию норм трудового законодательства и охраны труда на производстве, безусловно, имела прогрессивное значение [30; 38; 39; 40; 41; 42; 49; 50]. Особо следует отметить решение о пе-

реводе всех рабочих и служащих на 7- и 6-часовой рабочий день (1960 г.), а затем установление 5-дневной рабочей недели с двумя выходными, при 8-часовом рабочем дне (1967 г.). В ряде постановлений предусматривались меры, непосредственно направленные на улучшение условий труда женщин, занятых в ряде трудоемких отраслей и на железнодорожном транспорте. Важность этих мер объяснялась неизменно высоким удельным весом женского труда в народном хозяйстве страны. В 1960 г. он составлял 47 %, в 1970–80-е гг. – 51 % от общего числа работающих [35]. В 1965 г. на железнодорожном транспорте СССР, в одном только хозяйстве пути работало около 185 тыс. женщин [59]. В конце 1970-х гг., во всех подразделениях железнодорожного транспорта СССР доля женского труда составила 46 % от общего числа работающих в отрасли [43; 44; 45; 46; 47].

На Дальнем Востоке занятость женщин во всех подразделениях железнодорожного транспорта была традиционно высокой. В 1960-е гг. этот показатель на ДВЖД составлял в среднем от 38,2 до 41 %, а на Владивостокском и Комсомольском отделениях он был выше – от 43 до 48 % [8]. В 1985 г. женщины-рабочие составляли 33,8 % от общего числа рабочего контингента Дальневосточной железной дороги [51].

Преимущественно «женскими» на железной дороге на протяжении 1960–80-х гг. являлись такие специальности, как дежурные стрелочных постов, дежурные по переездам, приемосдатчики, проводники вагонов. Помимо этого, женщины работали монтерами пути, станционными рабочими и разнорабочими, слесарями, экипировщиками вагонов, смазчиками, электромонтерами, путевыми обходчиками и даже грузчиками. В 1965 г. на ДВЖД обязанности монтеров и рабочих пути выполняли около 3,8 тыс. женщин, спустя двадцать лет – более 5 тыс. [9]. Такие высокие показатели объясняются и тем, что жены работавших на линии путейцев зачастую были вынуждены работать там же, поскольку другого выбора у них не было.

Облегчить труд женщин-рабочих на Дальневосточной железной дороге были призваны такие мероприятия, как перевод на более легкие участки работы, работу в дневную смену, сокращение продолжительности рабочего дня, а также выдвижение на учебу в средние специальные и высшие учебные заведения, с целью изменить в перспективе род деятельности.

Однако насущные вопросы женского труда и быта решались крайне медленно, более того, имели место серьезные нарушения трудового законодательства в отношении женщин. Документы свидетельствуют, что в 1950-е – начале 1960-х гг. на многих предприятиях дороги женщины допускались к переноске шпал, цемента, тяжелых бидонов до 50 кг веса, работе кочегарами паровых котлов с одновременной подвозкой угля. Женщины-путейцы работали со шпалами, пропитанными креозотом. Работницы были заняты на сменных круглосуточных работах. В начале 70-х гг. прошлого века на предприятиях ДВЖД их насчитывалось более 3 тыс. В эти годы наметилась определенная тенденция к увеличению числа женщин, работающих осмотрщиками вагонов на пунктах техосмотра [54–58].

Несмотря на высокую занятость женщин в хозяйстве пути, в 1960-е гг. на дороге не было ни одного предприятия, где нормально функционировала бы комната гигиены женщин, не хватало сушилок, гардеробных шкафов, комнат отдыха и приема пищи, спецодежды с учетом климатических условий. Организация на крупных предприятиях дороги пунктов оказания первой медицинской помощи и амбулаторного обследования работников, введение обязательного медицинского контроля для локомотивных бригад перед рейсом свидетельствовало о совершенствовании работы санитарно-медицинской службы дороги. В то же время в двух поликлиниках Владивостокского отделения не было налажено круглосуточного дежурства врачей [10; 11]. В последующие годы эти вопросы решались, и, в целом, положительно. Однако надо признать, что работницы, занятые на линии, долго оставались в менее приспособленных производственных и бытовых условиях.

Дальневосточные железнодорожницы, как и многие их соотечественницы, были вовлечены в общественную работу. Они участвовали в социалистическом соревновании, боролись за право называться лучшей по профессии. Женщины, хоть и в меньшем количестве по сравнению с мужчинами, но участвовали практически во всех общественных объединениях на предприятиях железной дороги. Это конструкторские бюро и рационализаторские группы, постоянно действующие производственные совещания, комиссии по работе с кадрами. Наряду с мужчинами, женщины-работницы привлекались к работе инспекторами по охране труда и безопасности движения, были заботливыми наставниками рабочей молодежи, а это многие часы и дни, «выкроенные» от личной жизни и семьи.

В числе основных социальных составляющих на ДВЖД, как и в других отраслях экономики – уровень заработной платы, обеспеченность жильем, детскими дошкольными учреждениями. Женщина, являясь участницей производства, в огромной степени зависела от этих обстоятельств.

Дальневосточных железнодорожников не миновала общегосударственная проблема строительства жилья. Несмотря на шестикратное увеличение объема капиталовложений в жилищное строительство, в период с 1961 по 1985 гг., она оставалась одной из самых серьезных [12; 13]. Особенно ощущалась неустроенность жизни работников передвижных механизированных станций. Отсутствие нормального жилья, постоянная нехватка детских до-

школьных учреждений, наряду со сложными условиями работы дальневосточных путейцев, являлись серьезным основанием для перемены места работы. Неслучайно, самая высокая текучесть кадров на дороге (и, следовательно, их дефицит) наблюдалась в хозяйстве пути. Об остроте проблемы свидетельствуют следующие цифры: в 1961 г. уволившиеся работники составляли 32,3 % от общего числа дорожных путейцев, а в 1985 г. этот показатель увеличился до 35 % [13; 39]. Из-за нехватки жилья на небольших и пограничных станциях также была высокая текучесть кадров. На приграничной станции Хасан, например, практиковалось привлечение рабочей силы с западных железных дорог. Сложно решался жилищный вопрос на Владивостокском отделении дороги. Темпы жилищного строительства здесь были настолько низкими, что к 1968 г. средняя норма жилой площади на одного человека уменьшилась до 6,8 м^2, против 7,4 м^2 в 1960 г. Неблагоустроенные и ветхие жилые дома составляли 15 %, а дома с коммунальными услугами – 34 % к общей площади жилищного фонда отделения [1; 2].

В 1965 г. более 6 тысяч работников дороги жаловались на нехватку мест в детских дошкольных учреждениях [14]. В дальнейшем обеспеченность детей железнодорожников местами в детских садах и яслях улучшилась, но проблема не была решена полностью. В 1980 г., например, 470 человек уволились с работы по причине отсутствия мест в детских дошкольных учреждениях [15].

В 1971 г., с целью закрепления кадров на железнодорожном транспорте, был повышен минимальный размер заработной платы и увеличены ставки и оклады среднеоплачиваемым рабочим и служащим. В 1979 г., согласно Постановлению правительства, железнодорожникам Дальнего Востока и Забайкалья была введена 20-процентная надбавка к зарплате, а также надбавка за непрерывный стаж работы. Это позволило повысить заработную плату в среднем на 33 %. Об улучшении материального положения дальневосточных железнодорожников свидетельствует перемещение проблемы оплаты труда в социологических опросах со 2-го на 6-е место [11; 15].

В 1970–80-е гг. XX в. на ДВЖД делалось немало в области социальной политики. Только за 1971–75 гг. на дороге было построено жилых домов общей площадью 300 тыс. м^2, сдано в эксплуатацию несколько школ и детских садов на 6,5 тыс. мест, а также 23 магазина и около 30 столовых. Особенно обнадеживало людей то, что на дороге ежегодно сдавалось по 80–100 тыс. м^2 благоустроенного жилья. Как отмечало руководство дороги, только 4 из 32-х дорог СССР вышли в те годы на такие показатели. Помимо жилых домов, на дороге были построены 17 больниц и поликлиник, семь детских садов, несколько общежитий, два санатория, капитально обновлялись стадионы и дома культуры [26: с. 187]. У дороги были свои поликлиники, профилактории, школы, детсады и больницы, летние оздоровительные лагеря, стадионы и бассейны. Все это обеспечивало уверенность в завтрашнем дне и казалось незыблемым.

Дальневосточная магистраль знает немало славных имен и трудовых биографий женщин-тружениц. Вот лишь некоторые из них. С 1992 по 1996 г. грузовым отделом Владивостокского отделения руководила С.Г. Котельникова, стаж её работы на железнодорожном транспорте составлял более 35 лет, из них 25 лет – в грузовом отделе. Она участвовала в создании транспортно-экспедиционного цеха при механизированной дистанции погрузочно-разгрузочных работ. Более 30 лет трудились на железнодорожном транспорте и ушли на пенсию работники вокзала ст. Владивосток М.П. Большакова, Н.А. Михайлова, Г.П. Денисова, В.И. Кравченко, Р.П. Садовникова, Л.В. Бударина, кавалер ордена «Знак почёта» К.В. Правдюкова. Знаком «Почётному железнодорожнику» награждена Н.И. Стрижекозина, работница Уссурийского отделения. Среди самых опытных диспетчеров ДВЖД – ветераны Хабаровского отделения С.И. Егорова (общий стаж в отрасли 46 лет, 35 из них диспетчером), М.А. Самсонова, которой присвоено звание «Лучший диспетчер по сети дорог». Она награждена орденами «Знак почёта», Трудового Красного знамени, медалью «За доблестный труд» и знаком «Почётному железнодорожнику» [25: с. 272–309].

Очень сложным для социально-бытовой сферы Дальневосточной железной дороги стал «перестроечный» период (конец 80-х – 90-е гг. прошлого века). В отлаженный механизм производственно-профсоюзных отношений стали вмешиваться законы коммерции. В результате десяти лет «преобразований» заметно сократилась сеть дошкольных и медицинских учреждений, создаваемая многолетним трудом.

Ввиду крайней нестабильности зарплаты в условиях складывавшихся рыночных отношений, не представляется возможным проследить ее показатели за тот период. Что касается организации условий труда работников ДВЖД, статистические данные позволяют это сделать. На протяжении 90-х гг. XX в. удельный вес женщин во всех сферах эксплуатационной работы составлял в среднем от 31 до 33 % [53]. В конце 90-х гг. в хозяйстве пути ДВЖД среди 11 тыс. работников продолжали трудиться и женщины (одна из них – монтёр пути Совгаванской дистанции Т.Н. Иванова) [25: с. 168]. Но это были последние «позывные» прежней практики использования женского труда. В десятилетие 90-х гг. XX в., наконец, вышел ряд правительственных Постановлений и приказов по МПС, обязывавших руководителей производства вывести поэтапно, но полностью к 2000 г., женщин из производственных зон с повышенной

опасностью [38; 39; 40; 41; 42]. В отношении железной дороги речь шла, главным образом, о службе пути (работа женщин монтерами и обходчиками). И эта задача была выполнена. Высвободившийся женский персонал переводился на другую работу согласно возрасту и квалификации. Предлагалось также обучение в техникумах или вузе МПС, на дневном или заочном отделении, на бюджетной основе.

Государственная статистическая отчетность в 1990-е гг. стала более детально систематизировать все неблагоприятные факторы производственных процессов на железнодорожном транспорте: повышенный уровень шума, ультразвука, инфразвука, вибрации, запыленности и загазованности воздуха рабочей зоны, неионизирующего и ононизирующего излучения, а также тяжелый физический труд и работа на оборудовании, не отвечающем требованиям безопасности. Из документов видно, что на протяжении 90-х гг. женщины работали практически во всех указанных зонах риска. В 1990 г. на рабочих местах, не отвечавших требованиям стандартов безопасности труда, работало около 5 тыс. женщин, в 1996 г. уже значительно меньше – 1851 работница, в 2001 г. – 1521 , даже с учетом присоединения Ургальского и Тындинского отделений. Еще один пример положительной динамики – за десятилетие 90-х гг. XX в. на ДВЖД перестали допускать к работе в неблагоприятных условиях женщин моложе 18 лет. В 1990 г. их число составляло 54 чел., а с 1996 г. – ни одного случая [53]. По мнению специалистов Управления дороги, данные изменения произошли за счет постепенного вывода женщин из заведомо опасных участков работы.

Отдавая должное руководству и профсоюзной организации ДВЖД, отметим, что в сложных условиях 90-х гг. прошлого века железная дорога, как и прежде, находила возможность выделять различные льготы и компенсации за работу в неблагоприятных условиях труда. Так, в сводном отчете за 1996 г. указаны права работников, занятых в таких условиях. Это дополнительные отпуска, сокращенный рабочий день, бесплатное лечебно-профилактическое питание, бесплатное получение молока или других равноценных пищевых продуктов, повышенные тарифные ставки и оклады, доплаты за неблагоприятные условия и интенсивность труда. Предусмотрены государственные пенсии на льготных условиях по спискам № 1, № 2, пенсии за особые условия труда, пенсии за выслугу лет, установленные законодательством, а также пенсии на льготных условиях, установленные самим предприятием за «вредность» труда. Количество работниц, которым был установлен хотя бы один вид льгот или компенсации, составило: в 1996 г. – 4107 чел., 2000 г. – 5101 чел., 2001 г. – 3259 чел. (с учетом новых отделений дороги) [53]. В годовом отчете дороги на начало 2002 г. перечислен список выплат социального характера, производимых работникам Дальневосточной железной дороги, их более 10. Это премии, доплаты, районный коэффициент, страхование, одежда, материальная помощь и т.д. Все это сохраняется и поныне (2012 г.) [16].

В числе глубоко позитивных мер, направленных на профилактику общих и профессиональных заболеваний, является организация на ДВЖД уже в начале XXI в., ежегодных поездов здоровья. Поезд «Терапевт Матвей Мудров», укомплектованный медицинскими специалистами, двигаясь от станции к станции, позволяет осуществлять медицинские консультации и осмотр пациентов, не имеющих возможность ездить в краевой центр.

Более десяти лет на ДВЖД работает Дорожный центр психологического обеспечения кадровой работы; выделяются немалые средства на реализацию Отраслевой и дорожной программы содействия занятости работников всех служб. В 2004 г. размер выплат работникам дороги составил 277 465, 8 тыс. руб. [17]. Многоплановая работа по закреплению кадров дала свои результаты. Уровень текучести кадров по ДВЖД в 2003–2004 гг. составил 6,9–8,6 % соответственно (в отличие от 25 % в 1970-е гг.) [18].

В последние десятилетия очень вырос профессионально-квалификационный уровень работниц Дальневосточной железной дороги как рабочего, так и инженерно-технического персонала. На начало 2005 г. в числе 15 882 руководителей-специалистов в различных службах ДВЖД работали 8114 женщин, т. е. более 50 % [19]. Среди 40 руководителей, относящихся к номенклатуре Президента ОАО «РЖД», начальника дороги и начальников отделений работали и 6 женщин. В числе 9 руководителей и специалистов Управления дороги, имеющих ученые степени и звания – 2 женщины (кандидат экономических и кандидат психологических наук) [20].

Минуло немало лет, как ушло в прошлое социалистическое соревнование среди железнодорожников. Но на Дальневосточной железной дороге проводятся ежегодные смотры-конкурсы профессионального мастерства с присуждением звания: «Лучший по профессии», «Лучший мастер на железнодорожном транспорте», «Лучший командир среднего звена», «Лучший рабочий массовых профессий на железнодорожном транспорте». Достойное место среди передовых работников занимают наши женщины. Лауреаты профессиональных званий по итогам года получают и материальное вознаграждение. Так, в локомотивном депо ст. Хабаровск-2 победителям выдаются Почетные удостоверения, дающие право на 10-процентную доплату к заработной плате [21]. В 2005 г. лучшими мастерами на ДВЖД были названы И.Г. Рыбакова (стаж 26 лет), И.В. Ладыжникова (стаж 22 года), М.Г. Зиновьева (стаж 30 лет). Среди лучших командиров среднего звена названы 8 работниц дороги [22]. В числе пред-

ставленных на присвоение звания «Лучший работник массовых профессий на железнодорожном транспорте за 2005 г.» – Н.Н. Кривцова, приемосдатчик ст. Хабаровск-2 (стаж работы 36 лет). В этом же году лучшей по профессии была названа 41 работница. Это сигналисты, приемосдатчики, дежурные по станции, коммерческие агенты, проводники вагонов. Среди них – С.И. Невская, машинист котельной Тындинского отделения, ветеран Байкало-Амурской магистрали, Т.М. Глущик, приемосдатчик 1-го класса с 1984 г. (ст. Дальнереченск, 30 лет стажа) [23].

В 2004 г. медалями «За заслуги перед Отечеством II степени» были награждены: Г.К. Шестопалова, штукатур дистанции гражданских сооружений ст. Ружино и Г.Г. Смышляева, дежурный по станции Угольная. Звания «Почетный работник Дальневосточной железной дороги» была удостоена Т.И. Милованова, программист ВЦ Управления дороги. Благодарность губернатора ЕАО была выражена И.А. Дружиной, зам. начальника Хабаровской дирекции по обслуживанию пассажиров, Почетными грамотами губернатора Хабаровского края отмечена высокопрофессиональная деятельность шести работниц Дальневосточной железной дороги [24].

С 2010 г. по инициативе редакции газеты «Дальневосточная магистраль» среди работниц железной дороги проводится конкурс «Леди Дальневосточная». Миссия этого профессионального и одновременно «женского» конкурса, который проводится на сети российских железных дорог, заключается в раскрытии талантов сотрудниц ОАО «РЖД», создании нового образа работницы железных дорог – яркого, профессионального и доброжелательного. Возраст участниц – до 35 лет. Финал российского конкурса проходит на праздновании Дня железнодорожника.

Производственные успехи Дальневосточной железной дороги, ее стабильное социально-экономическое положение на начало XXI столетия свидетельствуют о том, что администрация дороги и трудовой коллектив достойно выдержали испытания временем. На дороге не только сохранены добрые традиции, но и успешно развиваются новые формы трудового и профессионального мастерства. В то же время, анализируя историю проблемы (женский труд на железной дороге) и подводя итоги минувшего века, мы констатируем – вплоть до 90-х гг. наши женщины допускались к работе в железнодорожном хозяйстве пути, что никогда не практиковалось в европейских странах. Руководство дороги и ведомства в целом считали возможным надеть на работниц оранжевые жилеты в качестве защитной спецодежды, облегчить орудия труда на несколько килограммов, откладывая при этом решение о переводе работниц на более легкую, но не менее оплачиваемую работу.

Имеются данные о занятости женщин на железнодорожном транспорте за рубежом. В 1991 г. доля женского труда в общей численности персонала составляла: в Швейцарии – 6 %; Канаде и Великобритании – до 8 %; во Франции – 10 %. На железных дорогах этих стран имелось значительное количество вакансий (для рабочих и служащих), но женщин не устраивал плотный график работы. Даже в США и Канаде, где законодательство гарантирует право женщин на равную с мужчинами заработную плату, количество женщин на железнодорожном транспорте минимально. В Швейцарии не укомплектованными были рабочие места билетных контролеров, администраторов, работников справочной службы, операторов вычислительной техники, инженеров. В качестве основных мер для привлечения женского персонала на работу, администрация швейцарских железных дорог предложила разделение ставок для некоторых профессий. И это дало успешные результаты. В Британии пошли на то, чтобы сотрудницам, имеющим детей школьного возраста, разрешить работать только во время занятости детей в школе, а на каникулах оставаться дома. Во всех указанных странах администрации железных дорог стремятся обеспечить детей своих работников местами в детских садах и яслях. Результаты такой политики есть, но традиционно доля женского труда там очень невелика [34].

Проведенное исследование подтверждает особенный «национальный» характер женского труда в России, предопределенный историческим развитием государства и его политикой по отношению к женщине. В то же время сегодня можно сказать, что внутренние резервы Дальневосточной железной дороги, а также рациональное использование опыта зарубежных стран в области социальной политики позволяют создавать более эффективные и защищенные условия для трудовой деятельности работниц железнодорожного транспорта.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. ГАПК. – Ф. 1521. – Оп. 1. – Д. 417. – Л. 43.
2. ГАПК. – Ф. 26. – Оп. 37. – Д. 136. – Л. 75, 85
3. ГАХК. – Ф. 730. – Оп. 6. – Д. 2517. – Л. 58.
4. ГАХК. – Ф. 730. – Оп. 6. – Д. 802. – Л. 1–8.
5. ГАХК. – Ф. 730. – Оп. 6. – Д. 2575. – Л. 9–19.
6. ГАХК. – Ф. 730. – Оп. 6. – Д. 47. – Л. 7, 12.
7. ГАХК. – Ф. 730. – Оп. 6. – Д. 2501. – Л. 74.
8. ГАХК. – Ф. 730. – Оп. 6. – Д. 2608. – Л. 12, 33.
9. ГАХК. – Ф. 730. – Оп. 6. – Д. 2651. – Л. 41, 42.
10. ГАХК. – Ф. 730. – Оп.1. – Д. 2152. – Л.168.
11. ГАХК. – Ф. 730. – Оп. 16. – Д. 570. – Л. 79–80.
12. ГАХК. – Ф. 730. – Оп. 1. – Д. 2054. – Л. 6.
13. ГАХК. – Ф. 730. – Оп. 1. – Д. 2608. – Л. 31.
14. ГАХК. – Ф. 730. – Оп. 6. – Д. 2608. – Л. 12, 33.
15. ГАХК. – Ф. 730. – Оп. 1. – Д. 2152. – Л. 188.
16. ГАХК. – Ф. 730. – Оп. 43. – Д. 2. – Л. 106–107.
17. ГАХК. – Ф. 730. – Оп. 46. – Д. 1. – Л. 142.
18. ГАХК. – Ф. 730. – Оп. 46. – Д. 1. – Л. 92–93.

19. ГАХК. – Ф. 730. – Оп. 46. – Д. 1. – Л. 174–176.
20. ГАХК. – Ф. 730. – Оп. 46. – Д. 1. – Л. 210–212.
21. ГАХК. – Ф. 730. – Оп. 46. – Д. 1. – Л. 162.
22. ГАХК. – Ф.730. – Оп. 46. – Д. 17. – Л. 1–98.
23. ГАХК. – Ф. 730. – Оп. 46. – Д. 16. – Л. 105–219. – 320 с.
24. ГАХК. – Ф. 730. – Оп. 46. – Д. 1. – Л. 164–167.
25. Дальневосточная магистраль России / сост. В.Ф. Буркова, В.Ф. Зуев. – Хабаровск: Частная коллекция, 1997. – 352 с.
26. Дорога сквозь века. Дальневосточной железной дороге – 110 лет / сост. Т.И. Гладких. – Хабаровск: Группа компаний «Платина», 2007.
27. *Ежеля, У.В.* Дальневосточная железная дорога во второй половине XX века: свершения, проблемы и их решения (социально-экономический аспект): монография. – Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2009. – 111 с.
28. *Ежеля, У.В.* Женский труд на железнодорожном транспорте в 1960–90-е гг. как отражение государственной гендерной политики (на примере Дальневосточной железной дороги) / У.В. Ежеля // Шестые Гродековские чтения. – Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2009. – Т. III. – С. 104–111.
29. *Ежеля, У.В.* К вопросу о социалистическом соревновании и общественно-трудовой активности дальневосточных железнодорожников в 1950–80-е гг. / У.В. Ежеля // Регион в контексте общегосударственного развития: монография. – Елабуга: Изд-во Елабужского государственного педагогического университета, 2010. – С. 97–122.
30. Закон СССР о завершении перевода в 1960 г. всех рабочих и служащих на 7- и 6-часовой рабочий день от 7 мая 1960 г. // Известия. – 1960. – 8 мая.
31. *Зуев, В.Ф.* Золотой фонд магистрали: Комсомольское отделение Дальневосточной железной дороги / В.Ф. Зуев. – Хабаровск: Частная коллекция, 2007. – 192 с.
32. *Зуев, В.Ф.* Комсомольская магистраль: очерки, воспоминания, статьи / В.Ф. Зуев. – Хабаровск: Кн. изд-во, 1996. – 192 с.
33. *Крамар, Л.В.* Рабочие железнодорожного транспорта Дальнего Востока в 1951–1958 гг.: дис. … канд. ист. наук / Л.В. Крамар. – Владивосток, 1978. – 174 с.
34. К вопросу о кадровой политике // Железные дороги мира. – 1991. – № 12. – С. 63.
35. Народное хозяйство СССР за 70 лет: юбилейный стат. ежегодник. – М., 1987. – С. 415.
36. На стальных магистралях. Хабаровскому локомотивному депо – 40 лет. Очерки, документы, статьи. – Хабаровск: Кн. изд-во, 1976. – 480 с.
37. *Нохрина, С.А.* Деятельность партийных организаций Дальнего Восток по развитию научно-технического прогресса на железнодорожном транспорте (1959–1970 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук / *С.А. Нохрина*. – Томск, 1988. – 19 с.
38. О новых нормах предельно допустимых нагрузок для женщин при подъеме и перемещении тяжестей вручную: Постановление Совета Министров-Правительства Российской Федерации: [принят 6.02.1993 № 105] // Справочно-правовая система «Гарант» [Электронный ресурс] / НПП «Гарант-Сервис». – Послед. обновление: 30.06.2012.
39. О повышении размера компенсационных выплат отдельным категориям граждан: Указ Президента Российской Федерации: [принят 30.05.1994 № 1110] // Справочно-правовая система «Гарант» [Электронный ресурс] / НПП «Гарант-Сервис». – Послед. обновление: 30.06.2012.
40. О концепции улучшения положения женщин в Российской Федерации: Постановление Правительства Российской Федерации: [принят 8.01.1996 № 6] // Справочно-правовая система «Гарант» [Электронный ресурс] / НПП «Гарант-Сервис». – Послед. обновление: 30.06.2012.
41. Об утверждении Национального плана действий по улучшению положения женщин и повышению их роли в обществе до 2000 года: Постановление Правительства Российской Федерации: [принят 29.08.1996 № 1032] // Справочно-правовая система «Гарант» [Электронный ресурс] / НПП «Гарант-Сервис». – Послед. обновление: 30.06.2012.
42. О программе социальных реформ в Российской Федерации на период 1996–2000 годов: Постановление Правительства Российской Федерации: [принят 26.02.1997 № 222] // Справочно-правовая система «Гарант» [Электронный ресурс] / НПП «Гарант-Сервис». – Послед. обновление: 30.06.2012.
43. О переводе рабочих и служащих предприятий, учреждений и организаций на 5-дневную рабочую неделю с двумя выходными днями. Постановление ЦК КПСС, Совета Министров и ВЦСПС от 7 марта 1967 г. // Решения партии и правительства... . М., 1968. – Т. 6. – С. 348–352.
44. О повышении минимального размера заработной платы и увеличении ставок и окладов среднеоплачиваемых рабочих и служащих железнодорожного транспорта и метрополитенов и о мерах по закреплению кадров на железнодорожном транспорте: Постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР ВЦСПС от 2 июня 1971 г. // Решения партии и правительства... . М., 1972. – Т. 8. – С. 462–466.
45. О мерах по дальнейшему улучшению охраны труда на предприятиях и стройках: Постановление Совета Министров СССР и ВЦСПС от 23 января 1962 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – М., 1966. – Т. 5. – С. 16.
46. Об усилении внимания партийных, хозяйственных и профсоюзных органов к охране труда и технике безопасности в промышленности, строительстве и на транспорте: Постановление ЦК КПСС от 30 ноября 1966 г. // Решения партии и правительства... . – М., 1968. – Т. 6. – С. 275.
47. О дополнительных мерах по улучшению условии труда женщин, занятых в народном хозяйстве: Постановление Совета Министров СССР и ВЦСПС от 25 апреля 1978 г. // Решения партии и правительства... – М., 1979. – Т. 12. – С. 258–259.
48. *Прохоров, А.* Охрана труда женщин на железнодорожном транспорте / А. Прохоров, С. Суворов // Железнодорожный транспорт. – 1977. – № 12. – С. 52–54.
49. Список производств, цехов, профессий и должностей с вредными условиями труда работа в которых дает право на дополнительный отпуск и сокращенный рабочий день: [принят 25.10.1974. № 369 / П-16] // Справочно-правовая система «Гарант» [Электронный ресурс] / НПП «Гарант-Сервис». – Последн. обновление: 30.06.2012.
50. Список производств, профессии, работ с тяжелыми и вредными условиями труда, на которых запрещается применение труда женщин: [принят 25.07.1978. № 240/П10-3] // Справочно-правовая система «Гарант» [Электронный ресурс] / НПП «Гарант-Сервис». – Послед. обновление: 30.06.2012.
51. Управление. дороги. Отдел статистики и экономического анализа: анализ учета численности, рабочих по основным службам и ведущим профессиям на 1.08.1985 г.
52. Управление дороги. Отдел статистики и экон. анализа: данные о движении кадров в 1985 г.
53. Управление дороги. Служба корпоративной информатизации: стат. отчетность. Разовые запросы о состоянии условий труда, льготах и компенсациях за работу в неблагоприятных условиях труда за 1990, 1996, 2000, 2001 гг.
54. ЦГАОР СССР. – Ф. 5474. – Оп. 20. – Д. 5703. – Л. 46.
55. ЦГАОР СССР. – Ф. 5474. – Оп. 20. – Д. 7011. – Л. 27.
56. ЦГАОР СССР. – Ф. 5474. – Оп. 20. – Д. 7428. – Л. 27.
57. ЦГАОР СССР. – Ф. 5474. – Оп. 20. – Д. 549. – Л. 21.
58. ЦГАОР СССР. – Ф. 5474. – Оп. 20. – Д. 8544. – Л. 30.
59. ЦГАОР СССР. – Ф. 5474. – Оп. 20. – Д. 6622. – Л. 48.

ОТНОШЕНИЕ К ПРИРОДЕ КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА: ЗАПАД И КИТАЙ

Е.А. Кормочи

Кормочи Елена Александровна – кандидат философских наук, декан филологического факультета, доцент кафедры философии и культурологии Камчатского государственного университета им. Витуса Беринга.

Контактный адрес: kormochi@mail.ru

Автор статьи полагает, что в эпоху глобализации и обострившегося кризиса идентичности необходимо обратиться к исследованию сложившегося в цивилизациях Востока и Запада отношения человека к природе. Менталитет Просвещения, порожденный Западом, явился одной из главных причин глобальных проблем современности. Поиск путей решения этих проблем требует обращения к философской традиции Китая (даосизм, конфуцианство), где духовные ориентиры предполагают гармонию природного и социального.

Ключевые слова: глобализация, культурная идентичность, глобальные проблемы современности, менталитет Просвещения, конфуцианство, даосизм.

Современное человечество переживает глубочайший кризис, который обусловлен объективными явлениями планетарного масштаба. И не существует такой тихой гавани, в которой можно было бы укрыться от кризиса, поскольку к XXI в. человечество в результате глобализации стало единым целым. Процесс глобализации протекает крайне противоречиво, однако, невозможно отрицать, что глобализация несет с собой унификацию многих сторон общественной жизни для всего населения планеты. Так, в настоящее время и в Китае, и в странах Ближнего Востока, и даже в Африке люди носят одну и ту же одежду, смотрят одни и те же фильмы, слушают одни и те же песни, ездят на автомобилях одних и тех же фирм. Экспансия западной (по преимуществу англосаксонской) культуры – неоспоримый факт современности. И в этих условиях национальные и культурные общности, не принадлежащие к Западу, не могут не испытывать чувства угрозы самому их существованию. Миллиарды людей на Земле живут с ощущением, что историческая почва уходит из-под их ног. Отсюда − поиск утраченных корней, обостренное внимание к своей идентичности, стремление сохранить ее вопреки мощному давлению Запада.

Понятие идентичности – предмет научных дискуссий в современной литературе. Мы не станем в них углубляться, поскольку наша задача лежит в другой плоскости. Для целей настоящей статьи достаточно трактовки идентичности как самоотождествления, самоосознавания в результате сопоставлении себя с чем-то или кем-то иным. Можно говорить об индивидуальной и коллективной, региональной, национальной, этнической, геополитической, культурной, языковой, гендерной идентичности и прочих ее разновидностях. В контексте нашего исследования наибольший интерес представляет культурная идентичность. Под культурной идентичностью мы понимаем совершаемый индивидуально или коллективно процесс самоосознавания себя как принадлежащего к определенной культуре, самораскрытие себя через важнейшие элементы культуры: язык, мировоззрение, религию и др.

Одним из существенных аспектов становления культурной идентичности является соотнесение внутреннего мира с внешним миром, в первую очередь, с природой. Каждый социум живет и действует в определенной природной среде. Некоторые народы (например, эскимосы) адаптировались к условия приполярной тундры. Другие – к жизни во влажных тропических лесах, третьи – в пустынях, четвертые – к условиям высокогорья. В сущности, на Земле не осталось природных ниш, не освоенных человеком (если не считать Антарктиды, где в силу крайней суровости климата нет постоянного населения). Большое разнообразие природных условий обитания не может не сказаться на отношении человека к среде своей жизнедеятельности. В каждом сообществе формируются свои представления о природе, своя система норм, регулирующих отношение к ней. Такие представления и нормы становятся частью соответствующего культурного кода, важнейшим элементом соответствующей идентичности, ее опорой. Технологический, политический, экономический и соответственно культурный натиск Запада на весь незападный мир грозит обрушить эту опору, что не может не вызывать тревоги у тех, сообществ, которые является объектом, а не субъектом культурной экспансии.

Ближайшая причина исключительных успехов Запада в навязывании собственной модели отношения к природе всему остальному миру – триумфальное шествие НТР по планете. Научно-техническая революция коренным образом меняет материальное производство, условия быта миллиардов людей на планете, потребительские стандарты, нормы поведения. НТР обесценивает производст-

венные навыки и умения, которые вырабатывались веками и тысячелетиями. Вместе с ними она дезавуирует и те ценности, на которых зиждилось отношение человека традиционного общества к природе. Думается, однако, что научно-техническая революция в данной связи выступает как «верхушка айсберга», первопричину же надо искать в глубокой древности. Трудно не согласиться со словами Л. Уайта мл.: «То, как люди обращаются со своим окружением, зависит от того, что они думают о самих себе и о своих связях с вещами вокруг себя. Экологические отношения человека глубоко обусловлены его верованиями относительно своей природы и судьбы…» [8: с. 195]. По нашему мнению, для поиска истоков нынешней ситуации следует обратиться к начальному этапу развития западной цивилизации – Древней Греции. Именно там и тогда зародился специфический для цивилизации Запада тип взаимодействия общества и природы, который привел к формированию западной модели жизнедеятельности, в рамках которой мы существуем и действуем по сей день.

Первый шаг сделал Платон. Именно он философски обосновал идею бессмертия души и сделал из нее вывод, что человек коренным образом отличается от всей остальной природы. Эти представления не столько фиксировали реальную ситуацию, сколько философски освящали и, если так можно выразиться, поощряли практический активизм, пробуждали в возвышали пафос покорения природы. Природа – не родной дом, не мать и кормилица, своими плодами щедро вознаграждающая человека за его труды, а сила, которую нужно покорить и поставить себе в услужение – такова сущность западного отношения к природе.

Иное в сравнение с платоновским воззрение на природу свойственно Аристотелю. Будучи мыслителем, чутким к голосу реальности, он ближе к трактовке природы как общего дома, однако, в развернутом виде это представление так и не было им сформулировано. В средневековой Европе противостояние платонизма и аристотелизма завершилось с провозглашением в XIII в. учения св. Фомы окончательной истиной. Формально платоновская традиция потерпела поражение. Но фактически, по существу, формальное признание правоты аристотелизма не поколебало идущего от Платона отношения к природе как к чему-то бесконечно более низкому, чем дух.

В христианстве доминируют две идеи: идея сверхприродной сущности человека и идея непрерывного прогресса. Всемогущий Бог последовательно творит мироздание – свет и тьму, небесные тела, землю, растительный животный мир. Завершается процесс творения созданием человека, которому отведена роль господина, властвующего над животным и растительным миром. «Христианство открыло психологические возможности эксплуатировать природу в духе безразличия к самочувствию естественных объектов» [8: с. 197].

Эпоха Возрождения продолжает эту линию. Когда характеризуют эту эпоху, обычно подчеркивают, что она, в противовес традиционному христианству, исполненному презрению к земной жизни, пронизана жизнеутверждающим пафосом. И это, в общем и целом, верная оценка. Однако при этом часто забывают, что жизнеутверждающий пафос Возрождения имел и обратную сторону – титанизм, убеждение во всемогуществе человека, в том, что он создан для того, чтобы повелевать стихиями. Природа при таком подходе оказывается всего лишь объектом, который нужно покорить, несмотря ни на что.

Р. Декарт увеличивает пропасть между человеком и природой своим учением о субстанциях − мыслящей и протяженной. Его дуализм подводит философскую основу под философию покорительства. В его представлении – человек – не сын природы и не его часть, он − противостоящее природе существо, а сама она – внешняя реальность, которую можно, нужно и должно изменять в соответствии с человеческими планами.

Идеология эпохи Возрождения была в существенных моментах унаследована Просвещением. Свойственная Просвещению вера в прогресс, человеческий разум в соединении с буржуазным индивидуализмом оказала глубочайшее влияние на все сферы жизни западного общества. Не случайно именно на Западе сформировался капиталистический строй и возникла адекватная ему политическая надстройка в виде представительной демократии. Столь же не случаен и тот факт, что именно на Западе получила развитие теоретическая наука – одно из наиболее грандиозных достижений Античности. Для людей, живущих в XXI в., естественно полагать, что прогресс, в первую очередь, экономический, желателен и необходим для человечества. Столь же очевидно для наших современников отношение к разуму как универсальному средству решения возникающих проблем. Таким образом, Просвещение, «…как реализация стремления человека стать мерой и хозяином всех вещей по сей день составляет наиболее мощную нравственную парадигму в культуре современной эпохи» [3: с. 17].

Интересно суждение на этот счет Р. Атфилда: «За деградацию окружающей среды в большей степени, чем иудаизм и христианские верования, несет ответственность вера в вечно неувядаемый материальный прогресс, унаследованная от эпохи Просвещения и немецких метафизиков, модифицированная на Западе классической политэкономией и социологией, либеральным индивидуализмом и социальным дарвинизмом, а в Восточной Европе – неоспоримо почтительное отношение и предписаниям Маркса и Энгельса [1: с. 240].

В рамках настоящей статьи нет возможности вдаваться в вопрос о том, насколько «неоспоримо почтительным» было отношение к теоретическому наследию Маркса и Энгельса в Восточной Европе, как и в вопрос о связи между марксизмом и идеологией Просвещения. Отметим как факт: западная цивилизация, что бы по ней ни понималось, базируется на принципе потребительского отношения человека к природе. Человек объявил себя господином природы, уподобившись тем самым существу, которое сидит на ветке и её же с усердием пилит. При этом предается своему занятию со все возрастающим энтузиазмом, используя всю мощь своего интеллекта, все более совершенную технику. Мораль: ведя природную среду к деградации, мы бездумно и необратимо ухудшаем условия своего обитания.

Очевидно, что до тех пор, пока человечество сознательно не изменит эту позицию, бессмысленно искать пути решения глобальных проблем как таковых.

Как справедливо отмечает А. Печчеи: «Проблема в итоге сводится к человеческим качествам и путям их усовершенствования. Ибо лишь через развитие человеческих качеств и человеческих способностей можно добиться изменения всей ориентированной на материальные ценности цивилизации и использовать весь ее огромный потенциал для благих целей» [5: с. 9].

Возникает закономерный вопрос: а есть ли позитивная альтернатива? Существует ли, иначе говоря, иной тип жизнедеятельности, отличный от западного, который мог бы обеспечить благоденствие обществу и при этом не подрывать природных основ человеческого существования? На наш взгляд, на этот вопрос можно ответить положительно. Обратим свой умственный взор в сторону.

Думается, что в поисках путей усовершенствования человеческих качеств необходимо обратиться к культурам Востока, а, точнее, к цивилизации Китая, где духовные ориентиры предполагают гармонию природного и социального. Более того, именно духовный фактор является ведущим и системообразующим в структуре китайской цивилизации на всем пути ее развития, а философия представляет собой ключевой нормативный компонент всей деятельности человека. Идея гармонии с природой и всеобщей взаимосвязи красной нитью проходит через всю китайскую философию, в отличие от философии западной, концепции которой базируются на идее разделения мира (разделены мир и Бог, материальное и духовное, человек и природа и т. д.).

Как известно, одной из характерных черт китайской философии является антропоморфное восприятие окружающего мира. Природа наделяется при этом человеческими качествами, а человек понимается как природное существо. Именно такое мировидение лежит в основе специфически китайской концепции единства Неба (Тянь) и человека, а точнее, триединства (Небо − Земля − Человек). На протяжении многих веков китайская философия формировала холистические тенденции в китайской культуре, прививая органицистское по сути видение как мира в целом, так и человеческого сообщества.

Обратимся к двум школам китайской философии − даосизму и конфуцианству.

Согласно Лао-цзы, человек − основание общества, поэтому индивидуальная этика есть фундамент этики общественной. В связи с этим Лао-цзы устанавливает начала индивидуальной этики, признавая за индивидом возможность нравственного выбора.

Основоположник даосизма таким образом определяет нравственный идеал: «Кто служит Дао, тот тождественен дао» [2: с. 16]. Таким образом, Лао-цзы указывает людям на путь бесконечного нравственного самосовершенствования, который включает несколько составляющих:

1. Простота сердца как высшая добродетель: «Достигший высокой нравственности похож на младенца» [6: с. 440].

2. Смирение: «Не хвалиться тем, что сделано, не начальствовать над другими, превосходя их, называется небесной добродетелью» [6: с. 424].

3. Освобождение от всякого рода страстей: «Кто действует, сильно желая завладеть вселенной, тот никогда не достигнет желаемого, потому что вселенная есть божественное орудие, поэтому распоряжаться ее судьбой никто не вправе» [6: с. 431].

4. Избавление от гордости как противоположности смирению: «Кто думает, что постиг все, тот ничего не знает. Кто горд, тот не может возвыситься» [6: с. 429].

5. Иллюзорность почестей и славы, поскольку они противоречат смирению, непостоянны, неопределенны и несущественны: «Почесть и позор от сильных мира одинаково странны для мудреца» [6: с. 425].

6. Человеколюбие, подобное самоотверженной любви: «Небесное тао не имеет родственников, поэтому оно всегда склоняется к добрым людям» [6: с. 440].

Что касается социальной этики, непосредственно связанной с этикой индивидуальной, Лао-цзы видит причину многих социальных бед в отсутствии смирения, человеколюбия, в непреодолимом стремлении к богатству, власти, славе, а также в излишнем мудрствовании: «Управляющий страною посредством умствования погубит её. Когда страна управляется без всякого умствования, то в ней будет благоденствие» [6: с. 445].

Этическое учение Лао-цзы основано на убеждении, что нравственная природа человека повреждена, но не лишена перспективы достижения совер-

шенства. Тот, кто стремится к добродетели, имеет шанс достичь успеха: «Первое из трех сокровищ есть человеколюбие. Второе − бережливость. Третье − смирение или то, благодаря чему я не желаю быть руководителем для всей земли» [6: с. 445].

Конфуцием была выстроена строгая иерархическая система, охватывающая космос и социум как единое целое. Духовной целью человечества он считал Тянь (небо), а это, в свою очередь, предполагало стремление человека к гармонии с природой.

Основу этико-философского мировоззрения Конфуция составляет концепция жэнь (гуманность, человеколюбие) и ли (церемония, следование правилам, этикет), что находит свое отражение в трактате «Лунь юй», который, по сути дела, является своего рода моральным кодексом человека. Человек гуманен, если обладает пятью добродетелями: «Можно спросить, каковы они? − Почтительность, великодушие, правдивость, сметливость, доброта» [4: с. 110]. В другом переводе: «...Учтивость, терпимость, крепкая вера, усердие и доброта» [7: с. 216]. Человек может быть назван гуманным, если он соблюдает правила общественного поведения и этикета.

Интересная трактовка конфуцианской категории *жэнь* приведена Чэн Чжуньином: «... Способность саморефлектирующего человека преодолеть свою приверженность активному «я», нацеленному на корыстные интересы, достичь более глубокой и масштабной реальности «я», его творческого источника – это и есть реализация жэнь» [9: с. 70].

Понятие *жэнь* связано с понятием *чжи* (моральная добродетель, мудрость, сметливость), их соотношение может быть представлено в виде своеобразного морального обоснования (пи): идеал жэнь + известное значение ситуации (чжи) = и (правота, правильность). Иными словами, и − это знание того, что говорить и делать в конкретной ситуации.

Конфуций поощрял трудолюбие, учтивость и образованность, а во главу угла ставил мотивацию поступков, что ярко отражено в так называемом «золотом правиле»: «... Чего себе не пожелаешь, того не делай и другим» [4: с. 102].

Мудрец призывает людей к возвращению к тому, что изначально заложено, к «первозданной чистоте сердца». Современно звучат слова Конфуция: «Когда под Небесами следуют пути, будь на виду, а нет пути – скрывайся. Стыдно быть бедным и незнатным, когда в стране есть путь; стыдно быть знатным и богатым, когда в ней нет пути» [4: с. 55].

Последователь Конфуция Мэн-цзы считал, что человек рожден добрым, о чем свидетельствуют четыре вещи: естественное чувство сострадания, чувство стыда, любезность и понимание добра и зла. Однако в течение жизни человек должен развивать эти положительные качества, в чем и заключается нравственное формирование личности.

Другой конфуцианец − Сюнь-цзы считал природу человека злой, эгоистичной и требующей корректировки при помощи воспитания и самосовершенствования. Причем ведущую роль в этом процессе должно играть образование.

Теоретик неоконфуцианства Чжу-Си утверждал, что, несмотря на врожденные положительные качества человеческой натуры, она подвержена отрицательному воздействию внешних факторов, но избежать этого влияния можно при помощи знания. Согласно неоконфуцианству личная польза должна рассматриваться сквозь призму соответствия общественному благу, любое изменение (пусть даже способствующее личной пользе) рассматривается как угроза общественному порядку.

Идеи конфуцианства, трансформировавшиеся в неоконфуцианство, по сей день актуальны в Китае. К примеру, неоконфуцианские тексты легли в свое время в основу гражданского законодательства. Этические нормы конфуцианства (трудолюбие, усердие, почтительность и пр.), по мнению многих исследователей восточных цивилизаций, явились одной из причин экономического подъема в странах Дальнего Востока.

Следует прямо признать, что реализация в современном обществе императивов, радикально отличных от тех, что унаследованы от эпохи Просвещения, маловероятна. Но совершенно очевидно одно − для выживания человечеству необходимо опора на те духовные ресурсы, которые открывают перспективу заменить царящий ныне дух своекорыстия духом осознанного служения общественной пользе, которые позволяют также развенчать идеал ничем не ограниченного потребления и утвердить вместо него стремление к разумному ограничению материальных потребностей. Ресурсы, позволяющие сформировать на массовом уровне сознание личной ответственности каждого человека за сохранение жизни на Земле.

Оптимистично в данном контексте звучат слова В.С. Степина: «…Восточные культуры (как и большинство традиционалистских культур) всегда исходили из того, что природный мир, в котором живет человек, − это живой организм, а не обезличенное неорганическое поле, которое можно перепахивать и переделывать. Долгое время новоевропейская наука относилась к этим идеям как к пережиткам мифа и мистики. Но после развития современных представлений о биосфере как глобальной экосистеме выяснилось, что непосредственно окружающая нас среда действительно представляет собой целостный организм, в который включен человек. Эти представления уже начинают в определенном смысле резонировать с организмическими образами природы, свойственными древним культурам» [5: с. 268–269].

В заключение выскажем надежду на то, что в ближайшем будущем место и статус стран в глобальном мире во многом будет определяться спо-

собностью найти и применить духовные ресурсы для решения глобальных проблем современности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Атфилд, Р.* Этика экологической ответственности (Главы из книги) / Р. Атфилд // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности: пер. с англ. и франц.; сост. Л.И. Василенко и В.Е. Ермолаевой. – М.: Прогресс, 1990. – 495 с. С. 203–257.

2. Дао дэ цзин / Дао: гармония мира. – М.: Эксмо, Харьков: Фолио, 2002. – 864 с.

3. *Ду Ваймин*. Глобальное сообщество как реальность: изучение духовных ресурсов социального развития / Ду Ваймин // Китайская философия и современная цивилизация. Сборник статей. – М.: Восточная литература РАН, 1997. – 192 с.

4. Лунь юй / Конфуций. Уроки мудрости: Сочинения. – М.: ЗАО Эксмо-Пресс, Харьков: Фолио, 1999. – 958 с.

5. *Степин, В.С.* Цивилизация и культура / В.С. Степин – СПб.: СПбГУП, 2011. – 408 с5:

6. Тао тэ кинг / Дао: гармония мира. – М.: Эксмо, Харьков: Фолио, 2002. – 864 с.

7. *Томпсон, М.* Восточная философия / М. Томпсон – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. – 384 с.

8. *Уайт, Л. мл.* Исторические корни нашего экологического кризиса / Л. Уайт мл.// Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности: пер. с англ. и франц. / сост. Л.И. Василенко и В.Е. Ермолаевой. – М.: Прогресс, 1990. – 495 с. – С. 188–202.

9. *Чжунъин Ч.* Теория конфуцианского «я»: самосовершенствование и свободная воля в конфуцианской философии / Ч. Чжунъин // Китайская философия и современная цивилизация. Сборник статей. – М.: Восточная литература РАН, 1997. – 192 с.

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО ОПОСРЕДОВАННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ И ВЫРАЖЕНИЯ КИТАЙСКОЙ ВЕЖЛИВОСТИ

И.А. Крижановская

Крижановская Ирина Александровна – преподаватель кафедры иностранных языков Северо-Восточного государственного университета (г. Магадан).

Контактный адрес: iak1501@yahoo.com

Автор статьи рассматривает культурные концепции вежливости, а также вопросы исторического происхождения вежливости. Так как принято считать, что английский язык как средство опосредованного общения сегодня довольно широко используется во всем мире, автор утверждает, что английский язык способен выражать почти все нюансы правил китайской вежливости.

Ключевые слова: английский язык, китайская культура, вежливость, речевое поведение.

Благодаря роли английского языка, используемого в качестве языка-посредника в общении народов всего мира, стало возможным знакомиться с культурами других народов, представлявшими, из-за трудностей языка и письменности, до некоторых пор экзотическую область [8: с. 3]. Однако будучи носителем англофонной культуры, английский язык не в состоянии адекватно передать уникальность всех описываемых им культур. Поэтому, выполняя роль посредника, английский язык подвергается значительным изменениям на всех уровнях своей структуры, варьируется, проявляясь в различных региональных вариантах и разновидностях [Kachru 1983; McArthur 1998; Kandiah 1998; Прошина 2002]. Исследователи считают, чтобы справиться с функцией передачи других культур, например, китайской, английский язык нуждается в расширении средств лингвистического отражения китайской действительности. В результате расширения английский язык как посредник способен выразить разнообразные нюансы китайской вежливости. Таким образом, «культурное ожидание» на прагматическом уровне так же важно, как и на лексическом и грамматическом уровнях [20: с. 86]. Прагматическое поведение, как утверждает Сун Ли, зачастую является проявлением ценностей и норм, присущих китайской культуре и, следовательно, оказывается важнейшим отличительным признаком лингвистически обособленного варианта английского языка: китайского варианта английского языка [24: с. 165].

Исследование коммуникативного принципа вежливости в художественной контаминированной английской речи персонажей-китайцев на примере литературно-художественного творчества писателей-билингвов согласуется с анализом дискурса и межкультурной прагматики: этнокультурно обусловленным выбором тактики и стратегии вежливого речевого поведения.

В каждой культуре существует свое содержание понятия вежливости, которое отражается в языке. «Наиболее традиционное определение вежливости как проявление уважения, внимания к другим представителям неприемлемы в межкультурном аспекте, поскольку даже такие универсальные, на первый взгляд, понятия, как *уважение и внимание* различны в разных культурах...» [3, 129]. Таким образом, в понимании представителей различных национальных сознаний понятие вежливости как с точки зрения речевого этикета, так и в лингвистическом аспекте, трактуется неоднозначно.

Авторы в исследованиях по прагматике вежливости, ставших уже классическими произведениями, утверждают, что в англоязычных культурах лингвистическая вежливость единогласно рассматривается как стратегия избежания конфликтов и разногласий [Lakoff 1973, 1975; Brown & Levinson 1978; Fraser & Nolen 1981, 1990; Leech 1983; Kasper 1990].

Лаккофф определяет вежливость как инструмент, используемый для развития межличностных отношений путем предотвращения различных конфликтов и уменьшения трения между собеседниками [21: с. 34]. Браун и Левинсон утверждают, что вежливость – это регрессивное действие, предпринимаемое для уравновешивания разрушительного эффекта, вызываемого ликоущемляющими актами (FTAs) [14]. Конвенциональные импликатуры Грайса, Максима Такта и Принцип Иронии Дж. Лича являются такими же типичными коммуникативными стратегиями избежания конфликтов. Принцип вежливости гласит: «…сохраняйте социальное равновесие и дружеские отношения, предполагая, что ваш собеседник первым стал с вами сотрудничать» [22: с. 82]. Принцип Иронии утверждает: «…если вы вынуждены своими словами нанести оскорбление, делайте это, не нарушая Принципа Вежливости, косвенно сообщайте слушающему о ваших негативных намерениях, в виде импликатур» [22: с. 82].

Фразер и Нолен представляют вежливость как договор о ведении диалога, обе стороны которого понимают свои права и обязанности, определяющие, по крайней мере, на предварительном этапе, что участники диалога могут ожидать от других [15: с. 93].

Китайская вежливость – весьма экзотическое, загадочное и непостижимое явление. Для китайцев вежливость – это добродетель, черта характера благородного мужа, поэтому целью вежливости является не избежание конфликта, а достижение гармонии в отношениях [13: с. 44].

Исследуя феномен вежливости в современном китайском языке, Гу Юэго отмечает, что наиболее подходящий китайский эквивалент английского слова *politeness* (*вежливость*) – *lǐmào (лимао)* 礼貌. *Lǐ (ли)* 礼 – это церемония, ритуал, приличия, такт, правило), *mào (мао)* 貌 – лицо, внешний вид, облик, что вполне соответствует английскому словосочетанию – *polite appearance (демонстративно вежливое поведение)*. Современное понятие *лимао* 礼貌 произошло от древнекитайского иероглифа *ли* 礼 [16: с. 238]. Как классическое понятие китайской поведенческой культуры *Ли* было сформулировано Конфуцием (551 В.С. – 479 В.С.), жившим во времена упадка рабовладельческой системы и междоусобных войн семи крупнейших государств, располагавшихся на территории Китая. Чтобы изменить крайне неблагоприятную ситуацию, «Конфуций призывал восстановить правила, существовавшие во времена лучших правителей династии Чжоу» [4: с. 23] (the Zhou Dynasty, с 1027 по 771 г. до н. э.), длившейся 257 лет, которую Конфуций считал идеальной моделью любого общества.

Для того чтобы осуществить *Ли (ритуал)*, по Конфуцию, необходимо было восстановить социальную иерархию и порядок рабовладельческой системы через *zhēngmíng* (*чженмин*) 正名, т. е. *исправить имена*. В конфуцианском учении об исправлении имен иероглиф *míng* (*мин*) – имя 名 означает *«ценность социального статуса и роли личности в обществе»*. Согласно этому определению, социальная роль каждого члена общества должна быть не номинальной, а реальной. Это значит, что государь, чиновник, отец, сын должны не только так называться, но и обладать всеми качествами, правами и обязанностями, вытекающими из этих социальных ролей. Другими словами, каждый член общества должен занимать подобающее ему место [16: с. 238].

Очевидно, что человек интересует Конфуция не сам по себе, а как часть иерархического общества, где он занимает подобающее место и способен выполнить соответствующий своему месту и моменту *ритуал*. Приобретший функцию закона, *ритуал* играл важную роль в оформлении гармонических отношений внутри кланов и между ними, а также в закреплении норм поведения с гостями и «варварами», так назывались царства, не входившие в китайскую культурную сферу. Как мы видим, задача воспроизведения норм поведения в обществе, разделенном на «своих» и «чужих», возлагается на самого человека.

Таким образом, *ритуал*, выступающий социальным и политическим регулятором, определяется комбинацией этических норм, хороших манер, церемоний, обычаев, этикета и правил хорошего поведения, без знания которых человеческое поведение окажется нерегулируемым. Поэтому ритуализированный речевой этикет китайцев является неотъемлемой частью их традиционной духовной культуры. Этикет и ритуал в Китае представляют собой своеобразный фундамент конфуцианских и традиционных для Китая представлений о культуре вообще и культуре поведения и общения в частности.

Гу Юэго отмечает четыре социокультурных понятия, лежащих в основе китайского концепта *вежливость:* respectfulness (*почтительность*), modesty (*скромность*), attitudinal warmth (*доброжелательность*) и refinement (*утонченность*). *Почтительность* – положительное отношение или восхищение другим человеком, забота о его *лице*, социальном статусе. *Скромность* – это отсутствие намерения превозносить себя; скромный человек искренне интересуется окружающими более, чем собой. Скромность может рассматриваться как еще один способ *самоуничижения*. *Доброжелательность* – проявление доброго отношения, расположение к кому-либо или выражение участия. *Утонченность* – это свободное следование нормам нравственности и морали, уважение к религии и почтение к науке и искусству. По сути, Конфуций, теоретически осмыслив понятие *Ли*, превратил его в самую общую характеристику правильного общественного устройства и морального поведения человека в обществе по отношению к другим и себе. Таким образом, вежливость в китайской культуре – это, прежде всего, выражение морального характера личности, ядром чего является взаимное уважение и совместное сосуществование. Гу также обращает внимание на то, что репрезентация всех четырех элементов не обязательна для *вежливого поведения*. На самом деле поведение считается вежливым, если в нем присутствует хотя бы один из этих элементов [16: с. 239].

В основе китайского концепта «*вежливость*» лежат два важных принципа: *искренность* и *равновесие*. Вежливость должна быть искренней, что само по себе подразумевает такую же взаимность *huánlǐ* (*хуанли)* 还礼, т. е. *вернуть подарок или отплатить вежливостью*). *Принцип искренности* (правдивости, подлинности), возможно, требует вежливых речевых высказываний не только оформленных грамматическими рамками предложения, но и выходящих дале-

ко за его пределы, так как обмен репликами может содержать прагматический аспект, который должен приниматься во внимание обеими сторонами. *Принцип равновесия* предопределяет последующие обменные реплики, после того, как суть диалога становится ясной [16: с. 239].

Согласно Гу Юэго, лишь спустя двести или триста лет после смерти Конфуция, за словом *Ли* закрепляется значение *вежливость*, употребление которого зафиксировано в книге *Li Ji «Ли Цзи»* (*О Ли*), составленной, по общему мнению, Дай Шен (Dai Sheng) приблизительно во время правления Западной Ханьской династии (West Han Dynasty). Книга начинается словами: «говоря о *Ли* (т. е. *вежливости*), нельзя увидеть разницу между собственным уничижением и проявлением уважения к другому человеку» [16: с. 238]. Другими словами, собственное уничижение и уважение к собеседнику остается ядром современной концепции *Ли*, вежливого поведения китайцев.

В словаре «现代汉语词典» (1996) слову 礼貌 *«вежливость»* дано следующее определение: *«языковое выражение скромности и почтения»*.

Пань Юйлин в своей работе *«Politeness in Chinese Face-to-Face Interaction»*, размышляя о китайской вежливости в межличностных отношениях, затрудняется дать определение вежливости одним предложением по двум причинам:

1) у людей имеются различные предположения по поводу того, что значит быть вежливым;

2) наличие вариативного и многообразного вежливого поведения в определенной культуре [23: с. 143].

По мнению американцев, пишет Пань, человек имеет устойчивые поведенческие характеристики, и поэтому будет действовать одинаково, используя одни и те же стратегии вежливости, в какой бы ситуации он ни оказался. Однако китайцы обладают более гибкими стратегиями вежливого речевого поведения и действуют согласно ситуации, в которой оказываются, используя различные стратегии лица (или вежливости) в зависимости от занимаемого социального статуса собеседников [23: с. 144]. Таким образом, система лица (или вежливости) как культурный инструмент, представленная вариативными и многообразными стратегиями, используется для того, чтобы служить связующим звеном в социальных межличностных отношениях. Например, в государственных учреждениях, когда собеседники не знакомы, они почти не проявляют заботы о лице друг друга, в отличие от сферы частного предпринимательства, где забота о лице потенциального клиента осуществляется с помощью стратегии культивирования отношений. В деловых кругах, на заседаниях и встречах иерархия отношений играет огромную роль, поэтому социальное положение собеседников считается более важным атрибутом, чем пол. Что касается семейных отношений, то гендерный аспект играет здесь ключевую роль: мужчина имеет больше права голоса, чем жена, сестра и даже мать [23: с. 144]. Таким образом, для китайцев социальные атрибуты адресата, такие как положение в обществе, возраст, пол и связи являются важными факторами, определяющими выбор стратегии вежливости.

Целью нашей статьи является изучение способов функционирования принципа китайской вежливости, транслируемых китайской культурой в английский язык на примере максим *самоуничижения, обращения, такта и великодушия*, выведенных китайским ученым Гу Юэго. Идея об универсальности максим Дж. Лича была подвергнута критике со стороны Гу, который подчеркивает, что в китайском обществе есть не только свои представления о такте, великодушии и скромности, но и свои правила, например, максимы самоуничижения и обращения, составляющие основу принципа китайской вежливости [16].

Максима Самоуничижения представлена двумя субмаксимами: (а) принижение себя и (б) восхваление слушающего. Известно, что китайская вежливость строится на самоуничижении, что, по сути, является выражением скромности и уважения к собеседнику.

Данная максима более широко представляет Я-концепцию (образ своего «Я»), рассматриваемую в психологии как совокупность установок, направленных на представление индивида о самом себе. Эти представления о себе самом в большей или меньшей степени осознанны и обладают относительной устойчивостью. Однако, когда люди развиваются внутри определенной культурно-языковой среды, «…язык и культура формируют, ограничивают и обусловливают их ощущение "Я" таким образом, что я-концепция "имеет смысл" только внутри именно этой культурно-языковой среды» [7: с. 76]. В этом случае деление культур на индивидуалистические и коллективистские имеет первостепенное значение для практики англоязычного общения в условиях межкультурного контекста, так как представители названных типов культур характеризуются разным ощущением «Я» или восприятием «образа себя». В индивидуалистической культуре – это «Я-образ» (self-face), в коллективистской – «Мы-образ» (mutual-face) или «образ Группы» [3: с. 40; 1: с. 140] или «образ Другого» (other-face) [16: с. 246; 1: с. 140], по Мацумото, независимое и зависимое «Я» [7: с. 77] или взаимозависимое «Я» (mutual-face) [18: с. 258].

В индивидуалистических культурах преобладают интересы индивида, «я» стоит выше, чем «мы» или «другой»; нормативной задачей является сохранение независимости индивида; аффективная оценка «Я-образа» проявляется в самоуважении и себялюбии. Индивидуалистические культуры, на-

пример, американская, в целом придают относительно мало значения разнице в статусе между людьми и тому, принадлежит ли другой человек к внешней или к внутренней группе. В коллективистских культурах, напротив, преобладают интересы группы, люди адаптируются к установленным отношениям (семьи, племени, рода, коллектива), «другой» и «мы» стоят выше, чем «я». Отсюда, например, для китайской культуры важен статус или общий контекст, определяющий тип взаимоотношений между людьми. Аффективная оценка «Я-образа», в отличие от американской, проявляется в самоуничижении, другими словами самоуважение начинается с заботы о лице собеседника.

Учение о социальных статусах в китайской культуре породило ряд законов социального поведения. Это касается трех правил, «…которые более незыблемы, чем христианские догматы, и более авторитетны, чем американская конституция» [5: с. 185]. Одно из них Лицо, которое правило и продолжает править Китаем и сегодня. Это не физическое, а психологическое лицо, «с помощью которого китайцы регулируют социальные отношения»: не заботиться о чужом лице уже означает причинить вред в какой-то степени своему лицу [5: с. 189]. Отрицать право человека на лицо в Китае – это неслыханная дерзость, поэтому в ответ на самоуничижение говорящего слушающий обязан отплатить тем же, т. е. «вернуть лицо» собеседнику, чтобы сохранить равновесие и гармонию в отношениях. Это особенно важно для китайского общества, в котором, хотя и отсутствует деление на касты и наследственная аристократия, сохраняется социальное неравенство, деление на «высших» и «низших», которому способствует то обстоятельство, что в Китае угнетатели и угнетенные часто меняются местами» [5: с. 188].

Таким образом, принцип вежливости в китайском варианте английского языка может быть представлен Максимой Самоуничижения, первая субмаксима которого предписывает принижать, недооценивать или ставить себя низко, а также умалять свои достоинства при помощи некоторых речевых стратегий; вторая субмаксима предписывает восхвалять слушающего, с целью сказать собеседнику что-то приятное или подбодрить его.

Максима самоуничижения имеет тесную связь с Максимой Обращения.

Максима Обращения гласит: обращайся к собеседнику по форме. Эта максима основана на понятии уважения и теплоты. Обращение к собеседнику – это не просто произнесение слов, чтобы привлечь внимание слушающего. Акт обращения включает (а) признание говорящим социального статуса или роли слушающего и (б) определение социального положения между участниками коммуникации. Это помогает установить и в дальнейшем поддерживать социальные границы, упрочить общность и контролировать социальную дистанцию, что само по себе является проявлением заботы о *лице* собеседника. По сравнению с другими максимами, Максима Обращения может рассматриваться, главным образом, как выражение лингвистической вежливости. Неумение обратиться по форме считается проявлением грубости или сигналом о нарушении установленного социального порядка, что является нарушением субмаксимы (а) Максимы Обращения. Интересно, что система обращения в современном китайском языке стилизована до такого предела, что позволяет предотвратить злоупотребление ею [16: с. 249].

Термин «обращение» представляет собой зонтик, покрывающий значительное число государственных, должностных титулов, личных имен, терминов родства, так называемых индикаторов вежливости, которые включают формы почтения и взаимные формы обращения. Следующие пять основных категорий включают в себя систему обращения в современном китайском языке. Выбор формы обращения зависит от рассмотрения многих переменных ситуаций общения: (1) родня или не родня; (2) начальник или подчиненный; (3) имеющий вес или не имеющий; (4) знакомый или незнакомый (связанный общностью интересов или не связанный); (5) мужчина или женщина; (6) старый или молодой; (7) формальная или неформальная обстановка; (8) член семьи или не член семьи; (9) коммуникативный контекст: общественное место или дом. Из этих девяти ситуаций (1), (5), (8) и (9) имеют бинарную оппозицию, когда как остальные – линейную.

Существует три различия между китайской и английской системами обращения, которые могут привести к проблемам кросскультурного общения. Во-первых, имя собственное в китайском языке имеет свой порядок: фамилия – имя. Если есть второе имя (middle name), то одно оно не может оформить обращение. В английском языке обратный порядок: имя – фамилия. Китайская фамилия является неродственной, т. е. публичной формулой обращения и может быть использована в качестве обращения не членами семьи, однако, имя и второе имя являются родственными формулами обращения и используются как членами семьи, принадлежащими к одному поколению, так и старшим поколением в обращении к младшим. По имени обращаются друг к другу влюбленные и родители к детям.

В китайском варианте английского языка выражения, обозначающие обращения, носят ярко выраженный отпечаток китайской культуры. Использование разных терминов при обращении к людям разного социального статуса как раз и является лингвистическим отображением иерархической структуры китайского общества. «В Китае человек

– это не столько личность, сколько функция, совокупность заслуг и достижений. А еще его статус. Поэтому обращаясь к человеку, надо показывать, что вам известен его статус, и вы его уважаете» [6: с. 200]. Рассмотрим пример:

(1) «Comrade Detective Yu?»

(2) «Comrade Liang?»

(3) «Yes, that's me. People here just call me Old Liang (a)», he said in a booming voice. «I am just a residential policeman (b). We really have to depend on you to investigate (c), Comrade Detective Yu (d)».

(4) «Don't say that [a], Old Liang», Yu said. «You have worked here for so many years [b], it is *I* who must rely on your help». (c)

[Qiu Xiaolong. When Red is Black, p. 24]

Таким образом, для того чтобы выказать уважение детективу по фамилии Yu (Юй) говорящим используется структура «Профессиональное звание + Фамилия»: «Detective Yu» (1) («детектив Юй»).

Даже в неформальных ситуациях предполагается стереотипное использование модели строго дистанцированного коммуникативного поведения «профессиональное / официальное звание + фамилия». «Если при обращении к старшему по возрасту или вышестоящему по служебному положению не названо звание или должность, это считается серьезным оскорблением или проявлением неуважения» [24: с. 166].

Так как статус собеседника Юю неизвестен, он обращается к Ляну формально, но правильно: по фамилии после «модификатора обращения» «comrade + family name»: "Comrade Liang" (2) («Товарищ Лян)». Назвать человека просто по фамилии или имени будет слишком формальным и невежливым. Слово "comrade" *tóng zhì* (*тон чжи*) 同志 в китайском языке буквально означает человека, объединенного одним духом, общей целью и равными амбициями с подобными ему людьми. Впервые оно было представлено в политической среде коммунистов. В современном Китае все реже называют друг друга товарищами. На молодежном сленге это слово является синонимом «представителя сексуальных меньшинств». Однако говорить о полном изживании в Поднебесной коммунистических традиций явно рано. Сун Ли отмечает, что структура «comrade + family name» («товарищ + фамилия») встречается до сих пор в обиходе среди китайцев более старшего поколения, «хотя она уже используется не так часто, как это было до реформ и политики открытости в конце семидесятых годов XX века» [24: с. 66].

Из этого краткого приветствия-обращения можно предположить, что собеседники косвенно знакомы, поэтому они не представляются друг другу, а уточняют место собеседника в культурной и социальной иерархии с помощью вопроса (1) и (2), данная коммуникативная стратегия дает возможность Ляну обратить внимание собеседника (Юя) на то, как тому будет удобнее его называть «People here just call me Old Liang» (3a), а также уточнить не только свой социальный, но и профессиональный статус «I am just a residential policeman» (3b). Данное высказывание реализует субмаксиму (б) Максимы Обращения. Цель данной стратегии – упрочить общность и соблюсти социальную дистанцию, что само по себе является проявление заботы о лице собеседника.

В разговоре с коллегами или друзьями китайцы часто прибавляют к фамилии человека приставку *old* 老lǎo (лао) или *little* 小xiǎo (сяо) [12: с. 43], по Маслову, «модификаторы возраста», которые подчеркивают уважение к возрасту собеседника и одновременно его статус [6: с. 201]. *Old* обычно используется перед фамилией для старших, *little* – для младших.

В данном примере пожилой участковый Лян при непосредственном знакомстве с более младшим по возрасту инспектором Юем уничижает себя, скромно замечая, что все называют его «просто старина Лян»: «People here just call me Old Liang» (3a) и делает это сначала без упоминания профессионального статуса.

Далее Лян скромно добавляет, что он всего лишь участковый полицейский «I am just a residential policeman» (3b), который должен полагаться в расследовании на высшего по рангу инспектора Юя «We really have to depend on you to investigate (3c), Comrade Detective Yu». Чтобы выразить признание социального статуса, что является реализацией субмаксимы (а) Максимы Обращения, Лян использует двойной модификатор обращения 'comrade' и 'detective' + имя.

В общении явно присутствует признак «высший-низший», который имеет прямое отношение к выбору средств выражения вежливости. Прежде всего, это связано с конфуцианским учением о соблюдении строгой иерархии в отношениях низших к высшим по социальному положению и младших к старшим по возрасту. Тань Аошуан по этому поводу пишет: «К начальнику обращаются вежливо, даже если он моложе подчиненного» [9: с. 96]. Из данного отрывка мы видим, что собеседники заботятся о лице друг друга, полностью соблюдая Максиму Обращения.

Согласно ритуалу, инспектор Юй тоже уничижает себя, искренне отвечая на комплимент вежливым выражением «Don't say that, Old Liang» (4a) («Где уж мне, старина Лян»). Эта фраза дань скромности, буквально означает «Вы слишком хорошо обо мне думаете» [12: с. 60]. При этом соблюдается субмаксима (а) Максимы Самоуничижения. Таким образом, Юй заботится о *лице* собеседника и тем самым проявляет к нему уважение. Далее, упоминая о его заслугах «You have worked here for so many

years» (4b), Юй, реализуя субмаксиму (б) Максимы Самоуничижения, подчеркивает, что это он, а не Лян должен рассчитывать на его помощь «…it is *I* who must rely on your help» (4c), тем самым «давая лицо» собеседнику, что в контексте китайской культуры означает публично указать на престиж человека в обществе. Есть несколько способов это сделать: похвалить собеседника, подчеркнуть его статус или сделать ему комплимент [2: с. 105]. Форма выражения уничижительного смысла здесь – лексическое стилистическое средство преуменьшения (4a) и «оплаты» морального долга в виде ответного комплимента с целью «вернуть лицо» собеседнику (4b), а также графическое стилистическое средство выделения курсивом местоимения (4c).

Проанализировав данный пример, мы можем сделать вывод о том, что английский язык опосредованно выражает принцип китайской вежливости, представленный максимами Самоуничижения и Обращения, целью которых является сохранение, характерных для китайской культуры, в отличие от английской, отношений равновесия и гармонии.

Максима Самоуничижения имеет тесную связь с максимами Дж. Лича: максимой великодушия, максимой ободрения и максимой скромности. Данные максимы могут реализовываться вместе с Максимой Самоуничижения.

Максимы Великодушия и Такта

Максима Великодушия, по Дж. Личу, определяется следующим образом: (а) моральная и эстетическая выгода для себя должна быть сведена к минимуму; б) максимальный ущерб должен относиться к говорящему, а не к собеседнику. Эта максима действует в паре с Максимой Такта, но, в отличие от неё, она ориентирована на говорящего, а не на адресата.

Максима Такта, одна из самых важных максим Принципа Вежливости, определяется следующим образом: а) возможный моральный и эстетический ущерб для собеседника должен быть сведен к минимуму; б) польза для собеседника должна быть максимальной. В отличие от Максимы Великодушия, эта максима направлена не на себя, а на собеседника, на учёт его интересов. Действие Максимы Такта распространяется, по мнению Дж. Лича, на импозитивы (советы, приказы, просьбы) и комиссивы (обещания, клятвы, угрозы, предложения).

Эти две максимы, учитывая сферу их функционирования, представлены двумя основными концепциями: «своди к минимуму» и «доводи до максимума» [22: с. 132].

Максима Такта (ориентация на слушающего):

а) своди к минимуму ущерб для собеседника;

б) доводи до максимума пользу для собеседника.

Максима Великодушия (ориентация на говорящего):

а) своди к минимуму выгоду для себя;

б) доводи до максимума затраты для себя.

Дж. Лич замечает, что двойственность (между импозитивами и комиссивами) означает на практике, что нет большой необходимости в различении ориентированной на слушающего (other-centered) Максиме Такта от ориентированной на говорящего (self-centered) Максиме Великодушия [22: с. 133]. Гу Юэго отмечает, что в контексте китайской культуры, однако, эти две максимы являются дополнением друг друга, несмотря на то что их сферы функционирования разделены: за Максимой Такта закреплены только импозитивы, за Максимой Великодушия – комиссивы. Основанием для дополнения является параллельная транзакционность (transactional) импозитивов и комиссивов: по шкале затрат и выгод: импозитивы говорящего будут комиссивами слушаюшего, а комиссивы говорящего импозитивами слушающего. С одной стороны, говорящий соблюдает Максиму Такта, используя импозитивы, тогда как слушающий соблюдает Максиму Великодушия в ответ (включая перлокутивный ответ) на речевые действия говорящего. С другой стороны, говорящий соблюдает Максиму Великодушия, используя комиссивы, тогда как слушающий – Максиму Такта [16: с. 252].

Анализ примера речевого акта приглашение иллюстрирует, как эти две максимы передаются средствами английского языка для реализации принципа китайской вежливости.

Рассмотрим диалог между Уверли, которая воскресным вечером со своим другом Ричем нанесла неожиданный визит тете Су:

(1) A: ‘Stay! Stay!’ she had insisted.

(2) B: ‘No, no. It’s just that we were walking by,’ I said.

(3) A: ‘Already cooked enough for you (a). See? One soup, four dishes. You don’t eat it, only have to throw it away (b). Wasted! (c)’

How could we refuse?

[Amy Tan. Joy Luck Club, p. 176]

В случае с приглашением-транзакцией Максима Великодушия соблюдается, когда говорящий, используя импозитивы, не упускает возможности, беря на себя все усилия (субмаксима (а)), пригласить гостя, который, в свою очередь, соблюдая Максиму Такта, отвечает на приглашение прямым отказом, используя комиссивы, тем самым минимизируя затраты говорящего (субмаксима (b)).

В китайском языке очень редко приглашение реализуется успешно с помощью одного речевого акта. Чаще для этого требуется несколько обменных реплик. Трудно уловить всю сложность, каким образом носители данной культуры различают транзакцию. Известно, что в Китае открытый отказ унизителен для собеседника, так как при этом он

теряет *лицо*. Вежливость по-китайски, как уже упоминалось выше, является проявлением заботы о *лице* собеседника [18: с. 252].

Однако говорящий знает, что, согласно речевому этикету или ритуалу, слушающий должен ответить отказом, поэтому говорящий приглашает слушающего снова и снова, чтобы показать свое гостеприимство и искренность намерений.

По данным Гу Юэго, в китайском языке число реплик успешного приглашения-транзакции составляет три [16: с. 253]. Когнитивная схема приглашения-транзакции выглядит следующим образом:

(i) A: приглашение

B: отказ (с объяснением причины)

(ii) A: приглашение (с опровержением причин и минимизацией своих затрат)

B: отказ (с подтверждением причин)

(iii) A: настойчивое приглашение (опровержение, уговоры, минимизация своих затрат)

B: принятие приглашения (на условиях или безусловно)

В контексте китайской культуры, чтобы проявить уважение к слушающему, говорящий иногда делает приглашение в ритуальной форме. Этот тип приглашения часто имеет место в конце речевой ситуации и функционирует как акт прощания между собеседниками: говорящий таким образом подтверждает дружеские отношения и дает понять, что, прежде всего, он заинтересован в сохранении отношений на будущее. Такой тип приглашения называется *«ритуальное приглашение»* [18: с. 252], а приглашение, которое выражает искреннее намерение говорящего принять слушающего в качестве гостя, называется *«истинное приглашение»*. Китайцы прибегают к различным стратегиям, рассматривая эти два типа приглашений.

В китайской культуре легче сделать приглашение, чем принять его. Несмотря на то, что говорящий рискует потерять лицо (положительное лицо, согласно Браун и Левинсону), речевой акт приглашения в действительности считается вежливым, так как при этом говорящий соблюдает Максиму Великодушия: доводи до максимума пользу для собеседника. Принятие приглашения, с другой стороны, оставляет слушающего в долгу перед говорящим, что является нарушением Максимы Такта, которая требует от слушающего сводить к минимуму ущерб для собеседника, и подвергает риску его лицо, если бы тот оказался жадным или его намерения были бы неискренними. Эти три фактора находятся в противоречии с желанием слушающего принять приглашение. Однако искусный собеседник безошибочно определяет серьезность намерений. Следующее высказывание является примером заимствования в китайском варианте английского языка этой языковой тактики:

(2) B: ‘No, no (a). It’s just that we were walking by (b).’

Слова “No, no” (2a) буквально означают «Слишком много проблем для вас», что может подразумевать отказ от приглашения говорящего “Stay! Stay!” (1)

Высказывание «It’s just that we were walking by» (2б) является оправданием причины отказа. Важно то, что эта причина является учетом затрат говорящего (1), а высказывания слушающего (2) – соблюдением Максимы Такта. Однако эта причина не имеет силы для отказа от приглашения. Отклонение приглашения слушающим (2) при соблюдении Максимы Такта и достаточных свидетельствах, вместе с другими сигналами, позволяет вывести следующие импликатуры: (а) слушающий желал бы принять приглашение, (б) слушающий отклоняет приглашение ради вежливости, (с) слушающий, возможно, защищает свое лицо, чтобы не прослыть жадным, и (д) слушающий, возможно, решит, что, если примет приглашение, то будет в долгу перед говорящим.

Считается, что это не единственные импликатуры. Однако, какими бы ни были импликатуры, они служат основанием избираемой говорящим дальнейшей речевой стратегии:

(3) A: “Already cooked enough for you (a). See? One soup, four dishes.

(4) You don’t eat it, only have to throw it away (b). Wasted (c)!”

Высказывания приглашающего (3) и (4) опровергают причины, высказанные приглашенным (2б) «It’s just that we were walking by». Это означает, что на самом деле не составит большого труда подготовить предстоящий ужин, так как все угощения уже приготовлены «Already cooked enough for you» (3a), а пища придет в негодность и ее придется выбросить, если приглашение будет отклонено «You don’t eat it, only have to throw it away (3b). Wasted (3c)!».

Следует обратить внимание на то, что высказывание (2) может быть на самом деле истинным, в то время как утверждения (3) и (4) – ложными, при этом оба и приглашающий, и приглашенный – об этом знают. Китайцы полагаются, как правило, на то, что их собеседник сам правильно оценит ситуацию и сделает соответствующие выводы. «Следовательно, тот, кто хочет быть уверен, что действительно приглашен, вежливо отклоняет приглашение один, два, три раза или еще чаще. Только после многократного подтверждения того, что его визиту будут рады, он может уверенно соглашаться» [11: с. 95].

Итак, отвергая причины, представленные приглашенным, приглашающий желает показать, что он искренен в своих намерениях. Минимизируя свои затраты, говоря, что суп готов (3), он облегчает слушающему принятие приглашения.

Предыдущий анализ служит иллюстрацией того, как вежливость (в показателях Максимы Велико-

душия и Максимы Такта) и искренность взаимодействуют друг с другом, создавая транзакцию вручение-принятие приглашения. Вручение и принятие приглашения ставят лицо говорящего и слушающего под угрозу. Для говорящего сделать приглашение означает представить свое позитивное лицо слушающему для его одобрения (что в контексте китайской культуры означает *shanglian* (шанлянь) или *gei mianzi (гей мянцзи)*, оба выражения означают дать лицо, теоретически слушающий может отказаться принять приглашение, таким образом, заставляет последнего *diulian* (тиулянь), т.е. потерять лицо.

Принять приглашение – тоже риск для лица, так как слушающий может показаться жадным. В этой ликоущемляющей транзакции Максима Великодушия и Максима Такта и принцип искренности играют важную роль, помогая транзакции достичь коммуникативных целей собеседников без причинения ущерба лицу друг друга.

Проанализировав данные примеры, мы можем сделать вывод о том, что английский язык как посредник способен почти в полной мере передавать, «рассыпанные» на сотни мелочей правила вежливого речевого поведения китайцев. Тогда как вежливость является универсальным понятием, сами максимы и степень их важности для принципа вежливости могут переходить из культуры в культуру. Именно поэтому данные максимы регулярно нарушаются в межкультурном англоязычном пространстве, что находит подтверждение в многочисленных межкультурных и кросскультурных исследованиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белинская, Е.П.* Временные аспекты «Я» и идентичности / Е.П. Белинская // Мир психологии. – 1999. – № 3. – С. 140–147.

2. *Крижановская, И.А.* Взаимозависимое «Я» и связь с концептом лицо в англоязычном контексте китайской культуры / И.А. Крижановская // Вестник Северо-Восточного государственного университета. – № 15. Спецвыпуск. – Магадан: Изд-во СВГУ, 2011. – С 104–106.

3. *Ларина, Т.В.* Категория вежливости и коммуникативный стиль: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций / Т.В. Ларина. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 512 с.

4. *Лейст, О.Э.* История политических и правовых учений / О.Э. Лейст. – М.: Зерцало. 2006. – 568 с.

5. *Линь Юйтан*. Китайцы: моя страна и мой народ / Линь Юйтан; пер. с китайского и предисл. Н.А. Спешнева. – М.: Вост. лит., 2010. – 335 с.

6. *Маслов, А.А.* Конфуций: прогулки с мудрецом / А.А. Маслов. – Ростов-на-Дону: Феникс; Краснодар: Неоглори, 2010. – 442 с.

7. *Мацумото, Д.* Человек, культура, психология. Удивительные загадки, исследования и открытия / Д. Мацумото. – СПб.: Прайм – ЕВРОЗНАК, 2008. – 688 с.

8. *Прошина, З.Г.* Английский язык и культура народов Восточной Азии: монография / З.Г. Прошина – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. – 476 с.

9. *Тань Аошуан.* Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность / Аошуан Тань. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 240 с.

10. *Формановская, Н.И.* Русский и английский речевой этикет: Лингвистический и методический аспекты / Н.И. Формановская. –3-е изд. – М.: КомКнига, 2006. – 160 с.

11. *Чен, Х.* Эти поразительные китайцы / Х. Чен. – М.: АСЕ: Астрель, 2006. – 255 с.

12. *Шуцзюань, Ли.* Разговорный китайский язык: учеб. пособие / Ли Шуцзюань. – Пекин: Sinolingua; СПб.: КАРО, 2007. – 304 с.

13. *Bi, J.W.* Politeness is cultural specific / J.W. Bi // Symposium of 5th international conference on cross-cultural communication. Ed. Yuxin Jia. – Harbin: Harbin Institute of Technology Press, 1997. – P. 43–51.

14. *Brown, P.* Politeness: Some Universals in Language Usage / P. Brown, S. Levinson. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 345 p.

15. *Fraser, B.* The association of deference with linguistic form / B. Fraser, W. Nolen // International Journal of the Sociology of Language, 27. The Hague, 1981. – P. 93–103.

16. *Gu, Yueguo.* Politeness Phenomena in Modern Chinese / *Yueguo Gu* // Journal of Pragmatics. – Vol. 14. – № 2. – 1990. – P. 237–257.

17. *Hsu, F.L.K.* American & Chinese: Passage to difference / *F.L.K. Hsu*. – Honolulu: University of Hawaii Press, 1981. – 539 p.

18. *Jia, Yuxin.* The Chinese Concept of Face and Face Negotiation Involved in Conflict Resolution / Yuxin Jia // English as an International Language. – 2004. – P. 252–271.

19. *Kasper, G.* Linguistic Politeness: Current Research Issues / G. Kasper // Journal of Pragmatics. – Vol. 14. – № 2. – 1990. – P. 193–218.

20. *Kirkpatrick, A.* Contrastive rhetoric and the teaching of writing: seven principles, in A. Liddicoat and C. Crozet (eds) / A. Kirkpatrick // Teaching Languages, Teaching Cultures. – Melbourne: Applied Linguistics Association of Australia, 2000. – P. 79–88.

21. *Lakoff, Robin T.* The Logic of Politeness; or, Minding Your p's and q's. In Corum, C. / Smith-Stark, T. / Weiser, A. (eds) Papers from the Ninth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society. – Chicago: Chicago Linguistic Society, 1973. – P. 292–305.

22. *Leech, Geoffrey.* Principles of Pragmatics / *Geoffrey Leech*. – London; New York: Longman, 1983. – 250 p.

23. *Pan, Yuling.* Politeness in Chinese face-to-face interaction / Yuling Pan. Ablex Publishing Corporation. – USA, 2000. – 169 p.

24. *Song Li.* China English from a Scio-Cultural Perspective / *Li. Song* // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2009. – № 1(21). – P. 165–174.

25. *Tan, Amy.* The Joy Luck Club / *Amy Tan*. – London: Vintage Books, 1998. – 288 p.

26. *Qiu, Xiaolong.* When Red is Black / *Xiaolong Qiu*. – USA: Soho Press, Inc, 2004. – 310 p.

СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ СТУДЕНТОВ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ССУЗОВ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ИНСТИТУТОВ ОБРАЗОВАНИЯ

Ю.В. Потайчук

Потайчук Юлия Валентиновна – аспирант Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

Контактный адрес: yascorp@bk.ru

Современное производство и рынок труда отрасли железнодорожного транспорта нуждаются в качественно новом типе работника с высоким уровнем социальной компетентности, профессиональной адаптации и мобильности, поэтому проблема профессионального становления специалистов среднего звена железнодорожного профиля, обеспечения их профессионального роста, стимулирования качества и эффективности труда является одной из ключевых для развития Дальневосточного региона. Проблемы профессиональной социализации студентов в рамках образовательного пространства Дальневосточной железной дороги – филиала ОАО «РЖД» пока еще не достаточно изучены, требуют постоянного мониторинга и поиска путей решения. С целью изучения процессов профессиональной социализации будущих специалистов железнодорожного транспорта, автором были проведены социологические исследования в виде анкетных опросов (2009–2011 гг.). Исследования показали, что объединение вузов и ссузов в единый университетский комплекс в свете новой парадигмы образования – имеет не только определенные преимущества, но и проблемы, которые требуют своего решения.

Ключевые слова: социально-профессиональная адаптация, мониторинг проблем модернизации института образования, университетский комплекс, образовательное пространство ДВЖД – филиала ОАО «РЖД».

Целью профессионального образования в современных экономических условиях является как подготовка конкурентоспособного специалиста, так и дальнейшее повышение конкурентной способности рабочего, специалиста, руководителя на рынке труда.

Реализация поставленной цели может осуществляться через совершенствование нормативно-правовой базы профессионального образования; изменение типа, вида существования учебного заведения; изменение содержания образования; совершенствование технологии образовательного процесса.

Современная система профессионального образования подготовки будущих специалистов железнодорожного транспорта неразрывно связана с теми общественными условиями, в которых она сформировалась и существует. На фоне перемен в политическом и социально-экономическом устройстве общества и реорганизации железнодорожного транспорта существенно изменились социальные функции институтов профессионального образования, значительно возросли требования к качеству, роли и содержанию подготовки специалистов для предприятий ОАО «РЖД».

Поскольку система образования выступает матрицей общества будущего, то процесс формирования образовательного пространства должен иметь под собой солидное обоснование, отражающие региональные технико-экономические, демографические, этические, расселенческие и другие социальные изменения. В данном случае формирование образовательного пространства ДВЖД ОАО «РЖД» реализует свою активную функцию как инструмента региональной социально-экономической политики.

В своей структуре университетский комплекс ДВГУПС объединил несколько ссузов: Хабаровский техникум железнодорожного транспорта, Уссурийский техникум железнодорожного транспорта, Тындинский техникум железнодорожного транспорта и Свободненский техникум железнодорожного транспорта. Но все они имеют различные статусы: ХТЖТ стал факультетом СПО ДВГУПС, а другие ссузы вошли в структурные подразделения региональных филиалов ДВГУПС, осуществляющих заочную форму обучения. Студенты ссузов стали обучаться в рамках единого университетского комплекса, цель которого – подготовка профессионально социализированных выпускников для освоения социального пространства Дальневосточной железной дороги ОАО «РЖД».

Профессиональная деятельность человека включена в систему производственных отношений в обществе, поэтому можно говорить о профессиональной социализации личности.

Формирование профессионализма в социальной деятельности специалиста осуществляется под влиянием трех ведущих образовательных парадигм [2]:

- социокультурной, обусловливающей необходимость овладения профессией как культурно-исторической моделью деятельности человека;
- социопрофессиональной, рассматривающей профессионализм деятельности как важнейшее условие социальной защиты выпускника учебного заведения, его конкурентоспособности на рынке труда;
- личностно-деятельностной, синтезирующей в себе совокупность идей о формировании профессио-

нализма деятельности из различных областей наук в целях создания условий, обеспечивающих развитие личности с учетом самооценки своих возможностей, удовлетворение личных запросов и потребностей в профессиональном становлении и самореализации.

Таким образом, социализация личности включает в себя совокупность всех социальных процессов, посредством которых индивид усваивает определенную систему норм, правил, социальных ролей и ценностей, которые в дальнейшем помогут ему реализоваться в качестве социально активного и адаптированного члена общества.

Поскольку взаимодействие и воздействие на систему социальных связей и отношений требует принятия определенного решения и включает в себя разнообразный набор характеристик, в процессе профессиональной социализации предполагается личностная активность.

Можно предположить, что личность со сформированной «Я-концепцией» и развитой мотивационно-когнитивной характеристикой сможет успешнее освоить профессиональную социализацию, поскольку формирование жизненных ценностей, целеобразование, мобилизация субъекта деятельности, построение стратегий деятельности, в свою очередь, требуют совершенствования знаний, представлений о профессии, изменения уровня притязаний и мотивации.

Основным видом деятельности человека является социально обусловленный, осознанный, целенаправленный труд, главные характеристики которого присущи профессиональной деятельности. В процессе профессиональной социализации человек неизбежно вступает в общественные отношения с другими людьми, которые относятся к данной профессиональной среде. Овладение профессиональными характеристиками носит развернутый во времени динамический характер, формирует человека и реализует его концепцию «Я-профессионала» [3].

Эффективность процесса профессионального становления личности определяется совпадением психофизиологических возможностей и требований профессиональной деятельности – способностью личности к профессиональному развитию, росту профессиональной компетентности, оптимальному построению своей профессиональной карьеры. С этой точки зрения и должны быть рассмотрены возможности молодежи для интеграции в общественно-полезное производство через процесс профессиональной подготовки и переподготовки, осуществляемый учебными заведениями [4].

Проблема личностно-профессионального самоопределения человека сложна и многогранна. Ее актуальность и значимость сегодня в связи с изменением идеалов, жизненных и профессиональных ценностей особенно высоки. В современных социально-экономических условиях в качестве цели декларируется всестороннее и гармоничное развитие личности как основа действительного выбора профессии, ядром которой является личностно-профессиональное самоопределение.

Практика показывает, если специальность выбрана правильно, то труд становится источником радости, творческого вдохновения и приносит максимальную пользу и человеку, и окружающим. Выбор профессии должен быть сделан в соответствии с интересами, способностями и наклонностями личности и потребностями общества.

Необходимо учитывать, что сознательный выбор и возможность поступления в профессиональное образовательное учреждение определяются как уровнем знаний полученных в школе, так и убежденностью в правильном выборе профессии. Основными средствами формирования личностно-профессионального самоопределения выпускников основной школы являются:

1) профессиональная информация и просвещение (информирование о кадровом запросе рынка труда города, региона, России, о требованиях профессии к личным качествам человека, способах и путях их приобретения, о социально-экономических, психофизиологических особенностях выбора профессии);

2) развитие интересов, склонностей и способностей в деятельности, приближенной к профессиональной;

3) организация профессиональной консультации (оказание индивидуальной помощи учащимся в выборе профессии, соответствующей их индивидуальным способностям и запросам рынка труда в конкурентоспособных кадрах, в трудоустройстве и обучении);

4) организация профессионального отбора (специализированная процедура изучения и оценки пригодности человека к овладению специальностью, достижению требуемого уровня мастерства и успешному выполнению профессиональных обязанностей в типовых и специфически затрудненных условиях);

5) профессиональная адаптация (процесс вхождения человека в профессиональную деятельность, освоение начальных профессиональных знаний и умений по выбранному направлению) [1].

Профессиональное становление – это большая часть онтогенеза человека, которая охватывает период с начала формирования профессиональных намерений до завершения профессиональной жизни. Однако преобладание предпринимательских тенденций в экономике в значительной мере ущемляет интересы высококвалифицированных работников, приводит к снижению жизненного уровня тех социальных и профессиональных групп, которые могут и

хотят квалифицированно работать. Эти процессы в обществе, первоначально затронувшие представителей старших возрастов, расширяясь, оказывают свое влияние и на молодое поколение, связанное с ними экономическими и родственными узами. Как отмечают российские социологи В.А. Ядов, М.С. Мацковский, Е.В. Фотеева, в связи с большим замыканием социальных процессов на семье, трудовая мотивация молодого поколения в значительной степени формируется именно в ней.

Молодежь является основой будущего профессионального потенциала общества и на неё возлагаются наибольшие надежды как на группу, активно стремящуюся к освоению новых знаний и технологий и способную овладеть ими. Образование является одним из главных социальных каналов пополнения квалифицированных кадров. Привлечение общества к контролю над качеством образования, работодателей к участию в нем – ключевой момент в деле формирования рынка образовательных услуг.

Как показывает практика, в настоящее время трудовая профориентация и мотивация молодежи формируются недостаточно четко. Все чаще высказывается мнение о том, что система профессионального образования должна удовлетворять постоянно изменяющимся потребностям рынка труда в специалистах. Ситуация образовательного пространства демонстрирует другую тенденцию – выбор специальности и учебного заведения зачастую не связывается с последующим трудоустройством или ориентирован на это лишь частично.

Рынок труда требует от образования удовлетворения своих социально-экономических потребностей в квалифицированной рабочей силе, а рынок образования удовлетворяет личностные потребности индивидов в его получении. В этой несогласованности и заключается проблема.

Ценности составляют основу личности человека и они достаточно устойчивы во времени. Кроме того, ценности оказывают сильное влияние на поведение человека в коллективе, на принимаемые им решения. Установка на подготовку конкурентоспособного специалиста предполагает такие ценности, как профессионализм, высокая культура труда и ряд других. В зависимости от содержания профессиональных обязанностей ценности имеют вариативность.

Таким образом, для специалиста в области организации работы железнодорожного транспорта важными являются такие качества, как:

- умение оценить и довести до сведения имеющуюся информацию;
- способность к непринужденному межличностному общению и к контактам с представителями других сфер деятельности;
- умение оперативно принимать решения и самостоятельно разрешать проблемы;
- способность работать в коллективе, команде;
- умение советоваться и принимать советы других, умение вести переговоры в деловом общении;
- наличие знаний и умений по профессиональным отраслевым вопросам.

Ценности весьма значительно варьируются в рамках одной профессии в зависимости от должностных обязанностей. Для вышестоящих должностных лиц приоритетными выступают: умение вести переговоры, оперативные селекторные совещания, заседания. Для среднего звена – умение работать командой, единой сменой. Низовой уровень обязан реализовывать такие функции, как исполнительность, ответственность, самодисциплина.

Обладание знаниями о механизмах и условиях повышения социальной роли института профессионального образования в деятельности субъектов хозяйствования на железнодорожном транспорте позволяет определить перспективы и характер адаптации на производстве и закреплении профессиональных кадров.

Институт образования обеспечивает формирование профессионально важных качеств и свойств личности для специалиста транспортного профиля на основе внедрения принципов демократизации, гибкости, мобильности и высокого качества обучения, повышая их конкурентноспособность на рынке труда.

Профессиональная социализация выпускников направлена на реализацию двуединой цели:

- адаптацию выпускников к статусу современного специалиста;
- адаптацию к социально-производственным условиям конкретного учреждения.

Молодой человек взаимодействует с новой для него социальной средой – образовательным учреждением, поскольку, главным образом, именно там происходит превращение вчерашних студентов в современных квалифицированных специалистов.

Профессиональная социализация не сводится к простому «приспособлению». В процессе социально-профессиональной адаптации происходит взаимодействие двух сложных динамических систем – адаптанта и социотехнической организации образовательного учреждения, имеющее в реальности весьма широкий спектр. При этом не только молодой специалист, но и учреждение должно рассматриваться одновременно в качестве и субъекта, и объекта адаптационного процесса.

Администрация и общественные организации образовательного учреждения не только воздействуют на молодого человека, но и сами испытывают воздействие с его стороны для того, чтобы в максимально возможной степени помочь выпускнику среднего профессионального образовательного учреждения в его социально-профессиональном становлении.

В силу динамичности развития современного общества важно отметить, что процесс профессиональной социализации молодого специалиста значительно усложнился, поскольку произошли усложнения требований современного рынка труда, предъявляемых к личностным качествам молодого специалиста, формирующимся в процессе взаимодействия с другими людьми. Современные производственно-трудовые отношения требуют от специалиста незамедлительного проявления своих способностей и практических навыков, развития и реализации карьерных компетенций для эффективного построения своего карьерного пути.

Вновь сформированные задачи определяют и новую парадигму подготовки высококвалифицированных и конкурентоспособных специалистов. Задача эта очень сложна, трудоемка, требует специфических способностей и опыта человека, определенных материальных затрат и времени на период становления. Вместе с тем необходима устойчивая система теоретических и эмпирических социологических знаний, которая послужит основой для решения научных и практических проблем.

На профессиональное становление студентов ссузов оказывает значительное влияние ряд факторов и условий, специфичных для системы среднего профессионального образования и в меньшей степени характерных для высшего профессионального образования.

В настоящее время имеется значительное количество исследований, посвященных различным аспектам функционирования социального института образования и формам подготовки квалифицированных специалистов. Однако особенности профессионального становления студентов в системе среднего профессионального образования сравнительно редко становятся предметом научных исследований, результаты которых могли бы быть использованы в учебно-воспитательной работе, проводимой преподавателями и администрацией ссузов.

В условиях модернизации системы образования важнейшим показателем эффективности профессиональной социализации и функционирования учебного заведения как социальной организации является социально-профессиональная конкурентоспособность специалиста. В связи с этим автор предпринял попытку исследовать особенности профессиональной социализации студентов в условиях модернизации социального института профессионального образования.

Автором было проведено социологическое исследование, направленное на выявление основных проблем, связанных с адаптацией студентов в учебном заведении среднего профессионального образования.

Объектом исследования являлись студенты факультета среднего профессионального образования – Хабаровский техникум железнодорожного транспорта (ФСПО – ХТЖТ) ДВГУПС всех специальностей очной формы обучения. Нужно отметить, что среднее специальное учебное заведение ХТЖТ сравнительно недавно вошло в состав университетского комплекса ДВГУПС в качестве факультета.

Предметом исследования является социальная адаптация студентов и их субъективные статусно-ролевые определения.

При подготовке к исследованию были выдвинуты следующие гипотезы.

1. Большая часть студентов четко не представляет своего будущего, не может реально оценить свою перспективу.

2. Существует несоответствие представлений, интересов, целей с возможностями и реальными условиями.

3. Есть значительные трудности социальной адаптации студентов.

Главная цель исследований конкретизировалась при решении таких задач, как анализ выбора жизненных ориентаций. В связи с этим в процессе профессиональной социализации высококвалифицированного специалиста выделяется несколько основных групп в образовательно-профессионального пространства Дальневосточной железной дороге:

- *Группа профессионально-корпоративных ценностных ориентаций*, в которую вошли основные суждения: чувство профессиональной гордости за принадлежность к ОАО «РЖД», стремление упорядочить и организовать свою жизнь, честь и достоинство.
- *Группа профессионально-карьерных ценностных ориентаций*, основанных на потребности в самореализации: стремление работать по избранной специальности, желание стать профессионалом в прагматическом аспекте, связанным со служебной карьерой.
- *Группа познавательно-развивающихся ценностных ориентаций*, основанных на сочетании романтических и прагматических установок личностного плана: возможность развития способностей и приобретение нужных для жизни знаний и навыков.
- *Группа личной значимости, прагматизма и универсальности*, которая формируется под влиянием естественных потребностей людей в получении профессии, поддержания достойного уровня жизни, обеспечения занятости.

Динамика профессиональной социализации представляет для исследования наибольший интерес, так как, с одной стороны, является процессом внутриличностным, а с другой – частью более обширного социального процесса, происходящего в обществе. Ее целенаправленный характер обусловлен определенной системой потребностей личности и обладает определенной мотивационной структурой, которая оп-

ределяет направление и интенсивность профессиональной социализации студенческой молодежи.

Понятийную основу социологического исследования составили такие понятия, как социальная адаптация, социальное позиционирование, потребности, ориентационная основа действия, которые операционализировались в ряд субъективных показателей, в том числе:

– оценка социальной адаптации и собственной позиции;

– оценка личностных взаимоотношений с окружающими;

– учет реальности ситуации и уверенность в завтрашнем дне при осуществлении своих жизненных планов.

Определенное значение для раскрытия главной цели исследования имеет изучение приоритетности планов на ближайшее будущее, рассматриваемое посредством выбора будущей специальности с точки зрения материальной заинтересованности, духовной и экономической сфер деятельности, продолжения династии железнодорожников, с позиции полезности своего труда.

В ходе исследования была предпринята попытка получить ответ на вопрос: как отразилось слияние высшего и среднего профессионального образования на студентах, на их статусно-ролевом восприятии?

Оказалось, что наиболее значимыми ценностями студентов являются: свое здоровье – 62 % респондентов, здоровье близких – 58 %, семейное счастье – 52 %, материальный достаток – 51%, любовь – 48 %, чувство собственного достоинства – 37 %, друзья – 35 %, хорошее образование – 30 %, интересная работа – 27 %.

Изучая ориентационную основу действия, потребности молодежи, их реальность было выявлено, что неоднозначные мотивы, идеалы и ценностные ориентации студентов определяют их неодинаковый подход к построению жизненных планов и влияют на будущий выбор своей специальности. Так, 44 % важно иметь диплом об образовании; 36 % – хотят получить специальность, которая нравится; 21 % продолжают династию железнодорожников; 13 % – все равно, где учиться; 10 % – не поступили в другие учебные заведения (не сдали экзамены, высокая оплата или не прошли по конкурсу).

Сведения, полученные в результате исследований, указывают, с одной стороны, на возросший уровень притязаний молодежи, а с другой – на ее неготовность приложить максимум усилий для осуществления своих целей, в связи с чем большие надежды возлагает на социальное окружение.

Данные исследования позволяют выявить причины пребывания студентов именно в этом учебном заведении. Лишь 7 % опрошенных, поступая в техникум, имели представление о том, какую именно профессию они выбрали и целенаправленно стремились получать среднее специальное образование; 23 % респондентов подавали заявление в ДВГУПС для получения высшего образования, но, не пройдя по конкурсу результатов ЕГЭ, поступили на факультет СПО–ХТЖТ. Еще 30 % опрошенных – это целевики, большинство из которых поступили в техникум по настоянию родителей, работающих на железной дороге.

Покидая школу, вчерашние выпускники ожидают веселую, беззаботную студенческую жизнь. Школьные годы казались им сложными, а учеба в техникуме ожидалась легче и интереснее.

Анализ ответов на вопрос о том, устраивает ли респондентов организация учебного процесса, позволяет сделать вывод, что учащиеся первого курса не имеют четкого представления об организации учебного процесса, также не прослеживается особого желания участвовать в студенческом самоуправлении, в то время как второкурсники наиболее активны в участии и обсуждении этой проблемы. Их волнует то, что мало экскурсий на производство, проблемы студентов практически не обсуждаются на уровне администрации, студенческого актива.

Более 45 % опрошенных студентов 1-го и 2-го курсов признались, что учеба в техникуме оказалась гораздо сложнее, чем они ожидали. Многие отметили, что объем получаемых знаний в несколько раз больше, чем в школе и домашние задания им даются гораздо сложнее. Большинство студентов являются иногородними и проживают в общежитии, либо снимают жилье. Оторвавшись от родительской опеки, ребята сталкиваются с трудностями в быту и неумении правильно распределять свое время. Раньше родители контролировали выполнение домашних заданий и время отдыха, а теперь они сами распоряжаются своим временем. Чаще выбор делается в ущерб учебе.

Конечно, необходимо учитывать, что студенты техникума в большинстве своем – в школе не были отличниками и усердными учениками.

Психология ущербности СПО, зародившаяся на рубеже 1980–1990-х гг., продолжает культивироваться и сегодня. В условиях массовой доступности высшего образования, среднее профессиональное образование стало считаться образованием второго сорта. И это косвенно подтверждается даже тем фактом, что размеры стипендии студентам ВПО и СПО различны, хотя и те, и другие – фактически – являются студентами одного вуза, но разных факультетов [5].

Студенты техникума, особенно те, которые не прошли по конкурсу на высшее образование, отмечают, что статус студента СПО ниже, и признаются, что не афишируют среди друзей, что являются студентами именно среднего профессионального, а не высшего образования в ДВГУПС.

Полученные в результате исследования данные для нас не новы, они лишь подтверждают уже имеющуюся статистику, тем не менее, они могут быть использованы для углубления знаний и представлений о работе с молодежью по воспитанию у них чувства ответственности, желания и необходимости самосовершенствоваться, улучшению микроклимата в группах, взаимоотношений в семье и коллективе.

Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что влияние на профессиональную социализацию студентов должно быть комплексным и учитывать специфику именно среднего профессионального образования. В условиях его модернизации и интеграции с высшим профессиональным образованием в рамках единого университетского комплекса, необходимость подобных исследований в учебных заведениях заключается в непрерывном мониторинге динамики социализационных процессов. Это позволит вносить необходимые коррективы в учебно-воспитательный процесс, в более полной мере использовать возможности и творческий потенциал студентов и преподавательского состава, станет предметом обсуждения в работе с молодежью на перспективу.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Косенкова, Л.В.* Формирование личностно-профессионального самоопределения выпускников основной школы в условиях колледжа / Л.В. Косенкова // Среднее профессиональное образование. – 2007. – № 1. – С. 12–14.

2. *Мацковский, М.С.* Семья в кризисном обществе / М.С. Мацковский, Е.В. Фотеева. – Институт социологии РАН, 2005. – 94 с.

3. *Паирель, С.В.* Педагогика и психология: психология лидерства / С.В. Паирель. – СПб.: Изд-во политех-го ун-та, 2005. – 36 с.

4. *Рахматуллина, З.Б.* Проблемы профессионального становления / З.Б. Рахматуллина, О. А. Дубовова // Среднее профессиональное образование. – 2006. – № 7. – С. 39–43.

5. *Широков, А.П.* Найти свое место / А.П. Широков // Информационный сайт некоммерческой организации «Ассоциация колледжей и техникумов транспорта» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.askitt.ru (дата обращения: 12.07.2009).

6. *Ядов, В.А.* Стратегия социологического исследования / В.А. Ядов. – СПб.: Омега-Л, 2007. – 568 с.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРЕСТИЖА СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ В ОЦЕНКЕ НАСЕЛЕНИЯ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ

Е.А. Смирнова

Смирнова Елена Александровна – аспирант Дальневосточного института-филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Контактный адрес: sea@yandex.ru

В статье рассматриваются вопросы престижа профессии «социальная работа». Представлен анализ социологического исследования, в результате которого определены: ключевые представления населения Хабаровского края о профессии социальная работа; уровень информированности населения о деятельности учреждений, входящих в систему органов социальной защиты населения; причины, по которым люди не обращаются в социальные службы; представления населения о компетенциях специалистов социальной работы.

Ключевые слова: социальная работа, престиж, престиж профессии, имидж, профессионализм, профессиональные компетенции, социальная роль, информированность населения, статус, стереотип, динамики престижа.

Одним из перспективных направлений развития современного российского общества декларируется усиление внимания государства к социальной сфере, нуждам и потребностям населения. При всей дискуссионности данного положения и его реализации в контексте современной социальной государственности в российской вариации важен ориентир и усилия, предпринимаемые государством по повышению качества жизни и достижения уровня международных стандартов социального обеспечения населения.

В этой связи актуальной остается проблема создания социальной инфраструктуры, способной обеспечить оказание качественных государственных услуг в целях поддержания должного благополучия населения, снижение бедности и негативных проявлений в социальной обустроенности граждан.

Пройдя все этапы институциолизации и преобразований из старой советской «собесовской», в стране и в регионах в настоящее время сложилась отрасль социальной защиты населения. Так, в состав единой государственной системы Хабаровского края, помимо министерства социальной защиты населения, других ведомств, входят 69 государственных учреждений, подведомственных министерству. Здесь же стоит упомянуть и достаточно представительную совокупность социальных организаций, предприятий, учреждений муниципального уровня на территории всего края.

Вместе с тем необходимо отметить, что число граждан, нуждающихся в социальной поддержке со стороны государства и муниципальных образований, в крае не снижается, что порождает массу проблем и необходимость переосмысления сложившихся практик.

В ряду первостепенных задач особое значение отводится кадровому потенциалу отрасли, обеспечивающего социальное благополучие граждан. Многогранность процессов социального обеспечения населения, безусловно, предполагает активное участие здесь медиков, юристов, психологов, экономистов, социологов. Основные же функции реализуются специалистами социальной службы.

Появившаяся в 90-е гг. XX в. новая профессия «социальная работа» в нашей стране сразу же вошла в разряд тех, мнение о которых складывалось неоднозначно, так как, с одной стороны, профессия имеет огромное значение в системе социального обеспечения населения, особенно в сложившихся социально-экономических условиях: 1991 г. – распад Советского Союза, 1998 г. – финансовый кризис, 2008 г. – глобальный финансовый кризис, с другой – традиционно трансформируется низкий статус и престиж профессии в обществе.

Институциолизация данной профессии реализуется медленно и противоречиво. Одной из важных особенностей становления социальной работы является то, что она проходит в рамках актуализации зарубежного опыта, опыта социальной защиты, благотворительности, сложившейся в России в дореволюционный и советский период. Модель социальной работы – это реально существующий в нашем обществе механизм реализации социальной политики, который в самых общих чертах ориентирован на следующие приоритеты: максимальная занятость всех трудоспособных членов общества, профессиональное самоопределение различных групп населения (особенно молодежи, женщин, инвалидов и др.), гарантии права каждого на достойный образ жизни, на образование, здравоохранение, их доступность для всего населения, смягчение постоянно растущего расслоения общества, значительная часть которого ощущает себя социально незащищенной. Такое понимание социальной работы не должно носить

только декларативный характер, а иметь под собой правовую базу экономического и имеджевого статуса кадрового потенциала. В Хабаровском крае по данным на 01 января 2012 г. в краевых государственных учреждениях, в том числе и в управленческих структурах, работает 4742 человека. Укомплектованность кадрами составляет 86,7 %. Средняя заработная плата составляет 16 371 рублей. Льготы для работников отрасли не предусмотрены [3].

В основном, согласно установленным правовым нормативам, деятельность социальных работников сводится к обеспечению материальных услуг (льготы, пособия, выплаты и др.), что существенно снижает профессиональную миссию представителей этой профессии, ее результативные и в конечном итоге позитивные перспективы развития.

Сегодня социальные работники различных статусных уровней находятся в двойственном положении. При всей значимости их правовой статус недостаточно закреплен. Данная неопределенность распространяется на общественном сознании и на обыденном, и на профессиональном уровнях. Все это требует переосмысления значимости профессии, в том числе и средствами социологических исследований. В апреле 2012 г. кафедрой социальной работы и социологии Дальневосточного института – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы было проведено социологическое исследование, в рамках которого опрошено 500 жителей Хабаровского края с целью выявления информированности о социальной работе, оценки ее значимости и профессионального престижа, а также перспектив и направлений дальнейшего развития [6].

Результаты опроса показали, что 50,2 % респондентов недостаточно информированы о профессиональной деятельности социальных работников; 67,0 % – не обращались в социальные службы по следующим причинам: 52,4 % просто не знают, куда можно обратиться; 37,2 % – не знают, какую реальную помощь могут получить. Население получает информацию о социальной работе в основном от других людей и в меньшей степени от социальной рекламы и средств массовой информации. При освещении какой-либо социальной проблемы в средствах массовой информации зачастую дается субъективная интерпретация событий, которую дают люди некомпетентные в данных вопросах и как результат происходит формирование негативного образа социального работника и часто упускаются положительные практики работы. Полученные эмпирические данные свидетельствуют об ограниченном восприятии содержания, возможностей социальной работы. В массовом сознании социальная работа ассоциируется исключительно с уходом за пожилыми людьми, нуждающимися в помощи и, как правило, осуществляется специалистами низкой квалификации, заработной платы, статуса (67,4 %) [5].

Наиболее объективным в плане информирования населения о деятельности социальных служб является непосредственное распространение информации самими клиентами, т. е. теми людьми, которые непосредственно столкнулись с деятельностью социальных служб и остались удовлетворенным результатами их работы и компетентностью. Непосредственные получатели социальной услуги достаточно высоко оценивают профессию «социальная работа». Так, 85,2 % респондентов считают, что социальная работа – профессия очень необходимая современному российскому обществу; 93 % из числа опрошенных согласны, что социальная работа – профессия очень сложная, связана с большой психологической нагрузкой; 86 % отмечают, что профессия «социальная работа» требует хорошего и всестороннего образования и большой ответственности ее представителей [5].

Сведения о професиональных компетенциях социальных работников приведены в табл. 1.

Таблица 1

Осуществлять психологическое и правовое консультирование и экспертизу	61,9 %
Устанавливать причину трудностей возникающих у граждан	68,5 %
Оказывать помощь и поддержку гражданам	71,9 %
Решать проблемы клиента путем привлечения соответствующих специалистов	64,2 %
Осуществлять оценку качества социальных услуг	64,7 %

Неоднозначна оценка респондентов престижа профессии «социальная работа», большинство из них уверены (55,4 %), что он незаслуженно низкий [5]. Данные о том, как общество оценивает профессию социального работника приведены в табл. 2.

Таблица 2

Высоко	18,9 %
Средне	25,7 %
Низко	55,4 %

Достаточно низкий престиж профессии – это еще и показатель доверия населения к имеющемуся ресурсу, который призван оказывать содействие гражданам в более эффективной адаптации населения к современным условиям. Это тревожная информация, так как она оказывает очень негативное влияние и на «приход в профессию» уже социально зрелых людей и на молодежь, которая совершает выбор: «куда пойти учиться после окончания школы». Ведь не секрет, что вузы Хабаровска не набирают в полном объеме студентов на эти направления профессиональной подготовки.

Представления населения Хабаровского края о престиже профессии нашли отражение и во мнениях респондентов о личных качествах тех, кто ста-

новится социальным работником. Большая часть опрошенных, помимо профессионально значимых компетенций, выделила отзывчивость, сердечность, доброжелательность (в среднем 68,6 %). Респонденты, считающие, что социальный работник должен иметь собственный опыт преодоления трудных жизненных ситуаций, составляют 28 % из числа опрошенных (рис. 1). Приоритет чуткости, доброжелательного отношения к людям, желание помочь в трудной жизненной ситуации и составляет основной стержень специфики профессиональной деятельности социального работника [5].

Наглядным индикатором, определяющим степень престижа социальной работы, является мнение респондентов об уровне заработной платы работников социальной сферы. Большая часть респондентов – 40,2 % считает, что заработная плата социального работника очень низкая и должна быть как минимум 30 000 рублей (рис. 2). К сожалению, в реальности средняя заработная плата в отрасли на 37 % ниже, чем в целом по Хабаровскому краю, что явно является основной причиной непрестижности социальной работы в обществе [5].

Если на уровне Правительства края этот показатель доходов не будет изменен, то дальнейшее развитие этой значимой социальной отрасли будет поставлено под сомнение.

Трансляцию уже сложившихся стереотипов о социальных работниках продемонстрировали респонденты в своих ответах. Кто же, по их мнению, становится социальным работником? Здесь, помимо положительных характеристик, так же высоки (в среднем 32,8 %) мнения тех, кто считает, что здесь превалируют те, кто не смог реализовать себя в другой профессии, кто не смог устроиться на другую работу и даже те, кому нравится вершить судьбу других. Такое мнение явно не добавляет позитива в формирование положительного имиджа данной профессии.

В этой связи очень интересной является непосредственная оценка престижа своей профессии относительно других самих социальных работников по 10-балльной шкале. О средней оценке (диапазон от 4–7 баллов) заявили более половины опрошенных – 59,2 %. Низкую оценку престижа своей профессии по шкале от 1–3 баллов отметили 26,4 % респондентов и соответственно более высоко его оценили 14,4 % респондентов – по шкале от 8–10 баллов [6]. Подобный разброс ответов позволяет предположить, что представления самих социальных работников о профессии неустойчивы и еще формируются или складываются под влиянием субъективных противоречивых факторов.

Рис. 1. Социально-психологические характеристики профессии социального работника

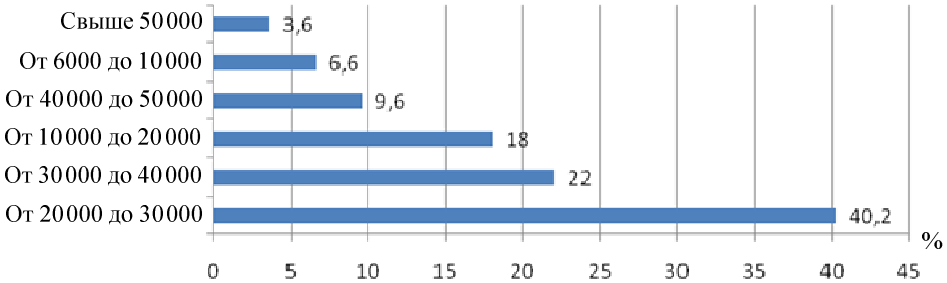

Рис. 2. Нормативная зарплата социального работника

Для сравнения: по данным исследования жителей Хабаровска – 76,4 % опрошенных выбрали отрицательный ответ престижности профессии социальная работа, аргументировав свой выбор следующим образом: «…Если говорить о материальной оценке труда, то такая работа приравнена к неквалифицированной, следовательно, и значимость ее не высока»; «Низкая оплата труда при сравнительно трудоемкой работе»; «Быть социальным работником не только не престижно, но и опасно»; «Чтобы она стала престижной, она должна достойно оплачиваться, а у наших политиков пока другие бюджетные приоритеты». «Само по себе это интересно. Но, к сожалению, в России это никто не ценит, никому это не нужно»; «Это важная для общества профессия, но, к сожалению, непрестижная»; «Сложно ответить на этот вопрос однозначно. Многое зависит от того, какого уровня социальный работник…».

Неоднозначность в оценках отражает тот факт, что престиж профессии социальная работа в общественном сознании, да и самих социальных работников неустойчив, он еще формируется при отсутствии четкого разграничения уровней и статуса, который более конкретизирует статус профессии: управленцы, специалисты, просто социальные работники.

Известно, что одним из индикаторов престижа профессии является имидж. Имидж, или как его еще называют статусный образ в социологии, понимается как составная часть определенной социальной роли или совокупность представлений, сложившихся в общественном мнении о том, как должен вести себя человек в соответствии со своим статусом. Данное понятие находит свое отражение в ответах респондентов на вопрос о том, к кому бы они обратились за помощью в трудной жизненной ситуации (рис. 3) [5].

Наибольшее число выборов относится к родственникам и друзьям, и это в нашей действительности вполне естественно. По рангу доверия социальные службы занимают третье место, что выше доверия, например, к правоохранительным органам. Практически во всех социальных группах респондентов отсутствует практика обращения к помощи специалистов социальной работы при возникновении трудных жизненных ситуаций. За помощью в социальные службы обращались только 33 % из числа опрошенных, и большая их часть удовлетворена качеством оказанных услуг.

Причинами необращения граждан в социальные службы является отсутствие знаний, неуверенность в оказании помощи, боязнь рутины и бюрократизма, что в конечном счете деформирует суть социальной работы (рис. 4).

Относительно динамики престижа профессии *социальная работа*, за последнее время большая часть опрошенных – 36,4 % считает, что престиж профессии за последние 2 года остался прежним, 15,2 % респондентов отмечают, что престиж профессии *социальная работа* за последние 2 года повысился, 4,8 % – понизился и у 43,6 % респондентов ответ на данный вопрос вызвал затруднение. Мнение же респондентов по вопросу: «Повысится или понизится престиж профессии социальная работа в ближайшие 5 лет?» более перспективны. Так, 29,2 % респондентов считают, что престиж профессии повысится, 26,2 % – останется прежним, 4,2 % – понизится, и у 40,4 % респондентов ответ на данный вопрос вызвал затруднения [5].

В качестве основных показателей, которые бы способствовали положительному изменению сложившейся ситуации, являются: изменение системы оплаты труда – 44,2 %, предоставление реальных возможностей повышения квалификации – 20,5 %, ввод системы мер социальной поддержки специалистов – 18,8 % [5].

Таким образом, анализ информации, полученной по результатам исследования жителей Хабаровского края, социальных работников всех уровней, показывает, что проблемное поле исследования предостаточно представлено в теории и практике социальной работы. Так, например, респонденты затруднялись, в силу ограниченной информированности, определить свое мнение о направлениях деятельности социальных работников в контексте развития объектов.

Динамика социальных и экономических изменений способствует ситуации, когда социальная работа должна развиваться в соответствии с объективными требованиями, которые возникают в обществе.

Профессия социального работника является связующим звеном между государством и обществом, тем проводником, который благодаря своему профессиональному мастерству и личным качествам способен поднять в обществе на должный уровень социальное благоустройство граждан. С одной стороны, возникновение, институциональное и организационное оформление социальной работы можно рассматривать как ответ на потребность общества в бесконфликтном и систематическом перераспределении общественных благ в пользу социально незащищенных слоев населения с целью создания и поддержания приемлемых условий их существования, а через это – сохранение социальной устойчивости, а с другой – недоверие к социальным работникам, слабое и стереотипное представление в массовом сознании о профессии социальной работы, которая ассоциируется исключительно с непосредственным уходом за нуждающимися людьми, оказанием прямой помощи для удовлетворения первичных потребностей, реализуемой специалистами с низким квалификационным уровнем, ограниченным образовательным статусом, с низкой заработной платой и, как следствие, низким престижем профессии.

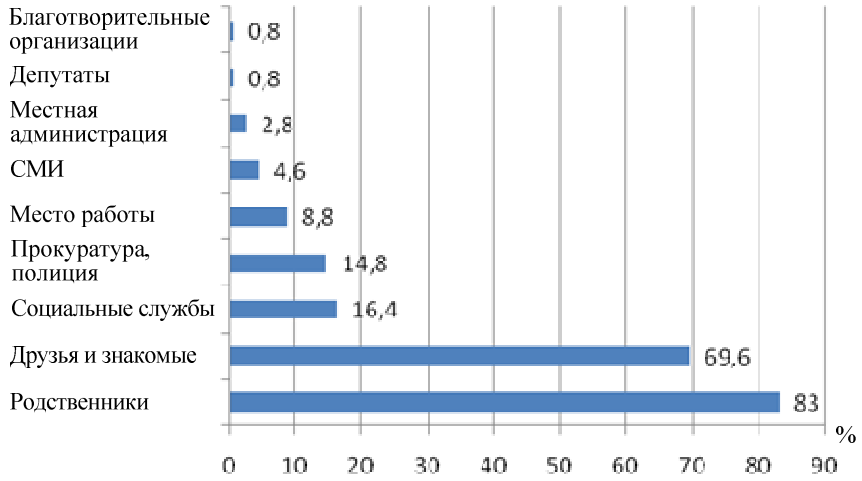

Рис. 3. Социальные институты и организации,
оказывающие помощь в трудной жизненной ситуации

Рис. 4. Причины, препятствующие обращению в социальные службы

ЛИТЕРАТУРА

1. ГОСТ Р 52143 – 203-У. Основные виды социальных услуг. Национальный стандарт РФ.

2. ГОСТ Р 52342 – 203.Качество социальных услуг. Национальный стандарт РФ.

3.Материалы текущего архива Министерства социальной защиты населения Хабаровского края № 10760-2.2 от 05.07.2012 г.

4. Профессиональный имидж и престиж социальной работы: монография / М.В. Певная [и др.]; под ред. д-ра филос. наук, проф. Ю.Р. Вишневского. – Екатеринбург: УрФУ, 2011. – 184 с.

5. Горожане о престиже профессии социальная работа: социологическое исследование / рук. Л.А. Кривоносова; исп. Е.А. Смирнова. – Хабаровск: ДВИ-ф РАНХ и ГС, 2012. – 25 с.

6. Социальный работник сегодня: социокультурный портрет: социологическое исследование / рук. Л.А. Кривоносова; исп. Е.А. Смирнова. – Хабаровск: ДВИ-ф РАНХ и ГС, 2012. – 34 с.

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ И В СТРАНАХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Н.И. Серкова

Серкова Нелли Исидоровна – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Дальневосточного государственного гуманитарного университета (г. Хабаровск).

Контактный адрес: serkovanelli@gmail.com

Сравнение состояния и результатов языковой политики в сфере обучения иностранным языкам показывает, что Россия и Япония, оказавшись к концу XX в. в ситуации глобальных изменений в мире, характеризующейся растущей экономической взаимозависимостью, при этом этнической разнородностью, культурным и языковым плюрализмом, встали перед аналогичными проблемами: интернационализации образования, подготовки профессиональных конкурентоспособных в мировом масштабе кадров, необходимостью рассматривать иностранный язык как необходимый ресурс – базовый элемент современной системы образования и средство формирования открытой миру «вторичной языковой личности».

Проблема выбора языка международного общения и на Дальнем Востоке России, и в Японии решается в пользу английского языка. На английском языке в мире говорит около миллиарда человек, в различных регионах Азии свободно говорящих на английском языке насчитывается 350 миллионов; английский является рабочим языком АСЕАН, являющейся эпицентром интеграции в Юго-Восточной Азии.

Растущее влияние английского языка описывается в терминах противостоящих друг другу концепций – о «языковом империализме» (Р. Филлипсон) либо о «глобальном английском» (Д. Кристал). Изучение реальной языковой практики в АТР показывает, что именно английский язык в своих разных функциональных типах выполняет в настоящее время роль языка-посредника, способного обеспечить линию на включение в международную жизнь, так как: 1) никакой искусственно созданный для целей международного общения язык не смог составить конкуренции английскому языку; 2) общение на национальных языках через переводчика ограничивается определенными сферами и ситуациями вследствие своей трудоемкости и дороговизны; 3) начиная с 50-х гг. XX в., в мире получило развитие и используется множество разновидностей английского языка, приспособленных для выполнения тех или иных функций и целей в тех или иных регионах (от локальных и региональных пиджинов до интернационального / мирового английского, базирующегося на образовательных стандартах), что можно считать оправданным при условии, что достигается цель – взаимопонимание.

Ключевые слова: Российский Дальний Восток, Азиатско-Тихоокеанский регион, Япония, сравнительное исследование, языковая политика, интернационализация образования, обучение иностранным языкам, межкультурная коммуникация, вторичная языковая личность, язык-посредник, языковой империализм, Ассоциация преподавателей английского языка Дальнего Востока.

Языковая политика определяется как «совокупность идеологических принципов и практических мероприятий по решению языковых проблем в социуме, государстве» [4]. Это означает включение в сферу внимания государства таких вопросов, как статус, роль и значение, специализированность функций всех взаимодействующих на данной территории языков, а также вопроса обеспечения языкового образования граждан в соответствии с их правами и потребностями государства.

Языковая политика в монокультурном государстве не является простой, хотя и строится в языковой ситуации всеобщего одноязычия: одноязычие все-таки предполагает сосуществование различных диалектов, говоров, литературного языка, жаргонов и других языковых образований.

Большей сложностью языковая политика отличается в полиэтнических, поликонфессиональных и поликультурных государствах, которые составляют важнейшую особенность современного мира. Мы являемся свидетелями того, как происходит выработка модели сосуществования различных этносов на территории государств в XXI в. Современная тенденция, складывающаяся под воздействием идей либерализации и глобализации, состоит в преодолении монокультурализма и ассимиляции («плавильный котёл») как основных инструментов предыдущих исторических эпох в решении вопросов совместного проживания и переходу к мультикультурализму, направленному на формирование государства как общего надэтнического пространства, сохраняющего при этом полифонию сосуществующих языков и культур.

Неудивительно, что проблем становления мультикультурных государств на данном историческом этапе достаточно много и они являются актуальными для различных научных сфер: философии и этики, идеологии и политики, социальных наук, культурологии, лингвистики и др. Ставятся вопросы правовых норм, построения общественных институтов, культурной многосоставности, общенациональных и этнических ценностей, демографических и этнокультурных изменений под влиянием эндогенных и экзогенных факторов, взаимовлияния длительно контактирующих языков и многие другие. Имеются различные понимания и трактовки муль-

тикультурализма (и как мировоззренческой позиции, и как концепции национальной идеологии, и как программы гармонизации интересов и социальной поддержки, и как модели культуры, и как симбиоза концептуальных картин мира взаимодействующих языков и др.), а также различные к нему отношения (от признания до отвержения).

Однако как бы ни строилась языковая политика внутри государства, в сегодняшнем мире политических и экономических связей, развития рыночных отношений, миграции населения любой географический регион или административно-политическое образование оказывается частью «глобальной деревни», и языковая политика повсеместно характеризуется, с одной стороны, деятельностью по сохранению и развитию национальных языков, а с другой стороны, в большей мере, нежели раньше, внедрением статусных языков международного общения для обеспечения сотрудничества и межкультурной коммуникации.

В полной мере это относится и к российскому Дальнему Востоку, который, начиная с 90-х гг. XX в., в связи с образованием Российской Федерации и серьёзными изменениями в её политической и экономической стратегии, становится активным субъектом международной жизни. Важнейшими факторами развития Дальневосточного региона, как отмечают социологи, стали международная торговля, развитие международных деловых контактов, привлечение иностранных инвестиций и новых зарубежных технологий, увеличение количества предприятий с участием иностранного капитала, рост занятости на них российских граждан, интенсификация профессиональных контактов с иностранными специалистами в разных сферах профессиональной деятельности. Отмечаются также большие масштабы международной трудовой миграции.

Таким образом, современные исследования по российскому Дальнему Востоку свидетельствуют, что глобализация привела в движение не только капиталы и товары, но и трудовые ресурсы. Так, в публикациях В.В. Блажевича [3] находим следующие положения, касающиеся оценки сегодняшней ситуации:

- современная социально-экономическая ситуация на российском Дальнем Востоке является определяющим фактором возросшей потребности региона в специалистах, владеющих иностранными языками;
- поскольку основные экономические связи направлены на страны АТР (межрегиональные связи составляют лишь незначительную долю общего товарооборота), отсутствие способности осуществлять профессиональную деятельность на иностранном языке является одним из серьезных барьеров на пути карьерного роста и социальной мобильности;
- уровень владения иностранными языками растет особенно быстро в таких категориях населения, как учащаяся молодежь, молодые специалисты, жители приграничных регионов и крупных городов;
- иноязычная компетенция перешла из категории интеллектуальных знаний в категорию знаний практических, которые необходимы для принятия решений, для практических действий, т. е. в сфере занятости ценится реальное владение иностранными языками на достаточно высоком уровне;
- хотя способность к овладению языками заложена генетически, возможность овладения ими (как родным, так и иностранными) на достаточном для успешной коммуникации уровне возможна только через систему образования;
- в условиях глобализации модернизация системы образования в сфере обучения иностранным языкам должна происходить с учетом новых целей и задач общества.

Отмечаемая социологами общая тенденция к возросшей потребности в иностранных языках на Дальнем Востоке России ощущается также и лингводидактами, методистами, преподавателями иностранных языков. В работах по общей теории обучения языку – лингводидактике – и в работах по методическому сопровождению процесса преподавания иностранных языков разрабатываются новые идеи и технологии по обновлению учебного процесса.

Как известно, Российская Федерация присоединилась к Болонской декларации и разделяет её основные положения: миссией социума как языкового образования является содействие развитию цивилизационных процессов, глобализации мира, диалогу культур, а также формированию современной личности – носителя определенной культурной и языковой идентичности и, одновременно с этим, общечеловеческих ценностей личности, проявляющей толерантность и эмпатию к носителям других культур. В европейских странах эта миссия реализуется, в частности, через обучение иностранным языкам по формуле «родной язык + два иностранных языка».

Принятие Болонской декларации Российской федерацией означает для российского Дальнего Востока не только последовательное вхождение в европейское образовательное пространство, реализацию его требований и норм, но и обеспечивает дополнительные стимулы и порождает дополнительные возможности в расширении экономических, деловых, профессиональных и образовательных связей в странах Азиатско-Тихоокеанского региона.

Как географически контактная зона со странами этого региона, Дальний Восток России имеет свою специфику. Это объясняет и особенности языковой ситуации в сфере обучения иностранным языкам, характеризующейся в настоящее время тремя тенденциями: во-первых, безоговорочным предпочтением английского языка как статусного

языка международного общения, во-вторых, увеличением традиционного набора иностранных языков для обучения за счет восточных языков – китайского, японского и корейского и, в-третьих, введением в обучение второго иностранного языка в качестве дополнительного (в этой роли выступают преимущественно восточные языки и английский, однако, есть спрос на французский и немецкий).

Согласно данным, приведенным, например, в публикации Н.Р. Максимовой [10], в государственных школах Хабаровского края в 2008/09 учебном году из 103 823 школьников, изучавших иностранные языки в качестве основного, 96 840 учащихся изучали английский, 3320 – немецкий, 2437 – французский, 1226 – восточные языки. Второй иностранный язык изучали 2986 учащихся, причем, восточные языки – 1224 человек, английский – 900 человек, французский – 566, немецкий – 296.

Очевидно, повышение интереса к иностранным языкам вообще, английскому как языку международного общения и языкам соседних государств в частности. Эти тенденции прослеживаются как на уровне средней школы, так и на уровне высшего образования.

Современную языковую политику в сфере обучения иностранным языкам определяют факторы, названные В.М. Алпатовым «взаимодействием двух противоположных потребностей: потребности идентификации и потребности общения» [1]. С этим непосредственно связано определение, во-первых, цели и задач иноязычного образования, во-вторых, его содержания и, в-третьих, подходов и технологий обучения иностранным языкам.

В начале XXI в. цели и задачи иноязычного образования имеют глобальный и одновременно конкретный характер: формирование не только языковых и речевых компетенций, но и – что важно – «вторичной языковой личности» [7: с. 5], способной к сотрудничеству и достижению взаимопонимания в процессе межкультурной коммуникации в силу того, что ею осознаются как закономерности родного языка, паттернов мышления и поведения, ценности своей культуры, так и – партнера по коммуникации.

Этот подход является ключевым в определении содержания иноязычного образования. Большое место в нем отводится социокультурному компоненту обучения, наряду с обучением языковым и речевым компетенциям в сфере общения и профессионального использования языка. Причем социокультурный компонент не сводится к страноведческому знанию. Миропонимание, систематизированный и структурированный культурный опыт, ментально-чувственная категоризация мира присутствуют в каждом национальном языке, его лексике, фразеологии и грамматике, а установление связей между одним и другим как раз и составляет важную часть содержания социокультурного компонента обучения, ответом на вопрос о том, что такое культурная компетенция инофона.

Изучающему иностранный язык важно осознание того, что за теми или иными словами, фразами, предложениями могут стоять новые культурные образы, отличные от знакомых стереотипы, эмоции, оценки. Единицы языка, расходясь в разных языках в существе, объёме и распределении значений и смыслов, по-разному отражают картину мира. Понимание инаковости другой культуры, в том числе языковой, в сравнении с родной культурой (вместо оценочного подхода: хорошо-плохо, правильно-неправильно) и готовность понять и принять эту инаковость имеют важное значение для успешного функционирования в мире, характеризующемся этнической разнородностью и культурным и языковым плюрализмом.

Новой концептуальной идеей современного обучения иностранным языкам является также внедрение прагматики (больше на уровне вуза). Этот подход основывается на положении о функциональной мотивированности языка, т. е. на представлении о языке как механизме, адаптируемом к обстоятельствам его использования: целям и ситуациям коммуникации, намерениям коммуникантов. Межкультурное напряжение, недопонимание или раздражение, возникающие при речевом взаимодействии партнеров из разных культур, не всегда объясняются различиями в этих культурах. Приобретение обучающимися прагматической компетенции означает понимание взаимодействующими партнерами интенции (мотивационных смыслов, намерений) друг друга. Прагматическая компетенция помогает осознать, что коммуникация бывает не только прямой и искренней, но и непрямой и уклончивой. В других случаях коммуникативные конфликтные ситуации могут возникать именно вследствие различий в использовании прагматических стратегий в культурах. В разных культурах используются более или менее уклончивые способы выражения несогласия, более или менее вежливые формы выражения просьбы или извинения и т. д. Важно, чтобы процесс приобретения прагматических знаний не был построен на принципе этноцентричности, а строился бы на понимании легитимности любой культурной модели и учитывал их прагматическую диверсификацию. Осознание культурного плюрализма, а также обученность гибкости и адаптивности в межкультурной коммуникации являются важными факторами её успешности.

Основной парадигмой иноязычного образования признается личностно-ориентированная парадигма, направленная на выдвижение обучающегося в качестве центральной фигуры образовательного процесса, а перспектив его личностного и языкового развития – в качестве основной цели обучения.

Технологии характеризуются сочетанием традиционных коммуникативных методик с инновационными технологиями, направленными на формирование автономии обучающегося, самостоятельности и активности, самоорганизации и самообучения. Распространёнными методами являются: технология стимуляции реального общения, метод проектов, обучение в сотрудничестве, интерактивная деятельность в малых группах, соизучение языка и культуры и др. На всех ступенях системы образования предусматривается широкое применение компьютерных телекоммуникаций и глобальной сети «Интернет». Это позволяет индивидуализировать и интенсифицировать обучение, увеличивает объем языковой тренировки, создает условия для самостоятельной работы, повышает мотивацию обучения и активность обучаемых, создает комфортную среду обучения, реализует принцип обратной связи, создает условия для объективного и более полного контроля навыков и знаний, обеспечивает качество самопроверки.

Связь между процессами глобализации и потребностью страны в нарастании иноязыковой грамотности граждан прослеживается и в ближайших странах АТР. Для примера возьмем Японию, которая, как и Россия, долгое время была закрытой страной, находилась, как отмечают исследователи, в условиях культурного и языкового изоляционизма (хотя по другим причинам: островное положение, обостренное чувство национальной идентичности и сохранение национальных традиций и уклада жизни, вера в особую ценность своего языка, его использование поголовным большинством – более 99 % жителей, отсутствие близкородственных языков).

Хотя на международной арене Япония играет важную роль, ее престиж, тем не менее, не поддерживается международными функциями родного языка: японский язык не является языком ООН и в очень редких случаях используется в качестве рабочего языка на международных форумах и конференциях. Однако в ситуации интернационализации, необходимости добиваться взаимопонимания в среде разноязычных сообществ, Япония, как и российский Дальний Восток, стоит перед необходимостью оптимизации межкультурного общения.

Как решаются эти проблемы в Японии?

В данном экскурсе в историю вопроса мы ссылаемся на публикации В.М. Алпатова, посвященные языку и культуре Японии [2]. Японский язык безраздельно господствует в Японии на протяжении почти двух тысячелетий. Начало освоения мира через познание европейской культуры и европейских языков в Японии относят к эпохе Мэйдзи (50–60 гг. XIX в.). Изначально оно было связано с формированием пиджинов, поскольку контактирование большей частью осуществлялось через устное общение с американцами и англичанами. Такой тип пиджинов обычно базируется на лексике языка-источника (в данном случае – английского) с добавленим местных слов, а также на упрощенных и модифицированных под воздействием языка-субстрата (в данном случае – японского) грамматике и фонетике. К началу XX в. пиджины, распространившиеся было в портовых городах, постепенно исчезли. Они возродились в период американской оккупации для общения местного населения с американскими военными (так называемый бамбуковый английский), однако, тоже долго не просуществовали [12].

Определяющую роль в европеизации Японии, начиная с эпохи Мэйдзи (1868–1912), играет освоение западной книжной культуры, связанное с обучением иностранным языкам в учебных заведениях. При этом выдвигались разные варианты освоения западной культуры и языков: как отказ от японского языка и замена его английским, так и массовое японо-английское двуязычие, для чего в университетах преподавание частично или даже полностью переводилось на английский язык. Однако реально восторжествовал вариант освоения новых понятий и идей западной культуры ресурсами японского языка, заметно продвигающий развитие японской культуры и в то же время не предполагающий отказа от традиций.

В.М. Алпатов отмечает, что, как показывает история, японский язык прекрасно справляется с задачей «натурализации» западной культуры (включая языковую), осваивая новые понятия, используя такие ресурсы японского языка, как прямое заимствование (перенесение из английского языка в японский иноязычной единицы с приспособлением её к структуре заимствующего языка) и калькирование (буквальный перевод компонентов иноязычной единицы).

В период интенсивного заимствования с 60-х гг. XIX в. по 20-е гг. XX в. заимствованные слова образовали в японском языке отдельный лексический слой gairaigo. Это были слова из разных западных языков, по количеству соответствующих престижу той или иной страны в определенной области, однако, в целом преобладали заимствования из английского языка (75 % всех гайрайго). Нарастал и слой калек.

Были и менее благоприятные периоды (например, японского национализма и милитаризма с 20-х гг. XX в. по 1945 г.), когда разрешались заимствования только из языков союзников Японии – немецкого и итальянского. Далее, после поражения Японии во Второй мировой войне вновь стали нарастать процессы заимствования и калькирования, на сей раз сопровождавшие американизацию японской культуры и японского языка.

Согласно данным Государственного института японского языка, в 70-е гг. XX в. заимствования из американского варианта английского языка состав-

ляли 94,1 % всех гайрайго. Что же касается количества гайрайго в отношении всего словаря японского языка, называется цифра в 9,8 % [12]. В дальнейшем отмечается заметное увеличение числа гайрайго. Так, по данным 2005 г. того же института, обследование японских журналов разных жанров показало 12,4 % гайрайго от всех словоупотреблений в этих текстах и 34,8 % гайрайго в составленном на основе этих текстов реестре использованных слов.

К концу XX в. количество гайрайго возросло за счет сфер массового либо престижного потребления, а также инновационных сфер науки и техники, сфер высоких технологий. Они составляют 53 % терминов менеджмента, 75 % терминов маркетинга, 80 % торговых терминов, 97 % названий парфюмерных и косметических товаров, 99 % компьютерной терминологии [9]. Отсюда возникает ассоциация гайрайго с современностью и престижностью, а слов иного происхождения – с отсталостью и бедностью. За пределами этих сфер – в лексическом ядре японского языка – американизмов, по оценкам российских японистов, не так много.

Таким образом, несмотря на географическую, генетическую и историческую обособленность японского языка, в последние полтора столетия отмечаются существенные изменения: наряду с разрядом исконно японской лексики (ваго) и разрядом исконно китайской лексики (канго) сформировался разряд заимствованной лексики из западных языков, преимущественно американского английского (гайрайго). Нельзя не согласиться с западными и российскими японистами в том, что это отражает специфику исторического развития Японии, проводящей последние полтора столетия (хотя и не всегда последовательно) линию на включение в международную жизнь и освоение (для реализации этой цели) европейской культуры и европейских языков, прежде всего, английского. При этом официальная языковая политика предусматривает свободный допуск гайрайго в любые специальные сферы. Делается прогноз о повышении её роли в будущем, с учетом того, что лексика гайрайго особенно многочисленна в молодежной субкультуре уже не одно поколение.

Однако, как пишет В.М. Алпатов, престиж английского языка в Японии и многочисленные заимствования из него ещё не означают его хорошего знания подавляющим большинством населения.

Школьное изучение иностранных языков, в основном английского, было введено в 1947 г. Этот предмет входит в число обязательных, и начинается обучение ему с 12 лет. Считается, что английский язык учат во всех средних и высших учебных заведениях. Однако при международном исследовании уровня владения английским языком в разных странах в 1998 г. оказалось, что Япония находится на 180 месте среди членов ООН и на последнем месте в Азии [8]. Среди причин называются: позднее начало обучения языкам, консервативная система преподавания, малое число учебных часов, отсутствие мотивации и традиционная закрытость японцев для общения с иностранцами.

Вместе с тем в современной Японии печатаются газеты на английском языке, предназначенные для японских читателей; имеются отдельные частные университеты, где курсы читаются на английском языке; имеются профессионально владеющие английским языком; отмечается заинтересованность научных кругов в проведении научных мероприятий на английском языке с целью привлечь к обсуждению актуальных вопросов науки специалистов из стран Азии и Океании; отмечается общественная поддержка идеи расширения преподавания английского языка в Японии.

Правительственная комиссия в 2000 г. поставила задачу сделать английский язык всеобщим lingua franca, причем ставится задача обучить выпускников средних школ общению на английском языке, а выпускников вузов – профессиональному его использованию [8]. Высказывается идея о том, что английский язык надо рассматривать не как язык США (связанный с американской культурой), а как язык международного общения, тем более, что в некоторых странах используется в этом качестве британский вариант.

Этот экскурс дает возможность выделить несколько положений, важных для понимания японской языковой политики:

- Хотя японский язык безраздельно господствует в Японии на протяжении почти двух тысячелетий, с включением страны с середины XIX в. в международную жизнь, был взят курс на освоение европейской культуры и европейских языков, прежде всего, английского.
- Оценивая историю заимствования и калькирования из английского в японский, исследователи подчеркивают, что мы имеем дело с абсорбцией японским языком английского словаря, и сравнивают это явление с аналогичной адаптацией китайского словаря в прошлом. Усматривается тенденция избирательно накапливать, сберегать и использовать элементы языка-источника как часть самого японского языка, в соответствии с потребностями развития японского языка.
- В разное время и разными учебными заведениями Японии в качестве функционального типа языка, наиболее приемлемого для общения между носителями разных языков, определялись: пиджин, английский как иностранный, английский как второй, английский как lingua franca.
- В современной Японии отмечается общественная поддержка идеи расширения преподавания английского языка как языка международного общения, подчеркивается его интернациональная роль.

- Значение других западных языков в Японии много меньше, чем английского. Они рассматриваются лишь как дополнение к английскому языку.

Заключение. Сравнение состояния и результатов языковой политики в сфере иностранных языков показывает, что хотя Россия и Япония шли разными путями, оказавшись в аналогичной ситуации глобальных изменений в мире к концу XX в., обе страны встали перед проблемой интернационализации образования, подготовки профессиональных конкурентоспособных в мировом масштабе кадров, перед необходимостью рассматривать иностранный язык как необходимый ресурс – базовый элемент современной системы образования и средство формирования открытой миру «вторичной языковой личности».

Проблема выбора языка международного общения и на Дальнем Востоке России, и в Японии решается в пользу английского языка, на наш взгляд, по вполне естественным причинам. Английский называют «азиатским языком», потому что в различных регионах Азии он используется уже более 200 лет; свободно говорящих на английском языке в Азии насчитывается 350 миллионов человек, что больше, чем на любом другом континенте; английский является рабочим языком АСЕАН, являющейся эпицентром интеграции в Юго-Восточной Азии, хотя он не является национальным языком ни в одной из стран-участниц [11]. В целом, на английском языке в настоящее время в мире говорит около миллиарда человек.

Растущее влияние английского языка описывается в терминах противостоящих друг другу концепций – о «языковом империализме» (Р. Филлипсон) либо о «глобальном английском» (Д. Кристал). Изучение реальной языковой практики в АТР показывает, что именно английский язык в своих разных функциональных типах выполняет в настоящее время роль языка-посредника, способного обеспечить линию на включение в международную жизнь, так как: 1) никакой искусственно созданный для целей международного общения язык не смог составить конкуренции английскому языку; 2) общение на национальных языках через переводчика ограничивается определенными сферами и ситуациями вследствие своей трудоемкости и дороговизны; 3) начиная с 50-х гг. XX в., в мире получило развитие и используется множество разновидностей английского языка, приспособленных для выполнения тех или иных функций и целей в тех или иных регионах (от локальных и региональных пиджинов до интернационального / мирового английского, базирующегося на образовательных стандартах), что можно считать оправданным при условии, что достигается цель – взаимопонимание.

Если вернуться к вопросу об интернационализации образования, в сфере высшего образования её основными формами являются: мобильность студентов, мобильность преподавателей, интернационализация учебных планов, транснациональное образование, гармонизация систем высшего образования [6]. Каждый из этих вопросов требует отдельного рассмотрения, что невозможно в рамках этой статьи.

В этом контексте стоит остановиться на некоторых вполне реальных возможностях интенсификации профессиональных контактов преподавателей английского языка Дальнего Востока России со специалистами стран АТР в сфере образования.

Примером своевременного осознания перемен в постперестроечной России преподавательским профессиональным сообществом является образование на Дальнем Востоке России в 90-е гг. Дальневосточной общественной организации преподавателей английского языка (FEELTA). Инициатором выступил Институт иностранных языков Дальневосточного государственного университета (сегодня – Школа региональных и международных исследований Дальневосточного Федерального университета, г. Владивосток). Инициатива была подхвачена вузами Дальнего Востока – Институтом лингвистики и межкультурной коммуникации Дальневосточного государственного гуманитарного университета (г. Хабаровск), Амурским государственным университетом (г. Благовещенск), Благовещенским государственным педагогическим университетом, Комсомольским-на-Амуре государственным техническим университетом, Приамурским государственным университетом им. Шолом-Алейхема (г. Биробиджан) и др. Это сотрудничество позволило установить научные связи в Дальневосточном регионе России по проблемам лингвистики, теории и практики перевода, межкультурной коммуникации, методики преподавания иностранных языков, обеспечить обмен мнениями и публикациями, совместную подготовку и проведение научных форумов и конференций, открыло двери в дальневосточные аспирантуры по специальностям: германские языки, сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание. Все это способствовало научным обменам, повышению квалификации, значительному профессиональному росту научных и преподавательских кадров Дальнего Востока России.

Следующим важным этапом явилось присоединение Дальневосточной общественной организации преподавателей английского языка (FEELTA) к Паназиатскому Консорциуму Ассоциаций преподавателей английского языка (ПАК). Паназиатский Консорциум был образован в 1994 г. тремя национальными Ассоциациями преподавателей английского языка: ТЕСОЛом Тайланда, ТЕСОЛом Кореи и Японской Ассоциацией преподавателей иностранных языков. В 1998 г. в члены Консорциума была принята Ассоциация преподавателей английского языка республики Китай (Тайвань) и в ноябре 2001 г. – Ассоциация преподавателей английского языка

Дальнего Востока России. Это событие было воспринято как значительный прорыв в установлении интегративных связей между университетами, учеными, преподавателями английского языка в Азии.

Основной задачей Паназиатского Консорциума является объединение творческих сил региона для совместного обсуждения проблем научно-исследовательского, научно-методического и организационного характера, стоящих перед научной общественностью и преподавателями азиатских стран в обучении английскому языку в этом регионе. ПАК организует серии конференций, привлекающих тысячи преподавателей и ученых из разных стран, инициирует совместные научные проекты, с 2001 г. выпускает международный научный журнал PAC Journal.

Основные проблемы преподавания иностранных языков в Азиатско-Тихоокеанском регионе обсуждаются на регулярных Паназиатских конференциях преподавателей английского языка, проходящих в разных странах АТР. Последний по срокам форум «Learning Languages – Building Communities» состоится в ноябре 2012 г. в г. Владивостоке. Будут обсуждаться вопросы социолингвистики и контактной вариантологии, межкультурной коммуникации, мирового английского языка (модели и нормы), уровней владения английским языком, методики обучения английскому языку в вузе и др. В рамках конференции состоится также форум молодежи стран Азии (Asian Youth Forum), участниками которого, помимо российских студентов, будет около 80 студентов из 23 университетов азиатских стран. Представительность форума (600 человек, 200 докладов, мастерклассов, постеров, коллоквиумов) подчёркивает широкий охват стран (9), городов, университетов, разнообразие научных школ и подходов. Задачи форума, объединяющего представителей большого мультинационального региона, где контактирует множество языков и культур, состоят в том, чтобы обсудить специфику и роль формирующихся в нем вариантов и разновидностей английского языка как языка-посредника; обсудить экспериментальные методики обучения английскому языку, направленные на достижение конкретных целей и желаемых результатов; рассмотреть вопросы, связанные с повышением уровня и качества подготовки бакалавров и магистров по специальности «Лингвистика» – преподавателей, переводчиков, специалистов по межкультурной коммуникации.

Форум, естественно, не даст однозначных ответов на все эти вопросы, однако, сама их постановка и обсуждение необходимы для прояснения современной идеологии образования и её перспектив в области иностранных языков на российском Дальнем Востоке и в странах АТР.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алпатов, В. М.* 150 языков и политика 1917–2000 гг. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства / В.М. Алпатов. – 2-е изд., дополн. – М.: Крафт; Институт востоковедения РАН, 2000. – 224 с.

2. *Алпатов, В. М.* Япония: язык и культура / В.М. Алпатов. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 208 с.

3. *Блажевич, В. В.* Влияние глобализации на развитие языковой компетенции молодёжи российского Дальнего Востока: автореф. дис. … канд. соц. наук / В.В. Блажевич; Тихоокеанский гос. ун-т. – Хабаровск, 2010. – 22 с.

4. *Большой энциклопедический словарь. Языкознание* / главн. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 683 с.

5. *Гришаева, Л.И.* Введение в теорию межкультурной коммуникации / Л.И. Гришаева, Л.В. Цурикова. – 2-е изд., доп. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2004. – 424 с.

6. *Сагинова, О.В.* Интернационализация высшего образования как фактор конкурентоспособности / О.В. Сагинова // Вестник российской экономической академии имени Г.В. Плеханова. – 2004. – № 1. – С. 15–25.

7. *Халеева, И.И.* Подготовка переводчика как «вторичной языковой личности» / И.И. Халеева // Тетради переводчика: научно-теоретический сборник. – Вып. 24. – М.: МГЛУ, 1999. – С. 63–72.

8. *Gottlieb, N.* Language and Society in Japan / N. Gottlieb. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2005. – 180 p.

9. *Loveday, L.* Language Contact in Japan. A Socio-Linguistic History / L. Loveday. – Oxford; New York: Oxford Univ. Press, 1996. – 256 p.

10. *Maximova, N.* Foreign Language Education in the Russian Far East: Past and Present / N. Maximova // Язык и культура: мосты между Европой и Азией: сб. науч. ст. по материалам международного лингвокультурологического форума (15–18 сентября 2009 г.) / под ред. В.В. Васюк, Н.Р. Максимовой, Н.А. Олейниковой. – Хабаровск: Изд-во Дальневосточ. гос. гуманит. ун-та; 2009. – 358 с.

11. *Smith, L.* English is an Asian Language / L. Smith // Sharing Challenges, Sharing Solutions: Teaching Languages in Diverse Contexts = Общие проблемы, общие решения. Преподавание языков в различных культурных контекстах / [ответ. ред. Г.Н. Ловцевич]. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2005. – 287 с.

12. *Stanlaw, J.* Japanese English: Language and Culture Contact / J. Stanlaw. – Hong Kong: Hong Kong Univ. Press, 2004. – 375 p.

ОПЫТ УНИВЕРСИТЕТОВ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ ПО ПРИВЛЕЧЕНИЮ И АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

Д.А. Соколова

Соколова Дарья Андреевна – аспирант Дальневосточного федерального университета.

Контактный адрес: selivanova_d@mail.ru

В условиях глобализации и актуализации академической мобильности представляет интерес опыт привлечения иностранных студентов в Республике Корея, занимающей активную позицию в сфере развития международных образовательных программ. С целью изучения процессов социокультурной адаптации автором было проведено социологическое исследование в виде анкетного опроса (июнь – октябрь 2010 г.) иностранных студентов, обучающихся в международной бизнес-школе Солбридж (SolBridge) университета Вусонг (Woosong). Исследование показало, что адаптация студентов-иностранцев в корейской социокультурной среде проходит достаточно успешно.

Ключевые слова: иностранные студенты, социокультурная адаптация, Республика Корея.

Растущая популярность Республики Корея (РК) как страны с высокоразвитой современной технологией, высоким уровнем комфортности и безопасности жизни привлекает к себе все большее количество иностранных студентов. Одно из основных достоинств образования в РК – это относительно низкая стоимость обучения при его высоком качестве. Оснащенные по последним мировым уровням лаборатории, современные библиотеки, высокообразованные преподаватели, большая часть из которых училась в самых престижных университетах мира, возможность получения образования на английском языке – вот что отличает и делает престижным образование в этой стране [5].

В рамках глобальной программы преобразования Республики Корея в деловой центр Северо-Восточной Азии Министерством образования, науки и технологий в 2004 г. был разработан проект «Обучение в Корее» («Study Korea Project»), направленный на увеличение количества иностранных студентов. В рамках реализации данного проекта планировалось увеличение количества обучающихся в Республике Корея иностранных студентов к 2012 г. до 100 тысяч человек. Предполагалось, что число иностранных студентов в 2010 г. будет составлять порядка 50 тысяч человек. Однако, согласно статистическим данным по состоянию на 1 апреля 2008 г., в Южной Корее уже обучалось 63 952 иностранца [3]. Благодаря возрастающим государственным дотациям на нужды образования, стоимость образовательных программ различных ступеней для иностранных студентов значительно ниже, если сравнивать с такими странами, как Великобритания, Германия, Франция, США, Канада. К тому же правительство и многочисленные неправительственные фонды предлагают студентам широкий выбор грантов на обучение и разнообразную финансовую помощь [3]. Различные ведомства Правительства Республики Корея организуют стипендиальные программы для иностранцев и постепенно увеличивают количество приглашаемых студентов. Многие корейские вузы предусматривают стипендии для иностранных студентов и большинство из них, по результатам успеваемости, обеспечивает оплату от 30 до 100 % вступительных взносов. Кроме того, правительство страны собирается привлечь к участию в проекте южнокорейские предприятия с тем, чтобы иностранные студенты могли бы проходить на них производственную практику и получить не только теоретические, но и практические знания.

Иностранные студенты, прибывшие на обучение в Южную Корею, составляют особую категорию мигрантов. Во-первых, это добровольная миграция достаточно образованных молодых людей, стремящихся к получению новых знаний. Во-вторых, «студенческая» миграция имеет ярко выраженный этнический характер. На сегодняшний день в РК обучаются иностранные студенты из 143 стран мира [3]. Основную массу иностранных студентов составляют представители стран Азии (86,7 %). На втором месте идут студенты из Северной Америки. Их доля в общем числе иностранных студентов составляет 5,8 %. Еще 5 % приходится на европейские страны, 1,5 % – на Южную Америку и 1 % – на Африку. Среди отдельных стран на первом месте по численности студентов, обучающихся в РК, стоит Китай, затем следуют Япония и США. Количество студентов из России на 7 месте из общего числа иностранных студентов [3]. В-третьих, у иностранных студентов четко определены временные рамки миграции и межкультурный контакт носит ситуационный характер. Это значит, что, как отмечает Н.К. Иконникова, приспособившись к жизни в одной культуре, студент после окончания вуза «…снова будет испытывать трудности … вернувшись домой, поскольку за счет приобретенного опыта изменяются его ориентации, а вынужденный в течение некоторого времени разрыв общественных связей на родине, потребует утверждения вновь своего социального статуса» [2: с. 32].

Безусловно, успешность обучения иностранных студентов, уровень их профессиональной подготовки в значительной мере определяются степенью социальной адаптированности в стране пребывания. Различия между культурами в языке, религии, структуре семьи, уровне образования, материальном комфорте, климате, пище, одежде и пр. иностранных студентов вызывают определенные трудности при вхождении в инокультурную среду. Существующие методики, направленные на облегчение процесса адаптации иностранных учащихся к другой культурной среде, в свете происходящих перемен (изменение состава, географии, социальных характеристик иностранцев, прибывающих в южнокорейские вузы, социально-экономических изменений в стране, ухудшение экологической и политической обстановки в регионе и др.) требуют обновления и оптимизации, что актуализирует исследования процессов социокультурной адаптации. Представляется важным определить, при каких условиях взаимодействие между иностранными студентами и принимающей стороной оказывается наиболее сложными для адаптанта, какими факторами определяется успешность адаптации в современных социокультурных условиях Республики Корея, а также, какова степень приспосабливаемости иностранных студентов.

С целью изучения вышеобозначенных вопросов, в июне-октябре 2010 г. автором были исследованы процессы адаптации иностранных студентов на примере международной бизнес-школы Солбридж (SolBridge) университета Вусонг (Woosong), занимающего активную позицию в сфере развития международных образовательных программ и привлечения иностранных студентов. На сегодняшний день в бизнес-школе обучается порядка 1043 иностранных студента из 20 стран мира. Большинство студентов из Китайской Народной Республики (82 %), 9 % – из Вьетнама и 3 % – составляют российские граждане.

Методом анонимного анкетирования было опрошено 420 студентов, что соответствует количественным параметрам репрезентативности выборки. Сбор социологических данных осуществлялся в режиме стандартизированного индивидуального интервью со студентами, прибывшими в Республику Корея из России, Китая, Вьетнама, Таиланда, Пакистана, Непала, Японии, Индонезии, Бангладеш, Узбекистана и Казахстана.

В целом выборочную совокупность характеризуют следующие данные:

– большинство респондентов (77,5 %) поступили в южнокорейский вуз по собственной инициативе и обучаются в нем на договорной основе;

– 54,8 % не владеют корейским языком, 35,7 % могут общаться на нем на бытовые темы, еще 7,1 % отметили позицию «читаю и пишу с помощью словаря;

– специальное корееведческое образование до приезда в РК подавляющее большинство респондентов (93,7 %) не получало.

Необходимо отметить, что было опрошено 63 % юношей и 37 % девушек. Хотя существуют противоречивые данные о гендерном влиянии на процессы адаптации в инокультурной среде, большинство ученых склоняется к мнению, что у женщин выше уровень тревожности и неудовлетворенности отношениями с местным населением, но в то же время они более коммуникативны и в большей степени рассчитывают на свои внутренние резервы.

Также следует обратить внимание на то факт, что в рамках выполненных исследований нами изучались процессы социокультурной адаптации достаточно образованных молодых людей, возраст большинства которых от 19 до 25 лет. Высокий уровень социальной компетентности, опыт интеллектуальной работы, знание иностранных языков, высокая коммуникативность способствуют успешной адаптации в инокультурной среде. К тому же молодые люди с высоким уровнем образования, как правило, не ждут помощи извне и берут ответственность за свою жизненную ситуацию на себя, что также повышает адаптивность к новой культуре.

Как известно, успешность адаптации определяется как индивидуальными (возраст, пол, образование) личностными характеристиками человека, так и особенностями культуры, к которой принадлежит адаптант. В процессе своей работы мы опирались на труды Майкла Аргила, в частности, на обозначенные им показатели степени адаптированности [4] и на результаты, полученные в ходе исследований, проведенных под руководством профессора Ю.Н. Дорожкина в Уфимском государственном нефтяном техническом университете. Основываясь на результатах профессора Ю.Н. Дорожкина, ключевую роль в достижении чувства удовлетворенности жизнью и учебой играют следующие факторы: бытовые условия; хорошие знания традиций и обычаев, правил поведения, законов принимающего общества; доброжелательное отношение окружающих; возможность соблюдать традиции и обычаи родной страны, возможность соблюдения религиозных ритуалов, высокое качество преподавания [1: с. 77].

Одним из наиболее важных факторов успешной адаптации иностранных студентов является мотивированность переезда в другую страну. В полученных нами ответах респондентов на вопросы, связанные с определением мотивов выбора страны обучения и вуза, обращает на себе внимание тот факт, что в качестве причины выбора вуза чаще других указывались варианты *«возможность получить хорошую профессиональную подготовку именно в этом вузе»* (42,9 % опрошенных выделили эту позицию), так же подчеркивается немаловажность при выборе и стоимость

обучения (*«устраивает стоимость обучения в данном вузе»* – 40,5 % опрошенных). Обоснованность такого вывода подтверждается и тем, что подавляющее большинство респондентов (78,5 %), отвечая на вопрос: *«Уверены ли Вы, что за время учебы в вузе сможете приобрести необходимые знания и навыки по избранной специальности?»* выбрало позиции *«уверен» и «скорее уверен»*, и только 7,2 % указали, что *«скорее не уверены»*, либо *«не уверены»*.

С мотивацией межкультурного перемещения тесно связан фактор «ожидания». С этой позиции в наше исследование был включен вопрос выбора страны и конкретного университета. Значительный вклад в информирование респондентов о вузе, в котором они обучаются в настоящее время, внесли преподаватели и сотрудники тех вузов, в которых они обучались в своей родной стране (на этот источник указали 46,3 % опрошенных), а также их знакомые, которые учились или учатся в данном вузе (31,7 %). Рекламные материалы как источник информации о вузе назвали 14,6 % опрошенных, 9,8 % заявили о получении интересующей их информации с Интернет-сайта вуза.

Для оценки степени общей удовлетворенности жизнью в Республике Корея уместно привести данные, полученные от респондентов при ответе на вопрос: *«Порекомендовали ли Вы своим друзьям и знакомым приехать в РК для получения образования?»*: треть опрошенных выбрала позицию *«безусловно, рекомендовал бы»*, почти 55 % выбрали вариант ответа *«пожалуй, да»* и только 2,4% воздержались бы от рекомендации (еще 9,5 % затруднились с ответом). Заметим, что средний балл оценки респондентами степени своей приспособленности к жизни в Республике Корея равен 6,2 (по девятибалльной шкале, где «1» – самый низкий балл).

Как утверждает профессор Ю.Н. Дорожкин «…суть "культурного шока", который испытывает иностранный студент, заключается скорее не в социально-психологических расстройствах личности адаптантов, а в неизбежном столкновении старых и новых культурных норм и ценностей, старых тех, что были присущи иностранному студенту как представителю общества, которое он покинул, и новых – свойственных тому сообществу, в которое он прибыл» [1: с. 76]. Представление о том, с какими проблемами «столкновения» культурных норм имеют дело респонденты, обучающиеся в южнокорейском вузе, можно получить, анализируя их ответы на соответствующий вопрос анкеты. Труднее всего для респондентов оказалось привыкнуть к особенностям национальной кухни (на это указали 54,8 % опрошенных) и условиям проживания в общежитии (40,5 %). Две другие позиции – *система обучения в южнокорейском вузе* и *отсутствие родственников* – встречались в ответах значительно реже – 7,1 % и 4,8 % соответственно. Наибольшее количество упоминаний приходится на позицию *«большой объем учебной нагрузки»* (41 % опрошенных указали эту позицию); на втором месте – проблема дефицита времени (30,8 %). В анкетах 12,8 % респондентов была указана позиция *«сложно работать самостоятельно»;* с одинаковой частотой (10,3 %) упоминаются позиции *«трудности в изучении некоторых дисциплин» и «недостаток необходимой литературы»*. На самочувствие личности, безусловно, определенное влияние оказывает организация повседневной жизни. Прибыв на учебу в Республику Корея, студенты оказываются в непривычных бытовых условиях. Данные проведенного опроса свидетельствуют о том, что организация питания у большей части респондентов либо в чем-то, либо вовсе не устраивает. «Довольных» же организацией питания среди опрошенных оказалось только 14,3 %. Тем, как организован их досуг, довольна почти половина респондентов (47 %).

Иностранный студент теряет поддерживающие его на родине социальные связи, так как возрастает роль поддержки его со стороны соотечественников, администрации университета, таких же, как он иностранных студентов, или местного населения. В проблемных ситуациях опрошенные нами студенты чаще всего обращаются к однокурсникам (57,1 %) и преподавателям (40,5 %). Роли других акторов новой образовательной среды в ответах респондентов «распределены» следующим образом: сотрудники вузовского департамента по работе с иностранными студентами – 31 % упоминаний; корейские друзья – 26,2 %; куратор группы – 4,8 %. Примечательно, что более четверти респондентов в качестве «помощников» в сложных ситуациях назвали «корейских друзей». И здесь уместно, с нашей точки зрения, отметить, что 59,5 % опрошенных студентов-«иностранцев», указали, что в вузе есть «хорошие возможности для общения с южнокорейскими студентами», и лишь 11,9 % отметили, что такой возможности практически нет.

Можно предположить, что на принятие индивидом решения об обучении в вузе другой страны влияет их представления о безопасности и «дружелюбности» среды, в которой им предстоит находиться во время учебы. В ответах респондентов на вопросы, касающиеся их личной безопасности в стране пребывания, обнаруживается следующее: несмотря на то, что большинство (66,7 %) наблюдает в основном доброжелательное отношение окружающих к себе, все же определенной части участников опроса (21,4 %) или их знакомым (14,3 %) приходилось сталкиваться с «недружественным отношением» со стороны местных жителей.

Итак, не претендуя на полноту проведенного исследования, можно выделить основные факторы,

определяющие успешность адаптации иностранных студентов в современных социокультурных условиях Республики Корея. Одним из наиболее важных факторов является мотивация иностранных студентов, приезжающих в РК на учебу. Возможность профессионального роста и стремление более полно реализовать себя в будущем обусловливают активность иностранных студентов в изучении языка, принятии культурных особенностей принимающей страны. Соответствие «ожидаемого» и «действительного» играет не последнюю роль в успешной адаптации иностранных студентов к новым условиям. Опрошенные студенты больше доверяют информации, полученной от своих преподавателей и друзей, чем рекламе. Неблагоприятно влияют на процесс адаптации как завышенные, так и заниженные ожидания. Социальная поддержка является одним из основных факторов, способствующих успешной социокультурной адаптации иностранных студентов. Поддержка со стороны соотечественников важна с точки зрения общности адаптационного опыта в новой стране, однако, она может и сдерживать процессы «вхождения» в новую культуру. В свою очередь, наличие знакомых и друзей среди местного населения смягчают процессы интеграции в инокультурную среду. Более половины опрошенных студентов характеризуют образовательную среду университета с точки зрения предоставления возможностей для общения с южнокорейскими студентами как благоприятную. Изучение языка, культуры и истории страны, знание условий местной жизни – важнейшие факторы благоприятного протекания процесса социокультурной адаптации иностранных студентов.

Необходимо отметить, что прибывшим на учебу в РК иностранным студентам приходится адаптироваться к относительно однородному с точки зрения разнообразия культур корейскому обществу, что значительно облегчает процесс вхождения в инокультурную среду. В то же время не следует забывать, что, как правило, иностранные студенты представляют собой многонациональное сообщество. Поэтому иностранному студенту приходится адаптироваться не только к инокультурной для них корейской среде, но и приспосабливаться к поликультурной образовательной среде. Как показывает практика, более успешно адаптируются иностранные студенты в многонациональных учебных группах, дисперсно расселенные в общежитиях и активно взаимодействующие с местным населением.

В целом более половины опрошенных студентов удовлетворены своей жизнью в Республике Корея и достаточно высоко оценивают степень своей адаптированности. Но имеющиеся социокультурные противоречия и наличие ментальных различий между авторами рассматриваемых взаимодействий, осложняют процесс «вхождения» иностранных студентов в «принимающий» социум.

На примере адаптации иностранных студентов, обучающихся в международной бизнес-школе Солбридж, видно, что адаптация студентов-иностранцев в корейской социокультурной среде протекает достаточно успешно при наличии некоторых бытовых трудностей. Уровень безопасности проживания в стране достаточно высокий, что, однако, не исключает случаев конфликтности с местным населением, которые имеют эпизодический характер.

Таким образом, полученный в результате исследования феноменологический срез процесса адаптации иностранных студентов в современных условиях Республики Корея может представлять интерес для последующего детального изучения взаимодействия различных культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дорожкин, Ю.Н.* Проблемы социальной адаптации иностранных студентов / Ю.Н. Дорожкин, Л.Т. Мазитова // Социс. – 2007. – № 3. – С. 73–77.

2. *Иконникова, Н.И.* Механизмы межкультурного восприятия / Н.И. Иконникова // Социс. – 1995. – № 11. – С. 26–34.

3. Корейская культурно-информационная служба. [Электронный ресурс]. Посольство Республики Корея / www.infokorea.ru.

4. *Argil, M.* Inter-culture communication / M. Argil // Cultures in contact. – Oxford, 1982. – P. 62.

5. International Herald Tribune. – 2005. – 9 May.

ВЬЕТНАМИЗМЫ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

О.К. Титова

Титова Ольга Константиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры профессионально-ориентированных иностранных языков Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета.

Контактный адрес: rada_yulia@mail.ru

В статье представлено описание культурно-языковых особенностей вьетнамизмов, заимствованных английским языком в ходе англо-вьетнамских культурно-языковых контактов, дана краткая характеристика истории контактов Вьетнама и англоязычных стран и описана роль английского языка во Вьетнаме. Исследование культурно-языковых особенностей представленных единиц проводилось на всех уровнях английского языка: фонографическом, морфологическом и семантическом, и затрагивало как словарные, так и текстовые вьетнамизмы. В статье также описаны способы включения вьетнамизмов в англоязычные тексты о культуре Вьетнама и тематические области, представляющие наибольший интерес для англоязычных пользователей.

Ключевые слова: вьетнамизмы, заимствование, культурно-языковые контакты, ассимиляция, фонографический, морфологический, семантический, лингвокультурологическое поле.

В настоящее время признанным языком межкультурного общения выступает английский язык, использующийся в ходе межкультурных контактов в качестве языка-посредника в ориентации на иноязычную культуру. «Английский язык – это самодостаточная и саморегулирующаяся система общения землян, и он способен удовлетворить все те потребности общения, которые возникают на том или ином историческом этапе развития земной цивилизации» [5]. Обладание английским языком статуса международного языка во многом объясняется тем, что с давних пор английский язык проявляет тенденцию к обогащению идеями, понятиями, заимствованными у других народов [31].

При рассмотрении словарного состава современного английского языка обнаруживается значительное количество иноязычных лексических единиц, в том числе иноязычные элементы из языков Восточной и Юго-Восточной Азии: японского, китайского, корейского[1] и вьетнамского. В количественном отношении вьетнамизмы занимают одно из последних мест среди восточно-азиатских заимствований[2]. Такое небольшое количество кодифицированных вьетнамизмов, на наш взгляд, объясняется причинами внешнего характера, а именно политико-экономическими и культурными связями между Вьетнамом и англоязычными странами. Несмотря на то, что самые ранние контакты вьетнамцев с западным миром состоялись в 166 г. н. э. [17], англо-вьетнамские отношения долгое время не складывались. Первые попытки англичан прорваться на вьетнамский рынок закончились неудачно: убийством агента Ост-Индской компании в Ханое в 1613 г. [11]. Впоследствии англо-вьетнамские контакты носили кратковременный характер и также не были успешными. В 1836 г. в порт современного Дананга зашло американское судно с намерением наладить торговлю с Вьетнамом, но морякам в просьбе было отказано. Отказ в торговом мандате получили и англичане в 1847 г. [24]. В середине XX в. усилилось воздействие Соединенных Штатов Америки на Вьетнам. Америка, ранее оказывавшая Франции военную и финансовую помощь в войне против Вьетнама, сменила косвенное вмешательство в дела Южного Вьетнама на непосредственное, военное. В 50-х гг. XX в. после поражения Франции правительство США в стремлении не допустить распространения коммунизма в Азии решило усилить свое влияние в Индокитае. Уже 21 июля 1954 г. президент США Д. Эйзенхауэр заявил, что США не считают себя связанными Женевским соглашением (по которому Вьетнам был поделен на Южный, возглавляемый Нго Зьемом, и Северный, под руководством Хо Ши Мина) [7], и в 1955 г. Америка стала оказывать военно-политическую и экономическую помощь ставленнику США Нго Зьему. Война во Вьетнаме началась в 1961 г. закончилась весной 1975 г., когда южная часть страны была освобождена и объединена с северной. Двадцать пятого апреля 1976 г. была провозглашена Социалистическая Республика Вьетнам [37].

[1] Заимствования из японского языка – 366 слов, из китайского языка – 259 слов, из корейского языка – 11слов (по результатам диссертационного исследования Н.Г.Богаченко «История восточноазиатских заимствований в английском языке (на материале Большого Оксфордского словаря)» [2]).

[2] Всего было отобрано 14 слов вьетнамского происхождения из следующих лексикографических источников: Dictionary of Foreign Terms and Phrases, Harper Dictionary of Foreign Terms, Macmillan English Dictionary for Advanced Learners, The Oxford Dictionary of the World, Oxford English Dictionary, Penguin English Dictionary, Random House Unabridged Dictionary, Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language, Webster's New World College Dictionary, Longman Pronunciation Dictionary.

Сложные англо-вьетнамские отношения в вышеуказанные периоды не стали препятствием для заимствования. Несколько слов культурной и военно-политической сферы, включенные в Оксфордский словарь, являются этому доказательством [26], например: *Moi* – народность (1845), *Khmer* – народность (1876); *Lao* – народность (1882), *Tet* – Новый год по лунному календарю (1885), *nuoc mam* – рыбный соус (1919), *Viet Minh* – национальное движение за независимость; участник движения (1945), *Viet Cong* – партизанское движение; участник этого движения (1957), *ao dai* – вьетнамское женское платье (1961).

Исследователи не раз отмечали «отсутствие простой, однозначной зависимости процесса заимствования от интенсивности или, напротив, от слабости международных и межгосударственных связей. С одной стороны, интенсификация политических, экономических, культурных контактов может не сопровождаться активизацией процесса заимствования; с другой стороны, ослабление указанных контактов не сразу и не обязательно ведет к затуханию этого процесса» [6]. Проникновение указанных вьетнамизмов в английский язык, несмотря на достаточно трагичную историю англо-вьетнамских взаимоотношений, подтверждает высказывание Э. Сепира, полагающего, что «каков бы ни был уровень или характер взаимного контакта между народами, он в общем итоге, всегда достаточен для установления какой-то степени языкового взаимовлияния» [9].

Сегодня английский язык – самый востребованный иностранный язык во Вьетнаме. Его изучают в средних школах, университетах, английских центрах и на вечерних курсах по всей стране, широко используют в рекламе, выпускают газеты и журналы на английском языке, используют английский язык в качестве средства обучения иностранцев вьетнамскому языку, проводят научные исследования на английском языке. Желающих изучать английский язык во Вьетнаме сейчас гораздо больше, чем желающих изучать любой другой предмет. Это не означает, что французский, русский, китайский, японский и немецкий языки не изучаются, просто гораздо бóльшая потребность существует в английском языке [8; 16; 34]. Выступая в качестве языка-посредника, английский язык не только дает возможность познакомиться с культурой Вьетнама разным нациям, но и сам обогащается, включая вьетнамизмы, отражающие национальное своеобразие культуры Вьетнама, в свой лексический состав.

Источниками практического материала для исследования вьетнамизмов в английском языке послужили как лексикографические источники, так и текстовые. Анализ культурно-языковых особенностей вьетнамизмов, заимствованных английским языком, включает рассмотрение особенностей фонографической, морфологической, семантической ассимиляции вьетнамизмов, способов их включения в англоязычные тексты о культуре Вьетнама, а также лингвокультурологическое описание исследуемых единиц.

Обозначение элементов вьетнамской культуры в англоязычных текстах осуществляется двумя способами:

1. Трансплантация. Это достаточно удобный способ введения вьетнамизмов в англоязычный текст, поскольку вьетнамский и английский языки пользуются системой латинизированного письма с некоторыми отличиями (во вьетнамской латинице отсутствуют английские буквы f, j, w, z и добавлены несколько модифицированных букв с диакритиками, чтобы лучше представить некоторые звуки вьетнамского языка: đ, â, ă, ê, ơ, ô и ư, так как число звуков во вьетнамском языке превышает количество латинских букв [10]), например, **thuốc lào** – вид табака [21]. Введение в текст подобных вьетнамизмов-трансплантов, однако, сопряжено с трудностями в отношении передачи некоторых вьетнамских букв (например, **đ, ư**) и диакритических знаков. Модифицированные буквы и диакритические символы, либо отражаются частично, либо не отражаются совсем: thuoc lao [40]. Отсутствие диакритик имеет несколько объяснений: во-первых, это может быть связано с определенными техническими трудностями (отсутствие шрифта в программе); во-вторых, это может быть одним из признаков ассимиляции слова; в-третьих, с прагматической точки зрения диакритические знаки не являются релевантными для знающих только английский язык, и билингвов, чей первый язык не вьетнамский. Преимущество введения вьетнамизмов в англоязычный текст состоит в том, что все вьетнамизмы-трансплантыявляются *обратимыми* [5], когда возможен однозначный переход вьетнамизма к его этимону-идиониму[3]. Данный способ можно считать оптимальным вариантом обозначения данного элемента внешней культуры.

2. Калькирование. Этот способ значительно облегчает процесс восприятия вьетнамизма англоязычными носителями и дальнейшее его воспроизведение, поскольку, как и заимствование, калькирование «способно обеспечить обратимость» [5]. Вьетнамские идионимы подвергаются в основном лексическому калькированию. Например, Water Puppetry [24] – лексическая калька с вьетнамского идионима múa rối nước, где múa rối отождествляется с англоязычным коррелятом puppetry, «nước» – с англоязычным полионимом[4] «water»; Mid-Autumn Festival [21]

[3] Термин *идионимы* введен В.В.Кабакчи для обозначения специфических элементов внутренней культуры [5].

[4] *Полионимы* – существительные и субстантивные словосочетания, выступающие в качестве обозначения элементов окружающего мира, которые представлены во всех или в большей части существующих в настоящее время культурах народов мира [5].

представляет кальку с вьетнамских идионимов Tết (festival) Trung (middle) Thu (autumn, fall) [14], что в комплексе обозначает название праздника Середины осени – Tet Trung Thu. Калькируются в основном наименования многочисленных праздников, отмечаемых как на территории всего Вьетнама, так и в отдельных регионах. При этом практикуется поочередное использование прямого заимствования с его калькируемой формой в рамках одного и того же текста. Кроме лексических калек, в текстах о Вьетнаме на английском языке встречаются и гибридные заимствования (термин В.В. Кабакчи [5]), которые в отечественной лингвистике принято называть «полукальками», например:

- … Vietnamese celebrate several **Tết holidays** in the course of the year [21].
- The «**Tết of Cold Food**» commemorates an event of Chinese antiquity [21].

Составной частью гибридных образований становятся полионимы английского языка holiday, cold, food, которые сочетаются с заимствованными элементами. К разряду гибридных единиц следует отнести такие вьетнамизмы, как **Vietnik** [26], **Caodaism** [21], **Hoahaoism** [24], **Cao Daist** [28], состоящие из двух компонентов. Заимствованные элементы (Viet, Cao Dai, Hoa Hao) были использованы в качестве основы для суффиксального образования. Разновидностью гибридных вьетнамизмов являются также единицы, в которых вьетнамизмы сопровождаются пояснительными полионимами, например:

- … when the French occupied Vietnam, they sought to curtail Chinese influence by banning Chinese and instituting the Latin-based **quốc ngữ script** [23].
- On a table, the parents would lay on fruits, … white and elastic **bánh dẻo cakes**, moon-shaped yellow *bánh nướng* [21].

Гибридные лексические единицы как один из способов обозначения внешнекультурного элемента очень удобны для использования, поскольку присутствие заимствованного компонента обеспечивает обратимость данных обозначений. Их легче запомнить и воспроизвести. По мере освоения данных единиц отпадет необходимость в использовании пояснительного полионима, выступающего в качестве уточняющего элемента в гибридном образовании. Несмотря на очевидные положительные моменты, В.В. Кабакчи указывает и на негативные особенности таких наименований. «Наличие в гибриде заимствованного компонента, гарантируя обратимость, затрудняет, вместе с тем, его использование в среде неспециалистов. С другой стороны, переводной компонент снижает точность заимствования, создавая трудности для обратимости» [5].

Поскольку значительная часть вьетнамизмов (как словарных, так и окказиональных) является незнакомой для обычного читателя, для введения в текст такого обозначения требуется использование «*параллельного подключения*»[5]. Использование параллельного подключения при введении в текст нового обозначения особенно актуально в отношении вьетнамизмов. Вьетнамский язык относится к слоговым языкам, в которых морфологическая граница совпадает со слоговой [4]. При наличии тона во вьетнамском языке слоговые тоны служат средством выражения и дифференциации лексических значений [12]. Поскольку во вьетнамском языке много одноморфемных слов, то при потере диакритических знаков в заимствующем языке возникает большое количество омонимичных форм: *dinh* – общинный дом, *dinh* – дерево с высококачественной древесиной; *dong* – основная денежная единица Вьетнама, *dong* – листья маранты, растения с мясистыми клубнями; *ho* – тигр, *ho* – частушка, *ho* – форма организации жизни людей в период популяризации политики *дой мой* (doi moi); *sao* – единица площади, *sao* – вертикальная бамбуковая флейта; *com* – вареный рис, *com* – рисовые хлопья из молодого риса и др.

Для лучшего наименования элементов вьетнамской культуры, введенных в текст, используются хорошо известные языковые приемы:

- вводный лексический оборот – After the festival rituals there are many special games **such as** *nem con* (a game in which boys and girls throw cloth balls) … [40];
- использование терминологического определения от весьма приблизительного до более точного – The three most popular items to buy for Tet are parallel sentences …, high curved bamboo poles to make *cay neu* (decorated poles) and *banh chung* (glutinous rice cake) [39];
- использование предельно детерминизированных терминологий на латинском языке – The fruit of the *cay bang* (terminalia catappe), quite bitter, are however very sought by school children [21];
- калька:

а) лексическая – All forms of theatre – chèo, tuồng and *spoken drama* were able to develop, once again by reviving traditional themes and techniques while also assimilating modern ideas [21]. Калька *spoken drama* соответствует вьетнамскому идиониму kịch nói, где kịch означает theatre, dramatics, nói – spoken [22];

б) гибридная – *Chèo* opera is a theatrical art based on folk songs, folk dances, and religious dances popular in the Red River Delta [41];

- первичное и повторное введение в текст вьетнамизма – … whereas Vietnamese *phở* is a noodle soup with the ingredients eaten together. In addi-

[5] Под *параллельным подключением* понимается языковой комплекс, включающий в себя целый ряд компонентов, различным образом называющих один и тот же предмет [5].

tion, most ingredients in *phở* are different from those in pot-au-feu [13].

Рассматривая текстуальное использование вьетнамизмов, следует отметить, что для неспециалиста идентификация нужного элемента вьетнамской культуры может быть связана с определенными трудностями. Так, неподготовленный читатель вполне способен принять вьетнамизмы, типа: 1) *đàn nguyệt* и *nguyệt*; 2) *hoa cuc* и *cuc*; 3) *hat cheo* и *cheo*, встречающие в текстах, за разные слова. В действительности эти вьетнамизмы используются для обозначения одних и тех же понятий: 1) «лунная цитра»; 2) «хризантема»; 3) «опера». Все дело в том, что здесь, вероятно, действует принцип лексической экономии, когда при межкультурной коммуникации не используется слово, обозначающее родовое понятие. Принцип языковой экономии заставляет выбирать наиболее простой вариант межъязыкового контакта. В конечном итоге закрепится тот вариант, который легче запоминается и чаще всего используется, как в случае кодифицированного вьетнамизма *Tet* – вьетнамский Новый год по лунному календарю. Данная форма используется параллельно с вариантом *Tet Nguyen Dan* (праздник Нового года), однако, лексикографические источники фиксируют односложный вьетнамизм *Tet*, который именно в таком виде часто используется и в языке-источнике в значении «Новый год по лунному календарю».

Несмотря на то, что вьетнамская система письма имеет латинскую основу, произнесение латинизированных вьетнамизмов, тем не менее, вызывает затруднения у носителей английского языка из-за нетрадиционных для английского языка звукобуквенных сочетаний. Для выявления тенденций чтения вьетнамизмов носителями английского языка был проведен эксперимент, в котором приняло участие 15 информантов-носителей английского языка. Вьетнамизмы, использованные в эксперименте, находились в контексте (в составе предложения) и представляли собой в основном некодифицированные варианты. Результаты эксперимента показали, что при произнесении вьетнамизмов носителями английского языка большую вариантность вызывают необычные для английского языка буквосочетания, включающие до трех элементов, например: uoi, uai, uye, nh, ngh. Позиция некоторых буквосочетаний в слове также является затруднительной для прочтения: nhi, nguyen quan, co nghenh. Выявлено, что неосвоенные вьетнамизмы, проходя этап фонетической адаптации английским языком, испытывают на себе влияние в основном двух тенденций: тенденции к аналогизации по англоязычной модели и к латинизированному произношению. Незначительное место занимает модель аналогизации по третьему языку – китайскому (произнесение буквы **x**) или французскому (в отношении конечного гласного **e**). Однако в качестве произносительной нормы на данный момент следует принимать фонетические варианты, зафиксированные словарями, т. е. произносительные варианты кодифицированных вьетнамизмов (включающих также имена собственные и географические названия): **xu**[6] [sH], **dong** [dON], **hao** [hau], **Khmer** ['k(q)mFq(r)], **Hoa Hao** ["hquq'hau], **Tet** ['tet], Le Duc Tho ['leI 'dAk 'tou], Hue [hweI], Nguyen Van Thieu ['nH'jen 'vRn 'tjH], Da Nang [dR 'nxN] [25; 26; 27; 29; 42] и другие. Некоторые из словарных вьетнамизмов представлены несколькими произносительными вариантами. Например, зафиксировано два варианта произнесения буквы **đ** (во вьетнамском [**z**]) в слове ao **đ**ai, вьетнамское женское платье: 1) ['au'**đ**ai] [26]; 2) ['au'**z**ai] [43]. Первый вариант фонетической передачи модифицированной буквы вьетнамского алфавита **đ** представляет английское произношение, второй – произношение языка-источника. Использование того или иного варианта звучания будет зависеть от варианта английского языка, в котором используются вьетнамизмы, от степени билингвизма говорящих и ситуации общения.

Малоассимилированные вьетнамизмы сохраняют особенности оригинального слогоделения и ударение на каждом слоге. Исследование словарных вьетнамизмов показало, что они также могут быть представлены несколькими фонетическими вариантами в зависимости от того варианта английского языка (британского или американского), в котором они используются. Кроме этого, каждый языковой вариант предоставляет основной и альтернативный способ произношения одного и того же слова[7], например:

- **Vietcong** ["vjet'kON] [43], [vJ'Ft– ('vJFt-; 'vjet-)] [1], ["vJFt'kON ◄ *-It– vI_"et–* ‖ -'kRN *-'kON*] [44];
- Ho Chi Minh ["hqV tSJ 'mIn ◄‖ "hoV-] [44], [hqV tSI 'mIn] [25], ['hqV 'tSI 'mIn] [29; 42];
- **nuoc mam** ['nwOk 'mRm] [26], [nwOk 'mRm] [27].

Орфографическая вариантность вьетнамизмов проявляется в использовании прописной и строчной букв, а также слитном и раздельном написании вьетнамизмов, в том числе словарных: *Viet Cong / Vietcong* [26]. Отсутствие диакритических знаков является свидетельством ассимиляции графической формы в соответствии с нормами английского языка. Орфографическое варьирование не влияет на произношение вьетнамизмов в английском языке.

Грамматической ассимиляции подвержены все вьетнамизмы вне зависимости от времени их нахождения в языке. Грамматическая ассимиляция вьетнамизмов заключается в приобретении сущест-

[6] Вьетнамизмы, выделенные жирным шрифтом, являются объектом нашего исследования.

[7] Символ ‖ используется для разграничения английского и американского произношения, альтернативное произношение представлено курсивом, символ ◄ означает возможный сдвиг ударения.

вительными категории множественного числа с формантом –s, например: *dinh***s** – общинные дома [18]. Вьетнамизмы, состоящие из нескольких отдельных слогов, образуют множественное число путем присоединения флексии *–s* к последнему значимому компоненту, поскольку для англоязычного читателя такие слова представляют одно цельное понятие, т. е. тяготеют к цельнооформленности: *xe om*s – мототакси [23].

Некоторые вьетнамизмы (как словарные, так и малоассимилированные) сохраняют одну и ту же форму для единственного и множественного числа в силу влияния вьетнамского языка, в котором существительные не изменяются по числам:

- All prices are given in US dollars as well as *dong* (основная денежная единица Вьетнама), but that's no surprise [19].
- Most *Viet Kieu* (вьетнамцы, живущие за границей) have left for either political or economic reasons and have not been back for decades [28].

В данном случае прослеживается тенденция английского языка к неизменяемости существительных, заимствуемых из других языков [15].

К другим признакам приспособления вьетнамизмов к системе английского языка относится их употребление: в притяжательном падеже the *Kinh***'s** costumes [38], *Viets***'** willingness [30] и употребление существительного с артиклем, например:

- It's not a temple at all, but a *dinh* (общинный дом) [35].
- The *Muong* (народность) like sour and bitter food [36].

Словообразовательная ассимиляция вьетнамизмов проявляется в присоединении к иностранным основам аффиксов английского языка: Hoahaoism (буддизм Хоа Хао) [24], Cao Daist (сторонник религиозного течения Као Дай) [28]; pre-đổi mới period [32], где префикс *pre–* добавляет ксенониму đổi mới (политика преобразования во Вьетнаме) значение предшествования во времени.

Показателем освоения заимствованного слова является также развитие у него комбинаторных возможностей. Вьетнамизмы образуют еще достаточно ограниченные сочетания с английскими словами, выступая лишь в качестве определения: *bia hoi* stall [23] – палатка по продаже пива; *phở* restaurant или *phở*-only restaurant [13] – ресторан, специализирующийся на приготовлен и лапши *фо*.

Процесс семантического освоения идет значительно медленнее, однако, семантическим изменениям подвержены как кодифицированные единицы, так и окказионализмы. К семантическим преобразованиям относятся 1) расширение семантического объема слова. Так, было отмечено контекстуальное употребление словарного вьетнамизма Tet, зафиксированного Оксфордским словарем английского языка только в значении "вьетнамский Новый год по лунному календарю" [26], в генерализованном значении «праздник (любой)»: Thus, there are several *Tets* in the year (Tet of Cold Food, Mid-autumn Tet). Мы полагаем, что расширение семантического объема слова произошло в связи с более поздним заимствованием еще одного значения исконного многозначного слова вьетнамского языка tết [14] – festival, New Year festival; 2) развитие нового значения: отмечено метонимичное использование вьетнамизма *bia hoi* «пиво» в значении «*пивна́я*»: In the evening, you'll find large hordes of men at *bia hoi*s throughout Hanoi slumped over a glass of beer and a plate of fried tofu [33].

Для выявления национальной специфики членения и отражения в английском языке объективной действительности Вьетнама мы используем метод лингвокультурологического поля, под которым понимаем структурированную совокупность лексем, обладающих национально-маркированной коннотацией и относящихся к какой-то сфере определенной этнической культуры, т. е. в данном случае учитывается сфера функционирования слова, обусловливающая его номинацию. В этом случае лингвокультурологическое поле выступает «как фрагмент языкового образа мира» [3]. Структурирование лингвокультурологического поля, а именно выделение ядра и периферии дало возможность получить данные, определяющие области, которые наилучшим образом представлены в английском языке.

В результате исследования было установлено, что лексика, которая может быть отнесена к ядру поля, малочисленна: она составляет 1 % от общего числа отобранного практического материала и включает только словарные вьетнамизмы. К периферийным областям относятся 99 % слов[8]. Более полно вьетнамизмами в английском языке пред-

[8] Для отнесения вьетнамизмов к ядерным или периферийным единицам мы учитывали два критерия: критерий частотности и принцип фиксации лексикографическими источниками. Фактор фиксации лексикографическими источниками является, по нашему мнению, основополагающим принципом для отнесения вьетнамизма к ядру поля. Для отнесения малоассимилированных единиц к ядру или периферии мы используем количественный критерий (в данном случае имеется в виду фиксация вьетнамизма разными текстовыми источниками). Роль количественного критерия состоит в выявлении тех вьетнамизмов, которые используются наиболее часто в разных письменных источниках. Наиболее частотное использование вьетнамизма привлекает к нему бóльшее внимание англоязычного читателя, создавая тем самым предпосылки для дальнейшего проникновения в систему английского языка. Чем частотнее единица, тем больше у нее шансов занять определенную нишу в системе английского языка. В качестве условных количественных параметров принимались следующие показатели: высокочастотные вьетнамизмы относятся к ядру (от 50 % и выше от всех используемых текстовых англоязычных источников практического материала), средне- и низкочастотные (менее 50 % от всего используемого текстового практического материала на английском языке) – к периферии.

ставлены сферы **кулинарии** (*ca phe sua da* ка фе шыа да – охлажденный кофе с молоком), **ботаники** (*cay the* кай тхе – декоративное дерево-бонсай), **досуга** (*Tet Han Thuc* Тет Хан тхык – праздник Холодной пищи), **этнографии** (*Muong* мыонг – народность), **быта** (*non* нон – национальная шляпа из листьев пальмы), **мифологии** (*Ong Tao* Онг Тао – Дух очага), **единиц измерения** (*mau* мау – (3600 кв.м) – единица площади), **театрально-музыкальных** (*kich noi* кить ной – «разговорная драма»; *dan ty ba* дан ти ба – струнная лютня), **политико-исторических** (*Dinh dynasty* – период династии Динь) и **философско-религиозных** наименований (*am duong* ам зыонг – философский принцип мужского и женского начала).

Сочетание частотного критерия и критерия фиксации лексикографическими источниками показало, что семь из вышеперечисленных лингвокультурологических полей, а именно: поле кулинарии, этнографии, философии, политики, досуга, быта, единиц измерения – имеют ядро.

Использование метода лингвокультурологического поля позволило показать тесную связь разных сфер вьетнамской жизни. Так, нечеткой границей разделены поля кулинарных, ботанических, медицинских, философско-религиозных вьетнамизмов и других. Например, ядром традиционной философии является понятие энергетического цикла, передаваемое вьетнамизмом *khi*, обозначающим универсальную энергию, необходимую для хорошего здоровья, т. е. данный вьетнамизм находит употребление и в медицинской сфере.

Таким образом, проведенные исследования показали, что освоение вьетнамизмов английским языком в настоящее время проходит на всех уровнях системы языка: фонетическом, морфологическом, семантическом. Описание вьетнамизмов, вошедших в английский язык в разное время, с учетом частоты их употребления, фиксации словарями и интенсивности культурных контактов между Вьетнамом и англоязычными странами, позволило выявить наиболее существенные характеристики историко-культурной жизни Вьетнама и показать области, привлекающие наибольшее внимание пользователей английского языка. Среди вьетнамизмов практически отсутствуют современные реалии, отражающие явления научно-технического прогресса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Американа: Англо-русский лингвострановедческий словарью. – Смоленск: Полиграмма, 1996. – 1185 с.

2. *Богаченко, Н.Г.* История восточноазиатских заимствований в английском языке (на материале Большого Оксфордского словаря): автореф. дис. … канд. филол. наук / Н. Г. Богаченко. – Владивосток, 2003. – 22 с.

3. *Быкова, Г. В.* Феноменология лексической лакунарности русского языка / Г.В. Быкова. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2001. – 179 с.

4. *Гордина, М. В.* Фонетический строй вьетнамского языка / М.В. Гордина, И.С. Быстров. – М.: Наука, 1984. – 243 с.

5. *Кабакчи, В. В.* Основы англоязычной межкультурной коммуникации / В.В. Кабакчи. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1998. – 228 с.

6. *Крысин, Л.П.* Языковое заимствование как проблема диахронической социолингвистики / Л.П. Крысин // Диахроническая социолингвистика. – М.: Наука, 1993. – С. 131–151.

7. *Новакова, О.В.* История Вьетнама / О.В. Новакова, П.Ю. Цветов. – М.: Изд-во Московск. ун-та, 1995. – Ч. 2. – 268 с.

8. *Ремарчук, В.В.* Виды письма в современной вьетнамской культуре / В.В. Ремарчук // Вьетнам в современном мире: материалы междунар. конф. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2005. – С. 167–182.

9. *Сепир, Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М.: Прогресс, 1993. – 647 с.

10. *Сердюченко, Г. П.* Русская транскрипция для языков зарубежного востока / Г.П. Сердюченко. – М.: Рус. яз, 1961. – 365 с.

11. *Скворцов, В.Н.* Конец дороги мандаринов / В.Н. Скворцов. – М.: Мысль, 1979. – 236 с.

12. *Шилтова, А.П.* Учебное пособие по вьетнамскому языку / А.П. Шилтова. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – 312 с.

13. A Specialty of Hanoi. Vietnamese Culture. Frequently asked questions / Ed.-in-chief Huu Ngoc, Lady Borton, Hanoi: The Gioi Publishers, 2006. – 68 p.

14. *Bui Phung*. Vietnamese-English Dictionary / Phung Bui. – Hanoi: Nha Xuat Ban The Gioi, 2000. – 2031 p.

15. *Cannon, G.* Chinese Borrowings in English / G. Cannon // American Speech, 1988. – Vol. 63. – № 1. – P. 3–33.

16. *Denham, P.A.* English in Vietnam / P.A. Denham // World Englishes: Critical Concepts in Linguistics / Ed. by Kingsley Bolton and Braj Kachru. – London and New York: Routledge, 2006. – Vol. 2. – P. 120–130.

17. *Florense M.* Jealous Virginia. Vietnam / M. Florense, Virginia Jealous. – Singapore: Lonely Planet Publications, 2002. – 592 p.

18. *Goodman, J.E.* Uniquely Vietnamese / J.E. Goodman. – Hanoi: The Gioi Publishers, 2005. – 279 p.

19. *Hayslip, Le Ly*. When Heaven and Earth Changed Places / Le Ly Hayslip. – London, Sydney and Auckland: Heaven and Earth Pab. Books, 1993. – 478 p.

20. *Nguyen Khac Vien*. Vietnam. A Long History / Nguyen Khac Vien. – Hanoi: The Gioi Publishers, 2007. – 603 p.

21. *Huu Ngoc*. Wandering through Vietnamese Culture / Huu Ngoc. – Hanoi: The Gioi Publishers, 2006. – 1123 p.

22. LAC VIET dictionary mtdeva2002: English-Vietnamese – Vietnamese-English dictionary. – Ho Chi Minh, 2002. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

23. Let's Go: Vietnam / Ed.: Julie Vodhanel, Jake Segal, New York: St. Martin's Press, 2007. – 464 p.

24. Mai Ly Quang. Vietnam. From Past to Future / Mai Ly Quang. – Hanoi: The Gioi Publishers, 2007. – 904 p.

25. *Muro, D.* The Oxford Dictionary of the World / D. Muro. – New York: Oxford University Press, 1996. – 666 p.

26. Oxford English Dictionary: in 22 Vol. / Ed. by James A.H. Murray, H. Bradley, W.A. Craigie, C.T. Onions. – 2-d ed. – Oxford: Clarendon Press, 2000.

27. Penguin English Dictionary / Consultant Editor Robert Allen. – London: Penguin Books Ltd, 2003. – 1642 p.

28. *Potvin C.* Dos and Don'ts in Vietnam / C. Potvin & Nicholas Stedman. – Bangkok: Book Promotion and Service Co., Ltd., 2005. – 192 p.

29. Random House Unabridged Dictionary. – Random House, Inc. – 1995. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

30. *Stearns, P.N.* World Civilizations: The Global Experience / Peter N. Stearns, Michael Adas, Stuart B. Schwartz. – New York, 1992. – 1035 p.

31. *Strevens, P.* English as an International Language: Directions in the 1990s / P. Strevens // The Other Tongue: English across Cultrures / Ed. by B.B. Karchu. – 2d ed. – Urbana & Chicago: University of Illinois Press, 1992. – P. 27–47.

32. *Templer, Robert*. Shadows and Wind. A View of Modern Vietnam [Text] / Robert Templer. – London: Abacus, 1996. – 384 p.

33. Time Out: a Weekly Review: a Supplement to Vietnam Investment Review. – Hanoi, 2003a. – Jan. 13–19. – 27 p.

34. *Trinh, F.* English: The Third Language in Vietnam. – Sydney, 2002 / F. Trinh. – Режим доступа: http://www.vny2k.net/vny2k/ TrinhNhat-EnglishInVietnam.htm, свободный.

35. Vietnam // Let's Go. The Budget Guide to Southeast Asia. St. Martin's Press / Ed. Pai C. Yang. – New York, 1997. – P. 722–789.

36. Vietnam: Review. – Hanoi, 2003. – № 534 – June. – 45 p.

37. Vietnam Embassy. – Режим доступа: www.vietnamembassy-usa.org/learn/history.php3, свободный.

38. Viet (Kinh) ethnic Group. – Режим доступа: http://www.vietnamtourism.com/e_pages/vietnam54dantoc/kinh. htm, свободный.

39. Vietnam Cultural Window. Different Ethnic Colours of Tet: Monthly Magazine. – Hanoi, 2000. – № 22. – Jan. – 31 p.

40. Vietnam: Tourist guidebook / Ed.-in-chief: Vu An Chuong. – Hanoi: Vietnam nat. administration of tourism, 2001. – 484 p.

41. Vietnamese Classical Opera. Vietnamese Culture. Frequently Asked Questions / Ed.-in-chief: Huu Ngoc, Lady Borton. – Hanoi: The Gioi Publishers, 2003. – 88 p.

42. Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. – San-Diego: Thunder Bay Press, 2001. – 2230 p.

43. Webster's New World College Dictionary / Ed.-in-chief Victoria Neufeldt. – 3d ed. – New York: Macmillan, 1997. – 1588 p.

44. *Wells, J.C.* Longman Pronunciation Dictionary / J.C. Wells. – Harlow: Longman, 1990. – 802 p.

ЦЕННОСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЕЖИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

С.О. Ю

Ю Светлана Олеговна – ведущий инженер отдела аспирантуры Российской академии народного хозяйства и государственной службы Дальневосточного института, аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы Дальневосточного института-филиала.

Контактный адрес: svetlana_yu@list.ru

В работе представлены некоторые теоретико-методологические подходы к пониманию сущности ценностного потенциала молодежи. Актуализирована роль государственной молодежной политики в формировании духовно-нравственных ценностей молодых людей (на примере Хабаровского края).

Ключевые слова: молодежь, ценностный потенциал, государственная молодежная политика.

В настоящее время в современном обществе значительно усилилось внимание к молодежи. С этим связано оживление интереса к проблеме ценностного потенциала молодежи, так как формирование ценностных ориентаций является неотъемлемой частью развития личности человека.

В социологической науке проблема ценностей стала одной из центральных с самого ее возникновения. Обстоятельную разработку она получила в работах Э. Дюркгейма, который считал, что на важных ценностных идеалах формируются и базируются целые цивилизации [4: с. 287]. Такого же мнения придерживался П. Сорокин, считавший, что у любой организованной группы и ее культуры есть некий набор этических ценностей. В любой культуре имеется этическая оценка – «правильное и неправильное» [11: с. 477]. М. Вебер в своей социологической концепции утверждал, что ценностно-рационально действует тот, кто независимо от последствий, следует своим убеждения о долге, достоинстве, благочестии [1: с. 628]. Эти выводы говорят о том, что ценности всегда являются человеческими ценностями и носят социальный характер.

В современной литературе существуют разные точки зрения по вопросу о природе ценностей и их понятии. В частности, ценность рассматривается как предмет, имеющий какую-либо пользу и способный удовлетворить ту или иную потребность человека; как идеал; как норма; как значимость чего-либо вообще для человека или социальной группы и т. д. [12]. Все эти понимания отражают определенную, реальную сторону ценностей, и их надо рассматривать не как взаимоисключающие, а как взаимодополняющие общую концепцию ценностей. Они имеют разные основания и связаны с разными субъектами ценностного отношения. Поэтому каждый из подходов имеет право на существование, так как он отражает ценностное отношение.

Таким образом, в социологии молодежи сложилось несколько основных направлений, в рамках которых развивались концепции и теории среднего уровня: психоаналитическое, структурно-функциональное, культурологическое[1].

Психоаналитическое направление основывается на выводимой из психоанализа концепции жизненного пути личности. Основой для научного определения молодежи послужили возрастные психофизические особенности личности. Молодость исследовалась как переходный этап, полного кризисов и активного поиска индивидуальности. В то же время не все аспекты молодежных проблем могут быть интерпретированы в рамках психоаналитического направления.

В первую очередь, это касалось социальных проблем молодежи, возникающих в процессе включения ее в общество и продвижения к новым статусным позициям. Это привело к развитию другого фундаментального направления – структурно-функционального. Молодежь рассматривается как группа, приобретающая некоторый социальный статус и выполняющая соответствующие ему социальные роли. Набор значимых статусных характеристик и социальных ролей характеризовали не только специфику молодежного статуса, но и различия внутри молодежи.

К сожалению, этот подход не отражал всего многообразия способов организации жизнедеятельности молодежи, особого мира ее норм и ценностей, образов и стилей жизни. Поэтому появилось культурологическое направление. Оно представлено теориями, рассматривающими специфические молодежные явления с точки зрения культуры [13].

---

[1] Данная классификация была разработана В.И. Чупровым и впервые опубликована в его статье «Социология молодежи на рубеже своего тридцатилетия» (Социологические исследования. 1994. № 6).

Кроме того, существует социологический подход, который решает проблемы выработки комплексного подхода к формированию и развитию нравственных ценностей молодежи на основе реализации культурного потенциала современного общества, так как прикладной направленностью социологии является определение путей создания стабильного, постоянно прогрессирующего общества. Л.Н. Коган отмечал: «Культура народа – не музей, не антикварное хранилище. Это живой процесс человеческой деятельности, включающий производство, сохранение, распределение и потребление духовных ценностей, причем каждый из перечисленных элементов характеризуется степенью участия самых широких народных масс» [5: с. 3–4]. Поэтому в этом контексте актуален социокультурный подход. По словам Ю.Р. Вишневского, все социальные факты являются не чем иным, как порождениями культуры. Культурное видение и социальное видение – это просто два разных аспекта видения одного и того же феномена [2]. Таким образом распространение социокультурного подхода связано с возрастанием роли культуры в регуляции человеческого поведения.

Тем не менее ни одно из существовавших направлений в изучении молодежи не давало представлений о ней как о целостном феномене и не позволяло исследовать ее во всем многообразии связей с обществом. Назревала потребность в целостном подходе, способном концептуально связать различные стороны жизнедеятельности молодежи и их изменение, исследовать фундаментальные проблемы молодежи, возникающие на стыке ее взаимодействия с обществом. Группой ученых, под руководством В.И. Чупрова, была разработана теоретическая концепция, положившая начало социально-воспроизводственному подходу в социологии молодежи.

В рамках этого подхода сущностной характеристикой молодежи рассматривалось становление субъектности молодежи. То есть молодой человек может выступать субъектом как индивидуального развития, так и социального.

Отличительное социальное качество молодежи связывается с ее специфическим положением в процессе воспроизводства социальной структуры, детерминированной способностью молодого поколения наследовать, воспроизводить на качественно новой основе и передавать следующим поколениям всю систему социальных отношений. Названное свойство молодежи как социальной группы раскрывается в процессе реализации ею функции воспроизводства социальной структуры. Как отмечает В.И. Чупров: «..Наличие двух сторон производства – материальный и духовный придает этому процессу внутренне взаимосвязанный характер. Производство материальных условий жизни образует основу общества. Создавая необходимые для жизнедеятельности материальные ценности и блага, оно вместе с тем, творит самого человека. Духовное производство – преобразует общественное и индивидуальное сознание, что ведет к изменению типа личности. Тем самым, в процессе общественного производства воспроизводятся не только материальные блага или совокупный общественный продукт, но и все многообразие общественных отношений» [13].

Воспроизводство включает в себя процессы функционирования социальных систем, структур, а также их развитие. Каждое новое поколение наследует и воспроизводит сложившиеся общественные отношения. При этом обеспечивает сохранение и функционирование общества, преобразовывая его на основе собственного инновационного потенциала. Тем самым осуществляется развитие и молодежи, и общества в целом.

Таким образом, включаясь в социальную структуру, молодежь видоизменяет ее и под воздействием преобразованных условий совершенствуется сама. Влияние условий на социальную активность молодежи происходит опосредовано через ее сознание, в форме определенной структуры потребностей, интересов и ценностей, составляющих мотивационную сферу сознания. В процессе социального развития молодежи она играет роль внутреннего регулятора, благодаря которому происходит осознанный выбор путей и способов включения молодых людей в различные «ячейки» социальной структуры.

Этот подход позволил по-новому операционализировать молодежь как базовое понятие отрасли социологии.

Анализ научных источников и литературы позволил дать определение ценностному потенциалу. **Ценностный потенциал личности –** это многоуровневое интегративное динамическое новообразование, характеризующееся наличием устойчивой структуры (иерархии) ценностных ориентаций, определяющих характер его будущей жизнедеятельности [9: с. 95].

В анализе сущности потенциала молодежи выделяют два взаимосвязанных подхода, основанных на выявлении соотношения разности потенциалов: «биологического», т. е. природно-обусловленного и «социального», связанного с социализацией личности в широком понимании. То есть потенциал человеку отчасти дается не от рождения, а в основном развивается и формируется в процессе социализации личности. В зависимости от существующих условий он может раскрываться, реализовываться в разной степени. Внутренней силой личностного развития служат противоречия между растущими потребностями и реальными возможностями их удовлетворения. Как отмечает А.Ф. Лазурский: «…под развитием личностного потенциала понимается максимум развития его способностей и дарований, а главной характеристикой человека является "богатство лич-

ности"» [7]. В этом контексте А. Маслоу говорил, что «суть развития человека – стремление реализовывать в процессе жизнедеятельности свой врожденный потенциал» [8: с. 29]. Речь идет о связи развития потенциала личности с ее самоактуализацией, что является интересной и конструктивной точкой зрения.

Таким образом, ценностный потенциал молодежи представляет собой сложный феномен, характеризующий возможности нравственного развития общества. Поэтому весьма значимой и актуальной предстает задача исследования ценностного содержания деятельности молодежи.

Рассматривая ценностный потенциал молодежи, важно учитывать ее социально-демографические особенности. Как известно, органы государственной власти РФ рассматривают молодежь в возрастных границах от 14 до 30 лет. Между тем современные проблемы российского общества, его регионов, требуют дифференцированного подхода к молодежи: по возрастным группам, с выделением «точек», когда молодому индивиду приходится совершать определенный выбор жизненного пути. При этом научный интерес представляют те возрастные группы, которые воплощают возраст надежд (17 лет), этап формирования собственного пути (24 года) и пору получения первых самостоятельных результатов (29 лет)[2]. В данной работе речь пойдет конкретно о 17-летних подростках. В этом плане актуализируется проблема формирования системы мотивации и характеристики ценностных компонентов.

Как отмечает М.Р. Гинзбург: «Система мотивации в старшем подростковом и юношеском возрастах не только определяет содержание ведущей деятельности, но и задает развитие личности. В этом сенситивном периоде, при переходе от подросткового к юношескому возрасту, происходит существенное развитие ценностно-смысловой сферы, так как юность ставит перед личностью задачу самоопределения, усвоения общественно выработанной системы ценностей и сознания на этой основе смысла своего существования» [3]. Это период приобретения первичной социализации, когда подросток пытается сознательно сделать выбор относительного своего дальнейшего жизненного пути, строятся планы на будущее, формируются ценностные ориентации. Тем самым складывается собственное мировоззрение человека, создающее возможность формирования внутренней, автономной системы ценностей. Юношеский возраст, таким образом, является решающим в плане формирования ценностной системы личности.

Но, к сожалению, постоянно меняющиеся условия жизни вынуждают молодежь приспосабливаться. Они действительно несколько отстают от старшего поколения по включенности в морально-нравственный контекст жизни общества, относясь ко многим вещам несколько легковесно.

Этому свидетельствуют данные региональных исследователей, которые говорят о проблемах состояния ценностно-мотивационного потенциала молодежи Хабаровского края[3]. Его показатели во многом идентичны с общероссийскими исследованиями, что лишний раз подтверждает огромную роль общесистемных факторов социализации молодого поколения, необходимость совершенствования государственной молодежной политики.

Результаты исследования говорят о том, что социально-экономическое положение, физическое и духовное здоровье молодого поколения остается достаточно напряженным, хотя бы уже потому, что личностные и социально-экономические положения вступают в противоречия.

Вот некоторые данные иерархии терминальных ценностей выпускников школ, которые показывают, что особенно ярко это противоречие отражается на ценности здоровья, которое 17-летняя молодежь ставит на первое место (62,3 %). При этом стоит отметить повышенное пристрастие молодежи к вредным привычкам, таким как курение, употребление спиртных напитков, наркомания. В Хабаровском крае эти проблемы имеют серьезные масштабы.

По результатам исследований, проведенных в 2000, 2005, 2009 гг., следует отметить негативную тенденцию показателя употребления наркотиков молодежью. Если в 2005 г. 3,9 % молодых людей употребляли наркотики время от времени, то в 2009 г. эта цифра возросла до 6,5 %.

Что касается табакокурения и употребления алкогольных напитков молодежью, результаты мониторинга выявили, что в 2000 г. курильщиками являлись более трети (35,3 %) 17-летних опрошенных, а в 2009 г. этот показатель возрос до 48,8 %. Особую тревогу вызывает резкий рост среди курильщиков девушек этого возраста.

Что касается употребления спиртных напитков, только 23,1 % опрошенных молодых людей в возрасте 17 лет заявили, что не употребляют алкогольные напитки (2009 г.), включая пиво. При этом 26,5 % молодых людей употребляют спиртные напитки регулярно (почти каждый день либо 1–2 раза в неделю).

[2] Мониторинговое исследование «Молодежь Хабаровского края: проблемы и перспективы», ДВАГС. Замеры состояния молодежных проблем проводились четыре раза: 2000 г., 2005 г. и 2009 г. Объем выборочной совокупности составлял 550–650 респондентов. Генеральную совокупность составляла молодежь Хабаровского края трех возрастных групп – 17, 24 и 29 лет. Тип выборочной совокупности – многоступенчатый, квотный – в разрезе трех основных характеристик (пол, возраст, территория проживания), случайный на этапе отбора респондентов. Научный руководитель – д-р социол. наук, профессор Н.М. Байков.

[3] Мониторинговое исследование «Молодежь Хабаровского края: проблемы и перспективы», ДВАГС.

С другой стороны, прослеживается положительная динамика в отношении дозволенности, если в 2000 г., по данным опроса, лишь 16 % из числа 17-летних опрошенных считали «недостойным при любых обстоятельствах» употребление спиртных напитков, то в 2009 г. таковых оказалось 36,6 %.

Таким образом, распространенность вредных привычек дает нам право говорить о декларируемом характере ценности здоровья, не подкрепленной реальными действиями. Пагубные последствия вредных привычек недооцениваются молодыми людьми и, как следствие, очевидны потери качества трудовых ресурсов, дополнительные вложения в программы социальной защиты населения, нездоровье будущих поколений, рост девиаций.

Затем ряд противоречий у 17-летней молодежи вызывает ценность «материальная обеспеченность» – 49,2 % (2009 г.). Молодежь имеет большое желание овладевать материальным миром (иметь достойную заработную плату, квартиру, машину, отдых за рубежом и т. п.), но в то же время она имеет крайне ограниченные возможности их удовлетворения. Как показало проведенное исследование, материальное положение молодежи достаточно далеко от уровня ее запросов, но все же достаточно благоприятное для реализации ее потенциала.

В этой связи важное значение приобретает уровень образования. В подавляющем большинстве 17-летнияя молодежь ориентирована на получение высшего образования. Но при этом примерно только треть молодежи оценивает выбор вуза «осознанным», выбрав в качестве мотива – «понимание целей своей дальнейшей жизни» 38,2 %. Остальные же руководствуются такими внешними, субъективными мотивами, как чей-то совет (26,2 %), стоимость обучения (31,9 %), близость к дому (12,7 %), для парней – отсрочка от армии (6 %) и т. д. Высшее образование как социальный институт со временем теряет свою значимость, этому свидетельствуют данные таблицы.

Как видно из таблицы, с годами должные истинные мотивы получения высшего образования (хорошая профессия, успех в жизни, высокий уровень культуры, перспектива материального благосостояния) снижаются, зато набирают обороты ложные мотивы, такие как возможность избежать службы в армии, приятное времяпрепровождение. Особенно стоит обратить внимание на позицию «ничего не дает» – это говорит о том, что респонденты не признают ценность высшего образования. Очевидно, речь идет о рентабельности высшего образования, т. е. прагматические мотивы молодежи берут верх, и складывается представление о практической ценности высшего образования.

Далее можно выделить ряд противоречий, связанных с проведением досуга. Исследование показывает, что наибольший приоритет в досуге молодежи отдается «пассивным» его видам: просмотру телепередач (28,7 %), чтению прессы (16,3 %), слушанию музыки (48,4 %), 41,5 % молодых уделяет время занятиям за компьютером (Интернет); 46,5 % опрошенных ответили «отсыпаюсь», эта позиция занимает одно из лидирующих мест, что свидетельствует о физических и психологических перегрузках, переутомлении.

Следует отметить, что активные организованные формы отдыха менее популярны у современной молодежи, тем не менее, 22 % молодежи занимаются спортом, 34 % выезжают на природу, занимаются любимым делом.

Проблема в том, что такие виды отдыха, как посещение выставок, театров, музеев и т. п., перестают быть популярными, а новые, такие как компьютер, виртуальное общение через Интернет (социальные сети) становятся все актуальнее. Одной из причин является тот факт, что большинству 17-летним респондентам доступны только дешёвые формы отдыха, что связано с низким уровнем доходов родителей, так как основная масса – выпускники школ, не имеющие работы и постоянного заработка. Во-вторых, у значительной части молодежи просто не хватает свободного времени, в силу большой загруженности в школе, семье. Поэтому компьютер занимает основную часть досуга молодежи, влияя на духовный мир и ценностные ориентации.

Таблица 1

Распределение ответов 17-летних респондентов на вопрос:
«Что, по вашему мнению, дает человеку образование?»
(в процентах от числа опрошенных)

Варианты ответов	Годы		
	2000	2005	2009
1. Хорошую профессию	64,1	46,6	51,9
2. Успех в жизни	50,6	34,2	35,3
3. Диплом, дающий определенное положение в обществе	27,7	20,1	29,8
4. Возможность избежать службы в армии *(от числа юношей)*	6,5	4,7	12,3
5. Высокий уровень культуры	32,4	15,0	14,7
6. Материальное благополучие	45,3	35,0	35,7
7. Возможность работать за рубежом	9,4	6,8	9,3
8. Приятное времяпрепровождение в студенческие годы	5,9	10,3	16,7
9. Ничего не дает	0,6	1,3	8,1
10. Затрудняюсь ответить	2,9	1,7	5,4

В результате для 17-летней молодежи наиболее популярными являются индивидуальные формы отдыха. Такое положение дел говорит об их стремлении к максимальному обособлению от среды, в которой они находятся (родители, родственники).

Таким образом, результаты исследования 17-летней молодежи говорят о ярко выраженном состоянии когнитивного диссонанса, где желаемое не совпадает с действительным.

Ю.А. Зубок, В.И. Чупров считают, что «… главное противоречие социального развития молодежи вытекает из дисгармонии процессов становления субъектности молодого поколения в разных сферах общественного производства. Об этом свидетельствуют суммарные индексы развития молодежи как субъекта производства материальных условий жизни (+0,34) и субъекта духовного производства (+13). Их сравнение показывает, что темпы духовного развития молодежи значительно отстают от темпов ее развития в материальном производстве. Это дает представление о характере деформаций в социальном развитии молодежи и необходимых мерах социального регулирования в рамках государственной молодежной политики» [13]. Это противоречие обусловлено несоответствием между внутренними и внешними условиями развития молодежи, т. е. их стремления не совпадают с социальными условиями общества. Данное несоответствие лежит в основе большинства социальных проблем молодежи в России.

Все многообразие социальных противоречий в процессе развития молодежи сводятся к трем группам. Они определяются неравенством социального статуса молодежи; характером ее взаимодействия с социальными институтами; социокультурными особенностями молодых людей [13]. Такая типологизация определяется спецификой сущностных характеристик молодежи как социально-демографической группы и ее ролью в общественном воспроизводстве.

Решение проблемы ценностного потенциала молодежи в регионе напрямую связано с развитием молодежной политики, социально-экономическими и социально-политическими условиями, сформированными в регионе. Молодежная политика выступает важнейшим механизмом социального регулирования, позволяющим разрешать многие противоречия молодежи.

Как известно, государственная молодежная политика характеризуется наличием большого количества регуляторов – молодежь является потребителем услуг образования, социальной защиты, здравоохранения, правопорядка и т. д. Отсюда деятельность различных органов исполнительной власти по реализации молодежной политики оказываются несскоординированными. Эта разрозненность приводит к тому, что, с одной стороны, молодой человек не знает, какими услугами он может воспользоваться, а, с другой стороны, ответственные ведомства часто недостаточно информированы о специфических потребностях разных групп молодежи [6].

В настоящее время работа с молодежью ведется, прежде всего, через ее самоорганизацию, путем поддержки деятельности молодежных общественных объединений, органов студенческого самоуправления. Общественное объединение рассматривается как институт социализации молодого человека, где он сам планирует деятельность, ищет ресурсы, принимает решения и, самое главное, несет за них ответственность. Поддержка инициатив молодежи и общественных объединений становится одним из основных направлений молодежной политики.

Поэтому перед государством стоит задача создать такую молодежную политику, которая сможет дать хороший шанс молодым людям проявить себя, стать настоящими гражданами страны. По словам В.В. Путина «Те, кому сегодня 15, 20, 30 лет в скором времени станут главными действующими лицами в нашей стране по реализации планов и проектов развития России, укрепления гражданского общества. Молодежь наиболее динамичная и в то же время наиболее уязвимая часть общества. С одной стороны, она способна на многое. Может сделать страну по-настоящему успешной и конкурентоспособной, но требует поддержки, поощрения, создания здоровой жизненной среды и надежных социальных гарантий» [10].

Бесспорно, в настоящее время усиливается внимание властей всех уровней к вопросам молодежной сферы. В ряде регионов, в частности в Хабаровском крае, приняты новые целевые программы для молодежи, активизировалось обновление нормативной региональной базы, повышается эффективность реализуемых программ и мероприятий.

Тем не менее анализ региональных исследований показывает, что ситуация с положением молодежи остается сложной и неоднозначной[1]. Существующие социально-экономические условия не создают гарантий для осуществления молодежью своих прав на охрану здоровья, получение полноценного образования, трудовую занятость, рациональный досуг, гармоничное духовное, нравственное и физическое развитие.

Наблюдается заметное и непривычное для нашего общества социальное расслоение молодежи. Одни находят в себе силы и возможности для успешной учебы и дальнейшего карьерного роста, другие, в силу объективных и субъективных причин, остаются не удел, с низким образовательным и профессиональным статусом и ограниченным набором возможностей для самореализации.

[1] Мониторинговое исследование «Молодежь Хабаровского края: проблемы и перспективы», ДВАГС.

Несмотря на широкую пропаганду здорового образа жизни, активную работу учреждений образования и социального обслуживания остается актуальной проблема социальной адаптации молодежи.

Требует новых подходов трудоустройство молодежи. Это – квотирование рабочих мест для молодых людей; создание информационных систем, помогающих найти работу; программы поддержки молодежного предпринимательства в регионах.

Поэтому формирование и развитие ценностного потенциала молодежи должно осуществляться путем создания определенных условий (обществом, государством, семьей, социальным окружением и т. д.), способствующих его максимальной реализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вебер, М.* Основные социологические понятия: пер с нем. / М. Вебер / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова // Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990.

2. О социологических проблемах культуры и личности / Ю.Р. Вишневский [и др.] // Социологические исследования. – 2011. – № 8. – С. 62–72.

3. *Гинзбург, М.Р.* Личностное самоопределение как психологическая проблема / М.Р. Гинзбург // Вопросы психологии. – 1999. – № 2.

4. *Дюркгейм, Э.* Ценностные и «реальные» суждения / Э. Дюркгейм // Социология. – М., 1995.

5. *Коган, Л.Н.* Духовное производство и культура / Л.Н. Коган // Вопросы духовной культуры советских рабочих. – Вып. 1. – Свердловск, 1969.

6. Концепция федеральной целевой программы «Молодежь России на 2011–2015 годы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.depmolpol.ru

7. *Лазурский, А.Ф.* Очерк науки о характерах / А.Ф. Лазурский. – М.: Наука, 1995.

8. *Маслоу, А.*, 1986.

9. *Мелекесов, Г.А.* Развитие аксиологического потенциала личности студента как проблема университетского образования / Г.А. Мелекесов // Современные наукоемкие технологии. – 2005. – № 8.

10. *Рожнов, О.А.* Материалы Министерства спорта, туризма и молодежной политики РФ / Государственная молодежная политика в Российской Федерации: основные направления (материалы к «правительственному часу» 250-го заседания Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации) // Аналитический вестник. – № 9 (376).

11. *Сорокин, П.* Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений: пер. с англ. / *П. Сорокин* // комментарии и статья В.В. Санова. – СПб.: РХГИ, 2000.

12. Ценности [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://socfil.narod.ru/glava_9.htm

13. *Чупров, В.И.* Методология целостного подхода в социологии молодежи / В.И. Чупров; под ред. Г.В. Осипова, В.Н. Кузнецова, В.В. Локосова // Россия: новые цели и приоритеты. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2006.

ПОЛЕМИКА

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ РЕАЛИЗМ И ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ПЕССИМИЗМ

А.П. Герасименко

Герасименко Анатолий Петрович – доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Амурского государственного университета (г. Благовещенск).

Контактный адрес: cherdakov@mail.ru

В развитие проблем, поднятых в статье автора «Злоключения юриспруденции в России», делаются критические замечания по «Ответу пессимисту» М.А.Ковальчука. Философско-правовая аргументация сопровождается историко-правовыми экскурсами в древнеримскую, арабо-мусульманскую, российскую историю. Утверждается, что постепенно, утрачивая свойства правовой системы идеологического типа, правовая система России лишь в последнее двадцатилетие превращается в правовую систему юридического типа. Наблюдаемое превращение опирается на общеевропейские тенденции и может стать необратимым только благодаря освобождению от негативного наследия прошлого столетия. К определяющим свойствам правовой системы юридического типа отнесены ее процессуально-правовые установления или то, что называется надлежащими правовыми процедурами. Только тогда, когда эти процедуры не приносятся в жертву идейно-политической целесообразности, только тогда правовая система действительно становится юридической по типу.

Ключевые слова: правовая система, типы правовых систем, история правовых систем, правовая система России, религия и государство, религия и право.

Моя статья «Злоключения юриспруденции в России» (№ 1 журнала за 2012 г.) была опубликована в сопровождении «Ответа пессимисту» М.А. Ковальчука. Как автор статьи, немедленно нашедшей отклик, я испытал давно забытое чувство – ну, наконец-то, хоть кто-то откликнулся, да как здорово! «Крайнее недоумение», «удивление», «печаль», «странные вещи», «вопреки общепринятой точке зрения», «автор склонен к эпатажу», «возмущение», «трудно обойтись без эмоций» - неужели это все обо мне!? Да после такого, все бросятся искать мои публикации и читать-перечитывать. Потом остыл, погрустнел–досадно, цепляется к мелочам. В аннотации своей статьи, адресованной мне, говорит, что «следует избегать поверхностных, небрежных и безответственных высказываний и суждений», хотя у самого есть явные умолчания, хватает и напраслины, не обошлось без глупостей.

«Злоключения» попали в рубрику «Полемика» вполне справедливо, хотя и по воле редколлегии, потому что написаны философом если не в споре, то в диалоге с такими корифеями отечественной юриспруденции, как В.А. Томсинов, защитивший в 1993 г. докторскую диссертацию «Юриспруденция в духовной культуре древнего и средневекового общества» и, тоже правоведом, Г.В. Мальцевым, опубликовавшим в 2009 г. вторым изданием свою обширную монографию «Нравственные основания права». Кто следит за литературой, тот не может этого не заметить. К тому же, я прямо сказал, что публикация – это скорее не статья, а дайджест того, о чем я думаю, говорю и пишу как минимум уже лет двадцать. Любой читатель может сравнить две публикации, обратиться к другим и самостоятельно разобраться в поднятых вопросах. Поэтому я долго сомневался – стоит ли вообще отвечать?

Меня по-прежнему заботит применимость в начале XXI в. моей собственной дихотомной типологии политико-правовых явлений, разработанной в конце XX в. [3]. Значит стоит. Я продолжаю думать, что любая правовая система всегда и везде может быть истолкована либо как юридическая, либо как идеологическая, что открывает возможность наиболее адекватного понимания политической жизни. Демонстрировалось это шесть лет назад и на страницах журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» [5]. В последние годы, почти совсем забросив зарубежье, я апробировал ее, утопая в русской юриспруденции. Поэтому совсем уж было решил ничего не писать, а просто подарить М.А. Ковальчуку свою книгу «Политика и право в России», опубликованную в Благовещенске в 2006 г. Каюсь, пожалел последнего экземпляра и успокоил себя тем, что это бесполезно – если захочет, то найдет ее в Хабаровских библиотеках.

Получается, что мне нужно объясняться печатно с профессором-коллегой по одноименной кафедре, только доктором не философских, как я, а исторических наук, да еще по вопросам, в которых давно для себя разобрался и которых совсем не хочу поднимать снова. По мне, «Ответ пессимисту» лишь демонстрирует то, что занимаясь одним и тем

же, я, как философ, думаю, сомневаюсь, выговариваю себя, а он, как историк, – вспоминает, знает наверняка, изрекает общеизвестное. Философом быть трудно. Философ считает, что все существенное с большей или меньшей степенью достоверности и без него уже было высказано предшественниками или современниками. Ученому легко – он делает открытия. Это от ученого ждут новизны, поскольку он просто обязан идти вперед не взирая на авторитеты, хотя и требуя признания специалистов. Если это не так, то нет ни философии, ни науки, или они вместе попали в тупиково-застойное положение. Чтобы продолжать заниматься философией, я давно не нуждаюсь ни в чьем одобрении. Скажу больше – с некоторых пор меня совсем перестало смущать, что так, как думаю я, больше никто не думает. Если меня не понимают, то виноват я сам. Это для меня не новость.

Зачем же тогда пишу все это? Меня задело обескураживающее самодовольство работника вуза, который, как сегодня говорят, «не в теме», но , якобы, многое знает гораздо лучше меня, считает, что в отечественной юриспруденции (пусть только в Хабаровске) все обстоит великолепно и обстояло бы еще лучше, если бы некоторые из философов не умствовали, опираясь только на свои умозаключения, некоторые из новых правоведов не торопились отказываться от выдающихся достижений советской правовой мысли, а современные правотворцы чаще заглядывали в неисчерпаемый кладезь юридических кодексов РСФСР 1922 г. Поэтому я решил, что следует все-таки хоть чуть-чуть прояснить – у кого из нас (философа или историка) больше безответственных высказываний и суждений по поводу общеизвестного и кому почаще нужно заглядывать в словари и учебники.

Вполне ожидаемо, М.А. Ковальчук не принимает моей трактовки веры, как духовной силы в сфере политики, порождающей такие явления, которые не могут истолковываться однозначно. Особенно это справедливо в отношении веры религиозной, т. к. ее всегда можно заклеймить как камуфляжное мракобесие. Автор «Ответа» спрашивает то ли меня, то ли себя: «Но почему конфуцианцы и мусульмане это народы? Ведь это – религии. Причем последняя – мировая религия. Вероятно под мусульманами автор имеет в виду арабов, а под конфуцианцами – китайцев. Но тогда так и надо писать». Цитируя по журналу, обращаю внимание на падежные окончания с которыми что-то не так, но о чем ведется речь понять можно. Профессор-историк не сомневается, что мусульманство – мировая религия. А вот профессор-религиовед из АмГУ А.П. Забияко считает более точным в таких случаях термином не мировая религия, а транснациональная религия.

Я действительно считаю, что государства создавали не народы, а ведущие их за собой верующие люди. Они могли верить и в Бога, и во что угодно, даже – только в себя. Со стародавних для китайцев или индийцев времен вера их вождей скорее всего была религиозной. Она была самобытной и никак не была связана с религиями греков, римлян, европейцев. С арабами гораздо проще, потому что ведут они начало своей веры от Мухаммеда и с тех пор олицетворяют как бы на наших глазах фанатизм и террор не только для европейцев, но и для азиатов. Кстати сказать, именно католическая церковь во многом повинна в антимусульманских настроениях европейских умов. Это хорошо показано С.И. Лучицкой, писавшей: «Начиная с VIII в. ислам стал излюбленной темой произведений отцов церкви, увидевших в новой религии величайшую опасность для христианства. В их сочинениях отразился негативный образ ислама – ложной религии, основные черты которой – демонолатрия, идолопоклонство, многобожие. Этот образ враждебной религии оставался в церковной традиции независимо от реальных контактов с Востоком неизменным на протяжении веков. В произведениях отцов церкви, в исторических сочинениях мусульмане и ислам отождествлялись с Сатаной, силами зла. Мусульманство ими представлялось как воплощение морального зла, а сам Мухаммед изображался карикатурно, характеризовался уничижительно.»[15]

Мне кажется, что такого рода антипатией объясняется наша плохая осведомленность и о шариате. Возмущенный тем, что я считаю шариат и марксизм-ленинизм однопорядковыми явлениями, а именно – разновидностями богословия, М.А. Ковальчук даже не хочет на этом останавливаться, а просто заявляет, что «шариат – судебная система, выработанная в мусульманских странах», а «марксизм-ленинизм – это учение, а не богословие». Профессору кафедры теории и истории государства и права даже неловко как-то указывать, что судебная система и система права – далеко не одно и тоже. Готов признать, что в этом случае он в полемическом задоре допустил тот же промах, что и я, для красного словца написав о южном полушарии.

Может быть, я слишком вольно понимаю «богословие», но для меня это – связное учение о сущности и действиях Бога, построенное на текстах, принимаемых как откровенные. Если шариат – это свод мусульманских правовых и теологических нормативов, провозглашаемых исламом «вечным и неизменным» плодом божественных установлений, а особенность этого учения в его источниках – Коране и Сунне, то я не сильно ошибаюсь понимая такое явление как богословское [12]. Как советует М.А. Ковальчук, поднимаюсь над собственным достоинством и цитирую из Словаря русского языка

специально для него: «Учение – совокупность теоретических положений в какой-либо области знаний, система взглядов на что-либо» [21]. Богословие – это тоже учение. Еще раз объясняю самому себе – в мусульманских странах суд лишь руководствуется шариатом, действует на его основе, шариат – это слова на бумаге, а суд – это люди, работающие в определенном месте. А чем же от шариата как учение отличается марксизм-ленинизм как учение? Если коротко, то – вместо бога здесь пролетариат, а пророки его – К. Маркс и В.И. Ленин. Марксистско-ленинская теория государства и права – это учение, но по способу построения ничем не отличающееся не только от любого богословия (христианского, даосистского, синтоистского и т. п.), но и от шариата, как специальной части богословия мусульманского. Поэтому я и считаю вернейшим признаком правовой системы идеологического типа – господство в ней активистской правовой идеологии, т.е. учения о должном правопорядке. В такой системе и правотворчество, и правосудие, и правоприменение связаны воедино определенным светским или религиозным правоучением, которое обычно претендует на высшую научность и абсолютную непогрешимость.

У М.А. Ковальчука «большое сомнение, что христианские государства возникли позже Арабского халифата. Разве император Восточной Римской империи Константин не принял христианство и не оказывал покровительство христианам, а возникшее на обломках Римской империи Византия, империя "ромеев", не была христианским государством? Ведь и то, и другое события произошли раньше, чем появилось мусульманство». По форме вопрос риторический. Короткий ответ на него отрицательный – нет, конечно же, нет. Я просто вынужден представить историку не большую справку, составленную по общедоступным учебным пособиям, которые тоже можно прочитывать с пользой для себя, хотя мог бы обратиться к целой библиотеке специальной литературы по этому вопросу. Надеюсь, что этот крохотный экскурс в римские древности не обидит никого из знатоков.

В краткой, но емкой «Истории мировой культуры» можно прочитать : «Термин "Византия" возник уже после падения Римской империи, примерно в XVI в., в среде итальянских гуманистов, предложивших деление истории на "древнюю", "среднюю" и "новую" и давших средневековью уничижительное в их глазах название – Византия (хотя Византий не средневековый, а античный город, переставший носить античное имя в год основания Константинополя – 324-й). Византийцы в своем самосознании были римляне – ромеи в византийском выговоре» [1].

Сказано достаточно точно, но датировка Константинополя нуждается в уточнении. Действительно, город Византий на берегу Босфорского пролива был основан в 660 г. до н.э. как мегарская колония. В 324 г. император Римской империи Константин (280–337 гг.) объявил о переносе сюда столицы из Никомедии. Город перестраивали для столичных нужд шесть лет и 11 мая 330 г. официально провозгласили Новым Римом-Константинополем. При освящении новой столицы Константин был обоготворен в качестве Гелиоса, а сам город посвящен богине Тюхе. (Не правда ли – это очень по-христиански?) Дело в том, что крещен Константин был епископом Евсевием лишь незадолго до смерти в 337 г. Умершего императора сенат по традиции (ну очень христианской!) тут же обожествил, а вот благодарные христиане посчитали только святым.

Более развернуто факты выглядят следующим образом. С провозглашением в 284 г. императором Гая Аврелия Валерия Диоклетиана в истории Древнего Рима началась эпоха поздней истории. Уже Диоклетиан перенес столицу из Рима в малоазийскую Никомедию и лично управлял Восточной Римской империей. Западной Римской империей стал управлять Август Максимиан, назначенный Диоклетианом и объявивший в 286 г. столицей Медиолан (сегодняшний Милан). Провозглашенный в западной половине государства императором Флавий Валерий Константин лишь к 324 г. стал единственным правителем не только западной, но и восточной части империи. В историю он вошел еще и как Константин I Великий, потому что в 313 г. в покоренном им Медиолане был издан, так называемый «Миланский эдикт о веротерпимости», по которому христианская религия становилась равноправной со всеми другими религиями Рима. Оправдывая надежды христиан, в 325 г. в малоазийском Никее, оставаясь язычником, Константин провел Первый Вселенский собор епископов христианских церквей Запада и Востока. Лишь в 380 г., т.е. спустя 43 года после крещения и кончины Константина, император Феодосий объявил обязательность христианской веры эдиктом «О католической вере». Он же, правда, своим завещанием утвердил в 395 г. окончательное разделение Древнего Рима на Западную Римскую империю (со столицей в Равенне) и Восточную Римскую империю (со столицей в Константинополе).

Как ни мудри, Восточная Римская империя создана не христианами, а римлянами. Ни византийцами, ни христианами они себя не считали, потому что для них римлянином с незапамятных времен был тот человек любой веры, который родился или стал гражданином Рима, но мог и лишиться гражданства. У мусульман не так. Мусульманином, лишь начиная с Мухаммеда, становится тот, кто «отдал себя» всесильному Аллаху и обречен на смерть в случае измены этой клятве. Через 20 лет после уничтожения самого Рима (города) вандалами, в 476 г. Одоакр ото-

слал знаки императорского достоинства в Константинополь, потому что этот город по прежнему считался центром всемирной римской монархии всеми, в том числе и в варварских королевствах, появившихся в западной ее части. Так было до 1453 г., когда мусульмане окончательно захвалили Константинополь и переименовали его в Стамбул.

Считается, что наивысшего расцвета Восточная Римская империя достигла в период правления императора Юстиниана I (527–565 гг.), думавшего, что ему выпала миссия возрождения былого могущества государства. Наверное, именно поэтому при нем была в 528–534 гг. проведена работа по кодификации римского права. А может быть, он делал это именно для того чтобы поставить на место слишком много о себе возомнивших латинизированных христиан и напомнить о значении гражданства. В 1054 г. Папа Римский объявлял анафему не Римскому (восточному) императору, а Константинопольскому патриарху, который отвечал ему тем же. В 1204 г. католические крестоносцы завоевали Константинополь и, демонстрируя свою неязыческую ориентацию, провозгласили Латинскую империю, просуществовавшую не много не мало 60 лет. Восстановленная в 1261 г. Михаилом III Палеологом Римская империя и правда была лишь подобием некогда огромной державы. Последней попыткой ее самосохранения была подписанная в 1439 г. во Флоренции уния между римско-католической и православной церквями, что снимало препятствия для европейских ревнителей христианства, желающих спасать своих восточных единоверцев от мусульманского порабощения [9, 11].

Что касается арабов, то первую часть своего скрупулезного исторического исследования О.Г. Большаков назвал так: «История халифата. Ислам в Аравии (570–633)». С оружием в руках создавать государство начал сам пророк Мухаммед, скончавшийся в 632 г. Уже к 642 г. мусульмане отвоевали у римлян (а не христиан !) всю Северную Африку, Египет, Сирию, Палестину и Месопотамию. Причем создавалось ими именно мусульманское государство, в котором от римлян-язычников отличали иудеев и христиан, как «людей писания». Последним еще сам Мухаммед по договору с епископом г. Эйлат Иоанном в обмен на дополнительную подушную подать, взимаемую наряду с налогами, гарантировал безопасность и свободу богослужения [2]. Мусульмане и сегодня склонны вести себя так потому, что начало положил сам пророк.

Теперь о христианстве, которое для меня – средоточие определенной культуры, далеко не единственной на свете. Как религия, христианство давно размежевалось с иудаизмом, а затем отчетливо разделилось на латинизированную (католическую) версию и версию древнегреческую (православную). Но когда в нем сложились и окрепли такие протестантские потоки, как англиканство, кальвинизм, пуританство, лютеранство и т. п. христианство стало явлением именно европейским. Понятно, что христианство никогда не сможет избавиться от своих греко-восточных корней, как не уйдет из-под папского водительства. Однако, все дело в том, что если бы не протестантская реформация, оно никогда бы не породило того, что мы узнаем как европейское. Десятки миллионов людей с тех пор с полным основанием считают себя христианами, не общаясь ни с каким клиром. При этом их основная масса вполне довольствуется Библейской мудростью и метафористикой, оставаясь совершенно равнодушной к исповеданию веры.

Многочисленные народы, обитавшие в европейском географическом ареале тысячелетиями оставались, сами того не зная, варварами-язычниками, которые лишь несколько столетий назад в какой-то момент столкновения с римской имперской цивилизованностью вдруг, опять без своего ведома, превратились в вандалов и стали создавать свои собственные варварские королевства. Только пропитавшись христианством благодаря подвижничеству католической и православной церковной публики, только освоив Библию на своих собственных, а не на латинском или греческом, языках, благодаря просветительству протестантов, эти народы стали по-европейски цивилизованными и образовали европейские государства, у которых появились и колониальные владения. Во многом благодаря последнему обстоятельству некоторые из таких государств стали империями. Почти одновременно те из территорий, которые осваивались массами европейских переселенцев (или выселенцев, как Австралия) стали объявлять себя суверенными государствами.

Европейцем становился тот христианин, кто начинал сознавать себя не тварью смердящей в идолопоклонстве, а свободным творцом не теряющим человеческого достоинства под покровительством абсолюта. Римская империя уцелевала и не могла преобразоваться в христианское государство именно потому, что не становилась европейской страной. Полностью разрушив ее западную половину, варвары не смогли ликвидировать восточную. Удалось это сделать только мусульманам, скорее всего, потому что они на свой лад верили в одного-единственного бога, но были преисполнены более высокого достоинства в силу единства и чистоты помыслов.

Рассуждая о юриспруденции я обильно цитирую античные источники чтобы достоверно звучали понятия, которым потомки слишком часто стали придавать иное значение, к тому же, люди, которые их создали или которым их создание лишь приписывается, для меня не иностранцы, а первоучители. Запущенный в оборот Р. Давидом (самым почитаемым французским автором среди марксистско-ленинских

поборников права) термин «правовая семья», критиковался мной еще в 1996 г. [4]. Тогда же я утверждал, что англо-саксонскую и романо-германскую правовые системы делает неразличимыми их юридичность, которую сегодня склонен понимать в духе V и XIV Поправок к Конституции США, указывающих на приоритет «надлежащей правовой процедуры». А именно ею, по выражению А. Смита, исполнительная власть часто жертвует ради великих государственных интересов. И если я, следуя римлянам, указываю на правосудие как сердцевину юриспруденции, то зачем мне специально подтверждать это анализом англо-саксонской правовой семьи, в которой, как считает М.А. Ковальчук, «нормы права формируются через судебный прецедент» и которая, вдобавок ко всему, уже много лет на наших глазах вместе с романо-германской вливается в единую правовую систему Европейского сообщества?

Вынужден отметить, что автор «Ответа», похоже, напрочь забыл об европейской интеграции последних десятилетий. Я не знаю с чего он взял, что именно в Европе восторжествовал принцип «одна нация – одно государство», но, как видно, он и знать ничего не хочет об уже более чем полувековом строительстве единой Европы. Рискуя вызвать еще одну волну обвинений в игнорировании общепризнанного, отмечу что хотя английские традиции и концепции прав человека признаны базовыми для теоретиков и практиков этих самых прав уже давным-давно, Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950 г.) была инкорпорирована в английское право лишь в 1998 г. после продолжительных дебатов и неоднократных неудач проведения ее через Парламент [13; 14]. Сегодня в европейском варианте представлений о правах человека не трудно различить два основных направления – северо-американское и евросоюзное, одинаково юридичных и авторитетных. Для того, чтобы понять разницу в подходах, достаточно сопоставить американскую «Декларацию независимости» (1776 г.) и французскую «Декларацию прав человека и гражданина» (1789 г.), Конституцию и Билль о правах США с документами Евросоюза. Несмотря на безусловную приверженность концепции прав человека, в США не считают для себя обязательными разнообразные международные документы по правам человека, созданные по инициативе европейцев, тогда как Англия в этом смысле почти полностью интегрирована в европейское право. Существенная разница в том, что по американским понятиям первичны человеческие свободы, а по евросоюзным – гарантированные притязания людей. Если продолжать называть американское право англо-саксонским, а право Евросоюза романо-германским, не попадем ли мы в совершенно абсурдную ситуацию называния чего угодно как угодно только потому, что так когда-то написал наш любимый француз?

Когда я говорю об отвратительности коммунистической и фашистской попыток обновить Европу, что вызвало особое возмущение М.А. Ковальчука, то ему все-таки стоило бы вспомнить, что фашисты – это итальянцы с дуче Муссолини во главе, которые хотели поднять свою страну к новым вершинам с опорой на традиции римской империи, когда-то существовавшей на том месте, где действовали эти итальянские борцы за народное счастье. Фашисты начали с «Хартии труда» и праздновали свою «октябрьскую революцию». В Германии правили другие борцы за свободу от евреев-капиталистов, нацисты – Национал-социалистская рабочая партия во главе с собственным фюрером Гитлером, считавшие арийские корни еще более глубокими и питательными. Нацисты тоже утверждали, что совершили величайшую социальную революцию, открывшую новую эру истории. Ясное дело, как и все ультраправые XX в., фашисты и нацисты симпатизировали друг другу, активно черпали от русских черносотенцев, но военный союз заключили лет через десять после своего политического появления на свет. Все это, конечно же, всего лишь крючкотворные уточнения, потому что действительно постыдным я считаю стремление забыть об истреблении коммунистами в нашей стране любого политико-правового вольномыслия и готовность советских вождей брататься с пролетариями всех стран, хотя бы и против воли последних.

Через силу выговаривая нечто о симптомах превращения правовой системы нашей страны из идеологической (сначала православной, а потом коммунистической) в юридическую, я слышу в ответ, что без штудирования вместе со студентами «Русской правды», Соборного уложения 1649 г., Полного собрания законов Российской империи, ГК и УК РСФСР 1922 г. нам никак не обойтись на пути в светлое будущее. По моему разумению, правовая система нашей страны, если не изначально, то долгие годы была идеологической – сначала православной, хотя бы потому, что действовавшее до 1917 г. уголовное законодательство включало наказания за преступления против религии, а затем коммунистической, когда все советское законодательство, возникшее после, снизу до верху было пронизано идеалами революционной (коммунистической или марксистско-ленинской) законности. Одна вера сменилась другой. И та и другая покоились на поддержке основной массы населения России, никогда не замечавшейся в пристрастии к чтению юридических документов.

Считающий, что я многовато цитирую иностранных авторов, историк тем не менее советует почитать «очень полезную книгу» немца К. Бедекера «Трагедия Германии». С маниакальной уверенностью в злонамеренности немцев, он утверждает, что память о тяготах войны хранится ими для того, чтобы заставить Россию «платить по дол-

гам и по полной.» Неужели в расчете на возврат долгов ищут и находят до сих пор безымянные останки сотен и сотен бойцов отечественные добровольцы-поисковики? Зачем, как и мы, заботятся об участниках Второй мировой войны и помнят о жертвах японцы, американцы, итальянцы, французы, поляки (всех не перечислить) и не просто заботятся или помнят, но пытаются увековечить всех погибших поименно? Наверное, им нельзя.

Все мы что-нибудь читаем. Я тоже могу порекомендовать одну книгу – «Взлет и падение Третьего рейха», кажется, американца У. Ширера, из которой процитировал в 1996 г. в своих «Очерках»: «В год подписания "Советско-Германского договора о дружбе и границе" (29 сентября 1939 г.) тут же широко распубликованного, между Гитлером и Сталиным произошел обмен рождественскими поздравлениями. Гитлер телеграфировал: «Лучшие пожелания личного благополучия Вам, а также будущего процветания народам дружественного Советского Союза». Сталин на это ответил: «Дружба народов Германии и Советского Союза, скрепленная кровью, имеет все основания быть длительной и прочной» [3: с. 191]. Если кто-то не помнит, к этому времени Вторая мировая война шла уже почти месяц – немецкие войска вошли в Польшу 1 сентября, а войска нашей Красной Армии 17 сентября. 30 ноября части Красной Армии перешли границу с Финляндией и здесь боевые действия продолжались до 12 марта 1940 г. При этом США предоставили Финляндии кредит, а Лига наций исключила СССР из своих рядов. В августе 1940 г. в состав СССР вошли прибалтийские республики [17]. Так что, если Сталин и заставил европейцев сначала воевать между собой, как пишет М.А. Ковальчук, то сделал он это скрепляя дружбу народов кровью.

Не я один думаю, что любая война отвратительна. Мне перечислять здесь массу русских писателей или хватит, если назову только В.П. Астафьева? Война (хоть мировая, хоть отечественная, хоть гражданская) – не футбольный матч, победой в котором можно гордиться. В ней нет победителей и нет побежденных. В ней есть только кровь, пот и слезы, да горечь свершившегося и память о погибших.

«Почему вдруг история российского государства начинается с Московской Руси? Может быть, я зря начинаю со студентами изучение курса «Истории отечественного государства и права» со штудирования «Русской правды» и возникновения Киевской Руси?» – спрашивает М.А. Ковальчук, опираясь на книжную полку. Объясняю: ему не было нужды подходить к своей книжной полке, потому что он не только знает ответ, но и пишет об этом сам – Полное собрание законов Российской империи начинается с текста Соборного уложения 1649 г., а не с Русской правды или последующих судебников. Если бы на этой полке нашлось место хотя бы для первого тома монументальной работы «Древности русского права» его собрата по науке из позапрошлого века В.И. Сергеевича, то он мог бы там прочитать: "Наша древность не знает единого «государства Российского"; она имеет дело со множеством единовременно существующих небольших государств. Эти небольшие государства называются: волостями, землями, княжениями, уделами, отчинами князей, уездами; всего позднее возникает для них наименование государством. Первая ясная мысль об образовании из нескольких волостей неделимого целого является только у московских князей. Но и у них не очень рано. Иван Грозный первый дает новорожденному младенцу имя» [19]. Только не надо в этом месте фыркать и говорить – с тех пор историческая наука далеко шагнула вперед.

Заместитель директора Института всеобщей истории РАН И.Н.Данилевский при обсуждении книги А.Л. Янова «Россия и Европа» напомнил, что Судебники 1497 г. и 1550 г. существовали в одном экземпляре и хранились в государевой казне. Соборное уложение 1649 г. было размножено тысячным тиражом и разослано по стране [7]. Саму «Русскую правду» В.Н. Татищев обнаружил лишь в 1737 г. в составе Новгородской первой летописи младшего извода, а не в парадном переплете по центру стола в своем чиновном кабинете [22]. Скорее всего, родоначальник русской исторической науки сам понимал по древнерусски. Для нас – современных читателей научного журнала, М.А. Ковальчук приводит из выдающегося памятника фрагмент сначала на языке оригинала, а потом в русском переводе. Бедные студенты! Еще один мертвый язык, мало им латинского.

Уже в XIX в. мало кто из учащихся приветствовал такое почтение к старославянским древностям. Я мог бы привести массу свидетельств, но приведу лишь слова Б.Н.Чичерина, учившегося на юридическом факультете Московского университета в 1845–1849 гг. и защитившего в 1857 г. магистерскую диссертацию «Областные учреждения России в XVII в.», т. е. по любым меркам знатока этих самых юридических реликтов. Чичерин вспоминал, что как ученый сформировался он отнюдь не на отечественной литературе: «У нас научная литература совершенно отсутствовала, а потому о политических, исторических и философских вопросах можно было болтать все, что угодно. Помочь этому горю могло только распространение основательного научного образования. Утверждали, что нам нечего учиться свободе у Западной Европы, и в доказательство ссылались на допетровскую Русь, которая сверху донизу установила всеобщее рабство. Вместо Пушкина, Жуковского, Лермонтова меня обращали к Кириллу Туровскому

и Даниилу Заточнику, которые ничем не могли меня одушевить. А с другой стороны, то образование, которое я привык уважать с детства, та наука, которую я жаждал изучить, ожидая найти в ней неисчерпаемые сокровища знания, выставлялись как опасная ложь, которой надо остерегаться, как яда. Взамен обещалась какая-то никому неведомая русская наука, ныне еще не существующая, но долженствующая когда-нибудь развиться из начал сохранившихся неприкосновенными в крестьянской среде… Какое-то самобытное русское просвещение, которое должно было родиться из недр православного скудоумия» [23]. Здесь снова можно скривиться – не зря Чичерина у нас не любили.

Чтобы еще раз свериться с «общепринятой точкой зрения» на древнекиевские истоки своего отечества, подошел к собственной книжной полке и убедился, что на ней действительно есть не только старые и новые учебники по истории государства и права, но и «Очерк истории украинского народа», правда «буржуазного националиста», но все-таки академика М.С.Грушевского и сборник трудов, правда «белогвардейца», но все-таки основоположника семиотики Н.С.Трубецкого «История. Культура. Язык». Обе книги наполнены дебатами по поводу Киевской Руси и Российской государственности, которые велись еще на переломе XIX–XX вв. Я снова подумал, что на заре XXI в., сидящим в не менявшей своего места столице Украины, вести начало собственной государственности от Древнего Киева гораздо удобнее, чем размышляющим об этом в Москве (Петербурге или Хабаровске) неутомимым переселенцам-искателям так и не обнаруженных сокровищ. Скорее всего, такие дебаты не более плодотворны, чем вопрос о Риме как вечной столице мира или об Адаме как первом человеке.

Ну вот, упомянул про Адама и снова вспомнил, что мне, оказывается, в отличие от М.А. Ковальчука, как-то слишком много недоступно из общеизвестного. Ведь ему то, как и всем (кроме меня), « известно, что нижняя хронологическая граница появления человека – это 800 тыс. – 1 млн. лет. Есть сторонники уйти еще дальше – до 2 млн. лет. Что имеет в виду автор, когда говорит о "первом человеке"?» Получается, что со своими 40 тыс. лет, я сильно просчитался. Похоже, ревнители иудейского права в современном Иерусалиме, датирующие свои нормативные акты 2012 (5773), т.е. указывая сначала принятый среди европейцев календарный год, а в скобках – год от Адама, считают еще хуже меня. А может быть они принципиально не читают ничего, кроме Ветхого Завета? Тогда им можно порекомендовать один из наших учебников, где говорится: «По мнению некоторых антропологов, первым представителем Homo sapiens sapiens была женщина, жившая в Западной Африке около 200 тыс. лет назад. Оттуда представители этой ветви распространились на Ближний Восток, где встретились с неандертальцами. Последние, не выдержав конкуренции с более прогрессивным видом, вымерли 25 тыс. лет назад. В эту эпоху люди заселили все континенты, кроме Антарктиды. По возникшим ледяным мостам 20 тыс. лет назад они проникли в Австралию, 10–40 тыс. лет назад была заселена Америка, а территория Восточно-Европейской равнины была заселена 24–30 тыс. лет назад. Как биологический вид человек в течение 40 тыс. лет не претерпел никаких существенных изменений в наследственности. Примерно 6 тыс. лет назад сложилось производящее хозяйство, что называют неолитической революцией. До этого времени люди жили собирательством и охотой» [25].

Когда историк, разгневанный на философа, сам берется расставлять вехи развития отечественной юриспруденции, мы в праве ожидать от него скрупулезной точности. М.А. Ковальчук называет период после крестьянской реформы (а это 1861 г.) «золотым веком» российской юриспруденции. Действительно – 1864 г., год судебной реформы наступил позже, но почему повышение престижа профессора-юриста в «золотой век» иллюстрируется авторитетом Д.И. Мейера, скончавшегося в 1856 г., т. е. за восемь лет до его начала? Лекции «Русское гражданское право» впервые вышли в свет в 1858–1859 гг., т. е. за пять лет до реформы. В первых отечественных университетах студенческие стенограммы лекций преподавателей по примеру зарубежных собратьев распространялись самими студентами в период подготовки к экзаменам и в стремлении подзаработать. Ничего экстраординарного в этом смысле в случае с лекциями Мейера усмотреть невозможно. Вместе с тем, как отмечал Г.Ф. Шершеневич, распродажа лекционного курса шла с поразительной быстротой и издание следовало за изданием, но только четвертое и пятое из них появились после 1864 г. [24].

Влиятельность К.П. Победоносцева не подлежит сомнению, но если уж говорить о подлинных творцах судебной реформы, то в первую очередь называть нужно, конечно же, не его, а Д.Н. Блудова, который начал готовить реформу еще в 40-е гг., а в 1858 г. представил проект «Об установлении присяжных стряпчих.» Видными непосредственными деятелями реформы являлись Д.А. Ровинский и Н.И. Стояновский, но выдающуюся роль сыграл С.И.Зарудный, с 1861 г. возглавлявший саму комиссию.[10] В своих статьях о судебной реформе К.П. Победоносцев не столько разъяснял ее смысл, сколько предостерегал от эйфории и самодовольной поспешности в осуществлении. Убедиться в этом самостоятельно сегодня может любой желающий читать [18].

После 1917 г. Россия лишилась лучших представителей юриспруденции. Профессор-историк умал-

чивает о жертвах, он упоминает только о Г.К. Гинсе, не пропавшем в эмиграции, и о А.Г. Гойхбарге, уцелевшем при советской власти. А почему бы одновременно не сказать о судьбе декана Русского юридического факультета в Харбине Н.В. Устрялова, поверившего большевикам, вернувшегося на родину и замученного чекистами. Цивилист А.Г. Гойхбарг был одним из главных разработчиков Гражданского кодекса РСФСР 1922 г., который теперь нужен только историкам права. Но зачем же умалчивать о еще более заслуженном советском юристе А.Я. Вышинском? Я все-таки приведу несколько строк из биографического словаря о Е.Б. Пашуканисе: «Опубликовал свыше 100 работ по теории и истории государства и права, международному, хозяйственному и иным отраслям права. Был в числе тех, кто заложил основы советского права, внес большой вклад в его развитие. В конце 1930-х имевшиеся в его работе недостатки квалифицировали как вредительство. Особенно постарался для этого Прокурор СССР А.Я. Вышинский. 20 января 1937 Пашуканис арестован органами НКВД по стандартному обвинению: участие в антисоветской террористической организации правых. Написал заявление о своей «антисоветской деятельности». Установлено, что признание получено незаконными методами. 4 сентября 1937 Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к высшей мере наказания – расстрелу, что и было исполнено незамедлительно. Спустя 19 лет приговор был отменен, дело прекращено за отсутствием состава преступления, Пашуканис полностью реабилитирован. Но потребовалось еще почти четверть века для издания его избранных произведений» [8].

Указывать на все это историку, по наивности считал я, значит ломиться в открытую дверь. Результат будет тот же самый. Но мне почему-то кажется, что ностальгирующий по ГК и УК РСФСР 1922 г. М.А. Ковальчук и про Г.К. Гинса то упомянул по необходимости. Если член редколлегии журнала, отвечающий за выпуск номера, не способен увидеть в открывающей журнал заметке «Свод законов» ничего кроме публикации по юбилейному случаю, то о чем тут говорить? Только о том, что, по словам Г.К. Гинса – юриспруденция не всем доступное особое искусство. Я давно утверждаю, что юриспруденция сродни технологии, хотя не читал ничего из опубликованного Г.К. Гинсом. М.А. Ковальчука это мое утверждение эпатирует. Но зачем же тогда он печатает заметку нашего незаурядного соотечественника, в которой прямо говорится об этом же?

Если я и склонен к эпатажу, как замечает М.А. Ковальчук, то исключительно из веселого нрава и вольнодумия, а не от недомыслия. Но как, скажите, понимать тот пассаж из «Ответа» где говорится, что ни в коем случае нельзя допустить размывания границы между моралью и правом? Как можно размывать то, чего попросту нет, чего никогда и нигде не было, чего и быть то не может? Проблема соотношения морали и права, этики (как учения о морали) и юриспруденции (как учения о праве) всегда была одной из заметных тем в общей теории государства и права, в истории политических и правовых учений, в философии права. В человеческом поведении, на изучении которого издавна сосредоточены этика и юриспруденция, мораль и право неразличимы вообще. Разница обнаруживается лишь в правилах поведения аморальных законников и в правилах поведения проповедников нравственного рабства. Мы не составим себе удовлетворительных представлений об этом если будем игнорировать иудейскую юриспруденцию или шариатскую. Да и мораль, как ее понимают коммунисты или первородные христиане, для иудеев или мусульман неприемлема. И не помогут в этом деле пространные рассуждения о нормативно-регулятивных системах, общим основанием которых, оказывается, может стать не право или мораль, а нравственность, как это якобы утверждал еще Гегель [16]. Все сказанное было бы скучнейшей схоластической полемикой, если бы не поразительная живучесть правовых систем идеологического типа, современным образцом которых являются, не только чучхеистская, но и иудейская, и мусульманская правовые системы.

В целом моя статья настроила хабаровского профессора на пессимистический лад и, наверное, поэтому в его ответе мало оптимизма. В очередной раз поднимаюсь над своим достоинством, и, чтобы освежить знания и эрудицию, заглядываю теперь уже в Словарь иностранных слов: «Пессимизм (от лат. Pessimus – наихудший) – мироощущение, проникнутое унынием, безнадежностью, неверием в будущее (противоп. Оптимизм). Пессимист – человек, склонный к мрачному взгляду на жизнь, проникнутый пессимизмом (противоп. Оптимист). Оптимизм (от лат. Optimus – наилучший) – мироощущение, проникнутое жизнерадостностью, бодростью, верой в будущее (противоп. Пессимизм). Оптимист – человек настроенный оптимистически, проникнутый оптимизмом (противоп. Пессимист)» [20].

Я не считаю себя ни пессимистом, ни оптимистом, а скорее – философствующим реалистом, потому что все чаще думаю – хорошо мне уже было, т. е. все хорошее в прошлом, а впереди одни неприятности. Стареющему себе я объясняю это так – воспринимавшееся мной раньше как несомненно плохое, сегодня вспоминается как весьма хорошее. Поэтому, вероятно, грядущие неприятности через какое-то время, если не мной самим, то потомками будут истолкованы как благодатные времена не лишенные недостатков. Вполне может быть, М.А. Ковальчук,

в отличие от меня, всегда ждет чего-то хорошего, полагает, что не только ему, но и другим будет все лучше и лучше. Скажу еще раз – я размышляю только над его «Ответом пессимисту». Может быть, другие публикации историка действительно оптимистичны.

Пока же я нахожу, что М.А.Ковальчук не считает СССР империей и скорбит по поводу распада союзного государства, с благодатным Кавказом и залитой солнцем Средней Азией, в котором все было хорошо, распада, повлекшего разруху и нищету и заставившего выходцев оттуда маячить у нас (у него) на глазах. За будущее России он опасается. Поскольку РФ правопреемница СССР, как бы не пришлось признавать ее «империей зла» и возвращать долги. М.А. Ковальчук уверен, что «Сталин заставил европейцев сначала воевать между собой, а уж мы после втянулись в войну с Гитлером», а когда ушли из освобожденных нами стран, там сразу оказались войска НАТО. Он знает, что в советский период развития отечественной юриспруденции был обстоятельно и толково обоснован фундаментальный принцип – право мирного сосуществования государств с различным общественным строем, а Уголовный кодекс 1922 г. фактически вводил у нас эвтаназию. Ковальчук находит гуманистическую направленность в «Русской правде» и не видит во всей феодальной Европе ничего равного Соборному уложению 1649 г. Он не хочет хотя бы упомянуть о трагической судьбе целого поколения наших ученых (юристов в том числе). Короче говоря, вместо обнаруженной у меня антипатии к советскому прошлому, его мучит ностальгия, ему грустно от скоропалительных перемен. Ну чем не пессимист?

Похоже, его «Ответ» – это ответ пессимиста пессимисту, но никак не отповедь оптимиста пессимисту. Как европейцы, мы с ним мыслим парными оппозициями. Ведь пессимизм–оптимизм из того же ряда, что восток–запад, север–юг. Эти оппозиции совершенно условны, но абсолютно непреодолимы. Я думаю, что рассуждавшие, как Монтескье, о разном духе законов на севере и на юге, понимали эту условность, но шли в направлении более строгого различения, чем западно-восточное. Если пойти на восток, то окажешься на западе. И наоборот. С юга на север попасть труднее. Вероятно, потому, что нужно пересечь полюсы. Конечно, и у арабов, индийцев, китайцев есть свои север–юг, но по сравнению с англичанами или немцами они все-таки южане. Так я могу объяснить свои географически абсурдные слова о Южном полушарии, вызвавшие крайнее недоумение историка.

Как философ-реалист я надеюсь, что говорю правду. Конечно, как сущая русская правда, это – правда в тех разнообразных смыслах, которые растолковывал В.И. Даль, а не в духе правежа, поборников очень гуманной «Русской правды». Эпатированные историки-пессимисты сегодня в нашей стране не могут ни помешать, ни запретить лишенному иллюзий философу думать, писать и печататься. Кстати, я написал несколько статей об А.И. Герцене, которые способны не то что эпатировать, а прямиком привести иных знатоков в бешенство. Тем не менее, я буду продолжать рассуждать пространно о своей стране, опираясь на свои умозаключения, потому что, как сказал этот наш бунтарь-философ – «мыслящий русский – самый независимый человек на свете» [6].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Борзова, Е.П.* История мировой культуры / Е.П. Борзова. – СПб.: Лань, 2001.
2. Введение в востоковедение: общий курс / Е.И. Зеленев, В.Б. Карасевич. – СПб.: КАРО, 2011.
3. *Герасименко, А.П.* Очерки дихотомной типологии политических явлений / А.П. Герасименко. – Благовещенск: АмГУ, 1997.
4. *Герасименко, А.П.* Юридические и идеологические правовые системы: препринт АмурНЦ ДВО РАН, АмГУ / А.П. Герасименко. – Благовещенск, 1996.
5. *Герасименко, А.П.* Типологическая идентификация правовых систем дальневосточных стран / А.П. Герасименко, А.В. Умрихин, С.В. Чердаков // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2006. – № 1. – С. 60–65.
6. *Герцен, А.И.* Русский народ и социализм / А.И. Герцен // Сочинения. В 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1986.
7. Европейский выбор или снова «особый путь»? – М.: Инициатива, 2010.
8. *Звягинцев, А.Г.* Русские юристы: краткий биографический словарь / А.Г. Звягинцев, Ю.Г. Орлов. – М.: РИПОЛ классик, 2004.
9. История Древнего Рима: учебник / В.И. Кузищин / под ред. В.И. Кузищина. – М.: Высш. шк., 1993.
10. История российского правосудия / под ред. Н.А. Колоколова. – М., 2009.
11. История средних веков: учебник. В 2 т. / под ред. З.В. Удальцовой и С.П. Карпова. – М.: Высш. шк., 1990. Т. 1; 1991. Т. 2.
12. *Керимов, Г.М.* Шариат: Закон жизни мусульман / Г.М. Керимов. – СПб.: Диля, 2009.
13. *Леже, Р.* Великие правовые системы современности / Р. Леже. – М.: Волтерс Клувер, 2009.
14. *Ллойд, Д.* Идея права / Д. Ллойд. – М.: Книгодел, 2007.
15. *Лучицкая, С.И.* Образ Мухаммада в зеркале латинской хронистики XII–XIII вв. / *С.И. Лучицкая* // Одиссей. Человек в истории. – М., 1994.
16. *Мальцев, Г.В.* Нравственные основания права / Г.В. Мальцев. – М.: Изд-во СГУ, 2009.
17. Новейшая история зарубежных стран: Европа и Америка, 1917–1945: учебник / под ред. В.К. Фураева. – М.: Просвещение, 1989.
18. Победоносцев, К.П. Сочинения / К.П. Победоносцев. – СПб.: Наука, 1996.
19. *Сергеевич, В.И.* Древности русского права: в 3 тт. Т. 1 / В.И. Сергеевич. – М.: Гос. публ. ист. биб-ка, 2007.
20. Словарь иностранных слов / под ред. И.В. Лехина [и др.]; гл. ред. Ф.Н. Петров. – М.: Сов. энц., 1964.
21. Словарь русского языка. В 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русск.язык,1981–1984.

22. *Томсинов, В.А.* Юридическое образование и юриспруденция в России в XVIII столетии / В.А. Томсинов. – М.: Зерцало-М, 2010.

23. *Чичерин, Б.Н.* Воспоминания, мемуары / Б.Н. Чичерин. – М.: АСТ, 2001.

24. Шершеневич, Г.Ф. Наука гражданского права в России / Г.Ф. Шершеневич. – М.: Статут, 2003.

25. Экология: учебник / под ред. Г.В. Тягунова, Ю.Г. Ярошенко. – М.: Гардарики, 2005.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

ПОРЯДОК ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ В НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ» И ТРЕБОВАНИЯ К НИМ

1. В журнале печатаются рукописи, как правило, не публиковавшиеся ранее.

2. Все поступившие в редакцию статьи проходят рецензирование.

3. Рассмотрение работ аспирантов и соискателей кандидатской степени осуществляется только при наличии отзыва научного руководителя и рекомендации кафедры по месту их обучения.

4. Для аспирантов и соискателей публикация статей бесплатно

5. Статьи должны быть в объёме от 0,5 до 1 п. л. (20 000 – 40 000 знаков). В них может быть, как правило, размещено не более трех иллюстраций, графиков или схем.

6. Требования к рукописи, представляемой в редакционную коллегию.

6.1. Направляемые в редакционную коллегию материалы должны быть представлены в электронном и распечатанном видах. Принимаются дискеты размером 3,5» и два экземпляра распечатки текстового оригинала (файлов), имеющегося на дискете. Если дискет две и более, необходимо указать их номера и размещение файла на дискетах (папки). На распечатке должны быть указаны имена файлов. Текстовый редактор – Word. Материалы должны быть подписаны автором на титульном листе около фамилии.

6.2. Титульный лист статьи содержит комплекс элементов, расположенных на странице в следующем порядке. В верхней части страницы располагается заглавие статьи, которое печатается прописными буквами жирным шрифтом. Фамилии авторов следуют после заголовка и печатаются строчными буквами, иные сведения при этом не указываются.

6.3. Ссылки на источники даются в виде алфавитного списка литературы с нумерацией после текста. Сначала идут источники на русском языке, затем на иностранных. В самом тексте (после цитирования) информация об источнике печатается в квадратных скобках с указанием номера по списку. Библиографическое описание источника в списке литературы (фамилии и инициалы авторов печатаются курсивом) составляется в соответствии с действующими нормами ГОСТ 7.1–2003. Шрифт и межстрочный интервал те же, что и в статье.

6.4. Поля страницы: верхнее – 2 см; нижнее – 2 см; левое – 3 см; правое 1 см; размер бумаги – А4 (210×297 мм); шрифт – «Times New Roman» № 14; межстрочный интервал – 1,5.

6.5. Примечания в тексте статьи приводятся в постраничных ссылках и должны иметь сквозную нумерацию.

7. Материалы, не имеющие научного аппарата или неправильно оформленные, не соответствующие указанным выше правилам, не рассматриваются. Рукописи не возвращаются.

8. К рукописи должны прилагаться следующие сведения об авторе: Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы, должность, рабочий адрес, домашний адрес, рабочий телефон, домашний телефон, факс, e-mail.

9. К статье прилагается краткая аннотация (5–6 строк), ключевые слова (не более 15), а также профессиональный перевод на английский язык аннотации, ключевых слов и названия статьи.

10. Материалы следует направлять по юридическому адресу журнала: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (ДВГУПС), к. 262. Редакция журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке». Электронная почта: journal@festu.khv.ru. Материалы, присланные ценными письмами и бандеролями, не принимаются.

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ

Наш журнал распространяется по подписке и поступает в розничную продажу.

Стоимость одного номера – 300 руб. (с учетом НДС). Подписка оформляется банковским или почтовым переводом (образец купона прилагается). Журнал будет выслан по адресу подписчика почтой. Почтовые расходы включены в стоимость подписки. Подписку на журнал также можно оформить по каталогу «Газеты. Журналы» ОАО Агентства «Роспечать». Подписной индекс – 84277.

Просим высылать копии платежного документа и адрес для рассылки по адресу: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (ДВГУПС). Редакция журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке».

Извещение **Кассир**	Дальневосточный государственный университет путей сообщения УФК по Хабаровскому краю (наименование получателя платежа) 2724018158 № 40503810500001000191 (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа) ГРКЦ ГУ ЦБ РФ по Хабаровскому краю (наименование банка получателя платежа) **БИК** 040813001 № 06109339920 (номер Л/кс) № 272401001 (номер КПП) подписка на журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» на 2013 год (наименование платежа) Сумма платежа _____ руб. _____ коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого: _____ руб. _____ коп.
Квитанция **Кассир**	Дальневосточный государственный университет путей сообщения УФК по Хабаровскому краю (наименование получателя платежа) 2724018158 № 40503810500001000191 (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа) ГРКЦ ГУ ЦБ РФ по Хабаровскому краю (наименование банка получателя платежа) **БИК** 040813001 № 06109339920 (номер Л/кс) № 272401001 (номер КПП) подписка на журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» на 2013 год (наименование платежа) Сумма платежа _____ руб. _____ коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого: _____ руб. _____ коп.

ARTICLES

THE PROBLEM OF DECRIMINALIZATION OF CONTEMPORARY RUSSIA

PROVIDING THE VICTIM WITH ACCESS TO JUSTICE

A.S. Bakhta

Andrey Sergeevich Bakhta is Doctor of Science (Law), Professor, Head of Far Eastern Law Institute of Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

E-mail: redactor80@gmail.com

The author addresses the issues concerning the improvement of the system of judicial control which is meant to guarantee access to justice for victims of crime.

The measures suggested by the author include the following procedures. In case the dismissal of a particular case is found groundless or illegal or there is evidence of wrongful termination of legal action prior to its completion, it is essential to coerce Pre-Trial Division officials and the prosecutor into challenging the verdict and calling for inquiry and filing a lawsuit. Apart from that, in order to promote speedy and efficient administration of justice it is imperative that the court be provided with a compilation of legal means which may effectively reinforce legality and warrant relevance of the actions instigated by the officials of Pre-Trial Division and the Prosecutor's Office.

Key words: legal defence, victim, justice, complaint, judicial control, Pre-Trial procedures, refusal to open a criminal case, legal measures, legality.

THEORETICAL ISSUES IN USING MODELING METHOD IN CRIMINOLOGY

T.S. Volchetskaya

Tatiana Stanislavovna Volchetskaya is Doctor of Science (Law), Professor, Head of Criminal Procedure, Criminalistics and Legal Informatics Department at Immanuel Kant Baltic Federal University, Honored Educator of the Russian Federation Higher Education.

E-mail: larty777@gmail.com

The author discusses several theoretical problems related to the application of a modeling technique in criminology; the specific terminology is analysed as well as the correlation of specific related notions, i.e. a version, plan, prognosis, etc. While creating a model of a particular case, an investigator is primarily governed by the typical assumptions, i.e. information which is normally contained in criminological description of a particular type of crimes.

Having summarized a considerable number of representative criminal cases and having revealed peculiarities and individual features of particular crimes, the author proposes a standard model for detection and investigation of crimes of a specific type. There is no doubt that a regular criminological description is to be viewed as the result of an inquiry conducted on the basis of a standard model of crimes of a particular type.

The author substantiates the statement that final results and outcome of model studies are of practical importance and are, therefore, used by investigators in order to detect particular specific crimes.

Key words: criminological methodology, methods of judicial lawmaking, modeling, criminological modeling, criminal investigation, investigator, version, planning, criminological characteristics of crime.

CRIMINOLOGICAL ASPECTS OF EVIDENCE GATHERING

N.N. Yegorov

Nicolay Nikolaevich Yegorov is Doctor of Science (Law), Professor at Kutafin Moscow State Law Academy.

E-mail: egorovnn@yandex.ru

The author of the article considers and analyzes certain elements of evidence gathering such as search, detection, fixation and preservation. The directions of efficiency for increasing in proofs collecting are offered such as the process optimization in collecting of proofs during production of investigatory actions; improvement of criminality ensuring process in evidence collecting; improvement of the regulation at the introduction in proofing the proofs received from the subjects of criminal legal proceedings; legislative permission of the proofs collecting by the expert during examination; improvement of obtaining evidence from the bodies of foreign criminal justice as rendering of legal helping on criminal cases.

Key words: evidence collecting, search for evidence, detection, fixing and saving; ways of proofs collecting, collecting of evidence by the inspector, investigator and other participants of criminal legal proceedings.

SOME ASPECTS OF FORENSIC BIOLOGY

E.P. Ischenko, A.A. Morozov

Evgeniy Petrovich Ischenko is Doctor of Science (Law), Professor, Head Department of Criminology at Kutafin Moscow State Law Academy.

Aleksandr Aleksandrovich Morozov is Leading Expert of Criminological Expertise Department of the Regional Division of Russian Federal Drug Control Service (Magadan).

E-mail: kriminalistimsal@list.ru

The paper discusses some problems related to studies of biological objects of criminalistic importance. Taking into account legal literature reviews and criminal case studies the authors conclude that the term ‘traces’ does not only have a traditional meaning as in ‘traces of human feet’, but also stands for other objects of biological nature, which are widely used in producing evidence. The undertaken studies substantiate the necessity of developing criminalistic bioscopy, a distinct criminalistic theory, which combines various human sciences into an integrated system of knowledge. The structure of criminalistic bioscopy is proposed to consist of two sections: a general one and a special one. A general section includes key terminology, data on types and information potential of biological objects, their classification, methods and tools of object detection, fixation, removal and examination. A special section is described as a system of theories of a lower level with specific tasks to summarize knowledge of particular classes, types and sorts of various biological objects.

Key words: forensic biology, biological objects, criminological bioscopy, research, information, evidence, traces.

CRIMINOLOGICAL RESEARCH METHODS OF INVESTIGATING CRIMES RELATED TO TECHNOGENIC SOURCES OF INCREASED DANGER

V.D. Korma

Vasiliy Dmitrievich Korma is Doctor of Science (Law), Professor, Professor of Department of Criminology at Kutafin Moscow State Law Academy.

E-mail: v.d.korma@gmail.com

The paper focuses on the necessity of developing criminalistic techniques to investigate crimes, related to technogenic sources of increased danger as a specific group of forensically similar types of crime. This is extremely important for increasing the quality of special techniques, applied to solve crimes of particular sub-groups and types. The author substantiates the necessity and valid possibility to unite the existing special techniques into an integrated block, which is defined as a criminalistic theory on technogenic sources of increased danger. It allowed the author to focus on one field, which combines numerous objects and substances. In case of

deliberate or inadvertent crime these objects cause potentially high risks of harmful effects on human life, health and material environment and moral and psychological trauma for the society. To reveal specific criminalistic characteristics of the crimes, related to technogenic sources of increased danger, forensically similar kinds of crime were divided into groups and criminal legal types. In spite of the variety of criminal legal characteristics and classification of crimes, related to technogenic objects, such crimes form a relatively separate class of forensically similar crimes.

Key words: definition and classification of technogenic sources of increased danger, specific criminalistic characteristics of crimes, related to technogenic objects, main typical cases of technogenic crime investigations.

INITIAL STAGE OF INVESTIGATING THEFT COMMITTED DURING CAPITAL RAILROAD CONSTRUCTION

N.E. Meretskiy

Nikolay Evgenjevich Meretskiy is Doctor of Science (Law), Professor, Head of Department of Criminal and Legal Studies at Far Eastern State Transportation University, Honored Jurist of Russia.

E-mail: kaf_ugpd@festu.khv.ru

The paper studies several problems of detection and investigation of theft, committed during capital constructions of railroads. As a rule, these crimes are protracted in time, possess a complex (network) character and are committed by groups of criminals, who have profound professional knowledge. Such criminal groups are well-organized, stable and united. The group leader works out secure methods of preparation, execution and coverage of theft committed at railroad capital construction.

Usually, the sequence of criminal actions varies and crime preparation methods may simultaneously serve stealage execution and covering up. At first, the criminals create pay-roll fund reserves and later on produce false documents, used to receive and misappropriate money and material values. An opposite variant is also possible, i.e. misappropriating money and material values and covering it up by means of false documents.

Financial resources are accumulated by increasing the actual scope and cost of construction in its design and estimate documentation. It may be direct, i.e. increasing the scope of non-transparent works (earthworks, grading, construction support, etc.) or more clouded, e.g. with intended complications of work conditions and increase of labor content (a larger manual labor input, incorrect indication of soil category such as ‘clay with gravel’ instead of ‘sand’, etc.).

The rates of construction overheads are sometimes increased and various appreciation coefficients are used for expenditure estimations, e.g. more expensive materials are stated.

Various criminalistic alternatives are used to prove the above mentioned cases. However, it should be kept in mind that the circumstances, described in Article 73, RF Code of Criminal Procedure should be proved at every criminal case, including stealage committed during capital constructions of the railroads.

Key words: theft, railways, construction, design and estimate documentation, latency, situation, covering up, criminal participant, deficiency, criminal intent, motive, investigation.

THE NEED FOR LEGISLATIVE REGULATION AND REFORM OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AS REGARDS INJURIES INFLICTED WHEN PERFORMING A SPECIAL MISSION

S.V. Parkhomenko
E.V. Radchenko

Svetlana Valerjevna Parkhomenko is Doctor of Science (Law), Professor, Director of Irkutsk Law Institute (Branch) of the Academy of the Prosecutor General’s Office of the Russian Federation.

E-mail: psvet@mail.ru

Ekaterina Vladimirovna Radchenko is Postgraduate Student of the Chair of Criminal Law, Baikal State University of Economics and Law.

E-mail: rad-e.v@mail.ru

The authors, taking into account the negative trends of the criminal situation in Russia, expressed in particular in the fact that modern crime is becoming more professional and organized, gets hidden and conspiratorial form, the question of the possibility of regulation of the Criminal Code of Russia injury in the performance of special mission of law enforcement. It is noted that the question of the need to assess criminal injury when performing specific mission under-researched in the Russian doctrine of criminal law and has no unique solution. Based on an analysis of existing laws and regulations in Russia, foreign legislation and doctrinal sources, the authors come to the opinion of the need to consolidate the "performance of a special mission" as circumstance excluding criminality of act. At the same time identified the main criteria for the possible validity of injury when performing specific mission and outlines the parameters of the relevant legislative construction.

Key words: combating crime, circumstance excluding criminality of act, special mission.

THE PROBLEMS OF CRIMINAL LAW POLICY OF CRIME PREVENTION IN RUSSIA

L.I. Romanova

Larisa Ivanovna Romanova is Doctor of Science (Law), Professor, Chief of the Center for Drug and Destructive Abuse Prevention, Far Eastern Federal University.

E-mail: prevention.dvfu@mail.ru, romanova@ext.dvgu.ru

It is especially underlined in the article that problems of a criminal and legal policy of struggle against crime were relevant during all the epochs of the Soviet, Post-Soviet and modern Russian state evolution, belonged to very complicated and stubborn, differed heightened interest of scientists and experts. The national policy of struggle against crime was not always be consistent and system. The assessment of a current criminal policy state in the Russia is given; its characteristic and the main problems which are subject for a decision were shown. There offers in improvement of criminal policy in the sphere of struggle against crime at the present stage of the Russian state are stated.

Key words: criminal and legal policy, the criminal law, the Russian criminal reality, the power, corruption, lobbying of laws, the crime characteristic, criminological examination, national policy in the sphere of struggle against crime, offers in improvement.

PHILOSOPHICAL AND LEGAL BASIS OF CRIMINAL POLICY IN RUSSIA AND JAPAN (A COMPARATIVE STUDY)

A.V. Turkulets
S.E. Turkulets

Alexey Vladimirovich Turkulets is Doctor of Philosophy, Professor of the Chair of Humanities, Law Faculty at Khabarovsk State Academy of Economics and Law.

Svetlana Evgenjevna Turkulets is Candidate of Social Sciences, Associate Professor of the Chair of Criminal and Legal Studies at Far Eastern State Transportation University.

E-mail: turswet@rambler.ru

The reference to philosophical grounds presupposes the analysis of certain theoretical provisions on the meaning, fundamental principles, main categories, basic values in the particular sphere, which is the object of philosophic reflection. Philosophy has gained wide experience in such kind of intellectual creations. Using its enormous arsenal of forms and methods of cognitive work, Philosophy undertakes investigations of fundamental and vital problems of human existence. Historical evolution of Philosophy as a specific type of intellectual self-development is not aimed at solving or ‘getting rid of’ these problems, but shows constant pursuits to critically rethink the content of fundamental aspects of human existence and to search new conceptual horizons of the existence.

The paper focuses on criminal policy as a specific manifestation of the process of social management of certain human relations. Such relations imply negative social intercourses, various forms of deviant activities and destructive community life.

The philosophical interpretation of the term ‘criminal policy’ significantly differs from its legal interpretation, which narrows this activity to exclusively applied aspects of crime prevention and control, performed by special authorized bodies. The philosophical meaning of the analyzed term widens the horizons of knowledge on the essence of crime, its ontological causes and existence conditions, as well as general world-view principles, which government authorities and civil society institutions should follow to implement criminal policy.

The paper attempts a comparative analysis of philosophical grounds and implementation specifics of criminal policy in Russia and Japan.

Key words: criminal policy, law, philosophy of law, ontology, axiology, legal culture, legal awareness, values, criminality, prevention.

CRIMINAL INVESTIGATION AND INVESTIGATOR

D.A. Turchin

Dmitriy Afanasjevich Turchin is Doctor of Science (Law), Professor, Professor of the Chair of Public Justice, Procuracy Supervision and Criminalistics, Law School at Far Eastern Federal University, Honored Jurist of Russia and Honored Educator of the Russian Federation Higher Education.

E-mail: crim@chair.dvgu.ru

The paper briefly discusses criminal investigation and investigator performance as two inseparable components of criminal proceedings.

The discussion is focused on the strict adherence to the rule of law as the most essential aspect of investigation in criminal proceedings. Investigation is carried out by a particular person, who acts as a government representative. The investigator personality and his personal features are discussed in more detail regarding crime detection and case solution. That is why this topic has recently become the center of attention of criminal law scientists. The research eventually is focused on psychological and business qualities of investigator personality. Various opinions of Russian criminal law scientists on this topic are presented.

Key words: investigation, investigating officer, criminal proceedings, investigator personality, psychological characteristics.

SPECIFIC DATA CONTENTS PERTAINING TO BRIEF CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF MONEY FORGERY (COUNTERFEITING OF MONEY)

N.G. Shuroukhnov

Nickolay Grigorjevich Shurukhnov is Doctor of Science (Law), Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Special Sciences, Moscow University for the Humanities.

E-mail: matros49@mail.ru

The paper discusses the content of specific data, which compose criminalistic characteristics of counterfeiting (in the RF Criminal Code the term ‘counterfeiting’ is not used. Article 186, RF CC is called “Adulteration of money or securities”). Historically this type of crime appeared together with money invention. The author presents statistics of various agencies (the Main Information and Analytical Center and the Organization Planning Department of the Ministry of Internal Affairs and the Central Bank of Russia) on counterfeiting (adulteration of banknotes of the Central Bank of Russia and foreign countries) in the Russian Federation. For instance, 44108, 59805, 46272, 40672, 45251, 38572, 26948 cases of counterfeiting were registered in 2005, 2006, 2007, 2008, 2009, 2010 and 2011 respectively. According to 2010 data 128700 forged banknotes of the Central Bank of Russia and 4149 currency units of foreign countries were found. In 2011 these figures were 94567 and 3423, respectively. Moreover, a great number of cases are of latent character. The detection of counterfeiting is only 10 to 36 %. Considering present-day factors this type of crime has got the status of organized transnational criminal activities. Most often counterfeiting goes together with drug dealing, arms trade, human trafficking and international terrorism, which make this negative phenomenon an especially dangerous crime.

The paper also provides brief characteristics of counterfeiting, including information on the target of criminal offence; crime execution and covering up; adulteration of banknotes; its causes and conditions; counterfeiter personality. The presented statistics confirms the described facts.

Key words: counterfeiting, criminalistic characteristics, banknotes, transnational crime.

COMPREHENSIVE STUDY AS A FORM OF EXPERT'S EXPERTISE UTILIZATION

V.V. Yarovenko
D.A. Turchin

Dmitriy Afanasjevich Turchin is Doctor of Science (Law), Professor, Professor of the Chair of Public Justice, Procuracy Supervision and Criminalistics, Law School at Far Eastern Federal University, Honored Jurist of Russia and Honored Educator of the Russian Federation Higher Education.

Vasiliy Vasilievich Yarovenko is Doctor of Science (Law), Professor, Head of Department of Public Justice, Procuracy Supervision and Criminalistics, Law School at Far Eastern Federal University, Honored Jurist of Russia and Honored Educator of the Russian Federation Higher Education.

E-mail: crim@chair.dvgu.ru

In the article on the basis of the analysis of legislation and theoretical problems of due diligence it has been found that due diligence is often not the Commission of experts, as required by art. 201 of the Code of Criminal Procedure, and one expert who has training in different branches of knowledge or of homogeneous production entitled examinations. Important for due diligence is the decision of the experts, on the basis of previous research, the joint solution of one or more issues. If this does not happen, the study, consisting of a set of several findings of experts from different branches of knowledge, is a comprehensive study. An example of an integrated examination of the integration of knowledge of several experts is the psychological and psychiatric.

The article expresses the authors' position in relation to the medical-forensic examinations, which, according to the instructions of its production, are called the comprehensive examination. At present, taking into account the actions of the Church. 201 of the Code of Criminal Procedure, art. 23 FZ State forensic activities in the Russian Federation, as well as the existing practice of medical forensic examination belongs to a class of forensic research material by experts-physicians who have received relevant specialization in Criminology. This assessment is an example of a comprehensive study of one object one expert with knowledge in forensic medicine and criminalistics, which corresponds to the position of the plenum of the Supreme Court of the Russian Federation: "If an expert has sufficient knowledge to conduct complex research, he has the right to give a conclusion re the questions analyzed".

Key words: criminology, complex expertise, complex examination, integration of knowledge, object of investigation, resolution, experts.

SALIENT FEATURES OF CRIMINAL CASES AGAINST JUDGES, JURORS AND ARBITRARION COURT ACCESSORS REPORTED DURING ADMINISTRATION OF JUSTICE

D.V. Alyokhin

Dmitry Vladimirovich Alyokhin is Candidate of Science (Law), Associate Professor of Department of Criminal Law Disciplines at Far Eastern State Transportation University.

E-mail: dial@mail.ru

Judges, juries & arbitration assessors play an important role in the implementation of tasks of law enforcement and protection of human rights. The given situation results in the fact that the mentioned officials may suffer from the pressure of interested persons in different ways. On the one hand, the introduced in the Criminal-Procedural Code of the Russian Federation (henceforth – the CPC of the RF) law institute, which regulates issues of criminal proceedings in respect of certain categories of persons, pursued the purpose to protect them from unreasonable charges and restrictions of rights & freedoms by providing additional guarantees for realization of their rights. On the other hand, the annual increase in the amount of prosecuting persons, who have special legal status, as well as their specific legal position & presence of disproportionate benefits, making difficult the achievement of the objectives of criminal process provided by the article 6 of the CPC of the RF.

More effective fight against crimes, committed by judges, juries & arbitration assessors is impossible without scientific improvement of criminal procedure. Moreover, priority should be given to the initial stage − the criminal case, which created positive conditions for the most favorable process of crime investigation. The result of the preliminary investigation & judicial perspective of the criminal case depend on the reaction to the information, indicating signs of crime, the comprehensive inspection of this information, the timeliness of criminal proceedings. The fulfillment of this task is impossible without a comprehensive knowledge of the relevant procedural characteristics of the criminal case against one category of persons, & the originality of their impact on the legal processes of the initial stage of criminal proceedings.

Key words: immunity, special legal status, judge, jury and arbitration assessors, criminal proceedings.

ASPECTS OF CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF CRIMES IN THE SPHERE OF CURRENCY TURNOVER

O.N. Vassilieva

Oksana Nikolaevna Vassilieva is Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor of Department of Civil Law at Moscow State University of Engineering and Computer Sciences.

E-mail: vasilieva_on@mail.ru

In article is considered criminological characteristic of crimes in the sphere of the turnover of currency values.

It is noted that crimes connected with illicit trafficking of currency values, are among socially dangerous acts having negative effect not only to stability of economic activity of the state, but also cause an essential damage to economic safety of Russia. Their character feature is high level of latence. Objective and subjective factors latence are disclosed influencing on reasons of latence, on reasons and conditions of spreading of criminality in the sphere of a turnover of currency values.

Made an inference that criminality in the sphere of a turnover of currency values depends not only on the social reasons and conditions, but also it self generates new offenses, that is there is a process of its self-determination which has four forms of manifestation. First form: the committed and unsolved crime connected with illicit trafficking of currency values, quite often generates another, including similar illegal act. The second form is expressed that commission of other adjacent crimes involves commission of the crimes encroaching on a turnover of currency values. The third form is connected with organized criminality which left on new qualitative level. In most cases organized groups independently supervise activity of subjects of economy and are one of the major factors, making negative impact on a criminal situation in the sphere of a turnover of currency values. The fourth form is shown, in particular, through population psychology. Due to the high latence of all-criminal crime in whole and studied crimes there is a special psychological condition of admissibility, solving of criminal acts.

This article contains data concerning to structure and dynamics of crime in the sphere of a turnover of currency values. The characteristic of the identity of the criminal is disclosed committing illegal acts in the sphere of a turnover of currency values.

Key words: a turnover of currency values, criminological characteristic of crimes, identity of the criminal, reasons and conditions of commission of the crimes.

CLASSIFICATION OF EVIDENCE OF CRIMINAL ACTIVITIES INFRINGING UPON FREEDOM OF PERSONALITY

A.N. Kalyuzhny

Alexandr Nikolaevich Kalyuzhny is Candidate of Science (Law), Associate Professor of Department of Constitutional and Administrative Law at Russian Academy of Federal Protective Service.

E-mail: matros49@mail.ru

This article analyzes the necessity of reflection patterns of criminal activity in the objects of the material world and the minds of people for effective detection and investigation of criminal offenses to personal freedom. The author points out that the traces of unlawful activities provide information about the person's offenders, their physical and psychological characteristics, skills, crime, guns and vehicles used by criminals and other circumstances relevant to the case in this connection; hence, it is necessary to classify them.

Based on the research subject, features and display signs of criminal attacks aimed at freedom of the individual items in the objective reality and the minds of men, the author believes it possible for these offenses fall into two groups, combining the assault, with traces of criminal activities, similar on a number of grounds: a) the offense leaving minimal traces of criminal activities (kidnapping, unlawful confinement and unlawful placement in a psychiatric facility and b) the offense giving rise to a large number of traces of crime (offenses, providing for penalties for trafficking and the use of slave labor).

Analysis of the mechanism of trace formation of the crimes in question allows all material traces of the perpetrators of illegal activities that infringe on personal freedom to be classified into groups: a) evidence of the involvement of victims in criminal activity and b) coercing the participation of victims in criminal designs, which are characteristic of all criminal acts presented in the analyzed category.

At the same time, a group of the crimes that generate a significant amount of traces of criminal activities, has the following characteristic features: c) traces a set of consumers finding of advertised services, and d) traces of exploitation of victims.

The author analyzes the patterns show signs of illegal activity in each of these groups and makes a general conclusion.

Key words: traces, crime classification, freedom, personality.

PROBLEMS RELATED TO DEVELOPMENT OF ONLINE COURT PROCEEDINGS IN RUSSIA

I.V. Lazareva

Inna Vladimirovna Lazareva is Candidate of Science (Law), Judge of Arbitration Court (Arbitrator).

E-mail: Lazareva_iv@mail.ru

The author addresses the issues related to the development of online court proceedings in Russia. The normative foundations, major objectives and goals of online law administration are being considered. It would appear that online court proceedings develop most dynamically in the system of arbitration courts of Russia. The author analyzes amendments introduced into the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation adopted 27.07.2010 (№ 228-ФЗ) which authorize new forms of court proceedings (online claims, videoconferencing, and different principle of court notification); issues related to the application of novel forms of arbitration process are being examined. Certain relevant solutions to practical problems are offered.

Key words: precept of online court proceedings, informatization of courts, changes in legislation, online claims, videoconferencing, court notifications, digital (electronic) evidence.

CRIMINAL POLICY AS A COMPONENT OF STATE POLICY AS REGARDS CRIME PREVENTION

A.A. Mamoshin

Anatoliy Aleksandrovich Mamoshin is Candidate of Science (Law), Associate Professor of Department of Criminal and Legal Studies at Far Eastern State Transportation University.

E-mail: kaf_ugpd@festu.khv.ru

Crime control enforcement and improvement at the present development stage of a democratic and law-governed country is one of the most important and critical tasks to be solved by legal sciences, law-enforcement community and nation as a whole. Nevertheless, positive results cannot be achieved without finding qualitatively new solutions for problems of crime decrease and minimization. The solution to such problems directly depends on criminal policy pursued by the state.

A steady improvement of legal measures to control crime characterizes the modern state of criminal policy. However, the efficiency of these measures depends much not only on the present-day state of criminal legislature and its content as corresponding with the needs of a criminal legal practice, on the political and economic stability in the country, but also on the modern definition of the term ‘criminal policy’ itself.

The criminal legal practice of the Soviet time, and later periods as well, paid much attention to these matters. Still, up to now, no complex analysis of the essence and content of criminal policy has been undertaken in order to define its modern development stage as a specific function of the state to realize and improve law-making activities in the sphere of crime control.

No doubt, considering the latest amendments to criminal legislature, these issues need thorough studies.

The objective of this paper is, within the framework of a complex analysis of the essence and content of present-day criminal policy, to produce contracted, precise and laconic definitions of criminal policy provisions, its terminology as revealing criminal policy content as a state activity to control crime.

Key words: policy, criminal policy, regime of law, justice and legal sciences, policy tools, policy structure, area of state activity.

TAX VIOLATION. ISSUES OF EVIDENCE IN LAW ENFORCEMENT (TAX ADMINISTRATION)

N.A. Meretskaya

Meretskaya Natalia Alexandrovna is Candidate of Science (Law), Associate Professor of Department of Criminal and Legal Studies at Far Eastern State Transportation University.

E-mail: kaf_ugpd@festu.khv.ru

The paper discusses issues of essential elements of tax violation. The author analyzes an object, a subject, objective and subjective aspects of tax violation and distinguishes their specifics. The author also provides definitions of tax violation regarded as one of the types of social deviations and its legal essence, described in the RF Tax Code and other laws and regulations.

Tax administration is a specific form of law enforcement, based on collection, evaluation and production of evidence. Decisions and acts of tax inspection (law enforcement act) are the main forms for evidence analysis and validation.

The fact to be proven is the essence of tax violation, primarily an objective aspect, i.e. an unlawful act, which is found and proven by the tax authority with an inspection act and decision of this tax authority.

An unlawful act may be active, e.g. deliberate statements of false facts in the tax declaration, balance sheet offences like falsification or destruction of primary documents. Besides, it may have a passive form like failing to submit a tax declaration within a statutory period, withholding information about accounts open in credit institutions, ignoring taxation authorities' requests for information (data).

The author discusses particular types of evidence, primarily accounting documents.

Key words: taxes, legal relation, culpability, tax legislation, penality, object, subject, objective and subjective aspects, responsibility, corpus delicti.

SOME ASPECTS OF COUNTERACTION TO INVESTIGATION OF CRIMES

M.M. Milovanova

Marina Mikhailovna Milovanova is Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor of Department of Criminology at Kutafin Moscow State Law Academy.

E-mail: milovanova_marin@mail.ru

The article recounts a problem of counteraction to investigation of crimes which has been of particular interest for the scientific community for the last twenty years. It is noted that of late this phenomenon has become even more widespread, and its contents and forms are rather versatile.

So long as in jurisprudence and law-enforcement practice there is a various understanding of the term "counteraction" in article from the different points of view is disclosed essential content of this term, opinions of scientists are analyzed. Counteraction to clearance and investigation of crimes in the most general view is understood as the activity representative system of illegal purposeful actions, oriented to arrangement of conditions and the circumstances preventing to restoration of an objective picture of a criminal event and administer justice, realized by participants of criminal legal proceedings and other interested persons.

It is noted that various ways and forms of counteraction to investigation of crimes correspond to concrete types of crimes which are shown in the individual actions, having by the purpose concealment of the illegal act, being realized in the form of the separate acts directed on falsification, concealment, masking or destruction of traces of crime, information or its carriers.

Reasonings are studied concerning forms and ways of counteraction to investigation of crimes. Are exposed to analysis internal counteraction which is rendered by persons involved in any form to investigation of crimes: the suspects. accused, witnesses, victims, experts and specialists, the casual persons which have appeared on a crime scene, etc. and external counteraction which includes counteracting activity of persons, or connected with the investigator procedural, office or other imperious relations or dependences.

Besides, in article separate ways of overcoming of counteraction to investigation of crimes are considered.

Key words: crime, counteraction to investigation of crimes, forms of counteraction to investigation of crimes, subjects of counteraction, overcoming of counteraction to investigation of crimes are considered.

THE ISSUE OF VICTIM'S INVOLVEMENT IN THE ADMINISTRATION OF CRIMINAL JUSTICE

S.A. Sinenko

Sergey Andreevich Sinenko is Candidate of Science (Law), Associate Professor, Head of Vladivostok Branch of Far Eastern Law Institute of Ministry of Internal Affairs of Russia.

E-mail: sergei.sinenko@mail.ru

This study investigates the procedure for declaring a person the victim (aggrieved person) in a criminal case, by virtue of which such person is conferred with the status provided under the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in order to protect his or her rights and legitimate interests prejudiced by the relevant offence. It is concluded that the existing procedure is far from being perfect and restricts the victim's access to justice guaranteed under the RF Constitution. Our analysis of the criminal procedure statutes, criminal legislation and other regulatory enactments, as well as of the statuses of other persons involved in a criminal proceeding finds that the person who has suffered a criminal injury, becomes practically at once entitled, as may be provided by law, to protect his or her rights and interests, which entitlement should also be acquired on the legal basis. This study states and establishes our opinion that law construction should only focus on the first sentence in the RF CCR, Chapter 1, Art. 42. Such approach to a fully legitimate intervention of the aggrieved person in the administration of criminal justice would make it possible for the victim to partially equilibrate his or her legal status to the statuses of the proceeding participants referred to by the legislator as the defense team, and therefore the victim would become able to ensure the protection of his or her rights and interests more efficiently and at an earlier stage. It is concluded that the victim must take an active participation in to the criminal justice process prior to the institution of a criminal case as well. There is no information proving the occurrence of any adverse effect due to conferring an adequate criminal procedure status to the victim immediately, for example, after the victim has filed his or her statement with the law enforcement agencies, while a delay in such conferment of the status might affect the victim's prospects for the attempts to protect his or her rights and interests.

Key word: victim, status of the victim, statement of an offence, stage of the institution of a criminal case, protection of rights and interests, adversarial system, time of the perpetration of a wrongful act, order to declare as the victim, parties to a criminal proceeding, private-charge case, access to justice.

REFORM OF ELECTORAL SYSTEMS: CONSTITUTIONAL DIALOGUE

I.M. Filyanina

Irina Mikhailovna Filyanina is Candidate of Social Sciences, Associate Professor, Head of Department of Civil, Business and Transport Law at Far Eastern State Transportation University.

E-mail: imfilyanina@festu.khv.ru

The author addresses the issue of the reform of electoral systems viewed from the premise of the inextricable link existing between an electoral system and the foundations of constitutional structure. The author examines the possibility of introducing certain legal institutions characteristic of foreign legislature into Russian legal system. Electoral systems are viewed qua mechanism capable of implementing public representatives. Merits and demerits of proportional electoral systems are analyzed since it is precisely this variety that facilitates forming the Lower House of the Russian Parliament – that is, the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. It is claimed that the implementation of proportional electoral system at early stages of democracy leads to instability of party system whilst a majoritarian electoral system is capable of maintaining stable and steady connection between voters and candidates. The author offers certain recommendations re perfecting and improvement of constitutional and legal regulation of electoral system when electing deputies of the State Duma of the Russian Federation Federal Assembly. The author offers an analysis of peculiarities which characterized the elections held for the Legislative Duma of the Khabarovsk Krai of the fourth and fifth convocation.

Key words: electoral system, government, law, majoritarian electoral system, proportional electoral system, public representatives, multi-party system, election threshold, preference.

SPECIFIC MEANS AND METHODS OF OVERCOMING VIOLATIONS IN THE SPHERE OF INVESTIGATION OF KIDNAPPING RELATED CRIMES

D.F. Florya

Denis Fedorovich Florya is Candidate of Science (Law), Associate Professor of the Chair of Criminal Investigation DIA, Orlov Law Institute, Russian Ministry of Internal Affairs.

E-mail: matros49@mail.ru

The paper discusses activities of overcoming counteractions to the investigation of kidnapping related crimes based on complex use of tools and methods available to crime detection and investigation subjects.

The paper also describes counteraction neutralizing tools and methods, developed in criminalistics and criminal investigation theory and applied in investigation practice. Usually, crime investigations require not only one, but several counteraction neutralizing techniques, forming a complex.

The description includes modern tools and methods, used to detect, prevent and neutralize counteractions to the investigation of crimes, which violate personal freedom.

The author reveals the organization and perpetration of kidnapping, human trafficking and slave labor employment. It is stressed that only the consolidation of efforts of many people, sufficient capital investments and support of government officials will help control present-day crimes related to the violation of personal freedom.

In this context the author examines activities which are meant to overcome counteractions of organized criminal groups to crime detection and investigation. Such activities present considerable difficulties due to counteraction specifics, sinuous methods and its group character.

Effective detection and investigation of such kind of crimes often depend on new information, little-known in Russia, such as new routes of human trafficking or methods of covering them up, and are impossible without information exchange through the channels of the international law-enforcement network and operational cooperation with legal agencies of foreign countries.

Key words: organized crime, overcoming counteractions to investigation, complex use of tools and methods, kidnapping, human trafficking.

THE PROBLEM OF CRIMINAL LAW LIABILITY FOR THE ABUSE OF AUTHORITY

T.F. Khoudina

Tatiana Feliksovna Khoudina is Candidate of Science (Law), Leading Researcher of the Branch of the Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs (Far Eastern Federal District), Police Lieutenant Colonel.

E-mail: gelustf@mail.ru

Over the last few years the question of criminal liability of individuals performing the administrative function in the commercial or other organizations contrary to the interests of the latter is urgent both in science and in the investigative and judicial practice. That results from the fact that during the implementation of the authority abuse criminal law the considerable contradictions revealed themselves in its theory and practice. The reasons for such contradictions are connected both with the specific character of the criminal act itself and with the peculiarities of the legal body crime structure under Art. 201 of the Criminal Code of the Russian Federation. Herewith the inconsistency of the investigative and judicial practice is observed.

The current situation points to the particular importance of the subject of this study for the purpose of the effectiveness increase of the enforcement of Art. 201 of the Criminal Code of the Russian Federation. In addition, owing to the general character of the crime body intended for the various possibilities of the authorities used by the administrative staff of the organization contrary to the legal interests of the latter, the research of the criminal liability for the authority abuse is of a special importance in the system of crimes against the interest of service.

The stated circumstance is the evidence of the insufficiently profound theoretical and practical analysis of the criminal law liability for the authority abuse, as well as of the investigation methods. Consequently, the subject of this study is quite urgent and requires comprehensive theoretical analysis. Within the framework of the article we shall analyze the practice of the criminal law liability for the authority abuse, and single out some problematic issues faced by the practical staff in identifying, qualifying and investigating these criminal acts.

Key words: criminal law, crime, authority abuse, commercial and other organizations, administrative functions, investigative and judicial practice, the problem of implementation, the identification, qualification, proof.

PROBLEMS OF THE FAR EAST

WOMEN'S SHARE OF LABOUR FORCE ON THE FAR EASTERN RAILWAY IN THE SECOND HALF OF THE XX-TH AND THE BEGINNING OF THE XXI-ST CENTURIES: HISTORY OF SOCIAL CHANGES

U.V. Ezhelya

Ulyana Vasilievna Ezhelya is Candidate of Science (History), Associate Professor of Department of Theory and History of State and Law at Far Eastern State Transportation University.

E-mail: siavassa@yandex.ru

The author reflects upon various aspects of women's employment in the railway transport industry in the Far East. Female labour in the railway sector is not a typical phenomenon in European countries, but in Russia it is, presumably, historically justified. The author examines the scale and range of women's involvement in industrial and social activities of the Far Eastern Railway, as well as dwells on the reasons for exploiting female labour in harmful and dangerous conditions and its possible consequences. There has been certain dynamics in terms of changes instituted in the sphere of women's labour organization in the recent decades. In order to present a more comprehensive picture of women's labour under modern economic conditions the author has collected statistical data on organization and standarts of women's labour on railways of Western Europe and North America.

The research is based on the archive documents; most of the given documents have never been published or subjected to research before. Legislative documents (regulations, government decrees) concerning women's health and occupational safety have also been drawn up.

Key words: women's labour, railway, transport, railway, enterprise, front-rank workers, working jobs, occupational safety, working conditions, labour competition, social policy.

CHINA AND WEST: ATTITUDE TOWARDS NATURE AS A PHILOSOPHICAL PROBLEM

E.A. Kormochi

Elena Aleksandrovna Kormochi is Candidate of Science (Philosophy), Dean of Faculty of Philology, Associate Professor of Department of Philosophy and Cultural Studies at Vitus Bering Kamchatka State University.

E-mail: kormochi@mail.ru

The author of the article posits that in the epoch of globalization and acute identity crisis it is of utmost importance to address the problem of human attitude towards nature in the way it was shaped in Eastern and Western cultures.

Renaissance mentality born within Western civilization is believed to have caused one of the crucial global problems of modernity. Searching for the possible ways of solving the mentioned problem one should consider the principles of the Chinese philosophical tradition (Taoism, Confucianism) which is steeped in the tradition of harmony between nature and society.

Key words: globalization, cultural identity, global problems of modernity, Renaissance mentality, Confucianism, Taoism.

THE ENGLISH LANGUAGE AS MEANS OF INDIRECT RESEARCH AND EXPRESSION OF CHINESE POLITENESS

I.A. Krizhanovskaya

Irina Aleksandrovna Krizhanovskaya is a Lecturer of the Foreign Languages Department at Northeastern State University (Magadan).

E-mail: iak1501@yahoo.com

The author of the article discusses the cultural conceptions of politeness as well as its historical origin. Since it is commonly accepted that the English language as a means of indirect communication is employed internationally on a vast scale nowadays, the author argues that the English language is capable of expressing almost all nuances of Chinese politeness maxims.

Key words: English, Chinese culture, politeness, verbal behaviour / communication.

SOCIAL AND PROFESSIONAL ADAPTATION OF STUDENTS OF FAR EASTERN SECONDARY SPECIAL EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN THE CONDITIONS OF MODERNIZATION OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Yu.V. Potaichuk

Yulia Valentinovna Potaychuk is Post-graduate Student of Far Eastern State Transportation University.

E-mail: yascorp@bk.ru

Modern production and labor market in the domain of railway transport are in need of an entirely new type of worker, i.e. an employee in possession of a high level of social competence, professional adaptation and mobility; therefore the problem of professional growth of railway experts – especially those with secondary special training – is one of the most acute; it is essential to ensure professional progress of the latter, quality and work efficiency in order to guarantee the development of the Far Eastern region. The problems of professional socialization of students within the educational space of the Far Eastern Railroad – the branch of joint stock company 'Russian Railways' – at present are not sufficiently examined, hence, they demand regular monitoring and effective solutions.

In order to study professional socialization processes of future railway transport experts, the author conducted a sociological research in the form of questionnaires (2009–2011). The survey demonstrated that unification of higher education institutions and secondary special educational institutions into a uniform university complex in light of the new paradigm in education has not only certain advantages, but also specific problems which require solutions.

Key words: social and professional adaptation, monitoring of problems of modernization of educational institutions, university complex, educational space of Far East Railroad – Russian Railroad branch of joint-stock company.

CURRENT STATE OF PROFESSIONAL PRESTIGE OF SOCIAL WORKERS AS ASSESSED BY KHABAROVSKY KRAY POPULATION

E.A. Smirnova

Elena Aleksandrovna Smirnova is Post-graduate Student at Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Far Eastern Branch).

E-mail: sea@yandex.ru

The article raises questions of prestige of "social work" as a profession. A sociological survey has been carried out which resulted in the following: confirmation of the basic opinions re profession of the social worker characteristic of the Khabarovsky krai population as well as the clarification of the population's level of awareness of the activities sustained by the establishments which form the system of social security institutions; the reasons why people fail to contact social services are analyzed. The author ponders on the level of competence typical of social work experts.

Key words: social work, prestige, professional prestige, image, professionalism, professional competence, social role, awareness of the population, status, stereotype, dynamics of prestige.

LANGUAGE POLICY AND FOREIGN LANGUAGE EDUCATION IN THE RUSSIAN FAR EAST AND PACIFIC RIM COUNTRIES

N.I. Serkova

Nelli Isidorovna Serkova is Doctor of Philology, Professor, Professor of English Philology Chair at Far Eastern State University of Humanities (Khabarovsk).

E-mail: serkovanelli@gmail.com

This paper reports on a comparative study of current foreign language education policy in the Russian Far East and Japan. The results suggest that as both Russia and Japan find themselves in a similar situation of global changes – the growing interdependence of economies in the ethnically diverse and multilingual world – they face similar problems, such as increase of effectiveness in training professionals competitive on the world arena and internationalization of education. In these new circumstances the need to consider foreign language education as a basic element of the modern model of education has become imperative as a foreign language is the most immediate tool of including the learner into the multilingual world. A modern methodology suggested is that foreign language instruction be based on a theoretical model of informed use of language, i.e. on a complex of methods aimed to create a new generation of linguistically and culturally aware foreign-language learners.

English is number one foreign language both in the Far East of Russia and in Japan. There are about one billion users of English in the world; the number of fluent users in Asia is estimated at 350 million; English is the working language of ASEAN, the epicentre of integration in South East Asia.

The world-wide growth of the English language is a matter of debate whether it means “linguistic imperialism” (R. Phillipson) or an increase of functional varieties in the English language generated by its spread in the world (D. Crystal). Our study of the real language situation in the Pacific Rim confirms that at present, English plays the role of an auxiliary language capable of ensuring inclusion into the multilingual world because: 1) no artificial language invented specifically for use in cross-cultural communication has been invariably applied as a real alternative tool to the English language; 2) communication in national languages through an interpreter / translator is limited to certain spheres and situations due to its labour-consuming nature and high cost; 3) starting with the 50s of the XXth century, English has given way to many new varieties adopted for certain purposes and functions in different localities and regions of the world and intelligible among those who use them for communication (they may be pidgin-like or colloquial forms, as well as educated forms of International / World English kind).

Key words: the Russian Far East, the Pacific Rim, Japan, comparative study, language policy, internationalization of education, foreign language education, cross-cultural communication, linguistically and culturally aware foreign-language learner, auxiliary language, language imperialism, the Far Eastern English Language Teachers Association (FEELTA).

ENROLMENT AND ADAPTATION OF FOREIGN STUDENTS AT UNIVERSITIES IN REPUBLIC OF KOREA

D.A. Sokolova

Dariya Andreevna Sokolova is Postgraduate Student at Far Eastern Federal University.

E-mail: selivanova_d@mail.ru

In the context of globalization and increase in academic mobility it is of particular importance to analyze the cases of enrolment of foreign students at universities in the Republic of Korea, the country which holds an influential position in the domain of educational programs. In order to study the processes of socio-cultural adaptation the author conducted a sociological research in the form of questionnaire / survey of foreign students attending classes in the International SolBridge School at Woosong University. The survey demonstrated that the adaptation process of the foreign students within the socio-cultural environment of the Republic of Korea is being carried out fairly successfully.

Key words: foreign students, socio-cultural adaptation, Republic of Korea.

VIETNAMESE LOAN-WORDS IN ENGLISH: LINGUA-CULTURAL CHARACTERISTICS

O.K. Titova

Olga Konstantinovna Titova is Candidate of Science (Philology), Associate Professor of the Department of Professionally-Oriented Foreign Languages of School of Regional and International Studies at Far Eastern Federal University.

E-mail: rada_yulia@mail.ru

The article offers a description of the lingua-cultural peculiarities of Vietnamese loan-words, adopted by English during linguistic and cultural contacts. It contains relevant information as regards linguistic contacts between Vietnamese and English and the role the English language plays in Vietnam. The study of Vietnamese loan-words has been performed on various linguistic levels of the English language system: phonographical, morphological, and semantic; it focuses on both vocabulary words and those which occur in context. The article also describes the ways in which Vietnamese loan-words are incorporated into English texts about Vietnamese culture and which function in the thematic fields that are of great interest for English language speakers.

Key words: Vietnamese loan-words, borrowing, linguistic and cultural contacts, assimilation, phonographical, morthological, semantic, lingua-cultural field.

YOUTH VALUE POTENTIAL: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES

S.O. Yu

Svetlana Olegovna Yu is Postgraduate Student and Leading Specialist of the Postgraduate Center at Russian Academy of National Economy and Public Service (Far Eastern Branch).

E-mail: svetlana_yu@list.ru

Some theoretical and methodological approaches presented in the given paper shed light upon the essence of youth value potential. The author dwells on the role the state youth policy plays in establishing spiritual and moral values of young people (in Khabarovski Krai).

Key words: youth, value potential, state youth policy.

Authors Guidelines

1.The journal publishes materials which have not been published before.

2. The articles submitted to the editorial board undergo a reviewing procedure.

3. Manuscripts of articles and other materials are to be recommended by the faculties of higher schools, laboratories and other structural divisions of scientific research institutions, research-methodological or academic conferences and seminars. Works by post-graduate students are accepted for publishing with references from their academic adviser.

4. The volume of the article should not exceed 1 publication base (40 000 printable characters). No more than three illustrations, diagrams or schemes can be placed within the article.

5. The following are the requirements for manuscripts submitted to the editorial board.

5.1. The materials submitted to the editorial board must be presented in electronic and in print format (diskettes 3.5» and two copies of the original text (files)). If there are two or more diskettes, their numbers and files should be labeled on the diskettes. The names of files must be specified in the printed copy. The text-based editor is Word. The materials should be signed by the author on the title page near the name of the author.

5.2. The title page of the article must contain the complex of the elements located on the page in the following order. At the top of the page the title of the article is printed in capital letters bold font. Surnames of the authors follow the heading and are printed by lower case letters. No other data is to be specified.

5.3. References should follow the body of the text in alphabetical order, first the sources in Russian language, then the sources in foreign languages. References to the cited sources, and notes should be incorporated in the text of the article, after the quotation in square brackets, with the number from the list of references. Bibliographical description of the source in the list of references is implemented in accordance with the rules of GOST 7.1-2003. Font and line spacing, is the same as in the article.

5.4. Margins: top – 2 cm; bottom – 2 cm; left – 3 cm; right – 1 cm; the size of a paper – A4 (210×297 mm); font «Times New Roman» № 14; line spacing – 1.5.

5.5. Notes and quotations incorporated in the body of the text should be numbered consecutively.

6. Materials without substantiated research support or not corresponding to the rules mentioned higher will not be considered. Manuscripts will not be returned.

7. The following data about the author should be attached to the manuscript: first name, middle name initial, last name, academic degree, academic title, place of employment, postal address, work address, home address, office phone number, home telephone number, fax, e-mail.

8. A short abstract of the article in Russian and English, the title of the article in English and the list of key words (no more than 15) are to be attached.

9. Please address the materials to the following address: 47, Seryshev Str., Khabarovsk, 680021, Far Eastern State Transportation University (FESTU) Editorial board of the journal «The Humanities and Social Studies in the Far East».

E-mail: journal@festu.khv.ru
<mailto:journal@festu.khv.ru>.

Указатель статей, помещённых в журнале «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» за 2012 год

Философия

Кормочи Е.А. Отношение к природе как философская проблема: Запад и Китай 4(36)

Филонов С.В. Даосская концепция жизни 1(33) 86

Социология, политология, право

Алехин Д.В. Особенности возбуждения уголовных дел в отношении судей, присяжных и арбитражных заседателей в период отправления ими правосудия 4(36)

Алёхин Е.В. Проблемы противодействия деятельности экстремистских сообществ в Дальневосточном регионе 1(33) 97

Бахта А.С. 4(36)

Борисова У.С. Особенности этнокультурной идентификации студентов Саха 1(33) 101

Васильева О.Н. К вопросу о криминологической характеристике преступлений в сфере оборота валютных ценностей 4(36)

Волчецкая Т.С. Теоретические проблемы использования метода моделирования в криминалистической науке 4(36)

Гареева И.А. Динамика изменения отношения населения к системе здравоохранения (на примере Хабаровского края) 1(33) 119

Демченко С.Г. Формирование гендерной культуры у студентов как фактор гуманизации образовательной среды аграрного вуза (на материале Дальневосточного государственного аграрного университета) 1(33) 192

Егоров Н.Н. Криминалистические аспекты собирания доказательств 4(36)

Ищенко Е.П., Морозов А.А. К вопросу о судебной биологии 4(36)

Калюжный А.Н. Классификация следов преступной деятельности, посягающей на свободу личности 4(36)

Ким А.С. Методологические конструкции концепции региональной этнической и миграционной политики 3(35) 52

Корма В.Д. О криминалистической методике расследования преступлений, связанных с техногенными источниками повышенной опасности 4(36)

Лазарева И.В. Проблемы развития электронного судопроизводства в России 4(36)

Мамошин А.А. Уголовная политика, как направление государственной деятельности в сфере противодействия преступности 4(36)

Менделев Н.Г. Некоторые проекты социального развития коренных малочисленных народов Севера Дальнего Востока и современная практика их реализации 1(33) 155

Мерецкая Н.А. Налоговое правонарушение. вопросы доказывания в процессе правоприменения (налоговое администрирование) 4(36)

Мерецкий Н.Е. Первоначальный этап расследования хищений, совершаемых при капитальном строительстве железных дорог 4(36)

Милованова М.М. Отдельные аспекты противодействия расследованию преступлений 4(36)

Моисеева Л.А., Печерица В.Ф. Государственная политика создания благоприятного инвестиционного климата на Дальнем Востоке России для делового мира стран АТР 2(34) 197

Пархоменко С.В., Радченко Е.В. О необходимости законодательной регламентации в Уголовном кодексе России причинения вреда при выполнении специального задания 4(36)

Романова Л.И. Проблемы уголовно-правовой политики борьбы с преступностью в России 4(36)

Синенко С.А. К вопросу о вовлечении потерпевшего в уголовно-процессуальное производство 4(36)

Смоляков В.А. Тайваньский вопрос: взаимосвязь внутриполитических и международных процессов 3(35) 70

Сокольская М.В. Динамика личностного здоровья в процессе становления профессионала (на примере профессионалов Дальневосточного региона) 1(33) 173

Туркулец А.В., Туркулец С.Е. Философско-правовые основания уголовной политики России и Японии (сравнительный очерк) 4(36)

Турчин Д.А. Следствие и следователь 4(36)
Флоря Д.Ф. Особенности средств и методов преодоления противодействия расследованию преступлений, связанных с похищением людей 4(36)
Худина Т.Ф. Проблемы применения уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за злоупотребление полномочиями 4(36)
Шабалина Ю.В. Международное сотрудничество в противодействии преступности на Дальнем Востоке как направление уголовной политики Российской Федерации 2(34) 226
Шкуркин А.М. Иммиграционный потенциал российского Дальнего Востока 3(35) 60
Шурухнов Н.Г. Содержание отдельных данных, составляющих краткую криминалистическую характеристику подделки денег (фальшивомонетничества) 4(36)
Ю С.О. Ценностный потенциал молодёжи: теоретико-методологические подходы 4(36)
Яровенко В.В., Турчин Д.А. Комплексное исследование – форма использования специальных знаний эксперта 4(36)

История

Аргудяева Ю.В. Русские крестьяне Приамурья в исследованиях В.К. Арсеньева 2(34) 181
Бучко Н.П. Политические воззрения офицеров антибольшевистских вооружённых формирований в Сибири и на Дальнем Востоке в годы Гражданской войны в России. 1(33) 109
Вакуленко О.Б. Общинное землепользование в амурской деревне начала XX века 1(33) 115
Гинс Г. Свод законов 1(33) 11
Ежеля У.В. Женский сектор труда на Дальневосточной железной дороге во второй половине XX – начале XXI вв.: история социальных перемен. 4(36)
Зипунникова Н.Н. Образовательно-научное пространство Российской империи: идеология, управление, правовое регулирование 1(33) 62
Ковальчук М.А. Правовой статус железных дорог Российской империи (XIX – начала XX вв.) 1(33) 54
Кодан С.В. Свод законов Российской империи в государственно-правовом развитии России (1820-1850-е гг.) 1(33) 42
Козлихин И.Ю. Еврейское право 1(33) 33
Крюков И.В. Деятельность Российского Общества Красного креста по подготовке младших и средних медицинских кадров на Дальнем Востоке РСФСР в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. 1(33) 137
Ляхов Д.А. Модель политического устройства Белого Приморья (май 1921 – июнь 1922 гг.) 1(33) 142
Макуха Н.А. Влияние строительства КВЖД и образования Квантунской области на приграничные российско-китайские отношения в конце XIX – начале XX вв. 1(33) 148
Морозов С.А. Особенности правового положения иностранцев в России в XIX – начале XX вв. 1(33) 68
Новицкая Т.Е. Статус императора в эпоху «дворцовых переворотов» (середина XVIII в.) 1(33) 14
Пичугина Н.А. Развитие молодежного туризма в Хабаровском крае (60–70-е гг. XX в.) 2(34) 204
Романова В.В., Мамаева Т.Г. Благотворительная деятельность российских предпринимателей в Харбине (I пол. XX в.) 1(33) 161
Савченко С.Н. О финансовой и военной помощи союзников дальневосточным атаманам весной-летом 1918 г. 1(33) 167
Сазанкова О.В. Роль Правительствующего Сената Российской Империи как высшего судебного органа в развитии правового регулирования общественных отношений в конце XIX – начале XX вв. 1(33) 72
Сахаровская Л.В. Состояние материально-технической базы в Бурятии по выпуску печатных изданий (1940–1960 гг.) 2(34) 213
Смыкалин А.С. Проблемы взаимоотношений российского государства и русской православной церкви: историко-юридический аспект (1917–1941 гг.) 1(33) 23
Тесельская И.П. Кадры железнодорожников Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны 1(33) 178
Толкачёва Н.В. Характеристика основных периодов российской историографии истории Камчатки (проблемы присоединения, освоения Камчатки и истории её народов) 1(33) 184
Филонов С.В. Исследование даосизма в Китае: достижения и перспективы 3(35) 83
Хридина Н.А. Организационно-правовые основы военного положения в СССР в период Великой Отечественной войны 1(33) 78

Чесноков И.В. Деятельность наместника Его Императорского Величества на Дальнем Востоке в период Русско-Японской войны (1904–1905 гг.) 1(33) 82
Ярзуткина А.А. Взаимоотношение русских торговцев с коренным населением Чукотки во второй половине XIX – начале XX вв.: кредитные отношения 2(34) 231
Психология и педагогика
Анчукова Н. И. Социально-психологические факторы конфликтного поведения медицинского персонала 2(34) 89
Бобышев С.В., Бучек А.А. Этническое самосознание личности в контексте субъектного подхода. 2(34) 187
Воробьёва И.А. Психологическое содержание представлений о тоске 2(34) 160
Воробьёва К.И. Временная транспектива как моделирование жизненного пути 2(34) 23
Воробьёва К.И., Опарина Н.М. Особенности смысловой сферы педагогов высшей школы 2(34) 119
Вязникова Л.Ф. Психологический потенциал антропоориентированного подхода в управлении образовательным учреждением 2(34) 31
Гончаров В.И. Проблема субъективной оценки психодинамических свойств личности 2(34) 177
Давыдов Ю.А., Андреева М.А. Особенности стилевой саморегуляции поведения в деятельности руководителей различных структур 2(34) 100
Дерябина А.С. Семантическое оценивание представлений о времени жизни в гендерном аспекте 2(34) 131
Дикая Л.Г., Наличаева С.А. Самоактуализационный личностный потенциал и профессиональное выгорание педагогов 2(34) 62
Дынькин Б.Е., Пахно И.В. Системная детерминация инновационного потенциала личности 2(34) 45
Звенигородская Г.П. Понимание в контексте образования: феноменологическая оптика 2(34) 26
Иванова Е.М. К проблеме психологической готовности человека к жизни и профессиональной деятельности 2(34) 53
Каширина Л.В., Краева К.В. Субъектные детерминанты совладающего поведения студентов в экзаменационный период 2(34) 106
Лазарева Л.П.., Григорьева Н.Г. Смысловые конфликты в структуре личности и деятельности педагога высшей школы 2(34) 113
Лазарева Л.П., Шамиева В.А. Роль смысловой сферы личности субъекта адаптации в особых условиях жизнедеятельности 2(34) 136
Ларри Э. Смит Мой долг перед АСЕАН как специалиста в области преподавания английского языка (перевод Е.В. Марковой, научно-филологическая редакция проф. З.Г. Прошиной) 3(35) 26
Липская В.М. Личность и костюм: роль конституциональных и психологических типов 2(34) 155
Любицкая О.А. Психологические детерминанты профессионального достоинства личности 2(34) 77
Монсонова А.Р., Комиссарова Л.Г. Самоотношение как фактор развития смысложизненных ориентаций студентов колледжа 2(34) 166
Невструева Т.Х. Проблема идентичности в интегративной модели личностного функционирования 2(34) 18
Невструева Т.Х., Погорская В.А. Ценностные аспекты субъективного благополучия личности 2(34) 149
Никитина Л.И., Леженина А.А. Психологическая культура как фактор успешности профессиональной деятельности разнотипных специалистов 2(34) 84
Образовательная политика Японии в последние годы (перевод О.В. Гречаник, научно-филологическая редакция проф. З.Г. Прошиной) 3(35) 20
Постылякова Ю.В. Роль ценностных ориентаций в развитии деловых качеств успешного руководителя 2(34) 142
Потайчук Ю.В. Социально-профессиональная адаптация студентов ссузов в условиях модернизации институтов образования: проблемы, поиски решений 4(36)
Пронякова С.В. Феномен обмана и детекция лжи 2(34) 172
Прошина З.Г. Глобальность и локальность английского языка в образовательных системах азиатских стран 3(35) 14

Саран Каур Гилл Институционализация промышленности и участие общества в высшем образовании: проблемы и рекомендации из опыта Азии и стран – членов АСЕАН (перевод Е.А. Яшкиной, научно-филологическая редакция проф. З.Г. Прошиной) 3(35) 42
Серкова Н.И. Языковая политика в сфере обучения иностранным языкам на Дальнем Востоке России и в странах Азиатско-Тихоокеанского региона 4(36)
Соболева Т.Н. Формирование интеллектуальных операций профессиональных способностей оператора 2(34) 94
Соколова Д.А. Опыт университетов Республики Корея по привлечению и адаптации иностранных студентов 4(36)
Сокольская М.В. Профессиональная деятельность как фактор личностного здоровья профессионала 2(34) 72
Стрелков Ю.К., Головей Л.А. Гуманитарный подход к изучению личности профессионала 2(34) 11
Терехова Т.А. Метаанализ взаимосвязи инновационного потенциала и социального капитала личности 2(34) 38
Фуад Абдул Хамид Высшее образование в Индонезии: опыт преподавания английского языка как иностранного (перевод Е.А. Яшкиной, научно-филологическая редакция проф. З.Г. Прошиной) 3(35) 35
Худайбердина З.З. Построение педагогической модели адаптированности студентов эвенков и якутов к образовательному процессу дальневосточного технического вуза 2(34) 218
Яницкий М.С., Иванов М.С., Утюганов А.А. Изменение осмысленности прошлого, настоящего и будущего как механизм переживания экстремальных ситуаций 2(34) 124
Филология, культурология
Забияко А.А. Роль архивных маргиналий в текстологической практике исследования литературы дальневосточного зарубежья. 1(33) 124
Иванова К.А. Типы приветствий современного китайского языка. 1(33) 131
Крижановская И.А. Английский язык как средство опосредованного исследования и выражения китайской вежливости 4(36)
Титова О.К. Вьетнамизмы в английском языке: культурно-языковая характеристика 4(36)
Рецензии
Забровская Л.В. Рецензия на монографию Б.И. Ткаченко «Восточная граница между Россией и Китаем в документах и фактах» 1(33) 211
Полемика
Герасименко А.П. Злоключения юриспруденции в России 1(33) 197
Герасименко А.П. Философско-правовой реализм и историко-правовой пессимизм 4(36)
Ковальчук А.М. Ответ пессимисту 1(33) 206

Article Index
«The Humanities and Social Studies in the Far East», 2012

Philosophy
Kormochi E.A. China and West: Attitude Towards Nature as a Philosophical Problem 4(36)
Filonov S.V. The Taoist Concept of Life 1(33) 223
Sociology, Political Science, Law
Alyokhin D.V. Salient Features of Criminal Cases against Judges, Jurors and Arbitration Court Accessors Reported During Administration of Justice 4(36)
Alyokhin E.V. Problems of Counteraction against Criminal Extremism in the Russian Far East 1(33) 223
Bakhta A.S. Providing the Victim with Access to Justice 4(36)
Borisova U.S. Specific Features of the Ethnic-Cultural Identification of Sakha Students 1(33) 223
Demchenko S.G. Formation of Students' Gender Culture as a Factor of Humanization of Educational Environment in Agrarian University (Based on the Example of the Far Eastern State Agrarian University) 1(33) 233
Gareeva I.A. Dynamics of Change of the Attitude of the Population towards the Health-Care System (Based on the Example of Khabarovsk Krai) 1(33) 226

Ischenko E.P., Morozov A.A. Some Aspects of Forensic Biology 4(36)
Kalyuzhny A.N. Classification of Evidence of Criminal Activities Infringing upon Freedom of Personality 4(36)
Kim A.S. Methodological Concepts of Regional Ethnic and Migration Policy (translated by E.V. Krivorouchko) 3(35) 126
Korma V.D. Criminological Research Methods of Investigating Crimes Related to Technogenic Sources of Increased Danger 4(36)
Lazareva I.V. Problems Related to Development of Online Court Proceedings in Russia 4(36)
Mamoshin A.A. Criminal Policy as a Component of State Policy As Regards Crime Prevention 4(36)
Mendelev N.G. Some Projects for the Social Development of the Indigenous Peoples of the Far East and Contemporary Practice in their Realization 1(33) 230
Meretskaya N.A. Tax Violation: Issues of Evidence in Law Enforcement (Tax Administration) 4(36)
Meretskiy N.E. Initial Stage of Investigating Theft Committed During Capital Railroad Construction 4(36)
Milovanova M.M. Some Aspects of Counteraction to Investigation of Crimes 4(36)
Moiseeva L.A., Pecheritsa V.F. The State Policy of Creating a Favorable Innovative Climate for Business of APR Countries in the Russian Far East 2(34) 197
Parkhomenko S.V., Radchenko E.V. The Need for Legislative Regulation and Reform of the Criminal Code of the Russian Federation As Regards Injuries Inflicted When Performing a Special Mission 4(36)
Romanova L.I. The Problems of Criminal Law Policy of Crime Prevention in Russia 4(36)
Sinenko S.A. The Issue of Victim's Involvement in the Administration of Criminal Justice 4(36)
Smirnova E.A. Current State of Professional Prestige of Social Workers as Assessed by Khabarovsk Krai Population 4(36)
Smolyakov V.A. The Taiwan Question: Interconnection of Internal and International Processes (translated by E.K. Karavanova) 3(35) 141
Sokol'skaya M.V. Dynamics of Personal Health in the Process of a Professional's Formation (for Professionals of the Far Eastern Region) 1(33) 231
Turkulets A.V., Turkulets S.E. Philosophical and Legal Basis of Criminal Policy in Russia and Japan (A Comparative Study) 4(36)
Turchin D.A. Criminal Investigation and Investigator 4(36)
Filyanina I.M. Reform of Electoral Systems: Constitutional Dialogue 4(36)
Florya D.F. Specific Means and Methods of Overcoming Violations in the Sphere of Investigation of Kidnapping Related Crimes 4(36)
Khoudina T.F. The Problem of Criminal Law Liability for the Abuse of Authority 4(36)
Shabalina Y.V. International Cooperation in the Opposition to Criminality in the Far East as a Direction of Criminal Policy of the Russian Federation 2(34) 226
Shkurkin A.M. Immigration Potential of the Russian Far East (translated by M.V. Yaschenko) 3(35) 133
Shuroukhnov N.G. Specific Data Contents Pertaining to Brief Criminological Characteristics of Money Forgery (Counterfeiting of Money) 4(36)
Vassilieva O.N. Aspects of Criminological Characteristics of Crimes in the Sphere of Currency Turnover 4(36)
Volchetskaya T.S. Theoretical Issues in Using Modelling Method in Criminology 4(36)
Yarovenko V.V., Turchin D.A. Comprehensive Study as a Form of Expert's Expertise Utilization 4(36)
Yegorov N.N. Criminological Aspects of Evidence Gathering 4(36)
Yu S.O. Youth Value Potential: Theoretical and Methodological Approaches 4(36)
History
Argudiaeva Yu.V. Russian Peasants in Priamurye: V.K. Arsenyev's Studies 2(34) 181

Buchko N.P. The Political Opinions of Anti-Bolshevik Officers in the Armed Forces in Siberia and the Far East during the Civil War in Russia 1(33) 225
Chesnokov I.V. Activities of the Governor-General of His Imperial Majesty in the Far East during the Russo-Japanese War (1904–1905) 1(33) 222
Ezhelya U.V. Women's Share of Labour Force on the Far Eastern Railway in the Second Half of the XXth and the Beginning of the XXIst Centuries: History of Social Changes 4(36)
Filonov S.V. Taoist Studies in China: Achievements and Prospects (translated by T.N. Tagirova) 3(35) 152
Guins G.C. The Code of Laws 1(33) 217
Jarzutkina A.S. Relations between Russian Tradesmen and Chukotka Natives in the Second Half of the 19th – early 20th Centuries: Credit 2(34) 231
Kodan S.V. The Code of Laws of the Russian Empire in the State-Legal Development of Russia (1820-1850) 1(33) 219
Khridina N.A. The Organizational-Legal Foundations for Martial Law in the USSR during the Great Patriotic War (1941-1945) 1(33) 221
Koval'chuk M.A. Legal Status of the Railways of the Russian Empire (19th – beginning of the 20th century) 1(33) 219
Kozlikhin I.Y. Jewish Law 1(33) 218
Krjukov I.V. Activity of the Russian Society of the Red Cross in the Preparation of Junior and Intermediate Medical Staff in the Far East of the RSFSR in the Great Patriotic War (1941–1945) 1(33) 228
Lyakhov D.A. The Model of Political Organization of the White Primorie (May 1921 – June 1922) 1(33) 229
Makuha N.A. The Chinese East Railway and Kwantung Area as Objects of Russin Chinese Border Relations in the Far East in the End of the 19th – Beginning of the 20th Centuries 1(33) 229
Morozov S.A. Specific Features of the Legal Status of Foreigners in Russia in the 19th – beginning of the 20th century 1(33) 220
Novitzkaya T.E. Status of Emperor during the Epoch of the "Palace Reshuffle" (Middle 18th Century) 1(33) 217
Pichugina N.A. Development of the Youth Tourism in the Khabarovsk Krai (1960's – 1970's) 2(34) 204
Romanova V.V., Mamaeva T.G. Charitable Activity of Russian Businessmen in Harbin (the First Half of the 20th Century) 1(33) 230
Saharovskaya L.V. Condition of the Material Base in Buryatya re Release of Print Editions (1940–1960) 2(34) 213
Savchenko S.N. The Financial and Military Aid of the Allies to the Far Eastern Atamans in the Spring-Summer of 1918 1(33) 231
Sazankova O.V. The Role of the Governing Senate of the Russian Empire as the Supreme Judical Body in the Development of Legal Regulation of Public Relations in Late 19th – Early 20th century 1(33) 221
Smykalin A.S. Problems of Relationships between the Russian State and the Russian Orthodox Church: Historical Legal Aspect (1917–1941) 1(33) 218
Tesel'skaya I.P. The Railway Staff in the Far East during the Great Patriotic War (1941–1945) 1(33) 232
Tolkacheva N.V. Characteristics of the Main Periods of Russian Historiography of Kamchatka History (Problems of Incorporation into Russia, Colonization and History of its Peoples) 1(33) 233
Vakulenko O.B. Community Land Management in the Amur Village at the Beginning of the 20th Century 1(33) 226
Zipunnikova N.N. Educational-Scientific Sphere oh the Russian Empire: Ideology, Administration, Legal Regulation 1(33) 220

Psychology, Education

Anchukova N.I. Social and Psychological Factors of Conflict Behavior of Medical Staff 2(34) 254
Bobyshev S.V., Buchek A.A. Ethnic Consciousness of the Person in the Context of Subject Approach 2(34) 187
Goncharov V.I. The Problem of Subjective Assessment of Psychodynamic Personality Features 2(34) 265
Davydov Y.A., Andreeva M.A. Stylistic Differences in Behavioural Self-Regulation of Managers in Different Establishments 2(34) 258
Deryabina A.S. Semantic Evaluation of Representations of Time in Gender Aspect 2(34) 260
Dikaya L.G., Nalichaeva S.A. Self-Actualized Personality Potential and Professional Burning Out of Teachers 2(34) 250
Dynkin B.E., Pakhno I.V. System Determination of Personality Innovation Potential 2(34) 247
Fuad Abdul Hamied Higher Education in Indonesia: A TEFL Case 3(35) 111
Ivanova E.M. The Problem of a Person's Psychological Readiness for Life and Professional Activity 2(34) 249
Japan's Educational Policy in Recent Years 3(35) 100
Kashirina L.V., Kraeva K.V. Subjective Determinants of Students' Coping Behaviour during Examination Period 2(34) 257
Khudaiberdina Z.Z. Construction of Pedagogical Model of Evenk and Yakut Students' Adaptadness to Educational Process at Far Eastern Technical Universities 2(34) 218
Lazareva L.P., Grigoryeva N.G. Semantic Conflicts in the Structure of a Personality and in the Activity of a University Teacher 2(34) 258
Lazareva L.P., Shamieva V.A. The Role of Semantic Sphere of a Personality in the Process of Adaptation in the Special Living Conditions 2(34) 261
Larry E. Smith My Debt to ASEAN as an English Language Educator 3(35) 105
Lipskaya V.M. Person and Costume: the Role of Constitutional and Psychological Types 2(34) 155
Lubitskaya O.A. Psychological Determinants of a Person's Professional Dignity 2(34) 252
Monsonova A.R., Komissarova L.G. Self-Attitude as a Factor of the Development of Life Concept Orientations of College Students 2(34) 264
Nevstrueva T.H. The Problem of Identity in the Integrative Model of Personal Functioning 2(34) 245
Nevstrueva T.H., Pogorskaya V.A. Valuable Aspects of Subjective Well-Being of the Personality 2(34) 262
Nikitina L.I., Lezhenina A.A. Psychological Culture as a Factor of Successful Professional Activity of Specialists in Different Fields 2(34) 253
Postylyakova Ju.V. The Role of Value Orientations in the Development of Business Qualities of a Successful Manager 2(34) 261
Potaichouk Yu.V. Social and Professional Adaptation of Students of Far Eastern Secondary Special Educational Institutions in the Conditions of Modernization of Educational Institutions 4(36)
Pronyakova S.V. The Phenomenon of Deception and Lie Detection 2(34) 172
Proshina Z.G. Global and Local English in Asian Education 3(35) 95
Saran Kaur Gill Institutionalizing Industry and Community Engagement in Higher Education: Challenges and Recommendations across ASEAN and Asia 3(35) 117
Serkova N.I. Language Policy and Foreign Language Education in the Russian Far East and Pacific Rim Countries 4(36)
Soboleva T.N. Forming of Intellectual Operations of an Operator's Professional Abilities 2(34) 255
Sokolova D.A. Enrolment and Adaptation of Foreign Students at Universities in Republic of Korea 4(36)
Sokolskaya M.V. Professional Activity as a Factor of a Professional's Health 2(34) 251
Strelkov Y.K., Golovey L.A. Humanitarian Approach to the Study of a Professional 2(34) 244
Terekhova T.A. Meta-Analysis of Interrelation between Personality Innovation Potential and Social Capital 2(34) 247
2(34) 263

Vorobyeva I.A. Psychological Content of Concepts of Melancholy
Vorobyeva C.I. Time Transspective as Modeling of the Way of Life 2(34) 245
Vorobyeva C.I., Oparina N.M. Features of Semantic Sphere of a University Teacher with Different Orientation of Professional Activity 2(34) 259
Vyaznikova L.F. Psychological Potential of Anthropological-Oriented Approach in the Management of an Educational Institution 2(34) 246
Yanitskiy M.S., Ivanov M.S., Utyuganov A.A. Changing of Meaning Concepts of the Past, Present and Future as the Mechanism of Experience of Extreme Situation 2(34) 260
Zvenigorodskaya G.P. Understanding in the Context of Education: Phenomenological Optics 2(34) 246

Philology, Cultural Studies

Ivanova K.A. Types of Greetings in the Modern Chinese Language 1(33) 228
Krizhanovskaya I.A. The English Language as a Means of Indirect Research and Expression of Chinese Politeness 4(36)
Titova O.K. Vietnamese Loan-Words in English: Lingua-Cultural Characteristics 4(36)
Zabiyako A.A. The Role of the Archival Marginality in the Textual Practice of Literary Study of the Far East Abroad 1(33) 227

Научное издание

**СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ**

Научно-теоретический журнал № 4 (36) 2012

Под общей научной редакцией Ю.М. Сердюкова

Редактор *А.А. Иванова*
Технический редактор *Н.В. Ларионова*

Подписано в печать 11.01.2013 г. Поз. 12.4. Формат $60\times84^{1}/_{8}$.
Уч.-изд. л. 26,3. Усл. печ. л. 28,3. Зак. 295. Тираж 500 экз.

Издательство ДВГУПС
680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ КОНТЕКСТ РАСШИРЯЮЩЕГОСЯ МИРА

Викулова Л.Г. Становление института письменной речи в средневековой Франции: социокультурный и коммуникативный аспекты

Горелова О.А. Идиома с вермицидным эффектом (штрихи к портрету одного романского фразеологизма)

Горобец О.Б. Коммуникативное пространство регионального города в глобальном мире

Егорова А.С. К вопросу о лингвистической норме и отклонениях от нее в различных вариантах современного английского языка

Максимова Ю.С. К вопросу о способах номинации в описании коммуникативного поведения

Матвиенко Е.В. Исследование японских мифонимов, адаптируемых английским языком

Меграбова Э.Г. Единство противоположностей как основа образа Китая в журнале «NEWSWEEK» (лингвистический аспект)

Мутылина А.Ю. Языковые аспекты двуязычного общения русско-китайских билингвов

Ривлина А.А. О некоторых особенностях и лингвистических проблемах процесса формирования массового русско-английского билингвизма

Сассекс Р. Преподавание английского языка в России в 1940 г.: дисбаланс языка и культуры